

Януш Корчак
КОРОЛЬ МАТИУШ
ПЕРВЫЙ

Януш Корчак

Януш Корчак

КОРОЛЬ МАТИУШ ПЕРВЫЙ

Януш Корчак

**КОРОЛЬ
МАТИУШ**

Первый

**КОРОЛЬ
МАТИУШ**

*на необитаемом
острове*

Повести-сказки

КИШИНЕВ
ЛИТЕРАТУРА АРТИСТИКЭ
1986

84.8.4П
К 70

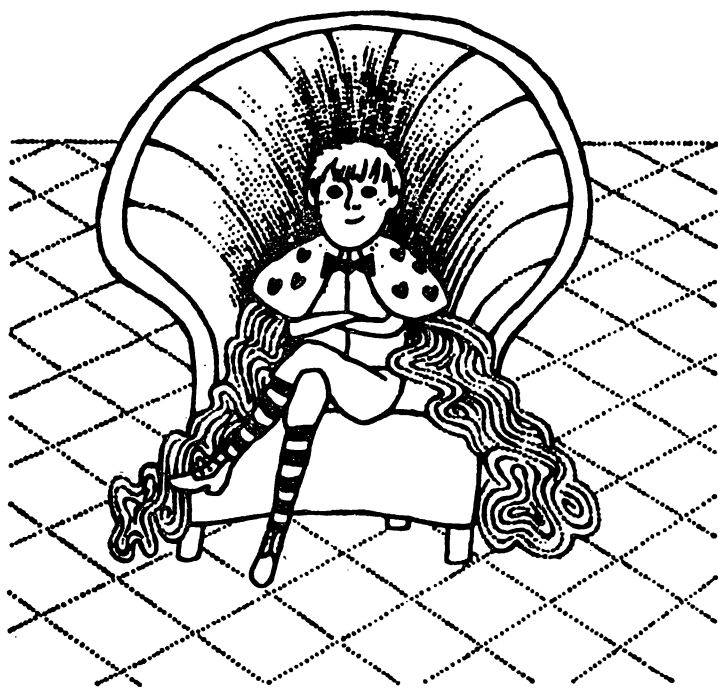
Сокращенный перевод с польского
Н. Я. Подольской
Послесловие *В. Смирновой*
Художник *В. Змеев*

Текст печатается по изданию:
Януш Корчак. Избранное.
Киев, «Радянська школа», 1983

К $\frac{4803020000-165}{M756(12)-86}$ 2—20—86 («Издательские новинки»)

© Оформление. Издательство
«Литература артистикэ», 1986

КОРОЛЬ МАТИУШ *Первый*

Дело было так.

— Если через три дня королю не станет лучше, можно всего ожидать, — сказал доктор. — Король тяжело болен, и если через три дня состояние его не улучшится, можно всего... всего ожидать, — повторил он.

Все опечалились, а главный министр, нацепив на нос очки, спросил:

— Что значит «можно всего ожидать»?

Доктор ничего более определённого не сказал, но все и так поняли: значит, король умрёт. Главный министр переполошился и созвал государственный совет.

Министры собрались в просторном аудиенц-зале и расселись в мягких креслах вокруг большого стола. Перед каждым из них лежал лист бумаги и два карандаша: один — простой, второй — с одного конца красный, с другого синий. А перед главным министром стоял ещё колокольчик.

Дверь заперли на ключ, чтобы никто не мешал. Зажгли свет и долго сидели молча. Наконец главный министр позвонил в колокольчик и сказал:

— Давайте посоветуемся, как быть. Король

болен и управлять государством не может.

Первым взял слово министр военный:

— Надо позвать доктора. Пусть скажет прямо: вылечит он короля или нет?

Военного министра все боялись: он носил саблю и пистолет. Поэтому ему никто не прекословил.

— Правильно, позвать сюда доктора! — единодушно согласились министры.

Послали за доктором, но он не мог прийти, так как ставил королю двадцать четыре банки.

— Ну что ж, придётся подождать, — сказал главный министр. — А пока давайте обсудим, что делать, если король умрёт.

— По закону, — заговорил министр юстиции, — престол переходит к его старшему сыну. Потому он и называется наследником престола. Итак, если король умрёт, на трон вступит его старший сын и наследник.

• — Но у нашего короля один сын.

— Этого вполне достаточно.

— Но Матиуш ещё совсем ребёнок! Вот так король, даже писать не умеет!

— Закон есть закон, — изрёк министр юстиции. — Такие случаи в истории известны. В Испании, Бельгии и некоторых других государствах бывало, что престол занимал малолетний монарх.

— Да, да, — поддакнул министр почт и телеграфа, — я даже марки видел с изображением короля-ребёнка.

— Помилуйте, господа, ведь это абсурд! Король, который не умеет ни читать, ни писать, не знает ни географии, ни грамматики!.. — возмутился министр просвещения.

— Я разделяю мнение уважаемого коллеги, — сказал государственный казначей. — Как же он будет проверять счета или отдавать рас-

поражения, сколько чеканить новых денег, не зная таблицы умножения?

— Это ещё полбеда, господа! — вмешался военный министр. — Короля-мальчишку никто слушаться не будет. Разве он справится с генералами и солдатами?

— Дело не только в солдатах, — мрачно сказал обер-полицмейстер, — его вообще никто не будет бояться. Начнутся беспорядки и бунты. Если Матиуша провозгласят королём, я слагаю с себя всякую ответственность.

— Об этом в законе ничего не сказано. — Министр юстиции побагровел от злости. — Повторяю: по закону после смерти короля престол переходит к его сыну.

— Но ведь Матиуш ещё совсем маленький! — хором воскликнули министры.

Атмосфера накалялась; казалось, вот-вот вспыхнет ссора, но тут двери широко распахнулись, и в зал вступил иноземный посол.

Министры оторопели: как чужестранец проник в запертый на ключ зал? Вот чудеса! Однако, как выяснилось потом, ничего таинственного в этом не было. Просто, когда ходили за доктором, забыли запереть дверь. Но по дворцу поползли зловещие слухи об измене: дескать, министр юстиции нарочно приказал оставить дверь открытой, потому что заранее знал о приходе знатного иностранца.

— Добрый вечер! — Посол раскланялся. — Именем моего августейшего повелителя и государя имею честь сообщить: если вы не провозгласите Матиуша королём, мы объявим вам войну.

У канцлера (то есть главного министра) душа ушла в пятки, но он с невозмутимым видом взял лежащий перед ним листок бумаги и написал синим карандашом:

Хорошо,
пусть будет
война

— и протянул записку иностранному послу.

— Я доложу об этом своему монарху! — важно сказал посол и с поклоном удалился.

Тут в зал вошёл доктор, и министры стали его умолять во что бы то ни стало спасти короля. Ведь смерть короля означала теперь войну и бедствия.

— Я уже перепробовал все лекарства, какие знал. Даже банки ставил... Я бессилён помочь королю. Но можно пригласить других докторов.

Как утопающий за соломинку, ухватились министры за этот совет. Любой ценой, но короля надо спасти! Тотчас из королевского гаража в разные концы города помчались автомобили за медицинскими светилами. А проголодавшиеся министры тем временем велели королевскому повару подать им ужин. Они ведь не знали заранее, сколько пробудут во дворце, и потому не пообедали дома.

Дворцовые лакеи расставили на столе серебряные блюда с изысканными кушаньями, бутылки с самыми лучшими винами. Повар из кожи вон лез, стараясь угодить министрам: он боялся, как бы после смерти короля его не прогнали из дворца.

Министры как ни в чём не бывало пьют, едят, оживленно беседуют, а рядом в зале собрались врачи.

— Королю необходимо сделать операцию, — решительно заявил один старый бородач.

— А я думаю, — возразил другой доктор, — больше помогут припарки.

— Порошки — вот единственное средство, которое спасёт короля! — изрёк знаменитый профессор.

— А может, капли? — робко вставил какой-то безвестный лекарь.

Каждый врач привёз с собой толстенную книгу, и в каждой книге по-разному было написано, как лечить такую болезнь.

Время шло. Министры клевали носами. Но хочешь не хочешь, а надо ждать, что скажут доктора.

Переполох, поднявшийся в ту ночь во дворце, разбудил Матиуша, маленького наследника престола.

«Пойду посмотрю, что там за шум», — подумал Матиуш и, соскочив с постели, наскоро оделся и выскользнул в коридор.

Перед дверью столовой он остановился — вовсе не для того, чтобы подслушивать, просто не мог дотянуться до ручки и открыть дверь. И вот что он услышал...

— Вино в королевских подвалах отменное! — раздался громкий голос казначея. — Выпьем-ка, друзья, еще по одной! Матиушу, если он будет королём, вино ни к чему — ведь детям пить не полагается.

— И сигар дети тоже не курят! — закричал министр торговли. — Предлагаю по этому случаю прихватить немного сигар с собой!

— Вот увидите, господа, если будет война, от этого дворца камня на камне не останется. Смешно думать, будто страну сумеет защитить маленький мальчик.

— За здоровье нашего защитника, его ве-

личества короля Матиуша Первого! — слышались пьяные крики и хохот.

Спросонья Матиуш не мог сообразить, о чём это они толкуют. Он знал, что из-за болезни отца министры часто теперь совещаются во дворце. Но почему они над ним, над Матиушем, смеются? Почему называют его королём? И о какой войне идёт речь?

Полусонный, испуганный Матиуш побрёл дальше по коридору и услышал из-за другой двери:

— А я утверждаю: король непременно умрёт. Никакие порошки и микстуры ему не помогут.

— Голову даю на отсечение: король не протянет больше недели.

Мальчик не дослушал. Опрометью бросился он бежать по коридору, пересек два просторных покоя и, запыхавшись, влетел в королевскую опочивальню.

Король-отец, очень бледный, лежал на кровати и часто-часто дышал. Возле него сидел добрый старый доктор, который лечил и Матиуша, когда тот болел.

— Папочка! Папочка! — заливаясь слезами, закричал Матиуш. — Я не хочу, чтобы ты умер!

Король приоткрыл глаза и устремил скорбный взгляд на сына.

— Я тоже не хочу умирать, — прошептал он. — Не хочу оставлять тебя одного на белом свете.

Доктор взял Матиуша на колени. Они просидели так довольно долго, не проронив ни слова.

И в памяти Матиуша всплыла такая картина: он сидит на коленях у отца, а на кровати лежит мама — бледная как полотно и часто-

часто дышит. «Значит, папа тоже умрёт», — подумал Матиуш.

У мальчика сердце сжалось от горя. И одновременно вспыхнули гнев и обида на министров: как они смеют смеяться над ним и над его умирающим отцом!

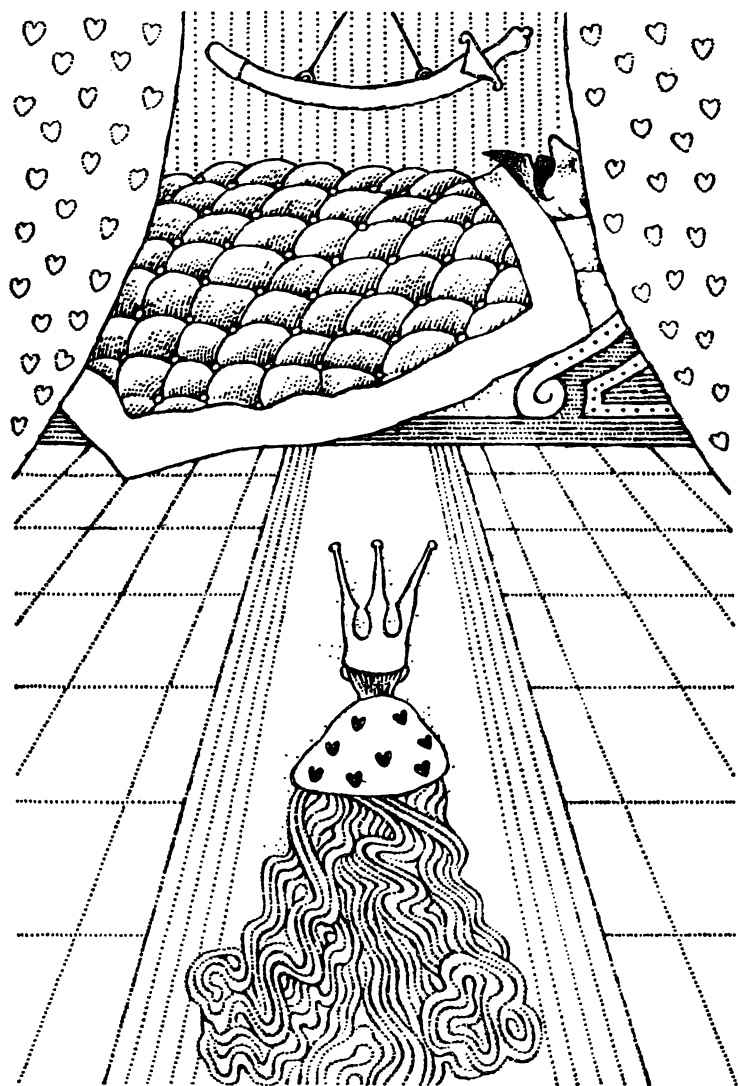
«Я им покажу, когда стану королём!» — пронеслось у него в голове.

Похороны устроили очень пышные. Фонари были обёрнуты чёрным крепом, звонили во все колокола, оркестр играл траурный марш. По улицам двигались пушки, маршировали солдаты. Благоухали цветы, за большие деньги выписанные из жарких стран. Народ оплакивал кончину любимого монарха. Газеты сообщали о тяжёлой утрате, постигшей страну.

Пригорюнившись, сидел Матиуш в детской. Предстоящая коронация его ничуть не радовала: ведь у него умер отец и он теперь круглый сирота.

Мальчик вспомнил маму — это она выбрала ему такое имя: Матиуш. Мама нисколько не кичилась своим королевским саном. Она играла с ним, строила дома из кубиков, рассказывала дивные сказки, они смотрели вместе книжки с картинками. С отцом Матиуш виделся реже — у него, как у всех королей, было дел по горло: то военные парады, то визиты иностранных королей, то сам он ездил за границу, а потом — бесконечные совещания, заседания, советы.

Но и отец, бывало, выкраивал для сына свободную минуту. Играл с ним в кегли, а то сядет верхом на лошадь, Матиуша на пони посадит, и они отправляются кататься по длинным аллеям дворцового парка. А теперь что? Неотступно, как тень, следует за ним повсюду гвернёр-иностранец с такой кислой физиономией,

будто только что выпил стакан уксуса. Да и вообще, разве быть королём так уж приятно? Пожалуй, нет. Вот если бы война, тогда другое дело, сражаться можно. А так...

Грустно сидеть одному в комнате, грустно смотреть, как за дворцовой оградой резвятся на свободе дети.

Ребят было семеро, и чаще всего играли они в войну. Верховодил весёлый коренастый паренёк, которого звали Фелеком. Он водил их в атаку, муштровал.

Сколько раз подмывало Матиуша окликнуть его и поболтать с ним хоть через решётку. Но подобает ли так поступать королю, он не знал. А потом, с чего начать разговор, что сказать ему?

По городу расклеили огромные афиши, которые гласили, что Матиуш вступил на трон и приветствует своих подданных, что министры остаются прежние и будут помогать малолетнему королю управлять государством.

В витринах магазинов выставили фотографии Матиуша: Матиуш верхом на пони, Матиуш в матроске, Матиуш в военном мундире, Матиуш на параде. Показывали Матиуша и в кино. Страницы иллюстрированных журналов в стране и за рубежом тоже пестрели изображениями Матиуша.

Его все любили. Взрослые жалели его, потому что он сирота. Мальчишкам льстило, что все слушаются их сверстника: даже генералы стоят перед ним навытяжку, а солдаты делают на караул. Девчонки, те по уши влюбились в миловидного маленького короля, снятого верхом на пони. Но больше всего любили его приютские дети.

Ещё при жизни королевы в приюты по большим праздникам посылались гостинцы. После

её смерти король приказал сохранить этот обычай. И теперь без ведома Матиуша дети продолжали получать к праздникам сладости и игрушки. Лишь много позже Матиуш понял: если в бюджете есть соответствующая статья, можно сделать людям много добра. А вот если нет такой статьи, пиши пропало.

Примерно через полгода после вступления Матиуша на трон популярность его, благодаря одному случаю, возросла ещё больше. Имя его было на устах у всех горожан. Всем пришёлся по душе поступок юного монарха.

А случилось вот что.

Матиуш долго приставал к старому доктору, чтобы тот разрешил ему гулять по городу. «Хоть раз в неделю отпускайте меня в городской сад, где играют обыкновенные дети. В королевском парке очень хорошо, но даже в самом расчудесном месте одному неинтересно и скучно», — убеждал его Матиуш.

Наконец доктор сдался и обратился к гофмейстеру с просьбой разрешить Матиушу три прогулки по городу с промежутком в две недели. Гофмейстер обратился в главное дворцовое управление, главное дворцовое управление ходатайствовало перед регентом созвать совет министров и изложить им просьбу короля.

Чудно, скажете вы, что королю так трудно выбраться на самую обыкновенную прогулку. Однако... дело оказалось ещё сложнее. Гофмейстер согласился поддержать просьбу Матиуша только из благодарности к доктору, который недавно вылечил его, когда он отравился рыбой. Но это ещё не все: главное дворцовое управление взялось за это в надежде получить деньги на постройку новой конюшни, которых оно давно и тщетно добивалось. Новая же конюшня была мечтой королевского регента. А

обер-полицмейстер дал согласие назло государственному казначею. Ведь за каждую королевскую прогулку полиции выдавали из казны по три тысячи дукатов, а санитарному управлению города — бочку одеколона и тысячу дукатов золотом.

Перед каждой королевской прогулкой двести рабочих и сто уборщиц подметали и наводили в саду порядок: красили скамейки, опрыскивали аллеи одеколоном, с деревьев и кустов вытирали пыль. За чистотой следил целый отряд врачей: всем известно, как вредны для здоровья грязь и пыль. А полиция следила, чтобы в сад не прошмыгнули хулиганы, имеющие обыкновение швырять камни, толкаться, драться и орать.

Матиуш был счастлив. В просто одетом мальчике никто не узнавал короля. И потом, кому могло прийти в голову, что король, как простой смертный, гуляет в обыкновенном саду. Обойдя два раза сад, Матиуш присел отдохнуть на площадке, где играли дети. Только он сел, как к нему подбегает девочка и говорит:

— Мальчик, хочешь играть с нами? — и, не дожидаясь ответа, взяла Матиуша за руку и повела в круг.

Они пели песенки, водили хоровод. В перерыве между играми девочка разговорилась с Матиушем.

— У тебя есть сестра?

— Нет.

— А кем работает твой папа?

— Мой папа умер. Он работал королём.

Девочка, конечно, подумала, что Матиуш шутит.

— Будь мой папа королём, я бы его попросила купить мне куклу до потолка, — засмеявшись, сказала она.

Из разговора выяснилось, что отец Иренки (так звали девочку) — начальник пожарной команды. И она очень любила пожарников, потому что они катали её на лошадях.

Матиуш с удовольствием побыл бы еще немножко в саду, но гулять было разрешено до четырёх часов двадцати минут сорока трёх секунд.

С нетерпением ждал Матиуш следующей прогулки, но в тот день, как назло, моросил дождь и, опасаясь за здоровье короля, его оставили дома. Наконец долгожданный день настал, и с Матиушем произошёл такой случай.

Когда он, как в прошлый раз, играл с девочками в классики, вдруг подходят мальчики, и один из них говорит:

— Смотрите, мальчишка, а с девчонками играет!

Все засмеялись. А Матиуш огляделся по сторонам и видит: действительно, ни один мальчик не играет в классики.

— Пойдём лучше играть с нами, — предложил один мальчик.

Матиуш пристально посмотрел на него и — о чудо! — узнал Фелека, того самого мальчика, с которым давно мечтал познакомиться.

Фелек оглядел Матиуша с головы до ног и от удивления даже закричал:

— Гляньте, да он вылитый король Матиуш!

Мальчишки вытаращили глаза. Матиушу стало не по себе, и он бросился бежать к своему адъютанту, который тоже гулял в обыкновенном костюме. И то ли от спешки, то ли от смущения Матиуш растянулся на земле и ободрал коленку.

Когда это стало известно, министры постановили: «Запретить королю гулять в городском саду. Воля короля для нас — закон, но поз-

волять его величеству гулять в обыкновенном саду, где к нему пристают и смеются над ним невоспитанные дети, нельзя. Это унижает королевское достоинство».

Узнав об этом, Матиуш очень огорчился и долго перебирал в памяти мельчайшие подробности этих двух прогулок. Как весело играть с обыкновенными детьми в обыкновенном саду! И он вспомнил о желании Иренки иметь куклу до потолка. С тех пор мысль о том, как осуществить её мечту, не давала ему покоя.

«Как же так? Ведь я — король, значит, все должны меня слушаться, а выходит наоборот: я всех слушаюсь, — рассуждал Матиуш сам с собой. — Между мной и другими детьми никакой разницы нет. Как все дети, я читаю и пишу. Мою уши и шею, чищу зубы. И таблица умножения, которую я учу, ничуть не легче той, которую учат другие дети. Какая же выгода быть королём?»

Матиуш взбунтовался и во время аудиенции твёрдым голосом потребовал у главного министра, чтобы Иренке купили куклу, самую большую, какая есть на свете.

— Ваше величество, соблаговолите выслушать, — начал главный министр.

Но Матиуш заранее знал, что этот несносный человек начнёт сейчас плести паутину непонятных слов. Он запутается в ней, как муха, и из затеи с куклой ничего не выйдет. К счастью, Матиуш вспомнил: однажды канцлер вот так же начал что-то плести отцу, а тот топнул ногой и сказал:

«Такова моя королевская воля!»

И по примеру отца Матиуш тоже топнул ногой и решительно заявил:

— Такова моя королевская воля!

Главный министр оторопело взглянул на

Матиуша, записал что-то в блокноте и пробормотал:

— Желание вашего величества будет изложено министрам.

О чём говорили министры на заседании, неизвестно. Оно проходило при закрытых дверях. Однако в результате вынесли решение: куклу купить. Министр торговли как угорелый два дня носился по магазинам в поисках куклы до потолка. Но ни в одном магазине такой куклы не оказалось. Тогда министр созвал всех фабрикантов. И один фабрикант взялся за большие деньги изготовить куклу за четыре недели. Когда кукла была готова, он выставил её в витрине своего магазина, снабдив такой надписью: «Поставщик двора его королевского величества изготовил эту куклу для Иренки, дочки начальника пожарной команды».

На другой день в газетах появились фотографии Иренки, куклы и пожарных, которые тушат пожар. Распространились слухи, будто король Матиуш очень любит смотреть на пожары. Кто-то даже написал в газету, что готов поджечь свой дом, лишь бы доставить королю удовольствие. А девочки засыпали Матиуша просьбами подарить им такие же куклы. Канцлер пришёл в ярость и строго-настрого запретил статс-секретарю показывать Матиушу эти письма.

Три дня перед магазином толпился народ: всем хотелось поглазеть на королевский подарок, а на четвёртый обер-полицмейстер приказал убрать куклу с витрины, так как она мешает личному движению.

Но в городе ещё долго толковали про диковинную куклу, которую король Матиуш подарил Иренке.

Матиуш вставал в семь часов утра, умывался, одевался, сам чистил ботинки и убирал постель. Такой порядок завёл при дворе его прадед, отважный Павел Завоеватель. Потом Матиуш выпивал ложку рыбьего жира и садился завтракать. На завтрак отводилось шестнадцать минут тридцать пять секунд. Так постановил великий дед Матиуша, добрый Юлиуш Благодравный. После завтрака Матиуш принимал министров в тронном зале — холодном и нетопленом. Прабабушка Матиуша, Анна Праведная, еще будучи ребёнком, однажды так сильно угорела, что её еле-еле спасли. И вот в назидание потомству записали в королевской хронике:

Отныне и впредь
в течение пяти-
сот лет в тронном
зале не делать печей.

Восседает Матиуш на высоком троне и от холода щёлкает зубами, а министры по очереди докладывают, что происходит в государстве. Известия, как правило, малоутешительные, поэтому слушать скучно и неприятно.

Министр иностранных дел сообщал, кто хочет с ними жить в мире, а кто — воевать, но говорил он так заумно и путано, что Матиуш ровным счётом ничего не понимал.

Военный министр перечислял, сколько крепостей обветшало, сколько вышло пушек из строя, сколько больных солдат.

Министр железных дорог доказывал, почему необходимо купить новые паровозы.

Министр просвещения жаловался: дети плохо учатся, опаздывают в школу; мальчики тайком курят, вырывают страницы из тетрадок, дерутся, бьют стёкла, швыряются камнями, а девочки дуются и ссорятся.

Государственный казначей сердито заявлял: королевская сокровищница пуста и не на что покупать новые паровозы и новые пушки.

После этого Матиуш час гулял в парке. Но что за радость гулять в одиночку? И он с удовольствием возвращался во дворец и принимался за уроки. Учился Матиуш хорошо. Он понимал: невежде трудно быть королём. И он быстро научился подписывать своё имя с замысловатой закорючкой. Кроме того, он ещё занимался французским и другими иностранными языками на случай, если придётся ехать в гости к чужеземным королям.

Матиуш учился бы ещё лучше, если б можно было спрашивать обо всём, что приходит в голову. Например, он долго размышлял, как бы изобрести увеличительное стекло, которое воспламеняет порох на расстоянии. Изобрести и объявить всем королям войну, а накануне генерального сражения взорвать неприятельские пороховые склады. И победа обеспечена. Ведь ни у кого не осталось бы и крупницы пороха. И он стал бы самым могущественным королём на земле. Но когда он поделился своими мыслями с учителем, тот пожал плечами с кислой миной и ничего не ответил.

В другой раз он спросил, почему сыну от отца не передаются ум и знания? Стефан Муд-

рый, отец Матиуша, был очень умный. Королевскую власть Матиуш от него унаследовал, а вот учиться приходится с азов, и ещё неизвестно, будет ли он знать столько, сколько отец. А как бы здорово получить в наследство заодно с короной и тронот от прадеда Павла Завоевателя мужество, доброту от Юлиуша Благонравного, от отца — ум и знания.

Но на этот вопрос он тоже не получил ответа.

Мечтал Матиуш и о шапке-невидимке. Надел шапку-невидимку и иди куда хочешь: никто тебя не увидит. Лёг бы в постель, сказав, что голова болит, днём бы выспался, а ночью отправился бродить по городу, витрины смотреть, в театр сходил бы.

Папа с мамой однажды взяли его с собой в театр на премьеру. Но он был тогда совсем маленьким и ничего не понял. Помнит только, что было очень интересно.

Будь у него шапка-невидимка, выбежал бы он за дворцовые ворота к ребятам, познакомился с Фелеком. И во дворце заглянул во все закоулки. На кухне посмотрел бы, как разные кушанья готовят, в конюшню к лошадям прокрался и всюду, куда его не пускают.

«Странно! — скажете вы. — Почему королю запрещают такие пустяки?» Дело в том, что короли обязаны строго соблюдать этикет. Этикет — это правила поведения, принятые при дворе, которые передаются из поколения в поколение. И захоти какой-нибудь король-высочка сделать что-то по-своему, его перестали бы бояться и уважать. Сказали бы: он уронил королевское достоинство и не уважает своего великого отца, деда, прадеда! Поэтому, если король задумал ввести новшество, он обращается к церемониймейстеру, который следит за соблю-

дением этикета и точно знает, что можно, а чего нельзя делать королям.

Как известно, Матиушу по этикету отводилось на завтрак шестнадцать минут тридцать пять секунд, потому что так поступал его дед. Тронный зал не отапливался — такова была воля его прабабушки. Но прабабушка давно умерла, и её не спросишь: можно ли поставить в зале печку?

Из-за любого пустяка, если это касается королевской особы, созывают министров, и они долго совещаются с умным видом. Так было с прогулкой Матиуша. Волокита отбивала всякое желание просить о чём-нибудь.

А Матиуш оказался ещё в худшем положении, чем его предки: этикет-то рассчитан на взрослых, а не на детей! Поэтому церемониймейстеру волей-неволей пришлось немного отступить от строгого, чопорного этикета. Так, вместо сладкого вина Матиушу давали две ложки противного рыбьего жира, а вместо газет приносили книжки с картинками.

Конечно, знай Матиуш столько, сколько отец, или имей он шапку-невидимку, тогда ещё бы стоило быть королём. А так что? Уж лучше бы родился обыкновенным мальчиком, ходил себе в школу, вырывал страницы из тетрадок да камнями кидался. «Хорошо бы поскорей научиться писать и послать Фелеку письмо. Фелек ответит, и получится, будто мы разговариваем», — подумал Матиуш.

И с тех пор он стал особенно прилежно переписывать из книжки стишки и рассказы. Он бы даже гулять не ходил, если бы позволили. Но опять мешал этот проклятый этикет: из тронного зала полагалось идти в парк. Двадцать лакеев стояли наготове, чтобы распахнуть перед юным королём дверь в сад. Отка-

жись Матиуш в один прекрасный день от прогулки, двадцать лакеев остались бы без дела.

«Тоже мне работа — дверь открывать!» — скажет несведущий человек. И вот, чтобы никто не подумал, будто у дворцовых лакеев райская жизнь, придётся рассказать, что... по утрам они принимают холодную ванну, потом придворный парикмахер причёсывает их, бреет, подстригает усы и бороды. Потом они тщательно чистят свою одежду, чтобы ни пылинки, ни пушинки не пристало. Триста лет тому назад, в царствование Генриха Свирепого, какая-то безмозглая блоха возьми да прыгни с ливреи своего хозяина на королевский жезл. Неряхе лакею отрубили голову, а гофмейстер лишь чудом избежал казни. И с той поры дворецкий в одиннадцать часов семь минут проверял, чистые ли у лакеев уши, шея, руки, а в тринадцать часов семнадцать минут являлся церемониймейстер. За незастёгнутую пуговицу полагалось шесть лет тюрьмы, за небрежную причёску — четыре года каторжных работ, за неловкий поклон — два месяца заключения на хлебе и воде.

«Станный народ эти взрослые. Лучше не связываться с ними, — твёрдо понял Матиуш. — А то ещё откопают в истории какого-нибудь королишку-домоседа, который носа на улицу не высовывал, и заставят меня брать с него пример. Тогда всё пропало! И никакого письма Фелек не получит».

Матиуш был способный, но главное — не способности, а сильная воля и упорство.

«Через месяц напишу Фелеку первое письмо», — решил он про себя. И, несмотря на разные помехи, ровно через месяц письмо было готово.

◆

Дорогой Фелек.

Я уже давно смотрю, как вы играете во дворе. Мне очень хочется поиграть с вами. Но мне не позволяют, потому что я король. Ты мне очень нравишься. Напиши, кто ты, я хочу с тобой дружить. Если твой отец военный, может, тебе разрешат приходить иногда в королевский парк.

Король Матиуш.

Тревожно билось у Матиуша сердце, когда он подозвал Фелека и просунул через решётку письмо.

Ещё сильнее сердце у него забилося, когда на другой день он тем же путём получил ответ.

..... → Король,

Мой отец сержант королевской гвардии. Мне очень хочется погулять в королевском парке. Король, я предан тебе душой и телом и готов защищать тебя до последней капли крови. Если тебе понадобится моя помощь, ~~только~~ только свисти, и я явлюсь по первому твоему зову.

Фелек.

Матиуш спрятал письмо на дно ящика, под книги, и стал учиться свистеть. Главное, всё сохранить в тайне, а пока придумать, что предпринять. Если открыто попросить, чтобы Фелеку

разрешили приходить в королевский парк, сразу начнутся расспросы: зачем, для чего, откуда Матиуш знает, как его зовут, где они познакомились? А если продолжать встречаться тайно... Брр, даже страшно подумать, что будет, если их накроют. Как ни кинь — всё клин! Будь отец Фелека хотя бы поручиком, а то сержант! Офицерскому сыну, может, разрешили бы играть с королём, а так — никакой надежды!

«Надо подождать,— решил Матиуш,— а пока научусь-ка я свистеть».

Если ты никогда не видел, как это делается, научиться свистеть совсем не просто. Но у Матиуша, как известно, была сильная воля, и ему это удалось.

И вот однажды он свистнул просто так, для пробы. И каково же было его изумление, когда через минуту словно из-под земли вырос Фелек.

— Как ты сюда попал?

— Перелез через забор,— ответил мальчик, стоя перед королём навтыяжку.

Король со своим новым другом юркнули в густой малинник, росший вдоль ограды, чтобы без помех решить, как им быть дальше.

— Знаешь, Фелек, какой я несчастный! С тех пор как я научился писать, мне приносят на подпись разные бумаги, и это называется у них управлять государством. На самом деле не я распоряжаюсь, а мной все командуют. Велят делать множество скучных, ненужных вещей, а всё интересное делают сами.

— Кто же эти мерзавцы, которые смеют командовать вашей милостью?

— Министры. Когда был жив отец, я слушался его...

— Тогда ты был его высочеством, наслед-

ным принцем, а отец твой — его величеством королём, а теперь...

— Теперь мне совсем худо. Ведь министров много, а я один!

— Они военные или штатские?

— Военный министр один.

— А остальные штатские?

— Что такое «штатские»?

— Ну, которые сабель и мундиров не носят.

— Значит, штатские.

Запихнув в рот пригоршню малины, Фелек глубоко задумался. А потом неожиданно спросил, есть ли в королевском саду вишни.

Матиуша несколько озадачил этот вопрос, но Фелек уже успел завоевать его расположение, и он сказал, что есть вишни и груши, и обещал передать Фелеку через забор, сколько он захочет.

— Ну, ладно, часто нам видеться нельзя, а то попадёмся. Будем делать вид, что мы незнакомы. А письма кладите, ваше величество, под забор. И про вишни не забудьте! Положите письмо, ваше величество, свистните, и я его возьму.

— А когда у тебя будет готов ответ, ты мне свистни, — обрадовался Матиуш.

— Короля свистом вызывать не годится, — возразил Фелек. — Я кукушкой буду кричать. Встану подальше от забора и — «ку-ку, ку-ку»!

— Хорошо, — согласился Матиуш. — Когда мы опять увидимся?

Фелек долго соображал что-то и наконец проговорил:

— Без разрешения мне сюда нельзя приходить. Мой отец за версту человека разглядит, недаром он в королевской гвардии служит. А он строго-настрога запретил мне даже близко подходить к забору. «Фелек, — сказал он, — не

вздумай вишни воровать в королевском саду, не то шкуру с тебя спущу».

Матиуш оторопел.

Вот тебе нá! С таким трудом найти друга — и чтобы по твоей вине с него шкуру содрали! Нет, это слишком большой риск.

— Как же ты вернёшься домой? — забеспокоился Матиуш.

— Вы уходите, ваша милость, а я уж что-нибудь придумаю.

Признав его совет разумным, Матиуш вылез из зарослей. И как раз вовремя: гувернёр-иностранец, обеспокоенный его исчезновением, так и зыркал по сторонам.

Высокая дворцовая ограда не мешала дружбе мальчиков. Но Матиуш часто вздыхал на осмотрах у доктора, который каждую неделю измерял его рост и взвешивал, чтобы знать, скоро ли король подрастёт. Матиуш жаловался на одиночество и однажды сказал военному министру, что хотел бы обучаться военному делу.

— Может, у вас есть на примете знакомый сержант, который давал бы мне уроки?

— Желание вашего величества овладеть военным ремеслом весьма похвально. Но почему вы хотите, чтобы это был непременно сержант?

— Не обязательно сержант, пусть сын сержанта.

Военный министр наморщил лоб и с важным видом записал что-то в блокнот.

Матиуш вздохнул безнадёжно: он заранее знал ответ министра.

— Желание вашего величества будет обсуждено на ближайшем заседании совета министров.

«Ничего путного из этого не выйдет: пришлют старого генерала», — подумал Матиуш.

Однако на этот раз дело неожиданно приняло иной оборот.

На ближайшем заседании на повестке дня стоял один вопрос — война. Три государства объявили войну Матиушу.

Прошёл день, второй, а Матиуш ничего не знал. О войне сообщил ему Фелек. Обычно, положив письмо, Фелек раза три кричал: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку», в этот день его «ку-ку» повторялось раз сто. И Матиуш догадался: значит, письмо очень важное. Но насколько важное, он, конечно, не подозревал. Их государство давно не воевало. Стефан Мудрый, его отец, умел жить в мире с соседями, и, хотя большой дружбы ни с кем не водил, до войны дело не доходило, а ему объявить войну никто бы не отважился.

Три государства объявили вашему величеству войну, — писал Фелек. — Мой отец давно сулил выпить на радостях при первом известии о войне. Я жду, когда он напьется, потому что нам необходимо увидеться.

Всё понятно: соседи захотели воспользоваться неопытностью короля. И Матиуш решил доказать им, что они просчитались: он хоть и маленький, сумеет защитить свою страну не хуже большого.

Война!

У Матиуша кровь взыграла — недаром он был правнуком отважного Павла Завоевателя!

Вот когда бы пригодилось увеличительное стекло, воспламеняющее на расстоянии порох, и шапка-невидимка!

Матиуш ждал, когда его пригласят на чрезвычайное заседание и он, как монарх, возьмёт бразды правления в свои руки. Но заседание

состоялось ночью, и Матиуша не позвали.

А утром, как всегда, явился на урок гувернёр-иностранец.

Матиуш знал: по придворному этикету королю неприлично капризничать, упрямитесь и злиться, особенно в такой ответственный момент, как сейчас. Поэтому он только грозно нахмурил брови и, взглянув на себя в зеркало во время урока, подумал: «Я похож на Генриха Свирепого!»

С нетерпением ждал Матиуш того часа, когда министры обычно являлись к нему с докладом. Вообразите его возмущение, когда церемониймейстер объявил, что сегодня аудиенция отменяется.

— Я требую, чтобы военный министр немедленно явился в тронный зал! — побледнев от гнева, твёрдо сказал он.

Слово «военный» Матиуш произнёс таким тоном, что церемониймейстер насторожился: похоже, юному королю всё известно.

— Военный министр на заседании.

— Тогда я сам пойду к нему, — заявил Матиуш и направился в аудиенц-зал.

— Ваше величество, извольте подождать минутку, — чуть не плача, взмолился старик. — Сжальтесь надо мной! Я головой отвечаю за порядок во дворце. У меня будут крупные неприятности.

Матиушу стало жаль старика. Ведь никто не знал лучше него, что можно делать королю, а чего нельзя. Часто долгими зимними вечерами, сидя у камина, Матиуш затаив дыхание слушал рассказы старика о короле-отце, короле-матери, о балах и театральных представлениях, парадах и манёврах.

Кроме того, Матиуша мучили угрызения совести. Тайная переписка с сыном сержанта,

ворованные вишни и малина — всё это не давало ему покоя. «Конечно,— рассуждал он,— сад принадлежит мне, и ягоды я рвал не для себя, а для других. Но делать это украдкой, исподтишка — нехорошо. Вдруг я обесчестил этим поступком своих великих предков?»

Слёзы старика тронули Матиуша. И доброта чуть его не погубила: он уже готов был пойти на попятный. Но вовремя опомнился и, сделав над собой усилие, нахмурился и холодно сказал:

— Так и быть, даю вам десять минут.

Церемониймейстер опрометью выбежал вон. Во дворе поднялся переполох.

— Откуда Матиуш узнал о войне? — недоумевал министр юстиции.

— Чего этот сопляк всюду суёт свой нос! — возмущённо воскликнул канцлер.

— Господин канцлер, не забывайте,— одёрнул его министр юстиции.— Закон запрещает на официальных заседаниях отзываться столь неуважительно о королевской особе. В частной беседе можете говорить что угодно, но сейчас вы — официальное лицо. О чём вы думаете, никого не касается, но вслух говорить об этом вы не имеете права.

— Но совещание было прервано,— оправдывался насмерть перепуганный канцлер.

— Тогда следовало объявить перерыв, а вы этого не сделали.

— Простите, я забыл.

Военный министр посмотрел на часы.

— Господа, его величество король дал нам десять минут на размышления. Четыре минуты уже прошло. Давайте не терять время на ссоры. Как старый солдат, я привык подчиняться приказам.

Канцлер трусил даром. Ведь это он написал синим карандашом:

«Хорошо, пусть будет война».

Быть храбрым на словах ничего не стоит, а вот расхлёбывать кашу, которую заварил, не так-то просто. Что ответить, если король спросит, зачем он так написал?

После смерти Стефана Мудрого все министры были против вступления Матиуша на престол. Однако теперь они втайне радовались, что канцлер попал впросак. Так ему и надо! Пусть не важничает и не распоряжается в государстве, как у себя дома.

Судьба самого государства никого не интересовала. Все были озабочены лишь тем, как бы свалить вину на другого за то, что от короля утаили такое важное известие.

— Господа, осталась одна минута, — вставая, промолвил военный министр.

Он застегнул верхнюю пуговицу, поправил ордена на груди, покрутил ус, взял револьвер со стола и минуту спустя навтыяжку стоял перед королём.

— Значит, война? — тихо спросил Матиуш.

— Так точно, ваше величество.

У Матиуша словно гора с плеч свалилась. Он тоже волновался: «А вдруг Фелек напутал? Вдруг это неправда? Или просто шутка?»

Но короткое «так точно» не оставляло места для сомнений. Война, и притом серьёзная. Они хотели от него это скрыть, но Матиуш сам обо всём узнал. А как — это тайна.

— Экстренный выпуск последних известий! Правительственный кризис! — спустя час кричали на перекрёстках мальчишки-газетчики. Это значит — министры поссорились.

Причина правительственного кризиса заключалась в следующем. Канцлер оскорбился и

заявил, что слагает с себя полномочия, то есть отказывается быть главным министром.

Министр железных дорог сказал: для перевозки войска не хватит паровозов. Министр просвещения сказал: все учителя уйдут на войну, и мальчишки совсем от рук отобьются — будут стёкла бить, ломать парты. Поэтому он тоже больше не хочет быть министром.

На четыре часа назначили чрезвычайное заседание совета министров.

Воспользовавшись переполохом, Матиуш выскользнул в парк и два раза пронзительно свистнул. Но Фелек не появился.

Необходимо с кем-то посоветоваться. На нём лежит огромная ответственность. «Что делать? Как быть?» — ломал он себе голову и, не находя ответа, в отчаянии расплакался.

Вконец измученный, Матиуш прилёг на траву, положил голову на берёзовый пенёк и заснул.

И приснился ему сон. Будто на троне сидит отец, а перед ним навывтяжку стоят все министры. Вдруг в тронном зале пробили часы, которые испортились, кажется, лет четыреста назад, и в зал торжественно вступил церемониймейстер, а за ним четыре лакея с золотой короной. Отец подозвал к себе Матиуша и протянул ему корону с такими словами: «Передаю тебе свою корону и свой ум, потому что корона без разума — кусок золота, который может принести большой вред людям». Сказал и положил Матиушу руку на плечо.

Тут Матиуш проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо, говоря:

— Ваше величество, скоро четыре часа.

Матиуш поднялся с земли, на которой так сладко спал, и — странное дело! — отчаяния и растерянности как не бывало. Он не подозревал,

что не одну ночь проведёт ещё на голой земле, под открытым небом и надолго расстанется с роскошным королевским ложем.

Сон сбылся: Матиуш возложил на голову корону, но подал её не отец, а церемониймейстер. Ровно в четыре часа Матиуш позвонил в колокольчик и произнёс:

— Господа, объявляю заседание открытым!

— Прошу слова, — сказал канцлер.

Он произнёс длинную, нудную речь, которая сводилась к тому, что ему весьма прискорбно покидать юного короля в столь тяжёлых обстоятельствах, но он болен и поэтому уходит в отставку.

Примерно то же самое повторили за ним четыре министра.

Матиуш несколько не растерялся и спокойно, но твёрдо сказал:

— Господа, причины у вас бесспорно уважительные. Но на время войны придётся забыть о болезнях и усталости. Вы, господин канцлер, в курсе всех дел и уйти сейчас в отставку никак не можете. Вот выиграем войну — тогда поговорим.

— Но в газетах уже сообщили о моей отставке.

— А теперь сообщат, что по моей просьбе вы остаётесь на своём посту.

«По моему приказанию», — чуть не вырвалось у Матиуша, но, видно, отцовский разум подсказал ему вместо слова «приказ» слово «просьба».

— Господа, наш священный долг — защищать родину.

— Значит, ваше королевское величество собирается воевать одновременно с тремя государствами? — спросил военный министр.

— А вы думали, внук Павла Завоевателя запросит пощады?

Министры не ожидали услышать такой ответ. А главное, канцлер был польщён, что сам король просит его не уходить в отставку. Он немного поломался для вида, но в конце концов согласился.

Когда совещание кончилось — а продолжалось оно очень долго, — мальчишки-газетчики опять разбежались по городу.

— Экстренный выпуск последних известий! Правительственный кризис ликвидирован! — кричали они.

Это значило — министры помирились.

Матиуш был разочарован: на заседании ни словом не обмолвились о том, что он, Матиуш, обратится к народу с воззванием, а потом на белом коне поскачет во главе отважной армии на войну.

Вместо этого они толковали о каких-то пустяках: о железных дорогах, деньгах, сухарях, о сапогах для солдат, о сене, овсе, говядине да свинине, будто речь шла не о грядущих битвах, а о чём-то совсем будничном.

Матиуш много слышал о минувших сражениях, а о современной войне понятия не имел. Но скоро ему самому предстояло убедиться, какая связь существует между сухарями, сапогами и войной.

Разочарование и беспокойство Матиуша возросли ещё больше, когда на другой день в обычный час явился на урок гувернёр.

Но не прошло и пол-урока, как Матиуша позвали в тронный зал.

— Послы тех государств, которые объявили нам войну, уезжают.

— Куда?

— На родину.

«Чудно, представители вражеских держав преспокойно уезжают домой, как будто ничего не случилось! — недоумевал Матиуш.— Но, пожалуй, даже лучше расстаться с ними по-хорошему».

— А зачем они явились?

— Попроцаться с вашим королевским величеством.

— А какой у меня должен быть вид — оскорблённый или разгневанный? — тихо спросил он у церемониймейстера, чтобы не слышали лакеи, а то они перестали бы его уважать.

— Нет, будьте любезны и приветливы. Впрочем, не беспокойтесь, они сами знают, как вести себя в подобных случаях,— вывел его из затруднения церемониймейстер.

Двери широко распахнулись, и в зал величественно вступили чужеземные послы. «Без стражи, без наручников и кандалов»,— с удивлением отметил про себя Матиуш.

— Прощайте, ваше королевское величество! Очень прискорбно, что дело дошло до войны. Мы со своей стороны приложили все усилия, чтобы избежать этого. Но увы, наши старания не увенчались успехом. С сожалением возвращаем ордена — нам не пристало носить ордена враждебной державы.

Церемониймейстер взял у послов ордена.

— Соблаговолите, ваше величество, принять выражение искренней благодарности за гостеприимство, оказанное нам в вашей замечательной столице. У нас сохранятся о ней самые отрадные воспоминания. Мы не сомневаемся, что в ближайшее же время досадное недоразумение будет ликвидировано и наши страны по-прежнему заживут в мире и согласии.

Матиуш встал и с достоинством промолвил:

— Передайте вашим королям: я рад войне и постараюсь поскорее разбить вас, а условия мира предъявлю необременительные. Так всегда поступали мои великие предки.

Послы низко поклонились. Один незаметно усмехнулся.

— Аудиенция окончена! — объявил церемониймейстер, трижды ударив серебряной булавой об пол.

Напечатанное во всех газетах обращение Матиуша к послам вызвало у населения восторг. Перед дворцом собралась огромная толпа. Восторженные крики «ура» сотрясали воздух.

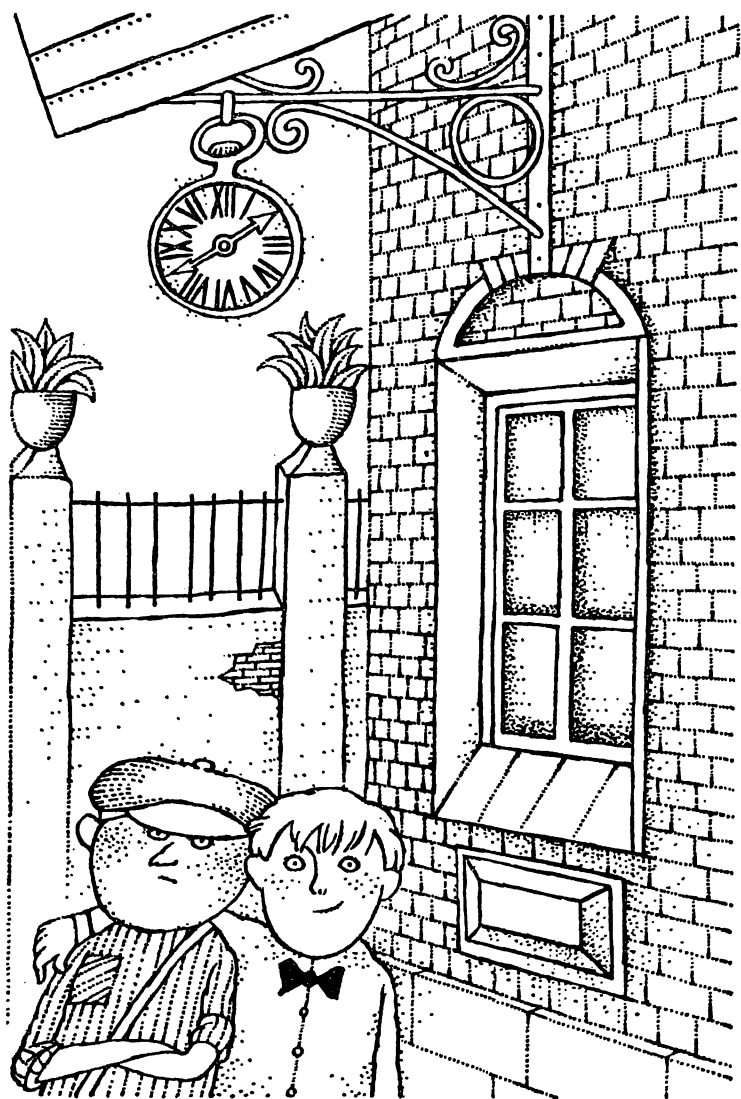
Напрасно Матиуш прождал три дня. Ничего не изменилось. «Король во время войны зубрит грамматику, пишет диктанты и решает задачи — на что это похоже!» — возмущался он.

Огорчённый, сбитый с толку, слонялся он по саду, как вдруг услышал знакомое «ку-ку».

И в следующее мгновение уже держал в руках долгожданное письмо от Фелека.

Я еду на фронт. Отец сдержал обещание только наполовину: напился, но спать не лёг, а стал собираться в дорогу. Не найдя фляжки, перочинного ножа и патронташа, он решил, что это я украл, и всыпал мне по первое число. Сегодня или завтра ночью я удеру из дома. Я был на вокзале. Солдаты обещали взять меня с собой. Если у вашего королевского величества есть какие-нибудь поручения, буду ждать в семь часов. Очень пригодились бы колбаса на дорогу, желательна копчёная, бутылка водки и табак.

Неприятно украдкой, как воришка, удирать из дома, особенно если ты не простой мальчик, а король. Ещё неприятней потихоньку прокра-

дываться в столовую, залезать в буфет и впопыхах хватать первое, что попадёт под руку: бутылку коньяка, банку икры и большой кусок лососины.

«Ничего не поделаешь, война есть война,— утешал себя Матиуш.— На войне свои законы».

Матиуш был печален, а Фелек так и сиял от счастья.

— Коньяк даже лучше водки,— говорил он.— А что табака нет — тоже не беда.

Фелек, оказывается, засушил листья, а на фронте ему, как и всем солдатам, выдадут табак. Всё хорошо. Жалко только, что главнокомандующий — растяпа.

— Растяпа? А кто назначен главнокомандующим?

Кровь ударила Матиушу в голову. Опять министры обманули его! Оказывается, войска уже неделю как выступили в поход, было даже два сражения — не очень удачных для наших. А во главе войска поставили старого генерала, которого отец Фелека, когда изрядно выпил, назвал растяпой и олухом. Ах вот как! Министры воображают, что они свозят Матиуша разок-другой на фронт, и вдобавок в безопасное место, как на экскурсию. Он будет прилежно зубрить грамматику и решать задачки, а народ за него — кровь проливать! А когда привезут в столицу раненых, ему милостиво разрешат навестить их. И во главе похоронной процессии, если убьют генерала, тоже пойдёт Матиуш,— это ему можно.

«Значит, народ будет защищать меня, а не я его?»

А королевское достоинство? А честь? Что подумает о нём Иренка? Покупать девчонкам кукол до потолка ему можно, а идти на войну

нельзя. Нет, господа министры, вы глубоко ошибаетесь, Матиуш не таков!

Матиуш схватил Фелека за плечо, когда тот запихивал в рот пятую пригоршню малины.

— Фелек!

— Слушаюсь, ваше королевское величество!

— Хочешь быть моим другом?

— Так точно, ваше королевское величество!

— Фелек, я сообщу тебе тайну. Только смотри не проболтайся.

— Есть, ваше величество, не проболтаться!

— Сегодня ночью я вместе с тобой убегу на фронт.

— Есть, ваше величество!

— Давай поцелуемся!

— Есть поцеловаться!

— Говори мне «ты».

— Есть говорить вашему величеству «ты»!

— С этой минуты я больше не король. Погоди, какое бы придумать себе имя? Ага! Томек Пальчик. Тебя зовут Фелек, а меня — Томек.

— Есть! — сказал Фелек, чуть не подавившись большим куском лососины.

Они условились: сегодня в два часа ночи Матиуш будет ждать Фелека у дворцовой ограды.

— Послушай, Томек, на двоих провизии нужно вдвое больше.

— Ладно, — буркнул Матиуш недовольно. Ему показалось, что в такой ответственный момент думать о еде недостойно.

Гувернёр брезгливо поморщился, заметив на щеке Матиуша красное пятно — след перепачканных малиной Фелековых губ, но ничего не сказал: в королевском дворце тоже ощущалось веяние войны.

Скандал! Из королевского буфета пропала

вчера только откупоренная бутылка коньяка, колбаса высшего сорта и половина лосося. Эти лакомства предназначались для гувернёра — такое условие он поставил покойному королю, когда нанимался учить наследника престола. И вот сегодня, впервые за всё время, он будет лишён этого! Как ни старался повар, сделать ничего не удалось. Ещё бы! Нужно ведь писать прошение, на нём главный управитель дворцового хозяйства должен поставить печать, потом ключарь подписать, и только тогда главный хранитель королевских подвалов выдаст новую бутылку коньяка. А если кто-нибудь заартачится и не подпишет прошения до окончания следствия по делу о пропаже, тогда прощай любезный коньяк на месяц, а то и больше.

Обозлённый гувернёр налил Матиушу рюмку рыбьего жира и на пять секунд раньше, чем полагалось по этикету, отослал спать.

— Томек, ты?

— Я. Это ты, Фелек?

— Ага! Темно, чёрт возьми! На часовых бы не наскочить!

Матиуш не без труда влез на дерево, а с дерева — на забор, а с забора спрыгнул на землю.

— Король, а неловкий, как девчонка! — проворчал себе под нос Фелек, когда Матиуш плюхнулся на землю и издали послышался окрик часового:

— Стой! Кто идёт?

— Не отвечай! — прошипел Фелек.

Падая с забора, Матиуш ободрал кожу на руке: первое ранение на этой войне.

Пригибаясь к земле, перебежали они через дорогу, скатились в ров и под носом у часовых проползли до тополевой аллеи, которая вела

к казармам. Казарму обогнули справа. Ориентиром им служила электрическая лампочка, горевшая над гауптвахтой. Потом миновали мостик и вышли на шоссе, которое привело их напрямёхонько на вокзал.

Там взору представилась картина, воскресившая в памяти Матиуша рассказы о минувших войнах. Всюду, насколько хватал глаз,— костры, у огня солдаты беседуют или спят, в котелках кипит вода.

Матиуша нисколько не удивила лёгкость, с какой Фелек среди этой неразберихи вёл его кратчайшим путём к своему отряду. Он думал, все мальчишки-некоролы такие. Но Матиуш ошибался, Фелек превосходил даже самых ловких и находчивых.

Сутолока, толчая, каждый час прибывают новые и новые отряды, которые передвигаются туда-сюда: одни к железнодорожным путям, другие ищут удобного места для ночлега. Заблудиться ничего не стоит. Фелек несколько раз останавливался в нерешительности. С тех пор как он был здесь днём, многое изменилось. Тут вот стояли пушки, а сейчас их увезли на фронт. На месте пушек расположился полевой госпиталь. Сапёры подались ближе к железнодорожному полотну, а там, где стояли они, суетились телеграфисты. Часть луговины, где расположились лагерем войска, заливал яркий свет прожекторов, другая тонула во мраке. Как назло, стал накрапывать дождь, трава была вытоптана, и ноги вязли в липкой грязи.

Матиуш устал, ему хотелось передохнуть, но он боялся отстать от Фелека, а тот не шёл, а бежал, расталкивая встречных.

— Кажется, здесь,— прищурясь, сказал Фелек. Вдруг взгляд его упал на Матиуша.— А где твоё пальто?

— Висит в королевском гардеробе.

— И рюкзак не взял? Ну, знаешь, так отправляются на войну только растяпы,— вырвалось у Фелека.

— Или герои,— ответил Матиуш с достоинством.

Фелек прикусил язык: как-никак Матиуш — король. Но Фелек был страшно зол: и дождь некстати пошёл, и знакомые солдаты, обещавшие спрятать его в вагоне, куда-то подевались, и ещё этот Матиуш, который даже не знает, что надо брать в дорогу. У него, Фелека, хоть он и получил нахлобучку от отца, и фляга есть, и перочинный нож, и ремень — всё, что полагается иметь настоящему солдату. А Матиуш — вот ужас-то! — в лакированных туфлях, на шее зелёный галстук. Криво повязанный в спешке, грязный, как тряпка, этот злополучный галстук придавал его внешности нечто комическое, и если бы не тревожные мысли, Фелек наверняка бы расхохотался.

— Фелек! Фелек! — позвал вдруг кто-то.

И к ним подошёл рослый парень, видно, тоже доброволец, но в шинели он выглядел как заправский солдат.

— Я жду тебя здесь. Наши уже на вокзале, через час посадка. Скорей!

«Ещё скорей», — ужаснулся Матиуш.

— А это что за франт? — спросил верзила, указывая на Матиуша.

— Долгая история! Потом расскажу. Пришлось с собой взять.

— Хорошенькое дело! Кабы не я, и тебя бы не взяли, а ты ещё этого щенка приволок.

— Заткнись! — рассердился Фелек. — Он мне бутылку коньяка дал,— прибавил он шёпотом, чтобы Матиуш не расслышал.

— Дашь глотнуть?

— Посмотрим.

Три добровольца долго шли молча. Старший злился на Фелека за своеволие. Фелек понимал, что влип в глупейшую историю, и ему было не по себе. А Матиуш чувствовал себя смертельно оскорблённым и, если не обещание молчать, показал бы этому бродяге, как короли отвечают на оскорбление.

— Слушай, Фелек. — Провожатый вдруг остановился. — Если ты сейчас же не отдашь мне коньяк, иди один. Я за тебя замолвил словечко, и ты обещал слушаться. Что будет дальше, если ты с самого начала задаёшься.

Вспыхнула ссора, и дело неминуемо кончилось бы дракой, но тут взорвался ящик с ракетами. Видно, по неосторожности слишком близко поднесли огонь. Две артиллерийские лошади испугались и понесли. Началась паника, воздух прорезал чей-то пронзительный вопль. Когда суматоха немного улеглась, мальчики увидели своего провожатого в луже крови с перебитой ногой.

Они остолбенели. Что война — это смерть, раны, кровь, они знали, но им казалось, это где-то далеко, на поле боя.

— Что за беспорядок, почему здесь дети? — ворчал какой-то человек — наверно, врач, — отпихивая их в сторону. — Ну, так я и знал: доброволец. Сидел бы ты, сопляк, дома да соску сосал, — бормотал врач, разрезая ножницами штанину.

— Томек, ходу! — шепнул Фелек, заметив вдали двух жандармов, сопровождавших санитарок с носилками.

— А его оставим одного? — робко спросил Матиуш.

— Ну и что? Его отправят в госпиталь. Он теперь не солдат.

Они притаились за палаткой. Через минуту на месте происшествия никого не было — валялся только башмак, забытая санитарями шинель раненого, да алела смешанная с грязью кровь.

— Шинель пригодится, — сказал Фелек. — Отдам, когда выздоровеет, — прибавил он в своё оправдание. — Скорей на вокзал! И так сколько времени потеряли!

Когда они с трудом протиснулись на перрон, в роте шла переключка.

— Не расходиться! — уходя, приказал молодой поручик.

Фелек рассказал солдатам про случай с парнем и не без внутреннего трепета представил им Матиуша.

— Поручик на первой же станции вышвырнет его из вагона. Когда мы ему о тебе сказали, он недовольно поморщился.

— Эй, вояка, сколько тебе лет?

— Десять.

— Дело дрянь! Хочешь, лезь под лавку. Только поручик всё равно тебя вышвырнет, и нам из-за тебя попадёт.

— Пусть только попробует вышвырнуть, сам пешком пойдёт! — негодуяще крикнул Матиуш.

Его душили слёзы. Он, король, который должен был, осыпаясь цветами, на белом коне во главе войска покинуть столицу, чтобы исполнить свой священный долг — встать на защиту родины и народа, вместо этого, как преступник, тайком удирает из дворца и ещё добавок терпит оскорбления.

Коньяк и лососина смягчили сердца солдат, и лица их прояснились.

— Коньяк прямо королевский! А лососина так и тает во рту! — нахваливали солдаты.

Не без злорадства наблюдал Матиуш, как коньяк иностранного гувернёра с бульканьем льётся в солдатские глотки.

— Глотни и ты, малыш! Посмотрим, годишься ли ты в солдаты.

Наконец-то Матиуш отведал королевский напиток!

— Долой учителей! — провозгласил он, вспомнив, как гувернёр поил его рыбьим жиром.

— Э, да он бунтовщик! — отозвался молодой капрал. — Кого это ты мучителем называешь? Уж не Матиуша ли? Будь осторожен, сынок! За одно такое словечко можно пулю в лоб заработать!

— Король Матиуш не мучитель! — горячо запротестовал Матиуш.

— Он ещё мал, а каков будет, когда вырастет, неизвестно.

Матиуш хотел ещё что-то сказать, но Фелек ловко перевёл разговор на другое:

— Идём мы, значит, а тут как бабахнет! Я думал, с аэроплана бомбу сбросили. А это ящик с ракетами взорвался. Потом с неба разноцветные звёзды посыпались...

— На кой чёрт им ракеты на войне?

— Путь освещать, когда нет прожекторов.

— Рядом тяжёлая артиллерия стояла. Лошади испугались — и прямо на нас! Мы с ним отскочили, а тот не успел...

— Рана-то серьёзная?

— Крови лужа целая натекла. Его сразу унесли.

— Эх, война, война... — вздохнул кто-то. — Коньяк-то ещё остался? И поезда что-то не видать.

Но тут, с шипением выпуская пар, подошёл паровоз. Поднялась суматоха, беготня, гомон.

— Отставить посадку! — на бегу кричал поручик.

Но голос его потонул в общем шуме.

Словно мешки, забросили солдаты мальчишек в вагон. Слышался испуганный храп упиравшихся лошадей, ругань, скрежет — не то отцепляли, не то прицепляли вагоны. Наконец поезд тронулся. Вдруг — трах! — раздался треск, и опять вернулись на станцию.

Кто-то вошёл в вагон с фонарём, выкрикивая фамилии, проверяя, все ли на месте. Потом солдаты побежали с котелками за похлёбкой.

Матиуш видел и слышал всё как сквозь сон, у него слипались глаза. И он не заметил, как поезд тронулся. Проснувшись, он услышал мерный перестук колёс. Поезд шёл полным ходом.

«Едем», — подумал король Матиуш и снова заснул.

В тридцати вагонах ехали солдаты, на двух открытых платформах везли автомобили и пулемёты, а в единственном спальном вагоне разместились офицеры.

Матиуш проснулся с головной болью. Ныла ушибленная нога, спина, болели глаза. Руки были липкие, грязные, и нестерпимо чесалось всё тело.

— Вставайте, зайцы, похлёбка остынет!

Матиуш, не привыкший к грубой солдатской пище, с трудом проглотил несколько ложек.

— Ешь, брат, что дают! Разносолов не будет, — уговаривал его Фелек, но это не действовало.

— Голова болит.

— Слушай, Томек, не вздумай болеть... — тревожно зашептал товарищ. — На войне болеть не полагается.

Вдруг Фелек стал яростно чесаться.

— Старик был прав,— пробормотал он,— уже грызут, проклятые... А тебя не кусают?

— Кто? — спросил Матиуш.

— «Кто, кто!» Блохи. А может, и похуже что. Старик сказал: на войне страшны не пули, а эти паразиты.

Матиушу пришла на память история злополучного королевского лакея, и он подумал: «Интересно, как выглядят эти насекомые, которые привели в такую неистовую ярость моего великого предка». Но предаваться размышлениям было некогда.

— Ребята, прячьтесь, поручик идёт! — раздался вдруг голос капрала.

Их затолкали в угол и прикрыли сверху шинелями.

После проверки обмундирования кое у кого обнаружили лишние вещи. Один солдат, по профессии портной, взялся от нечего делать сшить для наших добровольцев солдатскую форму.

Хуже обстояло дело с сапогами.

— Послушайте, ребята, вы всерьёз решили воевать?

— А то как же?

— Пешком придётся много топать, вот что. Поэтому после винтовки для солдата главное — сапоги. Пока ноги целы, и горюшка мало, а пятку натёр — пропащий ты человек. Крышка тебе. Каюк.

Солдаты лениво переговаривались, а поезд медленно продвигался вперёд. По часу и больше простаивал он на станциях. Чтобы пропустить эшелон поважней, их отводили на запасный путь. Случалось, возвращали назад на станцию, которую они только что покинули, а то и останав-

ливали в чистом поле, за несколько километров от жилья.

Иногда солдаты пели песни, в соседнем вагоне кто-то играл на гармошке. На стоянках даже плясали. Для ребят, которым не разрешалось выходить из вагона, время тянулось особенно медленно.

— Не высовывайтесь, поручик идёт! — слышалось то и дело.

Матиуш чувствовал себя таким усталым и разбитым, будто по крайней мере в пяти сражениях побывал. Хотелось спать, но мешал зуд; выйти на свежий воздух нельзя, а в вагоне душно.

— Знаете, почему мы так долго стоим? — спросил один солдат, весёлый, бойкий парень, который всегда приносил свежие новости.

— Небось мост взорван или пути повреждены.

— Мосты наши охраняют — будь здоров!

— Значит, угля не хватило, не рассчитали, сколько потребуется.

— Может, диверсанты паровоз испортили?

— Вот и нет! Все эшелоны задержаны, потому что королевский поезд должен проследовать.

— А кто же, чёрт побери, поедет в нём? Уж не Матиуш ли, наш король?

— Только его там не хватало.

— Не нашего ума это дело. Король знает, что делает.

— Теперь короли на войну не ездят.

— Другие не ездят, а Матиуш вполне мог поехать, — вырвалось у Матиуша, хотя Фелек дёрнул его за рукав.

— Все короли хороши. Может, в старину иначе было...

— Откуда мы знаем, как было в старину?

Тоже небось лежали под периной и дрожали, только никто этого не помнит, вот и сочиняют всякие небылицы.

— А зачем им врать?

— Тогда скажи: кого больше погибло на войне — королей или солдат?

— Король один, а солдат много.

— А тебе одного мало? И с ним-то хлопот не оберёшься.

Матиуш не верил своим ушам. Значит, это враньё, будто народ, особенно солдаты, души в нем не чают? Ещё вчера он полагал, что инкогнито необходимо, не то от избытка добрых чувств ему могут причинить телесные повреждения, а сегодня понял: узнай солдаты, кто он, это не вызвало бы у них никакого восторга.

Чудно: солдаты едут сражаться за короля, которого не любят.

Больше всего Матиуш боялся, как бы не стали ругать его отца. Но нет, его даже похвалили:

— Покойный король не любил войны. Сам в драку не лез и народ не гнал на убой.

У Матиуша отлегло от сердца. Приятно услышать доброе слово об отце.

— Чего королю на войне делать? Поспит на земле и расчихается. И блохи его заедят. А от запаха солдатских шинелей голова разболится. Больно кожа у них нежная и нюх деликатный.

Матиуш во всём любил справедливость, поэтому внутренне с ними согласился. В самом деле, поспал вчера на земле, а сегодня из носу течёт, голова болит, и зудит всё тело.

— Поехали! — вдруг крикнул кто-то.

Поезд тронулся и стал набирать скорость. И так всегда: скажет кто-нибудь — поезд, мол, простоит долго, а он неожиданно тронется. Сол-

даты вскакивали на ходу, а некоторые отставали от своего эшелона.

— Наверно, учат нас не зевать, — предположил кто-то.

Подъехали к большой станции. Так и есть: ждут прибытия какой-то важной персоны. На перроне флаги, почётный караул, дамы в белых платьях, двое детишек с огромными букетами.

— Королевским поездом на фронт едет сам военный министр.

Эшелон отвели на запасный путь, и там он простоял всю ночь. Матиуш спал как убитый. Голодный, измученный, опечаленный, мальчик спал без сновидений.

На рассвете приказали мыть и чистить вагоны. Поручик сам за всем присматривал и всюду совал свой нос.

— Надо, ребята, спрятать вас, не то скандал будет.

И вот на время уборки Матиуша с Фелеком пристроили в убогой будке стрелочника. Жена стрелочника, женщина сердобольная, запричитала-заохала: ей от души было жаль мальчишек. Кроме того, её разбирало любопытство. «У малых ребят скорей, пожалуй, что-нибудь выведаешь», — думала она.

— Ох, детки, детки!.. Кто же гнал вас на войну? Сидели бы лучше дома да в школу ходили. Откуда вы? Куда едете?

— Добрая хозяйюшка, — хмуро ответил Фелек, — отец наш, сержант, уезжая на войну, сказал на прощание: «У хорошего солдата ноги — чтобы шагать, руки — чтобы винтовку держать, глаза — смотреть, уши — слушать, а язык — чтобы его за зубами держать, пока их ложка с солдатской похлёбкой не разожмёт. Винтовка в солдатских руках — защита, а болтливый язык — враг, который целый взвод по-

губить может». Откуда мы едем — военная тайна. Мы ничего не знаем и не скажем.

Стрелочница от удивления рот разинула.

— Скажите на милость, ребёнок, а рассуждает, как старик. И правильно делаете, детки. Шпионов нынче как собак нерезаных. Напялит на себя мундир — не отличишь от нашего — и шныряет среди войска. Выспросит всё, вынюхает — и айда к своим.

Она преисполнилась к ним таким уважением, что не только чаем напоила, но ещё и колбасы дала.

Матиушу завтрак показался особенно вкусным, потому что перед едой ему удалось как следует помыться.

— Королевский поезд! Королевский поезд! — послышался крик.

Фелек с Матиушем влезли по приставной лестнице на крышу хлева, чтобы лучше видеть.

— Едет, едет!..

Пассажирский поезд, сверкая большими зеркальными окнами, подошёл к перрону. Оркестр заиграл государственный гимн. В окне промелькнуло хорошо знакомое Матиушу лицо военного министра.

На миг их взгляды встретились. Матиуш вздрогнул и быстро отвернулся, испугавшись, как бы министр его не узнал.

Но испуг его был напрасен. Министру, занятому важными государственными делами, было не до мальчишек, которые, стоя на крыше хлева, таращились на королевский поезд, — это во-первых. Во-вторых, когда обнаружилось, что Матиуш исчез, канцлер велел хранить это в строжайшей тайне, и военного министра провожал на вокзал фальшивый Матиуш. Но об этом речь впереди.

А пока вернёмся к военному министру. Ми-

нистр иностранных дел велел ему приготовиться к войне с одним королём, а их оказалось три. Было над чем поломать голову. Легко сказать: «Иди и сражайся!» А как сражаться, когда сразу три государства войну объявили. Разобьёшь одного или, допустим, двух, а третий всё равно тебя одолеет.

«Солдат, пожалуй, хватит,— рассуждал министр,— а вот винтовок маловато, пушек и одежды тоже недостаточно».

И вот ему пришёл в голову гениальный план: напасть внезапно на одного противника, захватить трофеи, а потом ударить на другого.

Почётный караул. Цветы. Музыка. Зрелище не из приятных для короля, стоявшего на крыше хлева.

«Всё это по праву должно предназначаться мне»,— подумал Матиуш.

Но как мальчик справедливый, он тут же одёрнул себя:

«Конечно, идти перед строем почётного караула под звуки торжественного марша, отдавать честь, получать букеты — приятно, слов нет. Но можно ли командовать войском, не зная географии?»

Матиуш, разумеется, мог показать на карте некоторые реки, горы, острова, знал, что Земля круглая и вращается вокруг своей оси, но этого, пожалуй, маловато, чтобы командовать армией. Надо знать все крепости, все дороги, каждую тропинку в лесу. Однажды его прапрадед одержал блестящую победу. А дело было так. Прапрадедущка затаился со своим войском в лесу, а ничего не подозревавший неприятель углубился в чащу.

Тогда старый король глухими тропами зашёл неприятелю с тыла и разбил его наголову. Враг ожидал нападения с фронта, а на него

напали сзади и ещё в непроходимые болота загнали.

А он, Матиуш, знает свои леса и болота?

До сих пор не знал, а теперь узнает. Останься он в столице, ничего, кроме королевского парка не увидел бы. А теперь увидит всю свою страну.

Солдаты были правы, когда смеялись над Матиушем. Он в самом деле ещё очень маленький и неопытный. Жалко, что война началась сейчас, а не года два спустя.

Теперь вернёмся во дворец и посмотрим, что там произошло, когда стало известно об исчезновении короля.

Утром, как всегда, в королевскую опочивальню вошёл главный дворецкий и глазам своим не поверил: окно раскрыто настежь, постель раскидана, а Матиуша нет.

Но дворецкий, надо отдать ему должное, не растерялся. Заперев спальню на ключ, он побежал к церемониймейстеру, растолкал его и зашептал на ухо:

— Ваше сиятельство, господин церемониймейстер, король пропал!..

Церемониймейстер втайне от всех позвонил канцлеру.

Десяти минут не прошло, как во дворец с бешеной скоростью примчались три автомобиля:

автомобиль канцлера,
автомобиль министра юстиции,
автомобиль обер-полицейстера.

Короля похитили. Ясно, как дважды два — четыре. Это, несомненно, происки врага. Им это на руку: солдаты узнают об исчезновении короля, откажутся сражаться, и неприятель займёт столицу без боя.

— Кому известно о похищении короля?

— Никому.

— Отлично.

— Необходимо установить, похищен король или убит. Господин обер-полицмейстер, даю вам час на расследование.

В королевском парке есть пруд. Может, короля утопили? Министру морского флота приказали срочно доставить во дворец водолазный костюм. Сам обер-полицмейстер облачился в скафандр, опустился на дно, ходит, ищет. А матросы, стоя на берегу, накачивают насосом воздух, чтобы он не задохнулся. Но Матиуша в пруду не оказалось.

Во дворец вызвали старого доктора и министра торговли. Всё делалось в величайшей тайне.

Но слуги почуяли что-то неладное: недаром министры с раннего утра носятся как угорелые.

И вот, чтобы положить конец кривотолкам, во дворце объявили, король Матиуш заболел, и доктор прописал ему раковый суп. Потому, дескать, обер-полицмейстер и нырял в пруд.

Гувернёру сказали, что ввиду болезни Матиуша уроки временно отменяются.

Присутствие доктора убедило всех, что это правда.

— Ну хорошо, допустим, мы выиграли время до вечера, — сказал министр юстиции. — А дальше что?

— Я главный министр, и голова у меня на плечах не для украшения.

Прибыл министр торговли.

— Господин министр, помните ту куклу, которую король Матиуш велел сделать для этой девчонки?

— Ещё бы! Министр финансов до сих пор

мне этого простить не может. Транжиром меня обозвал.

— Так вот, немедленно поезжайте к фабриканту детских игрушек. К завтрашнему утру, если ему жизнь дорога, должна быть готова кукла, как две капли воды похожая на короля. Не забудьте захватить с собой фотографию Матиуша.

Обер-полицмейстер для отвода глаз вытащил из пруда с десятков раков. Их тотчас со всевозможными церемониями отослали на кухню. А доктора заставили под диктовку написать такой рецепт:

Rp. Раковый суп.

Ex¹ 10 раков dosis una².

D. S. Через два часа по столовой ложке.

Когда поставщику двора его королевского величества доложили, что его ждёт в кабинете министр торговли, он просиял от удовольствия: «Наверно, опять взбрело что-нибудь в голову королю».

А заказ ему нужен был до зарезу, потому что отцы и дядюшки ушли на войну и подарков детям никто не покупал.

— Господин фабрикант, заказ срочный. Кукла должна быть готова к завтрашнему дню.

— Вы ставите меня в очень затруднительное положение. Почти все рабочие мобилизованы, на фабрике остались только женщины да больные. Кроме того, я завален работой: отцы, отправляясь на войну, покупают своим детям игрушки, чтобы они не плакали, не скуцали и хорошо себя вели.

¹ Из (лат.).

² Одна доза (лат.).

Фабрикант врал почём зря. В армию его рабочих не брали: они были худые, как скелеты. Ведь он платил им очень мало. Про заказы он тоже выдумал. Просто набивал себе цену.

А когда узнал, что кукла должна быть похожа на короля, у него даже глаза заблестели.

— Понимаете ли, — запинаясь, объяснял министр, — в нынешнее военное время королю часто нужно показываться на людях, разъезжать в карете по городу, чтобы никто не подумал, будто он боится и сидит взаперти во дворце. Вот мы и решили: зачем мучить ребёнка и возить его непрерывно по городу? Может пойти дождик, он простудится, или ещё какая-нибудь беда приключится. А сейчас, вы сами понимаете, надо особенно беречь короля.

Но хитрого фабриканта было не легко провести. Он сразу смекнул, что здесь кроется какая-то тайна.

— Значит, к завтрашнему дню?

— К девяти утра.

Фабрикант взял карандаш и сделал вид, будто подсчитывает, во сколько обойдётся ему кукла-король. Из любого фарфора её не сделаешь, нужен самый высший сорт. Неизвестно, найдётся ли столько на фабрике. Да, это будет стоить очень дорого. И рабочим придётся заплатить побольше, чтобы держали язык за зубами. А тут, как назло, испортилась машина. Надо за ремонт заплатить. Ну и другие заказы придётся отложить. Он считал долго-долго.

— Господин министр, если бы не война... Как патриот, я понимаю, что у государства сейчас огромные расходы на армию и пушки... так вот, если бы не война, я запросил бы вдвое больше. Но, принимая во внимание интересы государства, так и быть, сделаю подешевле, с убытком для себя, однако это цена оконча-

тельная, и я ни копейки не уступлю.

И он назвал такую сумму, что министр ахнул:

— Ведь это грабёж!

— Господин министр, вы оскорбляете в моём лице национальную промышленность.

Министр не решился на свой страх и риск истратить столько денег и позвонил канцлеру. Боясь, как бы их разговор не подслушали, он вместо «кукла» сказал «пушка».

— Господин канцлер, пушка обойдется очень дорого.

Канцлер сразу понял, о чём идёт речь.

— Не торгуйтесь,— сказал он,— только велите ему, чтобы, когда потянешь за веревочку, она отдавала честь.

«Что за диковина — пушка, отдающая честь?» — удивилась телефонистка.

— Тогда я отказываюсь делать куклу,— заартачился фабрикант.— Это не моё дело. Обращайтесь к королевскому механику или часовщику. Я честный фабрикант, а не шарлатан. Открывать и закрывать глаза — пожалуйста, это можно, но отдавать честь кукла не будет. Это моё последнее слово. И ни копейки меньше не возьму.

Весь взмокший, усталый, голодный, приехал министр торговли домой. Взмокший, усталый, голодный, возвратился и обер-полицмейстер.

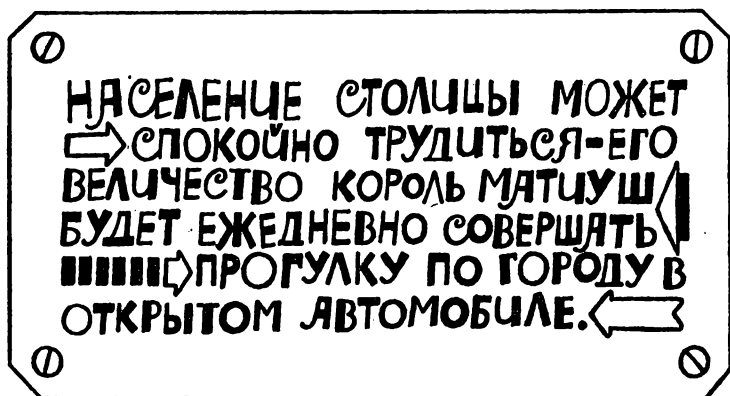
«В результате тщательного расследования установлены обстоятельства похищения короля. События развивались следующим образом. На голову спящему королю накинули мешок, вытащили через окно в парк и отнесли в малинник. Там его величество потерял сознание. Чтобы привести его в чувство, ему дали малины и вишен. На земле найдено шесть вишневых косточек. Когда его милость короля Матиуша перетаскивали через ограду, он оказал сопротивле-

ние: на коре дерева обнаружены следы голубой королевской крови. Чтобы обмануть погоню, его посадили верхом на корову. Следы коровьих копыт ведут к лесу, там же найден мешок. На опушке следы обрываются. Ясно, что короля где-то спрятали, а где — неизвестно. Расследование прекращено за недостатком времени. Допросить население не было возможности, так как приказано хранить тайну. Надо установить слежку за губернёром. Он ведёт себя подозрительно: спрашивает, можно ли навестить Матиуша. Прилагаю вещественные доказательства: вишнёвые косточки и мешок».

Канцлер бережно положил мешок и косточки в сундук, запер сундук на огромный висячий замок, запечатал красным сургучом, а наверху написал по-латыни: *corpus delicti*¹.

Так уж повелось на свете: если кто-нибудь чего-нибудь не знает или не хочет, чтобы узнали другие, он пишет по-латыни.

На другой день военный министр явился во дворец с прощальным визитом, а кукла-король сидит на троне — и ни гугу, только честь отдаёт. Объявления на всех перекрёстках гласили:

¹ Состав преступления, улики (лат.).

План военного министра удался на славу. Неприятельские главнокомандующие — а их было трое — думали, что войска короля Матиуша будут сражаться сразу на три фронта. А военный министр стянул между тем все силы в одно место и, ударив там, разбил неприятеля наголову. Он захватил богатую добычу и раздал винтовки, сапоги, вещевые мешки тем, у кого их не было.

Матиуш прибыл на фронт, как раз когда раздавали трофейное имущество.

— А это что за вояки? — удивился главный интендант.

— Такие же солдаты, как все, только ростом поменьше, — не растерялся Фелек.

Они с Матиушем выбрали себе по паре сапог, по револьверу, по винтовке и вещевому мешку. Фелеку даже обидно стало: напрасно получил взбучку из-за ремня и перочинного ножа! Но разве можно заранее предвидеть, какие неожиданности ждут тебя на войне!

Недаром их главнокомандующего называли недотёпой и олухом. Вместо того, чтобы, захватив добычу, отступить и окопаться, он двинулся в глубь вражеской территории, занял, неизвестно зачем, пять или шесть городов и только тогда приказал рыть окопы. Но было уже поздно, на помощь отступающему врагу спешили союзники.

Солдаты ничего не знали. Это была военная тайна. На войне прикажут идти туда-то и туда-то, делать то-то и то-то — значит, иди, делай и не рассуждай.

Неприятельский город очень понравился Матиушу. На ночлег солдаты расположились в больших тёплых комнатах. Спать на полу удобней, чем в крестьянских хатах или под открытым небом.

Матиуш с нетерпением ждал первой битвы. Многого повидал и узнал он с тех пор, как убежал из дворца, но в сражении ещё не участвовал. Как жалко, что их полк опоздал! На другой день они покинули занятый город и двинулись дальше.

Вдруг приказ:

— Стой! Окапывайся!

Что такое современная война, Матиуш понятия не имел. Он представлял себе войну так: на поле брани сражаются воины, потом победители на конях преследуют побеждённых. А вот что солдаты роют окопы, устанавливают проволочные заграждения и сидят в этих окопах иногда по целым неделям, этого он не подозревал. Поэтому он не очень охотно взялся за работу. Кроме того, от усталости ломило кости. Сражаться — это королевское дело, а ковырять лопатой землю — занятие не для короля!

А тут приходит приказ за приказом: скорей, скорей! Враг близко.

Вдали слышались глухие пушечные раскаты.

Вдруг, прямо на позиции, прикатил на автомобиле сапёр-полковник. Ругается, размахивает кулаками, угрожает расстрелом.

«Завтра бой, — кричит он, — а они тут бездельничают...»

— А эти двое что здесь делают?! — в бешенстве заорал полковник.

Плохо пришлось бы нашим добровольцам, если бы над головами в это время не загудел неприятельский аэроплан.

Полковник глянул в бинокль на небо, заторопился, сел в автомобиль и укатил — только его и видели! А тут — бух-бух-бух — разорвались три бомбы. Обошлось без жертв. Все успели попрятаться в окопы.

Этот случай многому научил Матиуша. Он больше не дулся, не сердился, а взялся за лопату и копал до тех пор, пока не изнемог от усталости. Потом свалился, как колода, на землю и заснул мёртвым сном. Солдаты не будили его, а сами всю ночь напролёт работали при вспышках ракет. На рассвете неприятель пошёл в атаку.

Сначала показались четверо всадников — передовой разъезд, чтобы узнать и сообщить своим расположение противника. Из окопов раздались выстрелы. Один всадник замертво свалился с лошади, другие ускакали прочь.

— К бою! — крикнул поручик. — Оставаться в окопах, винтовки на изготовку и ждать приказа.

Вскоре появился неприятель. Началась перестрелка. Но преимущество было на стороне наших: они сидели в окопах и вражеские пули со свистом и жужжанием пролетали над головами, не причиняя вреда. А неприятельские солдаты наступали по открытому месту, и пули так и косили их.

Матиуш понял: на войне приказы надо выполнять точно и быстро. Это штатским позволительно рассуждать, протестовать, а для военных приказ — это закон. Вперёд — есть вперёд! Назад — есть назад! Копать окопы — есть копать окопы!

Целый день продолжалось сражение. Наконец неприятель понял: так ничего не добьёшься, только людей потеряешь. Колочая проволока оказалась непреодолимым препятствием. Поэтому они отступили и сами начали окапываться. Но одно дело рыть окопы спокойно, когда никто не мешает, а другое — под обстрелом.

Ночью перестрелка продолжалась при свете ракет. Выстрелы раздавались не так часто:

усталые солдаты чередовались — одни стреляли, другие спали.

— Выстояли,— с гордостью говорили друг другу солдаты.

— Выстояли,— сообщил поручик в штаб по телефону.

К тому времени уже успели провести телефон.

Каково же было их удивление и гнев, когда на другой день был получен приказ отступить.

— Как?! — недоумевали солдаты.— Мы отрыли окопы, остановили врага, готовы сражаться не на жизнь, а на смерть — и вдруг отступить...

«На месте поручика я бы ни за что не подчинился приказу,— подумал Матиуш.— Это явное недоразумение. Пусть полковник приедет и сам убедится, как мы храбро сражаемся. У врага вон сколько убитых, а у нас только один раненный в руку: царапнула неприятельская пуля. Откуда полковник знает, сидя в штабе, как тут обстоят дела».

И Матиуш чуть не крикнул: «Я — король Матиуш! Запрещаю отступить! Король главнее полковника!»

Только боязнь, что ему не поверят и поднимут на смех, остановила его.

Однако Матиуш ещё раз на собственном опыте убедился, как важно на войне в точности выполнять приказы.

Обидно было покидать с таким трудом вырытые окопы, жалко бросать запасы хлеба, сахара и сала. Горько было идти через деревню и слышать удивлённые возгласы крестьян: «Как, вы отступаете?!»

По дороге нагнал их связной на лошади и вручил поручику приказ, в котором говорилось, чтобы они, не останавливаясь, шли как можно скорей.

Легко сказать — как можно скорей, а каково после двух бессонных ночей (одну ночь рыли окопы, вторую — сражались) идти без передышки? К тому же не хватало еды. И в довершение всего солдаты пали духом. Одно дело идти вперёд — откуда только силы берутся, летишь как на крыльях. А вот отступить, да ещё не по своей воле, всегда тяжело — словно гири к ногам привязаны.

Шли, шли — и вдруг выстрелы с обеих сторон, справа и слева.

— Ясно! — вскричал поручик. — Мы слишком далеко вырвались вперёд, враг зашёл с тыла и окружил нас. Ещё немного, и в плен бы попали.

— Ну и влипши! Теперь придётся из окружения выходить, — проворчал бывалый солдат.

Ох как это было тяжело! Теперь в окопах сидели неприятельские солдаты и обстреливали их с двух сторон, а они отступали под вражеским огнём.

Вот когда Матиуш понял, почему министры на заседании столько говорили о сапогах, сухарях и фураже.

Если бы не сухари, они умерли бы с голода. Три дня, кроме сухарей, у них ничего во рту не было. Спали по очереди, два-три часа в сутки. А ноги стёрли в кровь, прямо, что называется, до костей.

Бесшумно, как тени, пробирались они лесными тропами. Поручик то и дело вынимал карту, искал овраг или заросли погуще, чтобы спрятаться.

Время от времени в отдалении появлялись неприятельские разведчики, выследят, в каком направлении они отступают, и мчатся с донесением к своим.

Матиуша было не узнать. Худой, как скелет, сгорбленный, он казался ещё меньше ростом. Многие солдаты побросали винтовки, а он сжимал свою одеревеневшими пальцами.

Столько переживаний за несколько дней!

«Папочка, папочка, как тяжело быть королём, когда на твою страну напал враг! — с горечью думал Матиуш. — Сказать: «Я вас не боюсь, и разобью в два счёта, как мой прадед Павел Завоеватель», ничего не стоит. А победить ох как трудно! Какой я был глупый, легкомысленный мальчишка! Мечтал, что поскачу на белом коне на войну, а жители столицы будут усыпать цветами улицы. А сколько погибнет людей, об этом я не думал».

Неприятельские пули так и косили солдат, а Матиуш уцелел, может, благодаря маленькому росту.

Как они обрадовались, когда прорвались к своим! И окопы там уже открыты.

«Теперь над нами смеяться будут», — подумал Матиуш.

Но скоро он убедился, что на войне тоже есть справедливость. Когда они наелись досыта и отоспались, их отправили в тыл, за пять километров от фронта, в маленький городишко, а на смену им пришли другие солдаты.

В городе тех, кто не бросил оружие, построили отдельно, и генерал обратился к ним с речью:

— Честь вам и хвала! Настоящие герои познаются во время поражения, а не при звуках фанфар!

— И эти мальцы здесь? — добродушно спросил сапёрный полковник, заметив в строю Матиуша и Фелека. — Да здравствуют отважные братья Крушигора и Вырвидуб!

С тех пор Фелека звали Крушигора, а Матиуша — Вырвидуб.

— Эй, Крушигора, принеси воды!

— Вырвидуб, подбрось-ка сучьев в костёр!

Мальчики стали всеобщими любимцами.

На отдыхе до солдат дошла весть о том, что военный министр поссорился с главнокомандующим и помирил их король Матиуш.

Матиушу, конечно, не могло прийти в голову, что по улицам столицы разъезжает автомобиль, в котором сидит кукла-король и отдаёт честь. Он был ещё мал и плохо разбирался в дипломатии.

Отдохнув, они снова вернулись на передний край. Началась так называемая позиционная война; обе воюющие стороны засели в окопах, стреляли друг в друга, но пули пролетали над головами, не причиняя вреда. Когда надоедало сидеть, зарывшись в землю, ходили в атаку. Случалось, километра на два продвигались вперёд или отступали назад.

Солдаты совсем освоились в окопах: расхаживали как по коридору, пели, шутили, играли в карты, а Матиуш прилежно учился. Занимался с ним поручик, который изнемогал от скуки. Утром расставит дозорных в секреты, чтобы следили, не идёт ли неприятель в атаку, позвонит в штаб, сообщит, что всё в порядке, — вот и все дела!

Для поручика занятия с Матиушем были развлечением. А Матиушу очень хотелось учиться. Сидит он в окопе, учит географию; в вышине звенят жаворонки. Время от времени прогремит вдали выстрел — и опять тихо.

Но вдруг будто бешеные псы завоюют. Это мелкокалиберные полевые орудия.

А потом — бух!-бух! Это большая пушка.

И пошло... Винтовки квакают, как жабы.

Свист, вой, грохот — бух, бабах!..

И так полчаса, час. Иногда в окоп попадёт

снаряд, разорвётся, уложит на месте несколько человек, нескольких ранит.

Но остальные не трусят — привыкли.

«Жалко, хороший был товарищ, вечная ему память», — скажут солдаты.

Раненым сделают перевязку, а ночью отправят в полевой госпиталь.

На войне как на войне.

Не миновала пуля и Матиуша. Рана, правда, пустяковая, даже кость не задело. В госпиталь идти не хотелось, но врач настаивал, и пришлось подчиниться.

Впервые за четыре месяца в постели! Какое блаженство! Матрац, подушка, одеяло, белоснежная простыня, полотенце, возле кровати тумбочка, кружка, тарелка, ложка (жалкое подобие той, какой ел он в королевском дворце).

Рана заживала быстро. Сёстры и врачи любили Матиуша, и всё бы хорошо, только вот страх, что его узнают.

— Смотрите, как он похож на короля Матиуша! — заметила как-то раз жена полковника.

— Да, да, мне его лицо тоже показалось знакомым.

Хотели даже послать его фотографию в газету.

— Ни за что! — наотрез отказался Матиуш.

— Глупый, — говорили ему, — король Матиуш увидит в газете фотографию такого маленького солдата и наградит тебя медалью. Или отцу пошлешь фотографию, то-то он обрадуется!

— Нет и нет! — твердил Матиуш.

Надоели ему эти разговоры: он не на шутку боялся, как бы не обнаружилось, кто он.

— Оставьте его в покое. Мальчик прав. Король Матиуш, чего доброго, оскорбится, воспримет это как намёк: ты, мол, на автомобиле

по городу разъезжаешь, а твои ровесники на войне жизнью рискуют.

«Чёрт возьми, о каком это Матиуше они толкуют?» Юный король давно махнул рукой на придворные манеры и выражался, как его товарищи-солдаты.

«Хорошо, что я убежал на фронт!» — не в первый раз подумал Матиуш.

Его не хотели выписывать из госпиталя, просили остаться. Говорили, он будет разносить раненым чай, помогать на кухне...

Но Матиуш откзался.

Ни за что на свете! Пусть мнимый король разъезжает по городу, раздаёт раненым подарки, принимает участие в торжественных похоронах офицеров, место настоящего короля — в окопах!

И Матиуш вернулся к своим товарищам на передовую.

— А где же Фелек?

Фелеку надоело прозябать в окопах. Парень он был живой, ни секунды не посидит на месте. А тут целыми неделями сиди, скорчившись, даже головы не смей высунуть, не то раздастся выстрел и от поручика достанется.

— Спрячешь ты свою дурацкую башку или нет? — ругается поручик. — Подстрелят вот этого дурака, и потом возись с ним: перевязку делай, в госпиталь вези. И без тебя хлопот хватает.

Отчитал его поручик раз-другой, а потом посадил на гауптвахту на три дня на хлеб и воду.

Послушайте, за что.

Однажды ночью неприятельских солдат отвели на отдых, в тыл, а на их место пришли новые. Окопы расположены были близко; из одного крикнешь — в другом слышно. Началась

перебранка между новичками и нашими.

— У вас король — сопляк!

— А ваш — старая галоша!

— Эй вы, голь перекатная! У вас сапоги каши просят!

— А у вас рожи от голода повытянулись! Бурду вместо кофе лакаете!

— Иди попробуй!

— Как волки голодные! Не накормишь вас, когда в плен попадаете.

— А вы оборванцы!

— Здорово вы драпанули!

— Зато всыпали вам напоследок по первое число!

— Горе-стрелки! Вам бы в лягушек палить из пушек!

— Сами хороши!

— Мы-то умеем стрелять!

Тут Фелек не выдержал, выскочил из окопа, повернулся к ним задом, задрал шинель и крикнул:

— А ну стреляйте!

Пиф-паф!.. — прогремело четыре выстрела и... мимо.

— Эх вы, стрелки!

Солдаты хохотали до упаду, а поручик рас- свирепел и посадил Фелека под арест в глубо- кую яму, обшитую досками.

Откуда доски? — спросите вы. Солдаты раз- бирали разрушенные избы и обшивали досками стены в окопах, делали настил на земле, наве- сы для защиты от дождя.

Фелек просидел в яме всего два дня. Пору- чик его простил. Но Фелек не забыл обиды.

— Не хочу больше служить в пехоте!

— А куда же ты пойдешь?

— На аэропланах буду летать!

В государстве Матиуша не хватало бензина.

А чем тяжелее груз, тем больше расходуется горючего. Поэтому был отдан приказ: в лётчики брать самых тощих солдат.

— Иди и ты, колбасник! — подшучивали солдаты над одним толстяком.

Шутки шутками, а Фелека решили отправить в авиацию. Двенадцатилетний мальчик — это настоящая находка. Разве найдёшь легче? Пилот будет управлять самолётом, а Фелек бомбы сбрасывать.

Матиуш не знал, радоваться или огорчаться, что Фелека нет.

Фелек был единственным человеком, посвящённым в его тайну. И хотя Матиуш сам просил называть себя Томеком, ему было неприятно, когда Фелек обращался с ним, как с ровней, а то и вовсе свысока. Фелек был старше. Он пил водку, курил, а когда угощали Матиуша, то неизменно говорил:

— Не давайте ему, он маленький!

Матиуша не соблазняли ни водка, ни курево, но он предпочитал отвечать за себя сам и в адвокате не нуждался.

А когда ночью предстояло идти в разведку, Фелек подстраивал всегда так, что брали его, а не Матиуша.

— Не берите Томека! Какая от него польза? — говорил он.

Разведка — дело опасное и трудное. Подползают на животе к позициям врага, перерезают ножницами колючую проволоку и захватывают «языка». Иногда часами лежишь не шелохнувшись, одно неосторожное движение — и небо освещается ракетами, а по смельчакам открывают пальбу. Солдаты жалели Матиуша — он был маленький и слабый — и чаще брали с собой Фелека. А Матиушу было обидно.

Теперь Матиуш стал незаменим в отряде.

То патроны отнесёт дозорным, то пролезет под колючей проволокой и подползёт к неприятельским окопам, а два раза даже во вражеский стан пробирался.

Переодели Матиуша пастушонком. Он подлез под колючую проволоку, прошёл версты две, сел перед разрушенной хатой и притворился, будто плачет.

Мимо шёл солдат, увидел его и спрашивает:

— Ты чего плачешь, мальчик?

— Как же мне не плакать? — отвечает Матиуш. — Дом наш сожгли, мама куда-то пропала...

Матиуша отвели в штаб, напоили горячим кофе... И ему стало не по себе: его накормили, куртку старую дали, потому что он дрожал от холода (для отвода глаз свои нарочно надели на него всякую рвань), а он обманет их, предаст. За добро отплатит злом.

И Матиуш про себя решил ничего своим не говорить. Пусть считают его дурачком и не посылают больше в разведку. «Не хочу быть шпионом», — подумал Матиуш.

Но тут его вызвали к офицеру.

— Как тебя зовут, мальчик? — спросил офицер.

— Томек.

— Слушай внимательно, Томек, что я тебе скажу. Ты можешь оставаться в отряде, пока не вернётся твоя мама. Тебе выдадут обмундирование, котелок, деньги, еду будешь получать из полковой кухни. Но за это ты должен пробраться к врагам и разведать, где у них пороховой склад.

— А что это такое? — Матиуш прикинулся простачком.

Его повели в пороховой склад, где хранились снаряды, бомбы, гранаты, порох, патроны.

— Понял теперь?

— Понял.

— Так вот, узнай, где находится у них такой склад, возвращайся и расскажи нам.

— Хорошо, — согласился Матиуш.

Офицер на радостях подарил Матиушу плитку шоколада.

«Ах вот вы какие! — Матиуша перестали мучить угрызения совести. — Лучше быть шпионом у своих, чем у врага».

Его вывели на дорогу и дали несколько залпов в воздух, чтобы сбить противника с толку.

Довольный, возвращался Матиуш к своим. То на животе ползёт, то на четвереньках и жуёт шоколад.

Вдруг — бах, бах!.. Это свои открыли по нему огонь. Солдаты заметили — кто-то крадётся, а кто, не знают.

— Выпустить три ракеты! — приказал поручик, взял бинокль и, направив его в ту сторону, даже побледнел от страха.

— Прекратить огонь! Это Вырвидуб возвращается с задания.

Без помех вернулся Матиуш к своим, рассказал, что и как. Поручик немедленно позвонил артиллеристам, приказал прямой наводкой бить по пороховому складу. Артиллеристы двенадцать раз промазали, а на тринадцатый попали прямо в цель. Раздался грохот, пламя полыхнуло до неба, всё заволокло дымом — даже дышать стало нечем.

В неприятельских окопах поднялась паника. А поручик взял Матиуша на руки, подбросил вверх и три раза прокричал:

— Молодец, Томек! Молодец! Молодец!

Всё хорошо, что хорошо кончается. С той поры в роте ещё больше полюбили Матиуша. Солдатам в награду выдали бочку водки, и они

три дня и три ночи спали спокойно, у противника не осталось ни одного снаряда. Поручик даже разрешил вылезти из окопов — поразмяться. Враги злились, но сделать ничего не могли.

Снова потянулись однообразные военные будни. Днём занятия с поручиком, наряды, дежурство, перестрелка. А когда затяжные осенние дожди размывали земляные укрепления, Матиуш выходил с лопатой на работу.

«Странно, я мечтал изобрести увеличительное стекло, чтобы взорвать на расстоянии неприятельский пороховой склад. И мечта сбылась, хоть и не совсем так, как я думал».

Миновала осень. Наступила зима.

Выпал снег. Солдатам раздали тёплое обмундирование. Кругом стало тихо и белым-бело.

В это время Матиуш усвоил ещё одну важную истину. Солдаты не могут вечно сидеть в окопах, иначе война никогда не кончится.

Пока на фронте было затишье, в столице кипела работа: в главном штабе разрабатывали план наступления. План заключался в следующем: собрать все силы в кулак, внезапно ударить по врагу и прорвать линию фронта. Противнику волей-неволей придётся отступить, потому что в прорыв устремятся войска, зайдут с тыла и начнётся бой не на жизнь, а на смерть.

Поручику присвоили зимой звание капитана. Матиуша наградили медалью. Как он обрадовался! Их отряд дважды отмечали в приказе по армии за отличное выполнение боевых заданий.

Как-то к ним в окопы явился важный генерал и зачитал приказ:

— «От имени его величества короля Матиуша Первого выношу роте благодарность за

уничтожение вражеского порохового склада и за отвагу, проявленную в боях за родину. Возлагаю на роту почётное и тайное задание: с наступлением тепла прорвать линию фронта».

Это было большой честью.

Начались тайные приготовления. Подвезли снаряды, пушки. За передовой стояла наготове конница.

Солдаты поглядывают на солнышко. Ждут не дождутся тёплых дней. Так и рвутся в бой!

Капитан придумал такую хитрость: чтобы ввести в заблуждение врага, будто у них мало сил, послать в атаку сначала только половину роты. Пусть постреляют для вида и возвращаются в окопы. А на другой день выступит вся рота и опрокинет легковерного противника.

Сказано — сделано.

Полроты пошло в атаку. Перед атакой капитан приказал артиллеристам открыть огонь по проволочным заграждениям, чтобы прорвать их и облегчить путь пехоте.

— Вперёд! — скомандовал капитан.

Ох, до чего хорошо вырваться из затхлых, сырых окопов, мчаться во весь дух и кричать: «Ура! Вперёд!» Враги увидели — прямо на них с винтовками наперевес бегут солдаты, и до того испугались, что даже не стреляли. Наши уже добежали до разорванной снарядами колючей проволоки, но тут послышалась команда к отступлению.

Матиуш с ещё несколькими солдатами забежал слишком далеко, не услышал команды и попал в плен.

— Ага, трусили! Бежали как ошалелые, орали, будто невесть сколько их, а нас увидели — давай бог ноги! — в отместку за свою растерянность и страх издевались над пленными неприятельские солдаты.

Опять шёл Матиуш в штаб, только не переодетый, как в прошлый раз, а в шинели. Теперь он был военнопленный.

— Ага, попался, голубчик! — узнав его, злобно воскликнул офицер. — Это из-за тебя взорвали зимой наш пороховой склад! Теперь ты так легко не отделаешься... Солдат отвести в лагерь для военнопленных, а мальчишка, как шпион, будет повешен.

— Я — солдат! — запротестовал Матиуш. — Вы имеете право меня расстрелять, но не вешать!

— Ишь какой умник выискался! То он Томек, то солдат. Нет, голубчик, теперь-то мы тебя повесим как предателя.

— Права не имеете! — настаивал на своём Матиуш. — Тогда я тоже был солдатом. Перешёл фронт по заданию командира и нарочно сел перед разрушенной хатой.

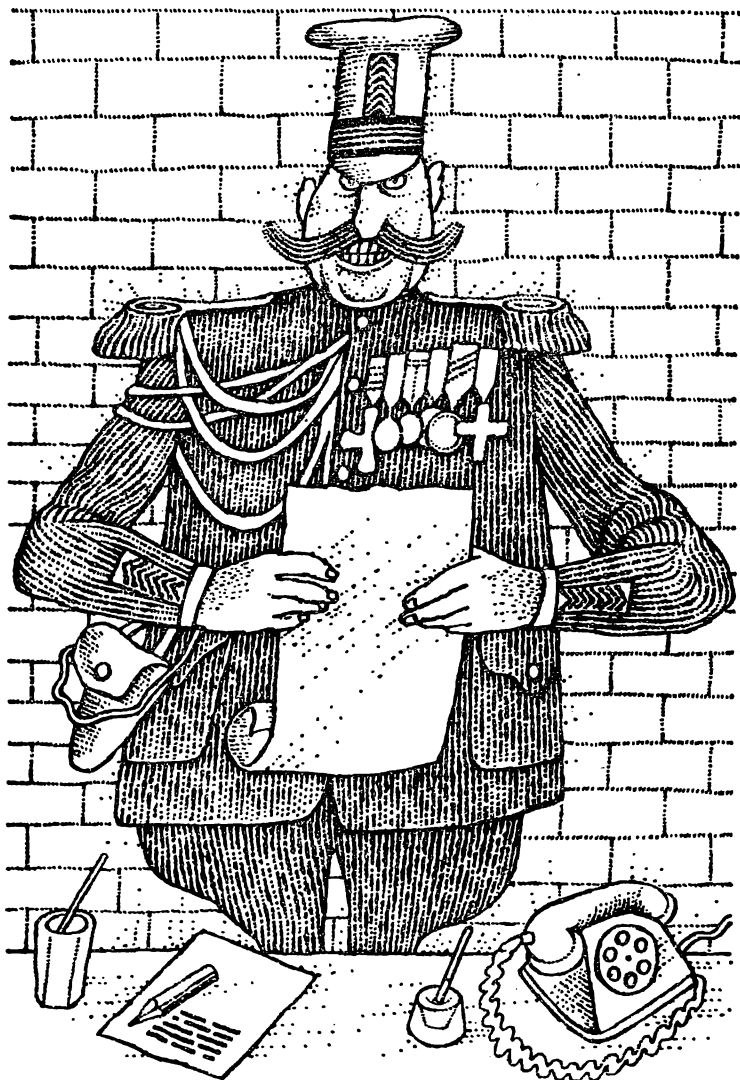
— Ну, довольно болтать! Отвести его под усиленной охраной в тюрьму. Военный суд завтра разберётся. Если ты и вправду был солдатом, может, повезёт тебе — получишь пулю в лоб, хотя я предпочёл бы тебя вздёрнуть.

На другой день состоялся суд.

— Я обвиняю этого мальчишка в том, — сказал на суде офицер, — что он зимой выследил, где находится наш пороховой склад, и донёс врагу. Неприятельская артиллерия двенадцать раз промазала, а на тринадцатый попала в цель, и склад взлетел на воздух.

— Признаёшь ли ты себя виновным? — спросил седой генерал-судья.

— Нет! Всё было не так. Этот офицер сам показал мне пороховой склад и велел разузнать, где у нас хранятся порох и снаряды, и донести ему. И в награду дал мне плитку шоколада.... Разве я неправду говорю?

Офицер покраснел. Местонахождение пороховых складов — военная тайна, и он никому не имел права выдавать её.

— Меня послали в разведку, а ваш офицер хотел сделать из меня шпиона.

— Да я не думал... Не знал... Не предполагал... Не сообразил... — оправдывался, заикаясь от волнения, офицер.

— Стыд и позор! — перебил его старый генерал. — Вас обвёл вокруг пальца маленький мальчик. Вы поступили плохо и понесёте за это заслуженное наказание. Но мальчик тоже виноват, и мы не можем его оправдать. Предоставляю слово адвокату.

— Господа судьи! — начал свою речь защитник. — Подсудимый, который называет себя то Вырвидубом, то Томеком по фамилии Палец, не виновен. Как солдат он обязан был подчиниться приказу командира. Его послали в разведку, и он пошёл. Его, как и остальных, надо отправить в лагерь для военнопленных — таково моё мнение.

Генерал обрадовался в душе: ему было жалко мальчика. Но не подал виду: военным не полагается проявлять доброту и сочувствие к неприятельским солдатам.

Он склонился над книгой, где были записаны все военные законы, и стал искать место о военных шпионах.

— Ага, вот оно, нашёл, — сказал он наконец. — «Гражданские лица, которые передают врагу сведения за денежное вознаграждение, подлежат повешению, а военные шпионы — расстрелу. В случае, если адвокат не согласен с решением суда, дело передаётся в высшую инстанцию и приведение приговора в исполнение откладывается».

— Я с решением суда не согласен, — заявил

адвокат,— и требую передачи дела в высшую инстанцию.

Генерал и остальные судьи согласились.

Матиуша снова отвели в тюрьму. Тюрьмой называлась обыкновенная крестьянская хата. Больших каменных домов с решётками на окнах на фронте нет. Такая «роскошь» бывает только в городах. Под окнами и перед дверью хаты-тюрьмы поставили по двое часовых с винтовками и пистолетами.

Размышляет Матиуш о своей судьбе, но духом не падает, не теряет надежды: «Хотели меня повесить — и не повесили. Может, и пуля меня минет. Столько их над моей головой пролетало, а я — жив».

Он с аппетитом поужинал. Еда была очень вкусная. По существующему обычаю, приговорённых к смерти принято кормить сытно и вкусно. А Матиуша считали обречённым.

Сидит Матиуш у окошка и смотрит, как в небе кружат аэропланы. «Наши или неприятельские?» Не успел он додумать до конца, как рядом с тюрьмой разорвались одновременно три бомбы.

Что было потом, Матиуш не помнил. Бомбы посыпались градом. Одна угодила в хату-тюрьму, и всё перевернулось вверх дном. Послышались крики, стоны, грохот... Матиуш почувствовал, как его взяли на руки, но он не мог поднять головы. В ушах стоял нескончаемый шум. Очнулся он на широкой кровати в роскошно обставленной комнате.

— Как вы себя чувствуете, ваше королевское величество? — вытягиваясь в струнку, спросил тот самый старик генерал, который зимой вручал ему медаль.

— Я — Томек Палец, Вырвидуб, рядовой

солдат, господин генерал! — вскричал Матиуш, вскакивая с кровати.

— Сейчас мы это проверим, — засмеялся генерал. — Эй, позвать сюда Фелека!

Вошёл Фелек в форме пилота.

— Скажи-ка, Фелек, кто это?

— Его величество король Матиуш Первый.

Упорствовать дальше не имело смысла. Для поднятия духа солдат и всего народа необходимо было сообщить, что король Матиуш жив и находится на фронте.

— В состоянии ли ваше величество принять участие в военном совете?

— Да.

На военном совете Матиуш узнал следующее: по городу возили в автомобиле фарфоровую куклу. А во время аудиенции канцлер сажал куклу на трон, незаметно дёргал за верёвочку, и кукла кивала головой и отдавала честь.

В автомобиль куклу вносили на руках. Король Матиуш, сообщали в газетах, дал обет до тех пор не ступать ногой на землю, пока последний враг не будет изгнан из пределов страны.

Уловка удалась: люди поверили. Хотя казалось немного странным, почему Матиуш и на троне, и в автомобиле всегда сидит в одной и той же позе, никогда не улыбнётся, слова не вымолвит, только головой кивает да честь отдаёт.

И вот по городу поползли зловещие слухи. Весть о таинственном исчезновении Матиуша просочилась сквозь толстые стены дворца.

Во вражеском стане тоже знали кое о чём из донесений шпионов, но особого значения этому до поры до времени не придавали. Была зима, а зимой на фронте обычно затишье.

Но когда стало известно, что войска Матиуша

готовятся к наступлению, враги забили тревогу, засуетились и в конце концов вывели тайну.

И вот накануне наступления за большие деньги подкупили какого-то шалопаю, он метнул камень и угодил прямо в куклу-короля.

Голова у фарфоровой куклы разбилась, и только рука продолжала приветственно подниматься. Столица была в смятении: одни впали в отчаяние, другие негодовали, что их так бессовестно обманули, третьи просто смеялись.

На другой день после вылазки, в результате которой Матиуш попал в плен, над окопами показали вражеские аэропланы, но они сбрасывали не бомбы, а листовки.

«Солдаты! Министры и генералы вас обманывают. Короля Матиуша нет. На троне с первых дней войны сидит фарфоровая кукла. Теперь, когда её разбили, вы можете сами убедиться в этом! Бросайте оружие! Расходитесь по домам!»

С превеликим трудом уговорили солдат немного подождать. Но ни о каком наступлении не могло быть и речи.

Тогда Фелек без утайки рассказал всё как есть.

Генералы обрадовались, позвонили капитану и приказали немедленно доставить Матиуша в штаб. Вообразите их растерянность и ужас, когда они узнали, что Матиуш в плену!

Как быть?

Если сказать возмущённым солдатам, что король Матиуш в плену, они не поверят. Раз обманутые, они ничему больше не будут верить. На чрезвычайном военном совете постановили атаковать врага с воздуха и в суматохе украсть Матиуша.

Аэропланы разделили на четыре эскадрильи: одна получила задание бомбардировать лагерь

для военнопленных, другая — тюрьму, третья — пороховой склад, четвёртая — штаб.

Так и сделали. Сбросили бомбы на дом, где размещался штаб. Офицеры в панике разбежались, и некому стало командовать. Бомбили и место, где, по предположению, находился пороховой склад, но на этот раз получилась осечка: порохового склада там не оказалось. Отряд пехоты под прикрытием авиации ворвался в лагерь для военнопленных, но, как известно, Матиуша там не было. Наконец с трудом разыскали его в тюрьме и без чувств доставили к своим.

— Задание выполнено отлично! Сколько мы потеряли аэропланов?

— Вылетело тридцать четыре, вернулось пятнадцать.

— Сколько времени продолжалась операция?

— Сорок минут с момента вылета до посадки на свои базы.

— Отлично,— сказал Матиуш.— Итак, завтра генеральное сражение.

Офицеры пришли в восторг: «Вот здорово! Солдаты узнают, что король Матиуш жив, он сражался бок о бок с ними как рядовой солдат, а завтра он поведёт их в атаку. За такого короля солдаты будут драться, как львы».

Застрекотал телеграф, затрещал телефон: на фронт и в столицу передавали срочные сообщения.

Ночью вышли экстренные выпуски всех газет. В газетах жирным шрифтом были напечатаны два воззвания: к народу и к солдатам.

Возмущённая толпа собралась перед особняком государственного канцлера. Раздавались крики, свист, брань, улюлюканье...

Перепуганные министры, как вороны, сле-

телись в ту ночь во дворец. Во что бы то ни стало надо выкручиваться и спасать свои шкуры! И в обращении к народу они написали: это было продиктовано государственными интересами.

Небывалое воодушевление охватило войска. Солдаты рвались в бой. С нетерпением ждали они наступления утра и беспрерывно спрашивали, который час.

На рассвете началась атака.

Против Матиуша воевало три короля. Одного сразу разбили в пух и прах и взяли в плен. Другого потрепали так, что раньше, чем месяца через три, ему не оправиться: у него захватили почти все пушки и половина солдат попала в плен. Остался третий король. Его войска находились в резерве.

Когда битва кончилась, собрался военный совет. На совет экстренным поездом прибыл из столицы военный министр.

Предстояло решить вопрос: преследовать неприятеля или нет?

— Преследовать! — категорически заявил главнокомандующий. — Уж если с двумя справились, то одного и подавно одолеем.

— Я не согласен! — возразил военный министр.

Началась перебранка.

Все ждали, что скажет Матиуш.

Слов нет, Матиушу очень хотелось преследовать врагов, которые собирались его погнать. И потом, погоня — это значит, на лошадях; а Матиуш за всю войну ни разу ещё не ездил верхом. Сколько замечательных историй слышал он о том, как короли сражались и побеждали верхом на конях. А он только на животе ползал да сидел, скорчившись, в окопах... Хоть разок погарцевать бы на коне!

Но Матиуш вспомнил, как в самом начале

войны они зашли слишком далеко на территорию врага и чуть из-за этого не проиграли войну. Вспомнил, что солдаты не уважали главнокомандующего, называли его недотёпой. Вспомнил и обещание, которое на прощальной аудиенции дал чужеземным послам: победить, но условия мира продиктовать лёгкие.

Матиуш долго молчал, и все молча ждали.

— Где пленный король? — спросил он наконец.

— Здесь недалеко.

— Привести его сюда.

Ввели пленного короля в оковах.

— Снять оковы! — приказал Матиуш.

Королевский приказ немедленно привели в исполнение. Рослые часовые вплотную придвинулись к пленнику, чтобы он не убежал.

— Победённый король! — сказал Матиуш. — Я по себе знаю, как тяжела неволя. Поэтому я дарю тебе свободу. Забирай остатки своего войска и уходи из моей страны.

Победённого короля отвезли на автомобиле к границе, а дальше он пешком потопал во свояси.

На другой день Матиуш получил ноту, подписанную тремя королями:

КОРОЛЬ МАТИУШ,
ТЫ МУЖЕСТВЕННЫЙ,
МУДРЫЙ И БЛАГОРОДНЫЙ
ПРАВИТЕЛЬ. ДАВАЙ ЗАБУДЕМ
ВРАЖДУ И БУДЕМ ЖИТЬ В
МИРЕ. МЫ ПОКЛАДЕМ
ТВОЮ СТРАНУ И
УХОДИМ К СЕБЕ.
СОГЛАСЕН ЛИ ТЫ
МИРЯТЬСЯ?

Матиуш, конечно, был согласен.

Солдаты ликовали. Ликовали их жёны, матери и дети. Кое-кто, правда, не испытывал радости; это были мошенники, для которых война — средство обогатиться. Но таких было немного.

На всех станциях по пути в столицу Матиуша встречали с триумфом.

На знакомом полустанке он велел остановить поезд и отправился навестить добрую стрелочницу.

— Пришёл к вам кофе пить, — улыбаясь, сказал Матиуш.

Добрая стрелочница не знала, куда посадить дорогого гостя.

— Честь-то, честь какая... — бормотала она, и из глаз у неё катились слёзы.

В столице короля возле вокзала ждал автомобиль. Но Матиуш потребовал белого коня.

Церемониймейстер схватился за голову, хотя в глубине души одобрил Матиуша: «Молодец! Королю полагается возвращаться с войны на коне, а не на резиновых шинах».

Матиуш медленно ехал верхом по улице, а из всех окон высовывались люди, и особенно много было всюду детей. Они бросали под копыта коню цветы и громко кричали:

— Да здравствует король Матиуш! Да здравствует король Матиуш! Ура, ура!..

Матиуш старался сидеть прямо в седле, но силы у него были на исходе. Атака, плен, освобождение, военный совет, битва, триумфальное возвращение в столицу — всё это утомило его. В голове шумело, перед глазами плыли огненные круги.

А тут ещё какого-то разину угораздило подбросить вверх шапку, да так ловко, что она угодила прямо в морду лошади. Пугливый норо-

вистый конь из королевской конюшни шарахнулся вбок, и Матиуш, не удержавшись в седле, упал на мостовую.

Его тотчас же подхватили на руки, уложили в карету и галопом помчали во дворец.

Матиуш не расшибся, не потерял сознания, только погрузился в глубокий сон. Он спал, спал, спал до вечера, с вечера до утра, с утра до обеда.

— Жрать давайте, сто тысяч чертей! — гаркнул он, едва продрал глаза.

Лакеи побелели от страха.

Через минуту на кровати, около кровати и под кроватью стояло сто блюд с разными лакомствами.

— Немедленно убрать эти заморские деликатесы! — крикнул Матиуш. — Подать сюда тушёную капусту с колбасой и пиво!

Беда! Катастрофа! Несчастье! В королевском буфете — ни кусочка колбасы. Спасибо, вручил сержант дворцовой стражи.

— Погодите вы у меня, маменькины сынки, слюнтяи, бездельники, неженки, мямли, белоручки, растяпы, вот я возьмусь за вас! — посыпались как из рога изобилия солдатские словечки.

Матиуш уплетал колбасу так, что за ушами трещало, и посмеивался про себя: «Ничего, будут по крайней мере знать, что с войны вернулся настоящий король, которого надо слушаться!»

Он предчувствовал: после победы на войне его ждут не менее серьёзные сражения с господами министрами.

Ещё на фронте до него дошли слухи, что министр финансов рвёт и мечет от ярости:

«Хорош победитель! А контрибуция где? Испокон века ведётся, кто проиграл войну, тот

платит контрибуцию. Ишь какой благородный! Ну и пусть сам хозяйничает, когда казна пуста. Посмотрим, чем заплатит он фабрикантам за пушки, сапожникам — за сапоги, за овёс, горох, крупу — поставщикам. Пока шла война, они терпеливо ждали, а теперь требуют платы. А где взять денег, если в казне ни гроша!»

Вне себя был и министр иностранных дел:

«Где это видано — заключить мир без министра иностранных дел! Пустое место я, что ли? Даже чиновники надо мной смеются!»

А к министру торговли пристал с ножом к горлу фабрикант игрушек: «Плати за фарфоровую куклу — и никаких гвоздей!»

У канцлера совесть была нечиста. Обер-полицмейстер боялся, как бы не узнали про его нелепые попытки найти короля.

Матиуш кое-что знал, кое о чём догадывался и решил навести порядок:

«Хватит, повластвовали! Пусть повинуются или убираются вон!» Нет, теперь он не станет просить канцлера остаться на своём посту, если тот прикинется больным.

Король облизал сальные губы, сплюнул на ковёр и приказал вылить на себя ведро холодной воды.

— Вот это я понимаю, — настоящий солдатский душ! — удовлетворённо сказал он, надел на голову корону и пошёл в аудиенц-зал.

Там он застал только одного военного министра.

— А остальные где?

— Ваша милость, они не знали, что вы желаете заседать.

— Может, они воображают, что я, как до войны, засяду за уроки с гувернёром? А они будут делать, что им заблагорассудится? Не видать им этого, чёрт возьми, как своих ушей!

Чтобы ровно в два часа все были в сборе. Такова моя королевская воля. Когда министры соберутся, повелеваю вам вызвать во дворец гвардейцев. Офицеру стоять у двери и ждать сигнала: когда я хлопну в ладоши, пусть входит с гвардейцами в зал. Скажу вам прямо, господин военный министр: если они захотят, чтобы всё осталось по-старому, как до войны, я велю их арестовать, сто тысяч чертей и бочка пороха им в зубы! Только это тайна.

— Слушаюсь, ваше королевское величество! — Военный министр вытянул руки по швам и щёлкнул каблуками.

Матиуш снял с головы корону и побежал в королевский парк. «Как давно я здесь не был!» — подумал он и, вспомнив Фелека, свистнул.

В ответ послышалось: «Ку-ку! Ку-ку!»

— Иди сюда, Фелек, не бойся! Теперь я настоящий король и не обязан ни перед кем отчитываться.

— А что отец скажет?

— Отцу скажешь, что ты королевский фаворит, и он тебя пальцем не посмеет тронуть!

— Кабы, ваше величество, соизволили выдать мне охранную грамоту....

— С удовольствием. Пойдём ко мне в кабинет.

Приглашать Фелека дважды не понадобилось...

— Господин статс-секретарь, прошу издать указ: с сегодняшнего дня Фелек назначается моим фаворитом.

— Ваше величество, осмелюсь доложить, такой должности при дворе никогда не было.

— А теперь будет! Такова моя королевская воля!

— Соблаговолите, ваше величество, подо-

ждать до заседания министров. Задержка пустяковая, зато все формальности будут соблюдены.

Матиуш уже готов был согласиться, но Фелек дёрнул его за рукав.

— Я требую, чтобы бумага была написана немедленно! — вспылил король.

Секретарь почесал за ухом и написал две бумаги. В одной говорилось:

*Я, король Матиуш Первый,
категорически требую, чтобы немед-
ленно был написан и скреплён
королевской печатью приказ о назначе-
нии ФЕЛЕКА придворным фаворитом.
В случае непослушания виновному
грозит суровая кара.
Довожу сие до сведения
статс-секретаря и собственно-
ручной подписью удостоверяю.*

Секретарь объяснил Матиушу, что иначе он не решился бы написать вторую бумагу о назначении Фелека придворным фаворитом. Матиуш сделал так, как просил статс-секретарь, и Фелек стал королевским фаворитом.

Матиуш показал Фелеку свои игрушки, книги. Они болтали, вспоминали войну, потом вместе пообедали, а после обеда побежали в парк.

Фелек позвал своих товарищей, и они весело провели время до заседания министров.

— Мне пора, — грустно сказал Матиуш.

— Будь я королём, нипочём не стал бы никого слушаться.

— Ты, Фелек, не понимаешь: мы, короли, не всегда делаем то, что нам хочется.

Фелек пожал плечами, выражая этим своё несогласие, и неохотно побрёл домой. Хотя в кармане у него лежал приказ, подписанный самим королём, он чуял, что дома встретит его суровый взгляд отца и знакомый окрик: «Пооди-ка сюда, бездельник! Ты где пропадал?»

Что следует обычно за этим коварным вопросом, Фелек отлично знал. «Но сегодня — другое дело», — утешил он себя.

Заседание началось. Министры жаловались и роптали.

«Казна пуста», — сетовал министр финансов. «Купцы во время войны разорились и теперь не платят налогов», — говорил министр торговли. «Вагоны после перевозки грузов на фронт пришли в негодность, требуется ремонт, а денег нет», — докладывал министр железных дорог. «Пока отцы были на войне, мальчишки совсем распустились, и учителя требуют, чтобы им повысили жалованье и вставили выбитые стёкла», — заявил министр просвещения. «Поля не засеяны...» «Товаров мало...» И так целый час — жалобы, нарекания...

Канцлер выпил стакан воды. Это означало, что он собирается произнести длинную речь. Матиуш страшно не любил, когда канцлер пил воду.

— Господа, сегодняшнее наше заседание ни на что не похоже! Люди несведущие могут подумать, будто здесь собрались побеждённые. А ведь мы победили! До сих пор было так: побеждённые платили победителям контрибуцию. И это совершенно справедливо, потому что войну выигрывает тот, кто не скупится на пушки, порох, провизию для солдат. Мы не жалели де-

нег и одержали победу. Наш отважный король Матиуш мог сам убедиться, что солдаты на фронте ни в чём не терпели недостатка. Так почему же, спрашивается, мы должны терпеть нужду в деньгах? Они первые напали на нас, но мы проявили великодушие и простили их. Спору нет, это очень благородно с нашей стороны. Но зачем же отказываться от контрибуции, то есть от возмещения военных расходов? От того, что принадлежит нам по праву? Отважный король Матиуш в порыве великодушия помиловал врагов — это поистине достойный и мудрый поступок. Однако отказ от контрибуции создал в стране исключительно тяжёлое финансовое положение. Конечно, дело это поправимое, недаром мы прочли столько учёных книг, у нас за плечами колоссальный опыт, и если его величество король Матиуш соблаговолит отнестись к нам с прежним доверием, если он, как до войны, будет прислушиваться к нашим советам...

— Господин канцлер, кончайте эту волынку! Меня не проведёшь, тут дело не в советах — просто вы по-прежнему хотите управлять страной, а я чтобы был пешкой в ваших руках. Так вот, я решительно заявляю нет! Сто тысяч чертей и бочка пороха вам в глотку, этот номер не пройдёт!

— Но, ваше величество...

— Довольно! Я не согласен — и всё! Такова моя королевская воля!

— Прошу слова! — сказал министр юстиции.

— Только покороче.

— В законодательном кодексе: том 814, часть XII, параграф 777555, страница 5, 14 строка, читаем: «Если наследник престола не достиг двадцати лет...»

— Господин министр, меня это не интересует.

— Понятно. Ваше величество хочет нарушить закон. Пожалуйста, наше законодательство предусматривает и это: параграф 105, 486...

— Господин министр, повторяю: меня это не интересует.

— Пожалуйста, есть у нас и такой закон: «Если король пренебрегает законами...»

— Сейчас же прекратите, холера вас возьми!

— О холере тоже есть закон. «В случае эпидемии...»

Потерявший терпение Матиуш хлопнул в ладоши, и в зал вошли гвардейцы.

— Отвести их в тюрьму! — приказал Матиуш.

— Об этом тоже вот говорится в законе! — обрадованно вскричал министр. — Это называется военной диктатурой... А вот это уже беззаконие! — завопил он, получив прикладом в бок.

Белые как мел министры гуськом прошествовали в тюрьму. Военный министр остался на свободе. Он отвесил королю низкий поклон и удалился.

Наступила гробовая тишина. Матиуш в одиночестве прогуливался по залу, заложив руки за спину, и каждый раз, проходя мимо зеркала, думал: «Я немного похож на Наполеона».

Но что же всё-таки делать?

На столе — кипа бумаг. Подписывать или не подписывать? Почему на одних написано: «Разрешаю», на других: «Не разрешаю», на третьих: «Отложить»?

Может, он зря арестовал всех министров? А может, этого вообще не следовало делать? Конечно, он сваял дурака с этой контрибуцией. Поторопился. Надо было посоветоваться с министром финансов.

Но откуда ему было знать, что существует какая-то контрибуция? В самом деле, рассуждая здраво, чего ради победители должны расплачиваться за разрушения из собственного кармана? Ведь не они первые начали.

Может, написать королям письмо? Их ведь трое, значит, им легче возместить военные убытки, чем ему.

А как пишутся такие письма? Министр юстиции сказал: том 814. Сколько же всего этих томов? А он-то прочёл всего-навсего два сборника сказок и жизнеописание Наполеона.

Бедный король совсем приуныл, но тут за окном послышалось кукование кукушки.

Кончилось проклятое одиночество!

— Послушай, Фелек, как бы ты поступил на моём месте?

— На месте вашего величества я бы играл в парке и на их заседания вовсе не ходил. Они бы делали что хотели, и я бы делал что хочу.

«Фелек не понимает, что долг короля — управлять страной и заботиться о благе своих подданных. Король не может, как простой мальчишка, играть всё время в салочки да в лапту», — подумал Матиуш, но вслух ничего не сказал.

— Теперь уже поздно. Они в тюрьме.

— Ну и пусть сидят, если такова ваша королевская воля.

— А ты посмотри, сколько бумаг! Если я не подпишу их, останятся фабрики, железные дороги...

— Ну тогда подпишите.

— Я без них как без рук. Даже старые опытные короли не могут обойтись без министров.

— Тогда выпустите их.

Матиуш чуть не кинулся Фелеку на шею. Какой он догадливый! А ему такой простой

выход в голову не приходил. В самом деле, ничего страшного не произошло. В любую минуту можно их выпустить, но с условием, чтобы они слушались его и ничего серьёзного одни не предпринимали. Потому что это ни в какие ворота не лезет! Король, точно воришка, тащит тайком из собственного буфета колбасу для своего друга. Или украдкой рвёт для него ягоды в собственном саду. Или с завистью смотрит из-за забора, как играют дети. Он тоже хочет играть. Он хочет, чтобы его учителем был капитан, под командой которого он воевал. Ведь ничего особенного он не требует: просто ему хочется жить как все дети.

Фелек спешил в город по делам и забежал одолжить немного денег: на трамвай, на папиросы, а если хватит, то и на шоколад.

— На, возьми, пожалуйста.

И Матиуш снова остался один.

Церемониймейстер явно избегал его, гувернёр куда-то исчез, а лакеи сновали бесшумно, как тени.

«Наверно, они считают меня тираном?» От этой мысли Матиушу стало не по себе.

Их страх понятен: ведь предок Матиуша, Генрих Свирепый, убивал людей, точно мух.

Что же делать? Как быть?

Хоть бы пришёл кто-нибудь.

И тут в комнату тихо вошёл старый доктор. Матиуш очень ему обрадовался.

— У меня к вашему величеству очень важное дело, — робко промолвил доктор. — Но я боюсь, вы не согласитесь.

— Разве я тиран? — спросил Матиуш, пристально глядя ему в глаза.

— Никто этого не говорит. Просто у меня к вам очень большая просьба.

— В чём дело, доктор?

— Я пришёл просить вас облегчить немного участь заключённых.

— Говорите смело, доктор. Я заранее на всё согласен. Я не сержусь на них и скоро выпущу из тюрьмы, но с условием, чтобы они меня слушались.

— Вот это по-королевски! — воскликнул обрадованный доктор и стал перечислять просьбы заключённых: — Канцлер просит подушку, матрац и перину — у него болят кости, он не может спать на соломе...

— А я на голой земле спал, — заметил Матиуш.

— Министр здоровья просит зубную щётку и порошок. Министр торговли не ест чёрный хлеб и просит прислать ему белый. Министру просвещения нужна книга. Обер-полицмейстер от огорчения заболел, ему необходимо лекарство.

— А о чём просит министр юстиции?

— Ни о чём. В своде законов, в томе 745, сказано: заключённые министры имеют право подать прошение на высочайшее имя только спустя три дня после ареста. А они сидят три часа...

Матиуш приказал выдать заключённым бельё, одеяла, подушки, отнести им обед из королевской кухни, а к ужину подать вино. Министра юстиции он велел привести под стражей к себе.

Когда министра привели, он любезно предложил ему сесть в кресло.

— Законно ли будет, если я выпущу вас завтра из тюрьмы? — спросил Матиуш.

— Не совсем, ваше величество. Впрочем, военная диктатура не признаёт законов. И если мы назовём это так, всё будет в порядке.

— А если я их выпущу, имеют они право посадить меня в тюрьму?

— Нет, ваше величество. Хотя, с другой стороны, в томе 949 есть оговорка о так называемом государственном перевороте.

— Ничего не понимаю,— признался Матиуш.— Сколько надо времени, чтобы во всём этом разобраться?

— Лет пятьдесят,— невозмутимо ответил министр.

Матиуш вздохнул. Корона всегда его тяготила, а сейчас она показалась ему тяжелее пушечного ядра.

С узников сняли оковы, привели в тюремную трапезную. С воли прибыли военный министр и министр юстиции. Тюремные стражи, держась за эфесы сабель, встали у дверей, готовые ко всему, и заседание началось.

Матиушу ночью не спалось, и он придумал выход из положения.

— Вы управляйте взрослыми, а я буду королём детей,— излагал он министрам свой план.— Я — мальчик и лучше знаю, что нужно детям. За собой я оставляю право поступать как захочу. Остальное пусть будет по-старому. Что говорится об этом в законах, господин министр?

— Таких законов нет,— последовал ответ.— На основании закона, том 1349, дети являются собственностью родителей. Есть только один выход.

— Какой? — вырвалось одновременно у всех.

— Если его величество будет именоваться Реформатором, том 1764, страница 377, королём Матиушем Реформатором.

— А что это значит?

— Так называют королей, которые изменяют старые законы и порядки. Если король скажет: «Я хочу издать такой-то и такой-то

закон», я ему на это отвечаю: «Нельзя, об этом уже есть закон». А если король скажет: «Я хочу провести реформу», тогда я отвечаю: «Пожалуйста, ваше величество!»

Все охотно с этим согласились. А вот с Фелеком дело неожиданно осложнилось.

— Королевским фаворитом он быть никак не может.

— Почему?

— Это противоречит придворному этикету,— брякнул кто-то.

Церемониймейстер на заседании не присутствовал. Поэтому проверить этого было нельзя. Фаворитов назначают только после смерти короля, пользуясь незнанием Матиуша, соврали министры, а они желают своему юному королю здравствовать долгие-долгие годы. Поэтому грамоту любой ценой у Фелека нужно отобрать.

— Да, это незаконный документ,— подтвердил министр юстиции. — Фелек может приходить в гости к королю, быть его другом, но закреплять это грамотой за подписью и печатью — такого закона нет.

— Ну ладно,— сказал Матиуш, желая испытать.— А что, если я не соглашусь и посажу вас опять в тюрьму?

— В вашем лице повелевает владыка государства,— улыбнулся министр юстиции.— Вы — король, воля ваша — закон.

«Вот чудачки! — подумал Матиуш.— Из-за какой-то жалкой бумажонки готовы в тюрьме томиться».

— Милостивый государь,— продолжал министр юстиции,— в наших законах предусмотрено всё. В том 235 говорится: «Король властен нарушить закон...», но тогда его называют не реформатором, а...

— Как? — с беспокойством спросил Ма-

тиуш, охваченный недобрым предчувствием.

— Тираном.

Матиуш вскочил с места. Сверкнули обнажённые сабли. Наступила мёртвая тишина. Побелев от страха, все ждали, что скажет король. Даже тюремные мухи перестали жужжать.

— Прошу с сегодняшнего дня именовать меня Матиушом Реформатором... Вы свободны, господа,— отчеканивая каждое слово, громко сказал Матиуш.

Смотритель тюрьмы отнёс кандалы в чулан, тюремная стража вложила сабли в ножны, а привратник отворил тяжёлую, окованную железом тюремную дверь. Министры от радости потирали руки.

— Минуточку, господа. Я хочу провести реформу: выдать завтра каждому школьнику по фунту шоколада.

— Слишком много,— авторитетно заявил министр здоровья.— Животы заболят. Хватит и четверти фунта.

— Ну хорошо, чёрт с вами, четверть фунта.

— У нас в государстве пять миллионов школьников, считая лентяев и хулиганов...

— Всех считать! — воскликнул Матиуш.— Всех без исключения!

— Наши фабриканты изготовят столько шоколада не раньше чем через десять дней.

— А чтобы развести его по всей стране, потребуется ещё неделя.

— Ваше пожелание, государь, можно выполнить только через три недели.

— Ничего не поделаешь, придётся подождать,— недовольным тоном сказал Матиуш. В глубине души ему было неприятно, что он сам не сообразил этого. Однако он не подал виду и вслух сказал: — Завтра же объявить об этом в газетах!

— Простите, ваше величество...— заметил министр юстиции.— Детям, конечно, будет очень приятно получить шоколад, но это не реформа. Это королевский дар. Вот если бы ваше величество изволили объявить, что каждый школьник будет ежедневно получать за счёт государства шоколад, тогда другое дело. Это уже закон. А так это угощение, подарок, пожертвование...

— Ну хорошо, подарок так подарок,— поспешил согласиться Матиуш. Он устал и боялся, как бы опять не начались долгие разговоры и споры.— Заседание объявляю закрытым. До свидания, господа.

Приехав во дворец, Матиуш помчался в парк и свистнул.

— Ну, Фелек, теперь я настоящий король! Всё хорошо!

— Кому хорошо, а кому плохо.

— Что случилось? — удивился Матиуш.

— Отец из-за этой бумажки всю спину мне исполосовал.

— Что ты говоришь! — Матиуш был поражён.

— Ага. «Пусть, говорит, король какими хочет милостями тебя осыпает, это его дело, а я с тебя, негодяй, шкуру спущу, потому что это моё, отцовское право. Во дворце ты — королевский фаворит, а дома — мой сын. Отцовская рука надёжней королевской милости».

Жизнь научила Матиуша быть осмотрительным и, главное, не торопиться, не делать ничего сгоряча. В жизни как на войне: хочешь победить, тщательно готовься к бою. С этой бумагой он опять поспешил. Свалял дурака. И поставил себя в глупое положение. Что же получается? Он, король, выдаёт охранную грамоту,

а простой сержант, невзирая на неё, лупит по-чём зря своего сына.

— Видишь ли, Фелек, мы с тобой немного поторопились. Помнишь, я говорил даже, что лучше подождать. Сейчас я тебе всё объясню...

И Матиуш рассказал ему историю с шоколадом.

— Короли не могут делать всё, что захотят.

— Угу, ваше величество.

— Фелек, называй меня по-прежнему Томеком. Ведь мы вместе воевали и тебе я обязан жизнью.

И они решили называть друг друга по имени, когда будут одни.

— Железно, Крушигора!

— Железно, Вырвидуб!

Теперь и про злополучную грамоту стало легче говорить.

— Вместо неё я дам тебе коньки, два мяча, альбом с марками, лупу и магнит.

— А отец меня снова выдерет...

— Потерпи немного, Фелек. Короли не могут сделать всё сразу. Они тоже подчиняются закону.

— А что это за штука — закон?

— Я ещё сам хорошенько не знаю. Кажется, такие книги.

— Угу.— Лицо Фелека омрачилось.— Ты там на разных заседаниях бываешь, учишься понемногу, а я вот...

— Не горюй, дорогой Фелек. Увидишь, как будет здорово! Если одного моего слова достаточно, чтобы пять миллионов детей получили шоколад, значит, и для тебя я смогу сделать много хорошего. Ты и не знаешь, как долго я не засыпаю по вечерам. Ворочаюсь с боку на бок и всё думаю, думаю: как сделать, чтобы всем было хорошо. Теперь мне легче. Для взрослых

придумать что-нибудь приятное трудно: у них есть деньги, они могут купить себе что хотят...

— Не понимаю, зачем думать всё время о других,— перебил Фелек.— Я на твоём месте приказал бы сделать в парке качели, карусели с музыкой...

— Тебе этого не понять, потому что ты не король... Ну что же, это хорошая идея. На следующем заседании я предложу во всех школах сделать качели и карусели.

— И тир, и кегельбан.

— Хорошо.

Министры прямо из тюрьмы отправились в кондитерскую и заказали себе кофе со сливками и пирожные с заварным кремом. Но обретенная свобода не принесла желанной радости. Они понимали: с королём-мальчишкой сладить будет нелегко. Прощай покой и вольготная жизнь!

— Главное, деньги занять.

— А новые нельзя выпустить?

— С этим придётся подождать. Мы и так во время войны страсть сколько их навывпускали.

— Хорошенькое дело — ждать! А срочные долги как прикажете платить?

— Я предлагаю взять в долг у иностранных королей.

Министры слопали по четыре пирожных с заварным кремом, выпили кофе со сливками и разошлись по домам.

На другой день канцлер доложил королю: без займа за границей никак не обойтись. Но послание надо сочинить так ловко, чтобы богатые короли не отказали. Поэтому придётся заседать два раза в день.

Военный министр привёз во дворец капитана. Матиуш очень обрадовался и спросил, нельзя ли произвести его в майоры. Но ока-

залось, он ещё слишком молод для этого.

— С капитаном я буду заниматься по всем предметам, а с гувернёром — иностранными языками.

Матиуш занимался с таким рвением, что даже игры забросил. Капитан жил очень далеко, на окраине, и Матиуш предложил ему переехать с семьёй во дворец. У капитана было двое детей: сын Стасик и дочка Еленка. Дети скоро подружились и стали вместе учиться и вместе играть. Изредка приходил Фелек, До учёбы он был не охотник и поэтому часто пропускал уроки.

На заседаниях Матиуш появлялся очень редко.

— Жалко время терять, — говорил он. — Скука смертная, и ничего не поймёшь.

Теперь в королевский парк приходили дети из соседних дворов. Отец Фелека был мастером на все руки: он сделал ребятам качели. Ребята качались на них, играли в салочки, в мячик, в пожарных, катались на лодке и ловили рыбу в королевском пруду. Новые порядки пришлись не по вкусу королевскому садовнику, и он даже пожаловался дворецкому. Но тот только руками развёл: ничего, мол, не поделаешь, такова королевская воля. Ребята нечаянно разбили несколько стёкол. Однако никто даже не пикнул. На то Матиуш и реформатор, чтобы новые порядки заводить.

Осенью Матиуш приказал позвать печника и сложить в тронном зале печь: «Надоело мне дрожать от холода во время аудиенций».

В плохую погоду игры переносились во дворец. Поначалу лакеи ворчали. Дети оставляли на полу грязные следы, и приходилось то и дело подметать да подтирать блестящий как зеркало паркет. Зато теперь обращалось меньше

внимания на такую ерунду, как непришитая пуговица, неряшливая причёска и прочее, и у лакеев оставалось больше свободного времени. И потом, раньше во дворце царила гробовая тишина и становилось порой жутковато. То ли дело теперь: смех, бего́тня, крик. Часто в играх принимал участие весёлый капитан. А случилось, и старый доктор пустится в пляс или начнёт через верёвочку скакать. Вот потеха!

Наконец настал день раздачи шоколада. В столице ребята выстроились вдоль улиц в две шеренги. По улицам ехали грузовики, и солдаты раздавали шоколад. За грузовиками в открытом автомобиле ехал Матиуш. Ребята ели шоколад, смеялись и кричали:

— Да здравствует король Матиуш!

Король вскакивал, приподнимал шляпу, махал носовым платком, вертелся, улыбался, кивал, шевелил руками, ногами, чтобы никто не подумал, будто по городу опять возят фарфоровую куклу.

Но это ещё не всё. Вечером прилежных и послушных учеников пригласили в театр. Театр был битком набит. А в королевской ложе сидели Матиуш, капитан, Фелек и Стасик с Еленкой.

Когда Матиуш появился в ложе, оркестр заиграл государственный гимн. Все встали, а Матиуш замер — руки по швам, так полагалось по этикету. Ребята весь вечер любовались своим королём. Одно только их огорчало: он был без короны.

Министры на представление не пришли: им было некогда. Они как раз дописывали письмо с просьбой о займе. Только министр просвещения забежал в театр на минутку и удовлетворённо сказал:

— Вот это я понимаю. Послушные дети награждены по заслугам.

Но всему приходит конец — кончился и праздник. А назавтра Матиуша ожидали тяжёлые королевские обязанности.

Послание королям читали в торжественной обстановке. Во дворец съехались все министры и все иностранные послы.

С поистине королевским достоинством восседал Матиуш на троне и внимательно и благосклонно слушал послание, которое министры сочиняли целых три месяца. С непривычки очень трудно было вынести эту скучную, утомительную процедуру. Особенно после вчерашнего весёлого дня.

Послание состояло из трёх частей.

В первой, исторической, упоминалось о том, как часто великие предки Матиуша выручали из беды соседние государства, предоставляя им займы на выгодных условиях.

Во второй, географической, части подробно перечислялось, сколько у Матиуша земель, городов, лесов, какие у него запасы угля, соли, нефти, сколько человек живёт в его государстве, сколько пшеницы, картофеля, сахарной свеклы ежегодно выращивается на полях, и так далее.

Третья часть была посвящена экономике. В ней говорилось, как богата и обильна земля Матиуша. Сокровищница полна, подати поступают в казну исправно. Словом, денег куры не клюют. Министры, конечно, заврались. Но они написали так нарочно: пусть короли не сомневаются, что Матиуш вернёт долг.

А деньги Матиушу, следовало из четвёртой части, нужны, чтобы сделать страну ещё прекрасней: построить новые города, железные дороги, фабрики.

Если бы не бесконечные цифры — миллионы и десятки миллионов, слушать было бы, пожалуй, интересно. Но, оглушённый потоком

цифр, Матиуш начал зевать, а чужеземные послы с нетерпением поглядывали на часы.

Но вот чтение подошло к концу.

— Мы передадим послание нашим правительствам. Короли наши хотят жить в мире с Матиушем, и мы надеемся, они не откажутся дать ему денег в долг, — пообещали послы.

Матиушу подали ручку с золотым пером, усыпанную драгоценными камнями. И он сделал такую приписку:

.....
*Ваши королевские величества!
Я вас победил и не взял контри-
буции, а теперь прошу дать мне
взаймы денег.
Не будьте жадинами, дайте.*

.....
Король Матиуш Первый
Реформатор. **М**

Иноземные короли пригласили Матиуша в гости. А вместе с ним капитана, доктора, Стасика и Еленку.

«Приезжайте, пожалуйста, ваше величество! Мы постараемся, чтобы Вам было весело и хорошо», — писали короли.

Матиуш очень обрадовался. До сих пор он был только в одном заграничном городе, и то во время войны. А теперь увидит целых три столицы, три королевских дворца и три королевских парка! Вот здорово! Одна столица славится зоологическим садом, где собраны звери со всего света. В другой, по словам Фелека, есть высоченный дом, почти до облаков. А в третьей — витрины такие красивые, что глаз не оторвёшь.

Министров не пригласили, и они обиделись. Но обижайся не обижайся, а раз не пригласили, придётся дома сидеть. Главный казначей заклинал Матиуша не брать у королей денег и не подписывать никаких бумаг.

— Ваше величество, вы не подозреваете, какие они обманщики! — говорил он.

— Ничего, не обманули, когда поменьше был, а теперь и подавно не обманут, — сказал Матиуш самоуверенно. Но в душе обрадовался предостережению казначея и решил ничего не подписывать. «Может, это и правда ловушка, недаром никого из министров не пригласили».

«Вот счастливчик! — завидовали Матиушу. — Сколько стран повидает!»

Во дворце поднялась суматоха: укладывали вещи в сундуки, портные приносили новые костюмы, сапожники — новые башмаки. Церемониймейстер как угорелый носился по дворцу — следил, как бы чего не забыли.

Наконец наступил долгожданный день отъезда. К дворцу подкатили два автомобиля: в один сел Матиуш с капитаном, во второй — доктор, Стасик и Еленка. Улицы были запружены народом. Вдогонку королевскому автомобилю несло радостное «Ура!» У перрона стоял королевский поезд, и все министры были в сборе.

Матиуш уже ездил однажды королевским поездом, когда возвращался с войны. Но тогда от усталости он ничего не замечал вокруг. Теперь другое дело: ехали для развлечения, и можно было ни о чём не думать. По правде говоря, это был заслуженный отдых после тяжёлых военных походов и не менее тяжёлой борьбы с министрами.

Матиуш со смехом рассказывал своим спут-

никам, как прятали их с Фелеком солдаты под шинелями от поручика — теперешнего его учителя. Вспоминал солдатскую похлёбку, кусачих блох и то, как, стоя на крыше хлева, встретился он взглядом с военным министром, который ехал вот этим самым поездом.

— Тут мы целый день простояли! А с этой станции нас отправили обратно! — то и дело восклицал Матиуш.

Королевский поезд состоял из шести вагонов. Один вагон спальный, здесь у каждого было по отдельному купе с мягкой полкой-кроватью, умывальником, столиком и откидным стульчиком. Во втором вагоне помещался ресторан. Посередине стоял стол, вокруг стулья, на полу лежал пушистый ковёр, и всюду цветы, цветы... В третьем — библиотека; там, кроме книг, были и любимые королевские игрушки. В четвёртом — кухня. В пятом ехали королевские слуги: повар и лакеи. В шестом везли королевский багаж.

Дети по очереди высовывались в окошко, смеялись, болтали. Всё их забавляло и радовало. На больших станциях паровоз останавливался, чтобы набрать воду. Вагоны плавно катились по рельсам — ни толчков, ни стука!

Вечером в обычное время дети легли спать, а проснулись уже за границей.

Едва успел Матиуш одеться и умыться, как явился посланец чужеземного короля.

Оказывается, он сел в поезд ночью на границе и теперь, как предписывалось здешними обычаями, будет сопровождать гостей до самой столицы.

— Когда поезд прибывает в столицу вашего короля?

— Ровно через два часа.

Хотя Матиуш знал несколько иностранных

языков, было приятно слышать из уст королевского посланца родную речь.

Приём, оказанный Матиушу, не поддаётся описанию. Не как покоритель городов и неприступных крепостей, а как покоритель сердец въезжал он в столицу чужой страны. Седовласый король со своими взрослыми детьми и внуками встречал его на вокзале. А утопающий в зелени и цветах вокзал напоминал прекрасный сад. На перроне гирлянды цветов сплетались в надпись, которая гласила: «Добро пожаловать, юный друг!» В четырёх длинных приветственных речах Матиуша называли добрым, мудрым и отважным. Ему желали здоровья и долгих лет царствования. На серебряном подносе преподнесли хлеб-соль, на шею надели высший орден государства — орден Льва с большущим бриллиантом. Старый король отечески поцеловал его, и у Матиуша слёзы навернулись на глаза: он вспомнил своего отца. Играл оркестр, развевались знамёна, через улицы были перекинуты триумфальные арки, а с балконов свисали ковры и флаги.

Матиуша на руках внесли в автомобиль. На всём пути его громогласно приветствовали огромные толпы, словно люди съехались сюда со всего света. В честь приезда Матиуша школьников на три дня освободили от занятий, и они, ликуя, высыпали на улицы.

Никогда Матиуша не приветствовали так восторженно даже в собственной столице.

На площади перед дворцом толпился народ, требуя, чтобы юный король что-нибудь им сказал. Был уже вечер, когда Матиуш вышел на балкон.

— Я ваш друг! — крикнул он.

В ответ прогремели пушечные залпы, вспыхнули фейерверки и бенгальские огни. По небу

рассыпались красные, голубые, зелёные звёзды. Красиво, как в сказке!

И завертелось колесо развлечений: балы, театры, днём прогулка в горы, посещение старинных замков, затерявшихся в лесах, охота, военные парады, а вечером опять торжественные обеды, театры — и так без конца.

Внуки и внучки короля с радостью отдавали Матиушу самые лучшие игрушки. Ему подарили двух красавцев коней, маленькую серебряную пушечку и волшебный фонарь с картинками неопишуемой красоты.

Но самое интересное было впереди. В один прекрасный день королевский двор отправился на автомобилях к морю. И Матиуш увидел самый впечатляющий морской бой. И в первый раз в жизни плыл на флагманском корабле, названном его именем.

Десять дней пролетели незаметно. Матиуш с удовольствием погостил бы здесь подольше, но пора было ехать к тому королю, которого он отпустил из плена.

Этот король был победней, поэтому встречали Матиуша с меньшей роскошью, но не с меньшей сердечностью. И среди гостей были здесь зато жители Азии, Африки, Австралии. Матиуш впервые увидел китайцев с косами, негров, у которых в носу и ушах были украшения из ракушек и слоновой кости. Матиуш подружился с ними. И вождь одного племени подарил ему четырёх говорящих попугаев. Другой вождь преподнёс в дар крокодила и боа в огромном террариуме. Третий — двух забавных дрессированных обезьянок; они так потешно кривлялись, что нельзя было без смеха смотреть на них.

Побывал Матиуш и в зверинце, который славился на весь мир. Кого там только не было!

От самых больших до самых маленьких обитателей суши и моря. Пингвины — птицы, похожие на людей. Белые медведи. Зубры. Огромные индийские слоны. Львы. Тигры. Волки. Лисы. А сколько рыб и разноперых птиц! Одних только обезьян около пятидесяти видов!

— Это подарки моих африканских друзей, — сказал король.

И Матиуш подумал: хорошо бы пригласить их к себе и устроить такой же замечательный зверинец. «Если звери понравились мне, значит, понравятся всем ребятам», — решил Матиуш.

Жалко уезжать, да ничего не поделаешь, пора! Интересно, что покажет Матиушу третий король? Кажется, это у него в столице высоченный дом, о котором говорил Фелек.

У третьего, самого молодого, короля было печальное лицо. Он принял Матиуша приветливо и ласково, но очень скромно. Это удивило Матиуша и немного даже обидело.

«Скупой небось», — неприязненно подумал он.

Ещё больше удивился Матиуш, когда увидел королевский дворец, который ничем не отличался от соседних особняков. И окончательно разинул рот, заметив у одного лакея грязные перчатки и — дырку на королевской скатерти, правда искусно заштопанную шёлковыми нитками; но дырка есть дырка, какая бы маленькая она ни была, и никакие шёлковые нитки тут не помогут.

Но каково же было изумление Матиуша, когда он попал в сокровищницу этого скупца. Горы золота, серебра и драгоценных камней переливались и сияли так, что глазам больно.

— Какой вы богач! — невольно вырвалось у Матиуша.

— Ну что вы! Если эти сокровища разделить поровну между всеми жителями моей страны, каждому достанется по маленькой монетке.

Он сказал это так просто и искренне, что Матиуш преисполнился к нему симпатией. И обиды как не бывало!

По вечерам, когда они не ходили в театр, король играл на скрипке. От его игры становилось грустно-грустно и из груди невольно вырывался вздох.

«Какие разные бывают короли», — дивился про себя Матиуш.

— В вашей столице, кажется, есть очень высокий дом? — спросил однажды Матиуш.

— Да, парламент. Я думал, вам это будет неинтересно. Ведь у вас народ не участвует в управлении государством.

— Нет, что вы! Мне бы очень хотелось увидеть этот... этот парламент.

Что это за штука, Матиуш так и не понял.

«Чудно, я столько слышал рассказов про подвиги королей, живших сто, двести, тысячу лет назад, а про то, как живут и что делают теперешние короли, мне никогда ни слова не говорили. Может, знай я их раньше, и до войны бы не дошло».

Король снова заиграл на скрипке.

— Почему вы играете так печально? — спросил Матиуш.

— Жизнь печальна, мой друг, особенно у королей.

— У королей?! — удивился Матиуш. — А вот короли, ваши соседи, очень весёлые.

— Это они только при гостях притворяются весёлыми и беспечными. Таков обычай. А на самом деле им тоже грустно: ведь они проиграли войну!

— Значит, и вы грустите поэтому?

— Нет. Меня это даже радует.

— Радует? — поразился Матиуш.

— Да. Я был против войны.

— Почему же вы тогда воевали?

— Другого выхода не было.

«Вот чудак, не хочет воевать и воюет. И ещё рад, что проиграл войну. Таких чудачков я ещё не встречал».

— Победа — опасная вещь, — словно про себя проговорил король. — Победители часто забывают о своём долге.

— О каком долге? — недоумевая, переспросил Матиуш.

— О королевском. Король обязан заботиться о благе своего народа. Корону носить — дело нехитрое. А вот как сделать людей счастливыми? Существуют реформы... — как бы размышлял вслух Печальный король.

«Интересно», — подумал Матиуш.

— Но реформы — вещь непростая, очень непростая.

И из-под смычка полились такие жалобные звуки, словно случилось непоправимое несчастье.

В ту ночь Матиуш долго не мог уснуть. Он ворочался с боку на бок, а в ушах раздавался жалобный плач скрипки.

«Надо обязательно с ним поговорить, посоветоваться. Кажется, он хороший человек. А то я называюсь Реформатором, а что такое реформы, не знаю. По его словам, это вещь очень непростая».

Но эти мысли вытеснили другие:

«А вдруг он только притворяется добрым? А на самом деле они сговорились и поручили ему обмануть меня, вкравшись в доверие и заставить подписать какую-нибудь бумагу?»

Странно, почему короли ни словом не обмолвились о займе и вообще ни о чём серьёзном не заходили речи. Обычно, когда они собираются, то говорят о политике и других важных вещах. А тут ни слова. Или они считают меня маленьким? Тогда почему Печальный король разговаривает со мной, как со взрослым?»

Матиушу нравился Печальный король, но он ему не доверял. Жизнь с ранних лет учит королей подозрительности.

Чтобы заснуть поскорее, Матиуш потихоньку стал напевать самую грустную песенку, какую только знал. Вдруг в соседней комнате послышались шаги.

«Может, меня хотят убить? — промелькнуло у него в голове. — В истории сколько раз так бывало: заманят короля в ловушку и предательски умерщвляют». Наверно, бессонница и печальная песенка виной тому, что у него зародились такие чудовищные подозрения.

Матиуш щёлкнул выключателем и полез под подушку за револьвером.

— Не спишь, Матиуш? — спросил, входя в комнату, Печальный король.

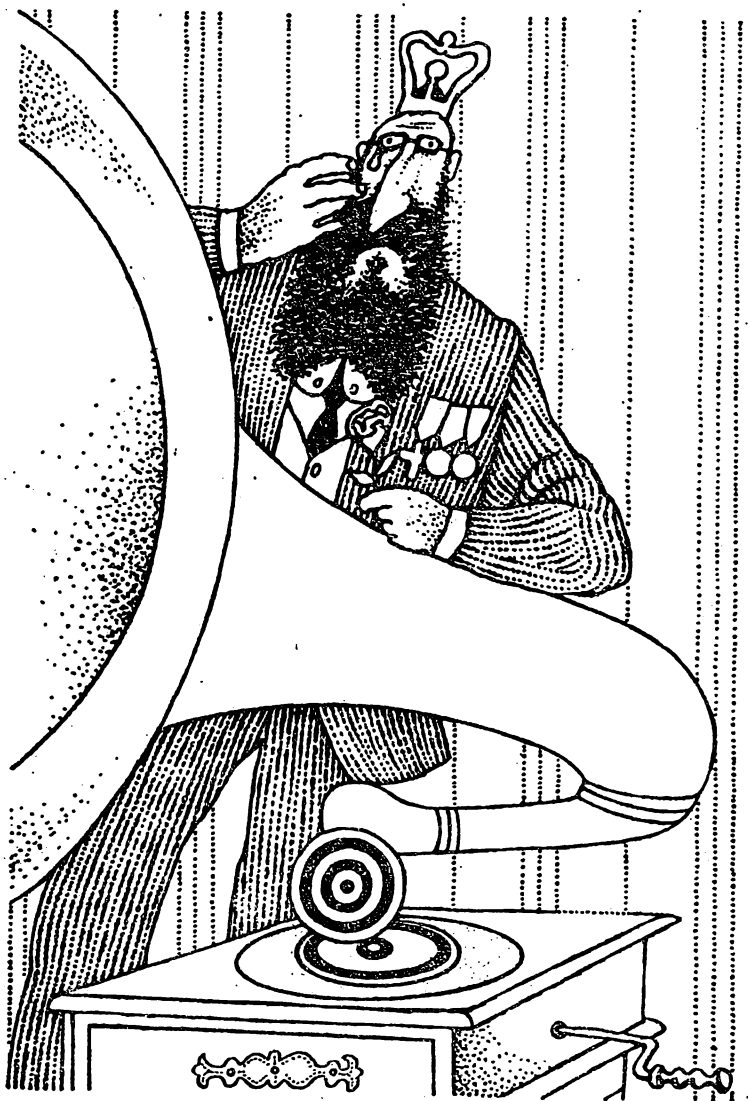
— Да, не спится что-то.

— Значит, маленьким королям тоже не дают покоя невесёлые мысли? — Печальный король печально улыбнулся и присел на край постели.

Он сидел и молча глядел на Матиуша. И Матиуш вспомнил, что вот так же смотрел на него отец. Тогда это ему не нравилось, а теперь от ласкового взгляда становилось теплей на душе.

— Я видел, как ты удивился, услышав, что я не хотел с тобой воевать, а всё-таки воевал. Тебе всё ещё кажется, будто короли делают что хотят.

— Нет, я знаю, мы часто должны по-

ступать так, как велит закон и этикет.

— Ну да, сначала примем плохой закон, а потом волей-неволей исполняем его.

— А разве хорошие законы нельзя принимать?

— Можно и даже нужно! Ты, Матиуш, ещё очень молод, учись и вводи в своей стране законы справедливые, мудрые.

Печальный король положил маленькую руку Матиуша на свою большую ладонь и долго смотрел на неё, будто сравнивал. Потом нежно погладил её и поцеловал мальчика в лоб.

Матиуш смутился, а король, понизив голос, торопливо заговорил:

— Вот послушай. Мой дед освободил народ, но злые люди убили его, и народ по-прежнему стал бесправен. Отец воздвиг огромный памятник Свободе. Завтра ты его увидишь. Красивый памятник, но какой от него прок, если на свете по-прежнему бушуют войны, по-прежнему есть бедные и несчастные. Я построил парламент. И всё равно ничего не изменилось. А знаешь, Матиуш,— сказал он таким тоном, словно припомнил что-то очень важное,— может, ошибка наша заключалась в том, что мы издавали законы для взрослых. Попробуй начать с детей. Может, тогда что-нибудь получится. Ну, спи, дорогой мальчик! Ты приехал развлекаться, а я морочу тебе по ночам голову всякой чепухой. Покойной ночи!..

На другой день Матиуш попытался продолжить ночной разговор, но Печальный король всячески избегал этого. Зато он подробно объяснил Матиушу, что такое парламент.

Парламент помещался в большом красивом здании, внутри оно напоминало не то храм, не то театр. На возвышении за столом разместились какие-то важные господа, как у Матиуша

во дворце во время заседаний. Но тут в зале стояло ещё много-много кресел, на которых сидели мужчины. Они выходили на трибуну и произносили длинные речи. По бокам были ложи, а в ложах — министры. В стороне за большим столом примостились корреспонденты, которые писали в газеты о том, что слышали и видели в парламенте. На галёрке было полным-полно народу. Когда Матиуш с Печальным королём вошли в зал, оратор обвинял в чем-то министров.

— Мы этого не потерпим! — истошно кричал он и потрясал кулаками. — Или вы будете слушаться, или мы прогоним вас в шею! Нам нужны умные министры!

Следующий оратор говорил прямо противоположное: министры очень умные и других нам не надо.

Началась перебранка, шум, крик. Кто-то вопил: «Долой министров!» Другой орал: «Позор!» А когда Матиуш выходил из зала, слышался крик: «Долой короля!»

— Из-за чего они ссорятся?

— Им плохо живётся.

— А что будет, если они прогонят министров?

— Выберут других.

— Ну, а тот, кто кричал «Долой короля!», он что, сумасшедший?

— Нет, просто он против короля.

— А короля могут свергнуть?

— Конечно.

— А потом?

— Выберут нового.

Газеты на родине Матиуша целый месяц писали о том, какой пышный приём оказывают их юному монарху за границей, какие препод-

носят ему ценные подарки, как его любят и уважают. Хитрые министры решили воспользоваться этим и выманить у чужеземных королей побольше денег. Успех обеспечен, считали они, если, конечно, Матиуш опять не выкинет чего-нибудь и не испортит всё дело. «Хорошо ещё, что короли не обиделись за дурацкую приписку, — рассуждали они. — Ни один реформатор, даже самый великий, не позволил себе на официальном документе написать: «Не будьте жадинами».

Итак, министры хотели избавиться от Матиуша. И подходящий предлог нашёлся: Матиуш, мол, переутомлён и нуждается в отдыхе.

Матиуш очень обрадовался и изъявил желание поехать к морю. Отправились всей компанией: Матиуш, капитан, Стасик, Еленка и доктор. На этот раз Матиуш ехал в обыкновенном поезде, останавливался не во дворцах, а в простых гостиницах, носил скромный костюм и величали его не «величеством», а «сиятельством». Это означало, что король путешествует инкогнито. Если король хочет ехать туда, куда его не звали, он делает вид, что он вовсе не король.

Матиушу это нравилось. Можно играть с другими детьми и, хотя бы на время, превратиться в обыкновенного мальчика.

Жилось им на взморье привольно: они купались, собирали на берегу ракушки, строили из песка замки и крепости, ездили верхом, катались на лодке, ходили в лес по грибы и ягоды.

Для Матиуша время летело особенно быстро, потому что он снова начал заниматься с капитаном. Три урока в день — сущий пустяк, особенно если учитель — твой кумир.

Со Стасиком и Еленкой Матиуш подружился.

Они были славные ребята и ссорились с ним очень редко — и то ненадолго.

Как-то он повздорил с Еленкой из-за большого белого гриба. Матиуш сказал, что он первый увидел его, а Еленка — что она. Матиуш не стал бы с ней спорить: подумаешь, велика важность — гриб, особенно для короля! Но зачем же врать и хвастаться?

— Я увидел его и закричал: «Смотрите, какой огромный гриб!» — и показал пальцем, а ты подлетела и сорвала.

— Раз я сорвала, значит, он мой!

— Ты была ближе, а первым увидел его я. Еленка разозлилась, швырнула гриб на землю и давай топтать:

— Не нужен мне ваш гриб! Не нужен!

Но потом ей стало стыдно, и она расплакалась.

«Станный народ эти девчонки, — подумал Матиуш, — сама растоптала, а теперь ревёт».

В другой раз получилось вот что. Стасик построил из песка крепость с высокой башней. Как трудно из песка построить высокую башню, всем известно. Песок должен быть мокрый, значит, выкапывать его приходится из глубины. Намучился Стасик со своей крепостью, пока не догадался вставить в середину палку. Ему хотелось посмотреть, что будет, когда в крепость ударит набежавшая волна. А Матиушу стрельнуло вдруг что-то в голову, и он с криком: «Ура! На штурм!» — налетел с разбегу на крепость и растоптал её. Сначала Стасик очень рассердился. Но потом рассудил: видно, короли так устроены, что не могут равнодушно видеть чужих крепостей и не брать их штурмом. Он подулся немного, и они помирились.

Иногда капитан вспоминал, как он сражался в африканских пустынях. Очень интересно рас-

сказывал и доктор про микробов, которые, словно неприятельское войско, нападают на человека. Но у того в крови есть защитники — маленькие белые шарики. Они набрасываются на врагов-микробов, и, если одолевают их, человек выздоравливает, а если нет — умирает. В человеческом теле есть и крепости со множеством ходов, ловушек, рвов — это железы. Попадут микробы в такую крепость, заблудятся, а шарики-солдаты тут как тут — накидываются на них и уничтожают.

Познакомились ребята с рыбаками. Рыбаки научили их распознавать по небу, будет ли буря и какая — сильная или не очень.

Весело было играть, интересно слушать разные истории. Но иногда Матиуш один убежал в лес или под предлогом, что идёт искать ракушки, отделялся от остальной компании и уходил на берег моря. Там он садился на камень и думал, что сделает, когда вернётся домой.

Может, устроить так, как у Печального короля? Может, лучше, когда правит народ, а не кучка министров и король? А то создаётся безвыходное положение, как тогда, после войны: он — маленький, министры — глупцы и мошенники. Посадил он их в тюрьму и, оставшись один, не знал, что делать. А так пошёл бы в парламент и сказал: «Выберите других, хороших министров».

Матиуш подолгу размышлял об этом, но ему хотелось с кем-нибудь посоветоваться. И вот, когда они гуляли вдвоём с доктором, он спросил:

— Скажите, доктор, все дети такие здоровые, как я?

— Нет, Матиуш (доктор называл его просто по имени: ведь Матиуш жил здесь инкогнито), на свете много слабых и больных детей. Они

живут в сырых, тёмных каморках, лето проводят в душном городе, голодают и поэтому часто болеют.

Матиуш сам видел тёмные, смрадные жилища бедняков и по своему опыту знал, что такое голод. Он вспомнил, как предпочитал иной раз ночевать под открытым небом на голой земле, чем в крестьянской хате. Вспомнил бледных, кривоногих ребятишек, которые выпрашивали солдатскую похлёбку. С какой жадностью уплетали её! Но Матиуш думал: так бывает только в войну, а оказывается, дети мёрзнут и голодают в мирное время.

— А нельзя сделать так, чтобы у всех были тёплые, светлые дома с садами и вдоволь еды?

— Это очень трудно.

— Ну, а если я очень захочу?

— Конечно, можно. От короля многое зависит. Вот, например, последний король, у которого мы были, тот, что играл на скрипке, построил больницы, дома для бедных детей, у него в стране ребята летом выезжают за город. Он издал такой закон: каждый город обязан построить в деревне дома, куда на целое лето отправляют слабых, болезненных детей.

— А у нас?

— У нас такого закона нет.

— Ну так будет! — вскричал Матиуш и топнул ногой. — Милый, хороший доктор, помогите мне! Министры опять начнут говорить, это невозможно, того, другого нет, а я не знаю: правда это или враньё?

— Это и на самом деле нелегко.

— Согласен, что нелегко, но всё-таки возможно. Пример тому — история с шоколадом.

— Шоколад — это пустяки.

— Почему Печальному королю легко, а мне трудно?

— Ему тоже нелегко.

— Ну и пусть трудно, а я всё равно сделаю, чего бы мне это ни стоило!..

Над морем опускалось огромное пурпурное солнце. И Матиуш уже видел в мечтах, как все ребята в его стране любят закатами и восходами, катаются на лодках, купаются в море, ходят в лес по грибы.

— А почему, если он такой добрый, кто-то крикнул в парламенте «Долой короля!»? — спросил Матиуш на обратном пути.

— Всем ведь трудно угодить.

Матиуш вспомнил, как солдаты насмехались над королями. Если бы не война, он до сих пор воображал бы, что его все обожают и, завидев, готовы кидать шапки в воздух от восторга.

После этого разговора Матиуш стал ещё прилежнее учиться и поговаривал, что пора домой.

«Надо браться за реформы,— думал он.— Чем я хуже других королей, у которых дети летом выезжают за город?»

Когда Матиуш вернулся к себе в столицу, всё было подготовлено, чтоб получить деньги у иностранных королей. Не хватало только его подписи.

Матиуш расписался там, где нужно, и тотчас главный кассир государства с мешками и сундуками отправился за золотом и серебром.

Матиуш с нетерпением ждал денег, ему хотелось поскорей приняться за свои реформы. Их было три:

1. В лесах, в горах, на берегах рек и озёр построить дома, в которых летом будут отдыхать дети бедняков.

2. Во всех школьных дворах соорудить качели и карусели с музыкой.

3. Устроить в столице зверинец со львами,

медведями, слонами, обезьянами, змеями и птицами.

Но когда деньги были получены, Матиуша постигло большое разочарование. Оказалось, министры заранее распределили все расходы. Столько-то на строительство мостов и школ, столько-то на починку железных дорог, столько-то на уплату военных долгов, а на реформы Матиуша денег не хватило.

— Если бы ваше величество сказали об этом раньше, мы попросили бы денег побольше,— лицемерно сожалели министры, а про себя думали: «Хорошо, что его не было в столице! Такую пропасть денег ухлопать на дурацкие затеи. Да иностранные короли ни за что бы не дали столько».

«Ах так! — рассердился Матиуш.— Раз вы меня обманули, я теперь знаю, что делать». И написал обо всем Печальному королю.

Я решил провести в своей стране такие же реформы, как в вашей. А министры не дают мне денег, и я хочу попросить займы для себя.

Долго ждал Матиуш ответа и уже отчаялся его получить, как вдруг в один прекрасный день ему доложили во время урока, что его хочет видеть посол Печального короля. Матиуш сразу смекнул, в чём дело, и поспешил в тронный зал.

Посол заявил, что должен побеседовать с королём с глазу на глаз, и их оставили наедине. Когда за последним министром закрылась дверь, посол сказал: его король согласен одолжить Матиушу деньги, но с условием, что Матиуш даст своему народу конституцию. То есть управлять государством будет не он с министрами, а весь народ.

— Когда даёшь деньги одному человеку, он может не вернуть их, а когда даёшь всему народу — дело другое. Боюсь только, министры не согласятся, — прибавил посол.

— Согласятся. У них другого выхода нет. Ведь я король-реформатор.

Министры против ожидания согласились очень быстро. Во-первых, они боялись, как бы Матиуш опять не посадил их в тюрьму. Во-вторых, хитрецы договорились между собой: «Нам это даже выгодно, всегда можно сказать: «Такова воля народа» — и дело с концом. Весь народ в тюрьму не посадишь!»

И вот в столицу из всех городов и деревень съехались самые мудрые люди. Совещались они дни и ночи напролёт. Разве легко решить, чего хочет весь народ?

В газетах об этом писали так много, что даже на картинки, которые любил рассматривать маленький король, не хватало места. Но не беда, теперь Матиуш хорошо читал и мог обойтись без картинок.

Отдельно совещались банкиры. Они подсчитывали, сколько денег понадобится на постройку летних домов для детей, каруселей и качелей.

Со всех концов света в столицу Матиуша потянулись дрессировщики, фокусники, укротители, торговцы дикими зверями, птицами и змеями. Вот у кого было интересно! И Матиуш не пропускал ни одного их собрания.

— Продаю четырёх великоленных львов, — предлагал один.

— Во всём мире нет тигров кровожадней, чем мои! — хвалился другой.

— Могу предложить красивых попугаев, — говорил третий.

— Змеи — вот самый дефицитный товар! —

восклицал четвёртый.— Коварнее моих змей и крокодилов не найти! Отличительная черта моих крокодилов — долголетие и величина.

— Дрессированный слон! В молодости выступал в цирке: ездил на велосипеде, танцевал, ходил по канату. Теперь состарился, и я продам его по дешёвке. Зато как обрадуются дети! Они очень любят ездить на слонах.

— Не забудьте про медведей,— раздался голос медвежатника.— У меня есть два бурых и два белых мишки.

Среди торговцев дикими зверями был один настоящий индеец и два негра. Однако одеты они были по-европейски и говорили понятно, потому что жили попеременно то в Европе, то в Африке.

Но вот однажды на собрание явился чёрный-пречёрный негр. Таких ещё никто отродясь не видывал. К тому же он был полуголый, а в волосах столько украшений из слоновой кости понатыкано, что казалось невероятным, как голова выдерживает такую тяжесть. И ни звука ни на одном известном языке.

В государстве Матиуша жил старый профессор, который изучил пятьдесят языков. Срочно послали за ним, чтобы узнать, чего хочет чёрный посланец. Другие негры тоже не понимали его или делали вид, что не понимают, боясь, как бы он не испортил им коммерцию.

— О, могучий, как баобаб, великий, как море, быстрый, как молния, и ясный, как солнце, король Матиуш, я привёз тебе дружбу моего владыки, пусть здравствует он семь тысяч лет и дождётся десяти тысяч праправнуков! — заявил посланец африканского вождя.— В лесах у моего владыки больше зверей, чем звёзд на небе, чем в муравейнике муравьёв. Светлейший король Матиуш, не верь этим обманщикам, у них

львы беззубые, тигры без когтей, слоны дряхлые, а птицы подмалёваны красками. У любой обезьяны больше ума, чем у всех у них, вместе взятых, а любовь моего владыки к тебе во сто крат превосходит их глупость. Они хотят выманить у тебя побольше денег, а моему владыке золота не нужно. В горах у него столько золота, что его некуда девать. Он пришлёт тебе диких зверей, а сам хотел бы приехать к тебе на две недели в гости. Ему очень любопытно поглядеть, как живут европейцы. Но белые короли его не приглашают, говорят, он дикарь и дружбу с ним водить неприлично. Приезжай к нам, и ты убедишься, что я говорю правду.

Торговцы дикими зверями повесили носы: «Прощай денежки!»

— А известно ли вашему величеству, что он приехал из страны людоедов? Наш совет вам: не ездите туда и не приглашайте их к себе,— попробовали они отговорить Матиуша.

— О ясный, как солнце, и белый, как песок, король Матиуш! — сказал в ответ чернокожий великан. — С головы у тебя не упадёт ни один волос в гостеприимной стране моего владыки. Мой владыка, пусть здравствует он пять тысяч лет без одного года, скорее съест самого себя, чем тронет тебя хоть одним пальцем.

— Решено: я еду в Африку! — заявил Матиуш.

Торговцам дикими зверями пришлось несолоно хлебавши покинуть столицу.

Канцлер воротился домой злущий-презлущий. Жена не решалась слова вымолвить, чтобы не рассердить его ещё больше. Дети присмирели, боясь, как бы им не влетело под горячую руку. Обычно канцлер выпивал перед обедом одну рюмку водки, а кушанья запивал вином.

Но сегодня он оттолкнул вино и выпил подряд пять рюмок водки.

Необычное поведение главы семейства обескуражило супругу.

— Дорогой,— робко молвила она,— я вижу, у тебя опять неприятности по службе. Так можно совсем здоровье потерять.

— Неслыханное дело! — прорвало наконец канцлера.— Знаешь, что выкинул Матиуш?

Супруга вместо ответа только горестно вздохнула.

— Знаешь, что он выкинул? — повторил канцлер.— Собрался в гости к людоедскому вождю. Да, да, к вождю людоедов! К самому дикому племени в целой Африке. Куда не ступала нога белого человека. Понимаешь? Там его съедят. Как пить дать, съедят! Я просто в отчаянии.

— Дорогой, а нельзя ли его отговорить?

— Отговаривай, если тебе жизнь не мила, а я не намерен второй раз в кутузке сидеть! Он упрямый и легкомысленный мальчишка!

— Ну хорошо, а вдруг его, не дай бог, съедят?

— Он нам сейчас нужен до зарезу! Если дикари слопают его, все наши усилия пойдут прахом: кто откроет первое заседание парламента, кто подпишет манифест? Через год пусть едет на здоровье!

Но дело было не только в этом. Отпускать малолетнего короля одного в такое опасное путешествие не полагалось, а ехать никому из министров не хотелось.

А Матиуш между тем всерьёз готовился в дорогу.

КОРОЛЬ ЕДЕТ В СТРАНУ ЛЮДОЕДОВ

— разнеслось по городу. Взрослые соболезнующе качали головами, а дети завидовали Матиушу.

— Милостивый государь, — сделал старый доктор последнюю попытку отговорить Матиуша от этой затеи, — быть съеденным очень неприятно и, я бы сказал, вредно для здоровья. Дикари, несомненно, захотят зажарить ваше величество на вертеле, а поскольку при высокой температуре белок свёртывается, следовательно...

— Дорогой доктор, — перебил Матиуш, — меня хотели убить, расстрелять, повесить, а я до сих пор цел и невредим. Может, посланец чёрного владыки говорит правду и они не съедят меня. Так или иначе, я дал слово, и отступать уже поздно. Слово короля нерушимо!

Решили, что с Матиушем поедет старый профессор, изучивший пятьдесят языков, капитан, но без Стасика и Еленки (их не отпустила мама). В последний момент к путешественникам присоединились доктор и Фелек.

Доктор, незнакомый с африканскими болезнями, купил толстенный медицинский справочник и набил чемодан разными лекарствами.

Перед самым отъездом во дворец явились английский моряк и путешественник-француз и упросили Матиуша взять их с собой.

Багажа было немного: во-первых, в Африке не нужны тёплые вещи, а во-вторых, на верблюдах много чемоданов не увезёшь, это не лошади.

Наконец наступил день отъезда. Они сели в поезд и поехали. Ехали-ехали и приехали к морю. Пересели на корабль и поплыли. На море настигла их буря, и с непривычки все заболели морской болезнью. Вот тут-то и пригодились лекарства, которые доктор вёз в чемодане.

Доктор был очень недоволен поездкой и всю дорогу пребывал в прескверном расположении духа.

— Дёрнула меня нелёгкая согласиться быть придворным медиком, — ворчал он. — Будь я простым доктором, сидел бы себе в тёплом, уютном кабинете, ходил в больницу, а теперь вот на старости лет изволь скитаться по белу свету. В моём возрасте особенно неприятно быть съеденным.

Зато капитан был в прекрасном настроении. Он вспоминал свою молодость и то, как мальчишкой удрал в Африку. Вот было время!

Фелек тоже радовался. Хотя одно обстоятельство слегка огорчало его радость.

— Небось в гости к белым королям взял с собой этих неженков, капитанских деток, а к людоедам ехать так и Фелек хорош! Эти-то, поди, трусили? — сказал он однажды Матиушу.

— Неправда, — возразил Матиуш, — они хотели ехать, но им мама не разрешила. А белые короли тебя не пригласили, незваным же ехать не полагается.

Это объяснение удовлетворило Фелека, и он больше не сердился.

Наконец они приплыли в порт. Опять пересели с корабля на поезд и ехали два дня по железной дороге. Тут уже росли фиговые пальмы, бананы и разные диковинные растения. При виде всех этих чудес Матиуш вскрикивал от восторга, а посланец чёрного владыки снисходительно улыбался, скаля белые зубы, отчего присутствующим становилось не по себе.

— Это ерунда! Настоящие джунгли впереди!

Но вместо джунглей взорам путешественников представилась пустыня.

Насколько хватал глаз — песок и песок. Безбрежный океан песка.

В последнем поселении белых, где они остановились, был расквартирован гарнизон и имелось несколько лавчонок.

Услышав, куда они держат путь, офицер сказал:

— Ну что ж, коли вам жизнь не мила, поезжайте. Много смельчаков ехало в ту сторону, а вот обратно ещё никто не возвращался.

Посланец африканского короля, купив трёх верблюдов, отправился вперёд предупредить о прибытии гостей, а Матиушу и его спутникам велел ждать его возвращения.

Когда он уехал, гарнизонный офицер обратился к путешественникам:

— Послушайте, меня не проведёшь, я стреляный воробей! Сразу видно — вы не простые путешественники. Иначе зачем вам двое мальчишек и этот старик. И туземец, сопровождающий вас, судя по раковине в носу, принадлежит к знатному роду.

Наши путешественники, видя, что отпираться бессмысленно, рассказали ему всё начистоту.

Оказывается, офицер читал о Матиуше в газетах, которые приходили сюда с опозданием на несколько месяцев.

— Тогда дело другое, — сказал офицер. — Это очень гостеприимный народ. Вы или совсем оттуда не вернётесь, или вернётесь с богатыми дарами. У них золота и бриллиантов куры не клюют! В обмен на всякую ерунду — немного пороха, зеркальце или трубку — они дают несколько пригоршней золота.

Путешественники заметно повеселели. Старый профессор целыми днями лежал на раскалённом солнцем песке. Доктор сказал, что ему это полезно: у профессора болели ноги. А вечером он отправлялся в негритянские хижины и записывал новые, не известные науке слова.

Фелек объелся фруктами, и доктор дал ему из своей аптечки-чемодана ложку касторки. Английский моряк и путешественник-француз несколько раз брали Матиуша с собой на охоту. Матиуш научился ездить на верблюдах. Такая жизнь была ему по душе.

Как-то раз ночью в палатку ворвался негр-слуга.

— Вставайте! — кричал он. — Нападение! Измена! — И жалобно запричитал: — О я несчастный, зачем пошёл я в услужение к белым! Мои собратья никогда мне этого не простят! Что мне теперь, несчастному, делать?..

Путники вскочили как встрёпанные с походных коек и схватились за оружие, какое оказалось под рукой, готовые сразиться с врагом.

Кругом темень, ни зги не видно. Лишь изредка, со стороны пустыни, доносится какой-то глухой шум, будто топот огромной толпы.

Странно, почему в казарме так тихо? Ни-

какого движения, ни одного выстрела.

Начальник гарнизона, хорошо знакомый с обычаями туземцев, сразу сообразил, что это не нападение. Но что, он сам толком не понимал и поэтому выслал вперёд гонца. Гонец вскоре вернулся и сообщил: это идёт караван за Матиушем.

Впереди выступал огромный, царственно-важный верблюд с паланкином между горбами. За ним — сто верблюдов, покрытых роскошными попонами. И великое множество воинов для охраны каравана.

Только благодаря опытности и выдержке начальника гарнизона не случилось непоправимой беды: не открыли стрельбы по мирному племени. Матиуш сердечно поблагодарил офицера, наградил его орденом, и на следующий день рано утром караван тронулся в путь.

Путешествие было тяжёлым. Немилосердно палило солнце. Белые открытыми ртами хватали воздух: с непривычки они задыхались. А посланцам африканского вождя хоть бы что.

Высоко на верблюде в паланкине сидел Матиуш, а два туземца обмахивали его большими опахалами из страусовых перьев. Караван медленно подвигался вперёд. Проводник тревожно всматривался вдаль: не приближается ли самум. Бывали случаи, когда этот страшный ветер пустыни засыпал горячим песком целые караваны и все путники погибали.

Днём никто не разговаривал — не было сил, и лишь вечером, когда становилось прохладней, люди приходили немного в себя. Добрый доктор пичкал Матиуша какими-то порошками, но проку от них было мало. Хотя за плечами у Матиуша была война и много опасных приключений, путешествие по огнедышащей пустыне показалось ему тяжелей всего, что он

испытал в жизни. От жары болела голова, потрескались губы, в горле пересохло и язык одеревенел. Он загорел и высох, как щепка. Глаза от ярко-белого песка стали красными и болели, кожа шелушилась и нестерпимо чесалась. По ночам Матиуша преследовали кошмары: то снилось ему, что людоеды едят его живьём, то будто жарят на костре.

Вода!.. Какое блаженство плыть по морю! Но делать нечего, назад пути нет, иначе его ждёт вечный позор.

Два раза они останавливались в оазисах на привал. До чего приятно снова увидеть зелёные деревья, напиться студёной воды из родника, а не этой противной, вонючей из бурдюков!

В первом оазисе они отдыхали два дня, а во втором пришлось задержаться на целых пять. Верблюды не меньше людей нуждались в отдыхе. От усталости они не могли идти дальше.

— Четыре восхода и захода солнца — и мы дома! — радовался посланец чёрного владыки.

За пять дней люди и животные отлично отдохнули. А неумолимые туземцы разожгли накануне отъезда костры и сплясали вокруг них дикий военный танец.

Последние четыре дня были не так изнурительны. Пустыня кончалась, песок не источал уже такого зноя, кое-где росли даже чахлые растеньица, и навстречу попадались люди.

Матиуш хотел с ними познакомиться, но ему объяснили, что это разбойники. Не будь караван такой большой, они непременно напали бы на них и ограбили.

Наконец вдали замаячил лес, повеяло свежестью и прохладой. Тяжёлое странствие по знойным пескам — позади, а что их ждёт впереди, неизвестно. Может, смерть от руки дикарей?

Навстречу каравану выехал сам чёрный владыка в сопровождении придворных. Впереди выступали музыканты. Но вместо привычных инструментов у них были какие-то диковинные барабаны, дудки, трещотки, которые издавали такой невообразимый писк, скрежет и грохот, что хоть уши затыкай! После тишины и безмолвия пустыни наши путники чуть с ума не сошли.

Началось богослужение. Перед деревянной колодой, на которой были вырезаны морды неведомых чудовищ, жрец в страшной маске что-то выкрикивал, а толпа вторила ему. Это означает, пояснил Матиушу профессор, что чёрный владыка отдаёт гостя под покровительство своих богов.

Потом чёрный владыка и его сыновья с полчаса весело скакали вокруг Матиуша. И, лишь до мельчайших подробностей исполнив ритуал, вождь племени обратился к Матиушу с ответственной речью:

— Белый друг, ты приехал ко мне, и теперь я самый счастливый человек на земле. Умоляю тебя, сделай только знак, и в доказательство любви и преданности я вонжу эту стрелу в своё сердце. Умереть для друга — великая честь.

Говоря это, он приставил острие длинной стрелы к груди и замер в ожидании.

Матиуш попросил профессора сказать, что он не хочет, чтобы вождь из-за него умирал, он желает с ним дружить, беседовать и веселиться.

Представьте себе изумление Матиуша, когда в ответ раздался громкий плач — это рыдали негритянский король, его родственники и дети. Они горевали оттого, что белый друг пренебрегает ими.

Матиуш чуть не прыснул со смеху — такими потешными показались ему здешние обычаи,

но он сдержался и сделал серьёзное лицо.

Рассказывать подробно обо всём, что видел и делал Матиуш при дворе чёрного владыки не имеет смысла. Всё это описано учёным профессором в толстой книге под названием:

49
ДНЕЙ
при дворе короля
БУМ-ДРУМА.
Написал
участник экспедиции и переводчик
короля
Матиуша Реформатора

Бум-Друм изо всех сил старался развлечь своего белого друга. Однако некоторые забавы Матиушу не нравились, и он отказывался принимать в них участие, не думая, что кого-то этим обижает, и не подозревая, что за каждым его движением следят злые, пронзительные глазки верховного жреца. И вот однажды верховный жрец с негодованием заявил:

— Этот белый — обманщик, он только притворяется нашим другом. Он пренебрегает нашими обычаями. — И зловещим шёпотом прибавил: — Но я знаю, что делать.

И в тот же день вечером во время пира незаметно подсыпал яд в раковину, из которой пил Матиуш. А этот яд обладал таким свойством: сначала человеку, который его выпьет, всё кажется красным, потом синим, зелёным, чёрным, и наконец он умирает.

Матиуш сидит в шатре вождя в золотом кресле за золотым столом.

— Странно, почему это вдруг всё стало красным? И люди и всё-всё,— говорит он.

Доктор, услышав это, вскочил и от ужаса не может слова вымолвить, только руками машет. Оказывается, он читал про этот яд в учёных книгах. Там говорилось: все африканские болезни излечимы, только против этого яда нет лекарства.

— Ой, смотрите, как красиво — теперь всё синее! — ничего не подозревая, весело говорит Матиуш.

— Профессор! — закричал доктор.— Переведите им, что Матиуш отравлен.

Вождь схватился за голову и стрелой вылетел из шатра.

— Нá, выпей, белый друг! — Он протянул Матиушу чашу из слоновой кости, в которой плескалась горькая-прегорькая, кислая-прекислая жидкость.

— Фу, какая гадость! — Матиуш сморщился и оттолкнул рукой сосуд.— Ой, а сейчас всё зелёное! Стол зелёный, и доктор зелёный.

Бум-Друм недолго думая сгрёб мальчика в охапку, положил прямо на стол, разжал наконечником стрелы зубы и насильно влил горько-кислую жидкость.

Матиуш вырывался, брыкался, плевался, но жидкость попала в рот, и он был спасён.

Ещё бы чуть-чуть — и конец! Перед глазами у Матиуша уже быстро-быстро завертелись

чёрные круги. К счастью, их было всего шесть на зелёном фоне.

И Матиуш не умер, а только проспал подряд три дня и три ночи.

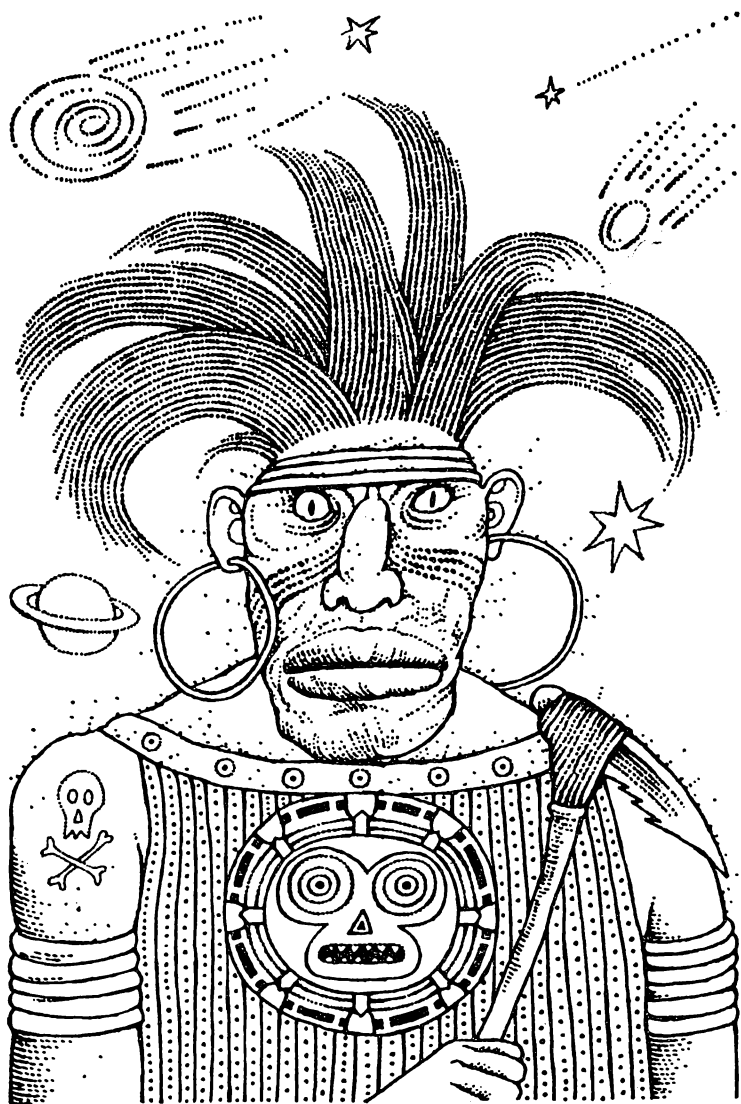
Верховный жрец испугался гнева вождя и попросил у Матиуша прощения, пообещав показать в награду замечательные фокусы. Эти фокусы жрецу разрешалось показывать только три раза в жизни.

Все уселись перед шатром на тигровых шкурах, и представление началось.

Жрец вынул из коробочки что-то маленькое и положил на ладонь. Это оказалась крохотная змейка. Она обвилась вокруг пальца жреца, зашипела, высунула жало не толще нитки и, вонзив его в палец, застыла — прямая, как палка. Жрец оторвал змею и показал на пальце капельку крови. Зрителей охватил священный трепет. «Подумаешь, капелька крови!» — недоумевал Матиуш. Но ему растолковали, что эта маленькая змейка страшнее леопардов и гиен: от её укуса моментально наступает смерть.

А жрец между тем продолжал показывать фокусы. Вот он взошёл на костёр — из ушей, носа и рта полыхает огонь, а ему хоть бы что!

После этого он заиграл на дудочке, и сорок девять огромных змей затанцевали под музыку. Потом стал дуть на высоченную столетнюю пальму; дул до тех пор, пока ствол пальмы не начал медленно клониться к земле, и — крак! — она сломалась. Взмахнул палкой и зашагал между двумя деревьями по воздуху, как по мостику. Подбросил вверх шарик из слоновой кости, поставил голову — шарик упал на неё и бесследно исчез. Но вот он быстро-быстро закружился на месте, а когда остановился, все увидели у него две головы: одна

смеялась, другая плакала. А под конец показал вот какую штуку. Отрубил одному мальчику голову, уложил её в плетёную корзину и завертелся вокруг корзины в дикой, неистовой пляске. Потом пнул корзину ногой, и оттуда слышалась игра на дудочке. Жрец открыл крышку — и из корзины выскочил мальчик, которому он только что отрубил голову, и как ни в чём не бывало стал кувыркаться и прыгать. То же самое проделал он с птицей. Подстрелил влёт птицу из лука. Пронзённая стрелой птица ушала на землю, выдернула клювом стрелу и подлетела к волшебнику. Тот взял у неё из клюва стрелу, а птица долго порхала вокруг.

«Пожалуй, ради стольких чудес стоит и отраву выпить», — подумал Матиуш.

То на верблюде, то на слоне путешествовал он по стране своего удивительного друга. Побывал в негритянских селениях, расположенных в непроходимых джунглях. Люди ютились там в плетёных хижинах, в грязи и нищете, вместе с домашними животными. Среди негров было много больных. Их ничего не стоило вылечить, были бы лекарства. Доктор давал им порошки и микстуры, они послушно, с благодарностью принимали их и выздоравливали. В лесах Матиуш не раз натёкался на трупы людей, растерзанных хищниками или укушенных ядовитыми змеями.

Матиуш очень жалел негров, с которыми успел подружиться.

«Почему они не строят железных дорог и электростанций? — недоумевал он. — Почему у них нет кино, просторных, чистых жилищ, оружия для защиты от диких зверей? Ведь золота и бриллиантов у них столько, что ребяташки играют ими, как простыми камешками».

— Оттого, что белые братья не хотят нам помочь,— объяснил ему Бум-Друм.

И Матиуш решил, как только вернётся на родину, дать в газетах объявление, чтобы все желающие ехали в Африку строить дома и прокладывать дороги.

Но никакие самые яркие впечатления не могли вытеснить из его головы мыслей о собственной стране и о реформах.

Однажды, когда они осматривали огромную золотую жилу, Матиуш попросил Бум-Друма одолжить ему немного золота.

— Да бери сколько хочешь, сколько верблюды увезут! У меня его что песка в пустыне! — расхохотался в ответ Бум-Друм. — Давать в долг другу? Нет, белый друг, бери всё, что тебе нравится. Бум-Друм любит своего белого друга и готов служить ему до самой смерти...

Пора в обратный путь. Бум-Друм устроил на прощание большой праздник — праздник дружбы.

Во время пиршества он разрезал острой раковиной себе палец, то же самое проделал Матиуш. Чёрный владыка слизнул каплю крови с пальца Матиуша. Матиуш последовал его примеру. Хотя это было неприятно, но, наученный горьким опытом, он не противился. За этой процедурой последовали другие. Матиуша бросили в пруд, который кишел крокодилами и ядовитыми змеями, но Бум-Друм тотчас прыгнул в воду и вытащил его. Потом, намазанного каким-то жиром, Матиуша толкнули в костёр. И опять в тот же миг кинулся в огонь Бум-Друм и спас друга. Матиуш даже не обжёгся, только слегка волосы опалил. Но это ещё не всё. Под конец Матиуш прыгнул с высокой пальмы, а Бум-Друм так ловко его подхватил, что он совсем не ушибся.

«К чему весь этот цирк?» — недоумевал Матиуш. И профессор объяснил ему: слизанная капля крови означает, что если Матиуш будет умирать в пустыне от жажды, то друг напоит его собственной кровью. И вообще, где бы Матиушу ни грозила опасность — на воде, в воздухе, в огне, — чёрный брат Бум-Друм, рискуя жизнью, придёт ему на помощь.

— Мы, белые, — говорил профессор, — пишем договоры на бумаге, а они не умеют писать и заключают договоры таким образом.

Жалко расставаться с новыми друзьями, но на родине ждут неотложные дела.

Накануне отъезда опечаленный Матиуш в последний раз пошёл погулять в лес. Ярко светила луна. В сказочно-красивом лесу было тихо-тихо. Вдруг послышался шорох. Что это? Тигр? Змея? Матиуш сделал шаг вперёд, и сзади опять что-то зашуршало.

Ясно, за ним кто-то крадётся. Он остановился, вынул из кобуры револьвер — и ждёт.

Оказалось — Матиуш разглядел её при свете луны, — это была дочка вождя — маленькая весёлая Клу-Клу. «Странно, зачем она здесь в эту пору?» — удивился Матиуш.

— Что с тобой, Клу-Клу? — спросил он на языке её племени. (Матиуш уже немножко научился говорить на нём.)

— Клу-Клу кики рец, Клу-Клу кин брун...

Она говорила долго-долго, но Матиуш ничего не понял. Он постарался запомнить некоторые слова: «Кики, рец, брун, буз, кин».

Под конец Клу-Клу заплакала.

«Наверно, с ней приключилась какая-нибудь беда». И, чтобы утешить её, он дал ей часы, зеркальце и красивый флакончик. Но это не помогло — по лицу Клу-Клу по-прежнему катились слёзы.

Что бы это значило?

Вернувшись домой, он повторил профессору слова, которые запомнил, и тот сказал: Клу-Клу очень его полюбила и хочет уехать вместе с ним.

Матиуш попросил профессора передать Клу-Клу, что он скоро пригласит в гости её отца, и тогда она сможет с ним приехать.

Однако думать о маленькой Клу-Клу было недосуг: перед отъездом предстояло ещё много дел.

На пятьсот верблюдов навьючивали мешки с золотом, драгоценными камнями, фруктами, африканскими лакомствами, приторачивали бурдюки с вином и сладкими напитками. Не забыли и про сигары для министров.

Матиуш уговорился с Бум-Друмом прислать через три месяца клетки для диких зверей. И предупредил, что может прилететь аэроплан — большая железная птица с белым человеком в животе. Пусть не пугаются.

Наконец день отъезда наступил, и рано утром они двинулись в обратный путь. Дорога через пустыню уже не казалась такой страшной: перенесённые испытания закалили путников.

Пока Матиуш гостил у Бум-Друма, министры не теряли времени даром: они сочиняли конституцию. А когда сочинили, с нетерпением стали поджидать короля. Ведь без королевской подписи этой бумажке грош цена!

Ждут-пождут, а Матиуш всё не едет. «Где он, куда подевался?» — теряются министры в догадках. Им известно, что он благополучно достиг берегов Африки, потом ехал поездом, жил некоторое время в палатке в пограничном поселении белых. А дальше, доносил гарнизонный офицер, вождь людоедов при-

слал за Матиушем верблюдов, он уехал и как в воду канул.

Но вот в один прекрасный день от Матиуша приходит телеграмма:

**ЖИВ - ЗДОРОВ,
СКОРО
БУДУ ДОМА.**

— Счастливчик этот Матиуш! — завидовали ему иноземные короли.

— Везёт ему, — шептались министры и вздыхали. «С войны вернулся — засадил нас в тюрьму, — думали они, — а теперь, чего доброго, велит зажарить и съест. Известно, хорошему людоеды не научат!»

Возвращался на родину Матиуш в прекрасном настроении. Ещё бы! Путешествие удалось на славу. Он загорел, вырос, и аппетит у него был прямо-таки волчий. Не подозревая, какие страхи мучают министров, он решил подшутить над ними.

— Ну как, железные дороги в порядке? — спрашивает король, когда все собрались в тронном зале.

— В порядке, — отвечает министр железных дорог.

— Ну, смотрите, а то я прикажу сварить вас в крокодиловом соусе. А фабрик много построили?

— Много, — отвечает другой министр.

— Смотрите, а то я велю начинить вас бананами и зажарить.

У министров физиономии вытянулись и побелели, а Матиуш не выдержал и расхохотался.

— Господа,— сказал он,— не бойтесь, пожалуйста! Я не стал людоедом. И то, что говорили про моего друга Бум-Друма, выдумка и клевета.

Министры не поверили бы ни единому слову из рассказа Матиуша о его необычайных приключениях, если бы своими глазами не увидели целый состав, груженный золотом, серебром и драгоценными камнями. А когда Матиуш раздал им подарки Бум-Друма — ароматные сигары и сладкие африканские вина,— министры сменили гнев на милость.

В манифесте говорилось: «По велению его королевского величества отныне и впредь страной будет управлять народ в лице парламента...» и т. д.

— Теперь прошу записать, что я хочу сделать для детей,— сказал Матиуш.— Деньги есть, и можно приступить к делу. Итак, каждый мальчик и каждая девочка получают к лету по два мяча, а зимой — коньки. После уроков всем ученикам выдавать по одной конфете и сладкому пирожку. Девочкам, кроме того, ежегодно выдавать по новой кукле, а мальчикам — перочинный ножик. Во всех школах соорудить качели и карусели. К каждой купленной книжке или тетради бесплатно прилагаются переводные картинки. Это только начало, в дальнейшем я намерен осуществить много реформ. Прошу подсчитать, сколько это будет стоить и сколько времени понадобится на их осуществление. На подсчёты даю недельный срок.

Вообразите радость ребят, когда они узнали про реформы. А в газетах писали, что это только начало. Значит, будет ещё лучше!

И вот все, кто умел писать, стали строчить Матиушу письма с просьбой сделать то-то и то-то. В королевскую канцелярию письма приносили мешками. Статс-секретарь просматривал их и выбрасывал в корзинку. Так всегда поступают в королевских канцеляриях. Матиуш об этом, конечно, не знал. Но однажды он увидел, как лакей тащит на королевскую помойку огромную корзину бумаг.

«А нет ли там, случайно, редких марок?» — подумал Матиуш. (Он собирал марки и наклеивал в специальный альбом.)

— Что это за бумаги и конверты? — спросил он.

— А я почём знаю? — ответил лакей не слишком любезно.

Матиуш посмотрел: письма адресованы ему. Тогда он приказал отнести корзину в королевский кабинет и вызвал секретаря.

— Что это за бумаги, господин секретарь?

— Да так, всякие ерундовские письма вашему королевскому величеству.

— А кто распорядился выбрасывать их на помойку?

— Так всегда делали!

— Значит, плохо делали! — вспылил Матиуш. — Если письмо адресовано мне, я один могу судить, ерундовское оно или нет. Отныне все письма прошу передавать мне! Я сам буду их читать.

— Ваше величество, короли получают очень много писем. А если бы народ ещё узнал, что они сами их читают, писем скопилось бы целые горы. И так десять чиновников тем только и заняты, что отбирают и читают самые важные.

— А какие считаются важными?

— От чужеземных королей, фабрикантов и других влиятельных лиц.

— А неважные?

— Вашему величеству больше всего пишут дети. Что взбредёт в голову, то и пишут. А некоторые так накалякают, что ничего не разберёшь.

— Если вам трудно разбирать детские каракули, я сам буду читать письма ребят. А чиновникам дайте другую работу. Я вот тоже мальчик, а выиграл же войну с тремя королями и совершил путешествие, на которое ни один из моих взрослых министров не отважился.

Секретарь, не сказав ни слова, с низким поклоном удалился, а Матиуш принялся за чтение. Час проходил за часом, а Матиуш всё читал. Церемониймейстер несколько раз подсматривал в замочную скважину: чем занят король и почему не идёт обедать? Но, видя короля, склонённого над бумагами, не решался его беспокоить.

Матиуш читал, читал, а писем всё не убавлялось, хотя самые неразборчивые каракули он откладывал в сторону, на потом. Ребята писали Матиушу обо всякой всячине: один мальчик рассказывал свой сон; другой писал, какие у него замечательные голуби и кролики и он хочет подарить двух голубей и одного кролика королю, но не знает, как это сделать; третий делился с королём своими планами на зиму, когда он получит коньки. Одна девочка прислала стишок собственного сочинения, другая нарисовала картинку. От какого-то мальчика пришёл в подарок целый альбом рисунков, изображающих Матиуша в стране людоедов. Не очень похоже, но зато красиво, и Матиуш с удовольствием рассматривал картинки.

Но больше всего было писем с просьбами. Кто просил велосипед, кто фотоаппарат, кто

пони. Одна девочка писала, что у неё больна мама, а денег на лекарство нет. Мальчик жаловался: у него нет ботинок и не в чем ходить в школу, а учиться очень хочется. Он даже табель в конверт вложил, чтобы Матиуш не подумал, будто он лентяй.

«Может, лучше раздавать ребятам ботинки, а не мячи да куклы?» — подумал Матиуш, прочтя эти письма.

До поздней ночи просидел он за письменным столом, даже ужин велел принести в кабинет. Церемониймейстер опять заглядывал в щёлку. У него и у лакеев слипались глаза, но лечь спать раньше короля они не имели права.

Письма с просьбами Матиуш откладывал отдельно.

«Как быть? И лекарство нужно больной матери. И ботинки нужны мальчику, который хочет учиться».

У Матиуша от чтения даже глаза заболели. Особенно туго подвигалось дело с письмами, написанными неразборчиво. Он откладывал их в сторону, хотя понимал, что это неправильно. «Ведь совсем недавно у меня тоже вместо букв получались каракули, а подписывал же я важные документы. Может, у этих ребят какое-нибудь важное дело, и они не виноваты, что не умеют писать разборчиво. Хорошо бы заставить чиновников переписывать набело неразборчивые письма». Прошло ещё два часа. На столе лежало писем двести или больше. И Матиуш с горечью убедился, что один не справится.

«Завтра дочитаю», — решил он и уныло побрёл в королевскую опочивальню.

«Как быть? — ломал он себе голову. — Если каждый день читать по столько писем, ни на

что другое времени не хватит. А выбрасывать письма на помойку — величайшее свинство. Но откуда их столько берётся?»

На другой день Матиуш встал ни свет ни заря, выпил наскоро стакан молока и побежал в кабинет. Уроки на сегодня он отменил и до самого обеда читал письма. Устал зверски, больше, чем на войне или во время странствия в пустыне. И вот когда он уже мечтал об обеде и отдыхе, в кабинет вошёл секретарь, а за ним четверо лакеев с тяжёлой ношей.

— Сегодняшняя почта, ваше королевское величество! — доложил секретарь и, как показалось Матиушу, усмехнулся.

— Это ещё что такое, сто тысяч людоедов и крокодилов! — разозлившись, топнул Матиуш ногой. — Вы что, хотите, чтобы я ослеп? Где это видано, чтобы король читал по мешку писем в день?! И вообще, как вы смеете шутить над королём? Да я вас в тюрьму за это упеку!..

В глубине души Матиуш понимал, что не прав, но признаться в этом не хотел.

— Полна канцелярия лодырей! Письма в мусорный ящик швырять да королю носить — это они умеют, а как работать надо, у них голова болит. Я вам покажу, бездельники...

К счастью, в дверях кабинета появился канцлер. Смекнув, в чём дело, он велел лакеям унести злосчастный мешок, а секретарю подождать в соседней комнате. Когда четверо лакеев с огромным мешком скрылись за дверью, у Матиуша отлегло от сердца, но он продолжал делать вид, будто ещё сердится.

— На что это похоже, господин канцлер, чтобы адресованные королю письма выбрасывались на помойку?! Почему от меня утаивают нужды моих подданных? Разве это справедливо,

чтобы мальчик не ходил в школу из-за того, что у него нет ботинок? Куда смотрит министр юстиции! Впрочем, у моего друга Бум-Друма тоже нет ботинок, но у них климат тропический.

Матиуш долго совещался с государственным канцлером, потом позвал секретаря. Оказывается, старик больше двадцати лет работает в канцелярии. Он читал письма, которые приходили ещё на имя отца Матиуша и даже деда. Опыт по этой части у него был огромный.

— При жизни дедушки вашего величества в королевскую канцелярию ежедневно поступало сто писем. Это были хорошие времена! Во всём государстве насчитывалось не больше ста тысяч грамотных. А вот когда Стефан Мудрый построил школы, грамотных стало уже два миллиона. И в канцелярию приходило от шестисот до тысячи писем ежедневно. Одному читать столько писем было не под силу, и я нанял себе в помощь ещё пятерых чиновников. А с тех пор как наш милостивый король Матиуш Реформатор изволил подарить куклу дочке начальника пожарной команды, посыпались письма от детей — от пяти до десяти тысяч в день. Особенно много приходит в понедельник: в воскресенье дети школу не посещают и у них много свободного времени. Я как раз собирался подать прошение, чтобы мне разрешили взять ещё пятерых помощников.

— Знаю, знаю, — перебил его Матиуш. — Но какая от вашего чтения польза, если письма выбрасываются на помойку?

— Прежде чем выбросить, их читают, конечно, если удаётся разобрать почерк, и заносят каждое письмо под номером в особую книгу. И в отдельной графе записывают просьбу корреспондента.

Желая проверить, правда ли это, Матиуш спросил:

— Ну, а среди тех писем, которые лакей вчера нёс на помойку, была просьба насчет ботинок?

— Не помню, но это можно проверить.

По распоряжению секретаря два чиновника, тяжело отдуваясь, внесли в королевский кабинет огромную книгу. И действительно, под № 47 000 000 000 нашли имя, фамилию и адрес мальчика, а в графе «Содержание письма» было написано: «Просит ботинки, чтобы ходить в школу».

— Я больше двадцати лет работаю чиновником, и у меня в канцелярии образцовый порядок.

Матиуш был мальчик справедливый. Он понял, что зря обидел старика.

— Большое вам спасибо,— сказал он, протянув ему руку.

В конце концов придумали такой выход из положения: письма по-прежнему будут читать чиновники, а самые интересные — не больше ста в день — откладывать для Матиуша. Для чтения писем с просьбами специально выделяют двух чиновников. Они должны проверять, правду пишут ребята или врут.

— Например, вот этот мальчик пишет, что ему нужны ботинки. А может, это неправда? Ваше королевское величество пошлёт ему ботинки, а он продаст их и накупит сладостей.

Пришлось признать, что секретарь прав. Матиуш вспомнил, как на войне один солдат продавал сапоги и покупал водку, а потом просил новые.

«Жаль, что из-за лгунов и мошенников нельзя верить людям»,— с горечью подумал Матиуш.

И решили ещё вот что: Матиуш сам будет выдавать мальчикам и девочкам то, о чём они просили в письмах.

«Вот здорово! — обрадовался он. — Хоть с ребятами поговорю, а то всё министры да послы — скука смертная!»

Итак, установили распорядок дня его величества короля Матиуша. С утра до двенадцати часов — уроки. В двенадцать — завтрак. После завтрака приём иностранных послов и министров. Потом чтение писем. Потом обед; после обеда будут приходить дети. А потом до ужина разные заседания и совещания с министрами. И — спать.

Когда всё рассчитали по часам и минутам, Матиушу взгрустнулось. А когда же играть? Но он тут же одёрнул себя: «Король, даже если он мальчик, прежде всего должен думать не о себе, а о других. Может, настанет такое время, когда я переделаю все дела и тогда смогу поиграть часок-другой. И потом, я ведь путешествовал, — сам с собой рассуждал Матиуш, — видел столько интересного, месяц жил на море, побывал в гостях у Бум-Друма. Отдохнул, поразвлёкся, пора за королевские дела приниматься!»

Сказано — сделано.

С утра Матиуш учится, потом чиновник вслух читает ему письма, а Матиуш, которому трудно долго сидеть на одном месте, заложив руки за спину, ходит взад-вперёд по кабинету. В хорошую погоду письма по совету доктора читали в королевском парке.

В часы аудиенции во дворце собирался разный народ. Иностранные послы приходили справиться, когда открытие парламента. Фабриканты и подрядчики спрашивали у короля, какие делать качели и карусели. Прибывали посоль-

ства из дальних тропических стран. Всем хотелось жить в дружбе с маленьким королём, который побывал в гостях у Бум-Друма. Некоторые послы хитрили, стараясь выгородить своих вождей и очернить Бум-Друма в глазах Матиуша.

Вообще с ними надо было держать ухо востро, не то попадёшь впросак. Другое дело — дети. Они входили по очереди в тронный зал, и Матиуш давал им то, о чём они просили в письмах. Нужные вещи по распоряжению Матиуша заранее покупались в магазинах, и ребята, получив кто пальто, кто учебники, кто ботинки, довольные расходились по домам. Чистюли-девочки часто просили гребёнки и зубные щётки. Кто хорошо рисовал, получал краски. Один маленький музыкант, который играл на губной гармошке, мечтал о скрипке. Когда ему дали новенькую скрипку в красивом футляре, он на радостях сыграл королю весёлую песенку.

Иногда во время аудиенции ребята просили ещё что-нибудь. Это сердило Матиуша: он ведь не маг и не волшебник и не может достать из-под земли книжку, игрушку или что-то ещё.

Одна девочка, получив новое платье к свадьбе своей тёти, попросила и куклу до самого потолка.

— Дура! — сказал Матиуш. — Будешь жадничать, я у тебя и платье отниму!

Вообще Матиуш стал многоопытным королём, и обмануть его было совсем не просто, не то что раньше.

Однажды во время послеобеденной аудиенции Матиуш услышал за дверью необычный шум и возню. Сначала он не обратил на это внимания: ребята галдели иногда в приёмной. Но нет, судя по всему, там кто-то спорил, возмущался, чего-то требовал. Лакей, посланный

узнать в чём дело, доложил: какой-то взрослый упёрся и требует, чтобы король во что бы то ни стало принял его.

Матиушу захотелось взглянуть на упрямца, и он приказал его впустить.

В комнату ворвался длинноволосый человек с портфелем под мышкой и, не поздоровавшись, затараторил:

— Я, ваше королевское величество, журналист. Вы, конечно, знаете, так называются люди, которые делают газету. Целый месяц пытаюсь проникнуть к вам, но безуспешно. Всё только слышу: «Завтра, завтра». А назавтра говорят: «Король устал, приходите в другой раз». Я уже по горло сыт этими «завтраками»! И вот, окончательно потеряв терпение, сделал вид, будто пришёл со своим сыном. Думал, авось пропустят. Но не тут-то было! Лакеи узнали меня и опять гонят вон. А у меня очень важное дело, даже не одно, а несколько. Я не сомневаюсь, что вы с интересом меня выслушаете.

— Хорошо,— согласился Матиуш,— только подождите, пока я приму детей — это их часы.

— Позвольте, ваше величество, мне остаться в зале. Я буду сидеть тихо и не помешаю вам. А завтра напечатаю в газете статью про аудиенцию. Наши читатели с интересом прочтут об этом.

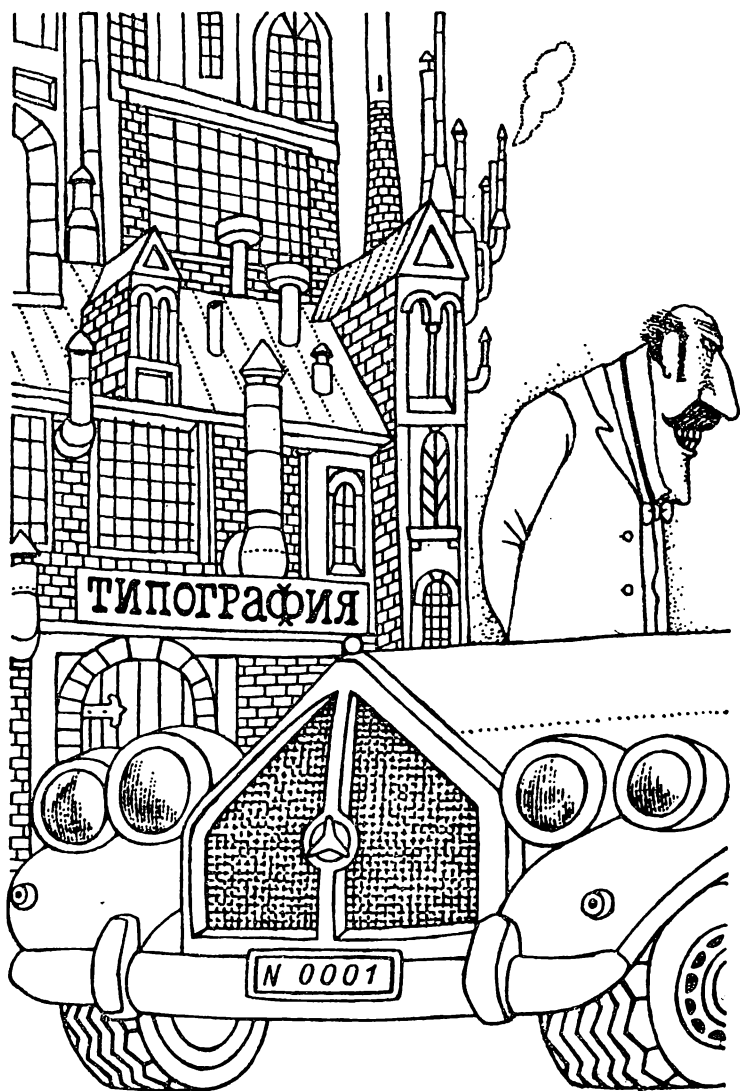
Матиуш велел принести стул, журналист сел и всё время что-то записывал в свой блокнот...

— Ну, я вас слушаю,— сказал Матиуш, когда за последним мальчиком закрылась дверь.

— Государь, я не отниму у вас много времени. Я буду краток.

Несмотря на обещание, он говорил очень долго и рассказал Матиушу много интересного.

— Дело действительно важное,— выслушав

его, сказал Матиуш. — Давайте поужинаем вместе, а потом продолжим наш разговор.

Журналист проговорил до одиннадцати часов, а Матиуш, заложив руки за спину, ходил по кабинету и слушал.

Никогда Матиуш до сих пор не видел человека, который пишет газету. «Умный и, хотя взрослый, совсем не похож ни на одного из моих министров», — отметил он про себя.

— Вы только пишете или рисуете тоже?

— В газете одни сотрудники пишут статьи, другие рисуют. Мы будем очень рады, если вы завтра посетите нашу редакцию.

Матиуш, который уже давно никуда не выезжал из дворца, с радостью согласился.

Редакция помещалась в большом доме, украшенном в честь приезда короля флагами, цветами и коврами. На первом этаже находилась типография, там печатали газеты. В конторе на втором этаже свежие газеты связывали пачками и отправляли на почту, а оттуда рассылали по всей стране. Там же принимали объявления и продавали газеты. И, наконец, ещё выше была редакция, где за столиками сидели мужчины и строчили статьи, которые немедленно набирались и печатались в типографии. Жизнь здесь была ключом: приносили телеграммы со всех концов мира, непрерывно звонили телефоны, чумадые мальчишки-курьеры сновали с бумагами из типографии в редакцию и обратно. За одним столом писали, за другим — рисовали, за стеной стучали пишущие машинки.

Совсем как на войне.

На серебряном подносе принесли свежую, пахнущую типографской краской газету с фотографией Матиуша во время аудиенции. А в статье под снимком слово в слово, что говорил он и что отвечали дети.

Матиуш пробыл в редакции целых два часа, и ему очень понравилось, как здесь быстро всё делается. «Теперь я понимаю, почему они первыми узнают обо всём на свете: про пожары, кражи, происшествия, про то, кто под машину попал, и что делают короли и министры».

— Как же вы не догадались, что я на фронте, а вместо меня на троне сидит фарфоровая кукла?

— Нам-то об этом было известно, только о некоторых вещах не полагается писать в газетах. Народ не должен знать слишком много. Это была государственная тайна, а разглашать тайны нельзя.

Вечером Матиуш опять долго беседовал с журналистом. Из разговора выяснилось следующее.

Никакой Матиуш не реформатор, и то, что он делал до сих пор, не реформы. Если он хочет, чтобы страной не на словах, а на деле управлял народ, надо созвать два парламента: один для взрослых, другой для детей. Дети выберут своих депутатов, и те от их имени заявят, нужны ли им шоколад, куклы, перочинные ножи или, скажем, ботинки и конфеты. Или деньги, чтобы самим покупать себе что хочется. И газета у них должна выходить своя, каждый день. Писать в неё будут сами дети о своих нуждах и пожеланиях. Это неправильно, что король один решает за всех. Разве может один человек всё знать? А газета знает всё. Вот, например, когда по приказу Матиуша ребятам раздавали шоколад, во многих деревнях чиновники съели его сами. Разве это справедливо? А так дети написали бы об этом в газету.

Четыре вечера подряд проговорили они с журналистом. И Матиуш словно прозрел. Как же ему самому не пришло это в голову? И вот

на ближайшем государственном совете Матиуш попросил слова.

— Господа министры! — Матиуш по примеру канцлера выпил воды в знак того, что намерен произнести длинную речь. — Отныне страной будет править народ — это дело решённое. Но вы, господа, забыли, что народ — это не только взрослые, но и дети. У нас в стране несколько миллионов детей, значит, они тоже должны участвовать в управлении государством. Поэтому предлагаю создать два парламента: для взрослых и для детей. Я король взрослых и детей. Но если взрослые считают, что я для них мал, пусть выберут другого короля, а я буду королём детей...

Матиуш четыре раза отпивал воду из стакана — так долго он говорил. И министры смекнули: дело серьёзное! Шоколадом, коньками да каруселями от него не отделаешься, ему теперь настоящие реформы подавай!

— Это, конечно, нелегко, — продолжал Матиуш. — Любая реформа требует жертв и усилий. Но пора начинать. Если моей жизни не хватит, чтобы довести это дело до конца, его завершат мои дети и внуки.

Министры опустили головы, боясь, как бы король не догадался, о чём они думают. А они думали о том, какие глупые дети. Но вслух этого не скажешь, когда сам король — мальчишка.

«Хочешь не хочешь, а на уступки пойти придётся. Например, газета. Можно издавать детскую газету, деньги ведь теперь есть».

— А кто будет писать статьи в детскую газету? — Министры втайне надеялись похоронить эту идею.

— У меня есть на примете один журналист, а министром я назначу Фелека.

В последнее время Фелек часто злился и

открыто высказывал недовольство, и Матиуш хотел доказать, что по-прежнему считает его своим другом.

— Эх, знаем мы цену королевской милости! На войне под пулями и Фелек хорош. А как по балам и театрам разъезжать да ракушки на морском берегу собирать — тут Фелека побоку, тут эти паиньки, Стасик да Еленка, больше подходят. А к людоедам ехать — опять про Фелека вспомнил. Ещё бы, дело опасное. Стасика и Еленочку мамочка не пускает! Оно и понятно, мой отец простой солдат, а не господин капитан. Ну ничего, авось опять для какого-нибудь рискованного дела понадоблюсь.

Очень неприятно, когда тебя считают гордецом и в придачу ещё неблагодарным.

Пусть же Фелек убедится, что он нужен Матиушу не только в беде. Фелек — самый подходящий министр для детей. Вечно он носится с оравой мальчишек по улицам, и никто лучше его не знает ребят.

Бедный Матиуш! Он и не подозревал, как трудно быть справедливым королём. Сколько трудов, хлопот и огорчений ждёт его впереди!

В стране дела шли хорошо. В лесах полным ходом строили летние дома для детей. У каменщиков, плотников, печников, кровельщиков, стекольщиков и слесарей была работа, а значит, и деньги. Кирпичные и стекольные заводы, лесопилки работали в полную силу. Построили специальный завод, где делали коньки, и четыре кондитерские фабрики. Сооружали клетки и вагоны для перевозки диких зверей. Больших трудов и расходов потребовал вагон для слонов и верблюдов. А с длинношеей жирафой дело обстояло ещё сложнее. За городом разбивали зоологический сад. А в городе строили два боль-

ших здания — парламент для взрослых и парламент для детей. У детей всё было как у взрослых. Только дверные ручки прибили пониже, чтобы маленькие депутаты сами могли открывать дверь, стулья пониже, чтобы ноги доставали до пола, да окна пониже, чтобы смотреть на улицу во время скучных заседаний.

Страна благоденствовала. У ремесленников и мастеров была работа, фабриканты получали большие прибыли, дети радовались, что король заботится о них. Они читали свою газету, и каждый писал статьи о чём хотел. А кто не умел читать и писать, тот срочно учился. Статья в газете — это нешуточное дело! Родители и учителя тоже были довольны: дети стали учиться прилежней. И драк меньше: всем известно, драчунов и забияк в депутаты не выбирают. Для этого надо заслужить всеобщую любовь и уважение.

Матиуша любили теперь не только солдаты. Им восхищались все. Ещё бы! Маленький, а какой мудрый!

Но никто не знал, сколько у него неприятностей, и всё из-за зависти чужеземных королей.

— И чего этот Матиуш нос задирает? — ворчали они. — Хочет доказать, что он лучше нас, старых королей? Подумаешь, велика заслуга быть благодетелем за чужой счёт! На его месте каждый дурак сумел бы провести реформы. Вон сколько золота отвалил ему Бум-Друм! Только это ещё вопрос, пристало ли белому королю якшаться с черномазым людоедом!

Об этих разговорах Матиушу донесли его шпионы. А министр иностранных дел предупредил, что может начаться война. Ах, как некстати сейчас война! Она расстроит все планы. Рабочие наденут солдатские шинели, уйдут на фронт, и дома останутся недостроенными.

А Матиуш мечтал, чтобы дети ещё этим летом выехали за город, а осенью собрались оба парламента — взрослый и детский.

— Как избежать войны? — спросил Матиуш, в раздумье расхаживая по кабинету.

— Перессорить королей между собой и заключить союз с самым сильным.

— Вот здорово! Печальный король непременно будет за нас. Он ещё тогда говорил мне, что не хотел воевать с нами. Потом, мы с его армией не сражались: она находилась в резерве. К тому же он мне сам советовал заняться реформами для детей.

— Это очень важно. Ну, допустим, он будет за нас, но те двое — наши злейшие враги.

— Почему? — спросил Матиуш.

— Один зол на нас из-за парламента.

— А ему какое дело?

— Как это какое дело? Его народ узнает про реформы и тоже захочет сам управлять своей страной. Произойдет революция — и ему капут!

— Ну, а второй?

— С этим, пожалуй, можно договориться. Он недоволен тем, что африканские вожди присылают теперь подарки не ему, а нам. Надо поделиться с ним, и он успокоится.

— Сейчас все меры хороши, лишь бы не было войны! — решительно сказал Матиуш.

И в тот же вечер написал Печальному королю длинное письмо, в котором сообщал о своих реформах, просил совета, жаловался на то, как трудно быть королём. В письме были такие строчки:

Как стало известно из донесений моих шпионов, иностранные короли завидуют мне из-за золота, которое присылает Бум-Друм, и хотят

снова начать войну. Ваше королевское величество, будьте другом, поссорьтесь с ними, пожалуйста.

Поздно ночью Матиуш кончил писать и вышел на балкон посмотреть на город. На улицах горели фонари, а в домах ни одно окошко не светилось: все спали.

«Все давно спокойно спят, только я один бодрствую и пишу по ночам письма, — с горечью подумал Матиуш. — Да, войны надо избежать любой ценой, не то дома для ребят останутся недостроенными и никуда они летом не поедут. Каждый мальчик и девочка думает о своих уроках и игрушках, а у меня нет времени даже учиться, потому что я должен заботиться обо всех детях моей страны».

Матиуш заглянул в детскую комнату. Игрушки покрылись толстым слоем пыли, их давно никто не трогал.

Матиуш взял в руки своего любимого Петрушку.

— Милый Петрушка, не сердись, что я тебя совсем забросил. Видишь ли, ты сделан из дерева и, пока тебя не сломают, лежишь себе спокойно и ничего тебе не надо. А мне приходится заботиться о живых людях, которым очень много всего надо.

Матиуш лёг в постель, погасил свет и, уже засыпая, вспомнил, что не написал письмо тому королю, который злился на него из-за подарков негритянских королей.

Как быть? Оба письма надо отправить одновременно. Медлить нельзя, не то они, чего доброго, объявят войну, прежде чем получат письма.

Ничего не поделаешь, придётся вставать. И хотя у Матиуша от усталости болела голова, он до самого утра сочинял письмо второму королю.

После бессонной ночи опять целый день работай! А день выдался особенно тяжёлый.

Из приморского города пришла телеграмма: Бум-Друм прислал пароход с дикими зверями и золотом, а король, которому принадлежит порт, не разрешает провозить груз через свою территорию.

Потом явились иноземные послы и сказали: их короли не желают, чтобы по их земле возили людоедские подарки. Раз позволили — и хватит. И вообще они не обязаны слушаться Матиуша. Слишком много он о себе воображает. Подумаешь, победил их один раз, зато теперь они купили новые пушки и не боятся его.

Послы вели себя вызывающе. Они явно хотели затеять ссору. Один даже ногой топнул, и церемониймейстер сделал ему замечание, что в присутствии короля топтать ногами не полагается. Матиуш покраснел от гнева — недаром в жилах его текла кровь Генриха Свирепого — и чуть не крикнул: «Я вас тоже не боюсь! Давайте посмотрим, кто кого!»

Но он взял себя в руки и, побледнев, заговорил так, словно не слышал обидных речей:

— Господа послы, вы напрасно сердитесь! Я вашим королям не угрожаю войной и как раз вчера написал им письма, в которых предлагаю жить в мире. Вот, пожалуйста, передайте им. Здесь только два письма, третье будет готово сегодня. Если они не хотят провозить бесплатно подарки Бум-Друма по своей земле, я охотно им заплачу. Мне просто не пришло в голову, что вашим королям это может быть неприятно.

Не зная, что написано в письмах — конверты были заклеены и запечатаны сургучом с королевской печатью, — послы прикусили язы-

ки и, ворча себе что-то под нос, отправились восвояси.

После их ухода Матиуш совещался с журналистом, потом с Фелеком, потом с министрами. И еще в тот же день подписывал важные бумаги, принимал кого-то и присутствовал на военном параде по случаю годовщины победы, одержанной его предком Витольдом Непобедимым.

Доктор, увидев вечером бледное, измученное лицо Матиуша, всплеснул руками:

— Ваше величество, нельзя так переутомляться! Вы слишком много работаете, а спите и едите мало. В вашем возрасте человек растёт, и при таком образе жизни легко заболеть туберкулёзом. Смотрите, как бы у вас не пошла горлом кровь...

— Я вчера уже плевался кровью, — признался Матиуш.

Доктор переполошился, осмотрел его, но оказалось, у него просто выпал молочный зуб.

— А зуб где, ваше величество? — спросил присутствовавший при осмотре церемониймейстер.

— Я его в корзинку для бумаг выкинул.

Церемониймейстер промолчал, но про себя подумал: «Ну и времена настали! Королевские зубы, как ненужный хлам, выбрасываются на помойку».

Оказывается, испокон веку существовал обычай: выпавшие королевские зубы оправлять в золото и складывать в шкатулку, выложенную бриллиантами, а шкатулку хранить в королевской сокровищнице.

Матиуш решил пригласить в гости иностранных королей. Во-первых, он был у них с визитом и теперь полагалось позвать их к себе.

Во-вторых, Матиуш хотел в присутствии всех королей торжественно открыть первое заседание парламента. В-третьих, пусть полюбуются его новым зверинцем. Но это всё предлоги, а главное — встретиться и поговорить откровенно: мир или война?

И вот за одним письмом летит вдогонку второе, третье, за телеграммой — телеграмма, министры уезжают и приезжают. Дело чрезвычайной важности: или мир, то есть спокойный труд на благо своей страны, изобилие и всеобщее счастье, или война, то есть смерть, разорение и всеобщее горе.

Во дворце днём и ночью заседают. Та же картина за границей, у иностранных королей.

Однажды на аудиенцию к Матиушу явился иноземный посол.

— Мой король хочет жить с вами в мире.

— Тогда зачем же он вооружается и строит новые крепости? Кто не собирается воевать, тому крепости не нужны.

— Достаточно с моего короля и одного поражения. Он не желает быть застигнутым врасплох. Но это вовсе не значит, что он собирается напасть на вашу страну.

А шпионы донесли Матиушу, что именно этот король грозитя ему отомстить. Собственно, не сам король — он был дряхлым, уставшим от жизни стариком, — а его сын, наследник престола. Он подбивал отца напасть на Матиуша. Шпионам даже удалось подслушать один их разговор.

— Ты, отец, стар и немощен, отдай мне корону, и увидишь, я в два счёта разделаюсь с этим мальчишкой!

— А что он сделал тебе плохого? По-моему, он очень славный мальчик.

— «Славный, славный»... — передразнил тот

старика отца.— А тебе известно, что этот славный мальчик предложил Печальному королю заключить союз против нас? И с другим нашим соседом договорился поровну делить подарки африканских вождей... А нам кто будет присылать золото и драгоценные дары? Потом они сговорятся между собой и втроём нападут на нас. Поэтому необходимо построить две новые крепости и увеличить войско.

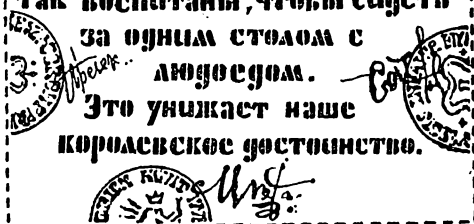
Когда короли не доверяют друг другу, они посылают шпионов за границу, и те подсматривают, подслушивают, вынюхивают и доносят обо всём. У наследника Старого короля тоже были шпионы, поэтому он знал все секреты Матиуша.

Как ни кричал и ни жался Старый король, а пришлось согласиться на постройку одной крепости и на увеличение войска. Страшно было снова проиграть войну. А ещё страшней было б слушать попреки сына: «Вот и вышло по-моему, опять тебе накостиляли. Нечего быть собакой на сене. Коли нет сил, отдавай власть!»

Переговоры тянулись всю осень и зиму. Было непонятно, кто кому друг, а кто — враг.

Наконец Матиуш получил такой ответ:

Приедем с удовольствием, но с одним условием: если среди приглашенных не будет Бум-Друма. Мы, белые короли, не так воспитаны, чтобы сидеть за одним столом с людоедом. Это унижает наше королевское достоинство.

Послание трёх королей задело Матиуша за живое. Ах вот как, значит, он плохо воспитан, значит, он не дорожит своей честью! Министр иностранных дел уговаривал его успокоиться и сделать вид, будто он не понял обидных на­мёков.

Но Матиуш заупрямился:

— Не желаю прикидываться дурачком! Не хотят — как хотят! Они оскорбляют не только меня, но и моего лучшего друга, который присягнул мне в верности. Где бы мне ни угрожала опасность — в огне, на воде или в воздухе, — он готов отдать за меня жизнь. Он мой самый верный друг. И лучшее тому доказательство — ни я к нему, ни он ко мне не засылает шпионов. А белые короли — лицемеры и завистники. Я так им и напишу!

Министр иностранных дел не на шутку перепугался.

— Ваше величество, вы не хотите войны, а такой ответ — это явный вызов. Надо ответить иначе.

Опять Матиуш всю ночь не спал: сочинял с министром письмо королям.

Он писал, что подружился с Бум-Друмом. Что Бум-Друм не хочет быть дикарём, но жрецы чинят ему препятствия и грозятся отравить. Им выгодно держать народ в темноте и невежестве. Он готов лично проверить, исправился ли Бум-Друм, и известить об этом белых королей.

А в конце была приписка:

Что касается королевского достоинства, то я дорожу им не меньше, чем вы. А честь моего чёрного друга готов защищать до последней капли крови.

Иными словами это означало: «Берегитесь! Я за себя сумею постоять. И хотя войны не хочу, но, если нужно, буду воевать».

Белые короли написали в ответ. «Хорошо, если Бум-Друм действительно исправился и усвоил хорошие манеры, мы согласны приехать и сидеть с ним за одним столом».

Но это оказалась хитрая уловка. На самом деле они хотели выиграть время. Особенно сын Старого короля, чьи крепости ещё не были готовы.

Они думали так: «Допустим, Матиуш напишет нам, что Бум-Друм отказался от своих дикарских привычек, а мы ему ответим: негры вероломны, им верить нельзя. Нам нужны более веские доказательства, иначе мы не приедем».

Но Матиуш перехитрил их. Как говорится, утёр им нос.

— Лечу в Африку на аэроплане! — заявил он ко всеобщему удивлению, получив письмо белых королей.— Хочу убедиться, что чёрный король умеет держать слово.

Напрасно министры советовали ему отказаться от опасного путешествия. Чем только они его не пугали: и сильным ветром, и тем, что не хватит бензина и что мотор испортится и пилот заблудится...

Сам фабрикант, который делал аэропланы, отговаривал Матиуша лететь в Африку. Хотя это было не в его интересах: ведь королевский заказ сулил ему огромную прибыль.

— Я не ручаюсь, что мотор выдержит пятидневный перелёт и не забарахлит. Наши аэропланы рассчитаны на умеренный климат, и неизвестно, как влияет на них жара. А где найти в пустыне механика, если сломается самый маленький винтик? Больше двух человек аэроплан не поднимет, значит, лететь могут только

король да пилот. А как же договориться с Бум-Друмом без профессора, который знает пятьдесят языков?

Матиуш слушал и кивал головой: согласен, мол, путешествие очень опасное. Да, можно заблудиться в пустыне. Действительно, обойтись без профессора очень трудно... Но тем не менее он решил лететь и своего решения не изменит.

Фабриканта он попросил не жалеть денег и пригласить самых лучших мастеров, раздобыть самые лучшие инструменты и материалы: аэроплан надо изготовить быстро и хорошо.

Фабрикант отложил все другие заказы. В три смены день и ночь работали самые опытные мастера. А главный инженер от переутомления даже заболел.

Матиуш ежедневно приезжал на завод и просиживал там долгие часы, рассматривая каждый винтик и каждый болтик.

Трудно себе представить, какую сенсацию в стране и за границей вызвало сообщение о предполагаемом полёте Матиуша в Африку. В газетах ни о чём другом не писали. Как только не называли Матиуша: и «Покорителем атмосферы», и «Владыкой пустыни», и «Матиушем Великим», и «Матиушем Безумным».

— Ну, теперь ему крышка! — пророчили недоброжелатели. — Два раза этот номер не пройдёт.

Остановка была за пилотом. О своём желании лететь заявили двое — безногий односторонний старик и Фелек.

Безногий старик работал старшим механиком на фабрике самолётов. Он летал на аэропланах ещё в те времена, когда они были очень несовершенны: часто падали на землю и разбивались. На его счету было семь аварий: четыре раза он отделался сильным ушибом, в пятый —

лишился глаза, в шестой — переломал ноги, в седьмой — сломал два ребра и так трахнулся головой об землю, что потерял дар речи и год пролежал в больнице. До сих пор он говорил не очень разборчиво. Последний случай отбил у него всякую охоту летать, но любовь к аэропланам привела его на завод, где их строили.

«Если мне самому не суждено летать, буду хоть строить аэропланы для других», — подумал он.

Когда весть о полёте Матиуша дошла до старого пилота, он решил, что на этот раз полетит. «Руки у меня ещё сильные, — сказал он, — а мой один глаз двух стоит».

Где Фелеку тягаться с таким опытным пилотом! И он охотно уступил старику эту честь, понимая, как велик риск погибнуть и как мало шансов на успех.

И вот безрассудный Матиуш со своим безногим товарищем отправился в путь.

К телеграфисту зашёл как-то начальник гарнизона. Сидит, курит трубку и жалуется на свою судьбу:

— Вот собачья жизнь! Сижу в этой проклятой дыре, кругом сплошные пески, света белого не вижу. А с тех пор как побывал здесь король Матиуш и через наш посёлок стали возить клетки с дикими зверями да мешки с золотом, вовсе невмоготу стало. Подумать только, дикие звери и те будут жить в красивом, большом городе, а я до конца своих дней обречён прозябать в этой глуши!

Телеграфист хотел что-то сказать, но тут — дзинь-дзинь! — зазвонил аппарат.

— Телеграмма!

Аппарат застучал, и по белой бумаге побежали буквы.

- Ого, важные новости!..
- Что, что случилось?
- Подождите, сейчас скажу. Ну, слушайте:

Завтра четыре прибудет
поездом
король Матиуш Тчк
тем же поездом
доставят аэроплан Тчк
Приказываю испортить аэроплане
самую важную деталь Тчк
полет необходимо
сорвать Тчк
Совершенно секретно Тчк

— Понятно,— сказал офицер.— Нашим королям не по нраву дружба Матиуша с Бум-Друмом. Приказ очень неприятный. Они как собаки на сене: сами жить в дружбе с Бум-Друмом не хотят и Матиушу не дают. Это свинство с их стороны. Но ничего не поделаешь, я человек военный, обязан выполнять приказ.

Офицер немедленно вызвал верного солдата и велел ему переодеться грузчиком.

— На железной дороге грузчиками работают негры. Когда Матиуш увидит среди них белого, он непременно наймёт тебя наблюдать за дикарями. Приказываю тебе вывинтить са-

мый важный винтик, без которого аэроплан не сможет подняться в воздух.

— Есть вывинтить самый важный винтик!— ответил солдат, переоделся грузчиком и пошёл на станцию.

Поезд остановился. Из вагона вышел Матиуш, и его сразу окружили негры-грузчики. Матиуш знаками объясняет им: надо выгрузить вон ту машину, только очень осторожно, чтобы не сломать. И вдруг, к своей великой радости, видит в толпе белого человека.

— Я вам хорошо заплачу,— сказал Матиуш, обращаясь к переодетому солдату,— только растолкуйте им, пожалуйста, что они должны делать, и последите за ними.

Тут примчался офицер с таким видом, будто только что узнал о приезде Матиуша:

— Как?! Что я слышу?! На аэроплане через пустыню? Вот это здорово!.. Завтра? Поживите у нас денёк-другой, отдохните. А сейчас пожалуйста ко мне завтракать.

Матиуш охотно согласился, а пилот отказался наотрез:

— Я на свой единственный глаз надеюсь больше, чем на десяток чужих.

— Не извольте беспокоиться, всё будет в порядке,— заверил его мнимый грузчик.

Но безногий пилот — ни в какую: нет и нет! Пока аэроплан не выгрузят и не соберут, он никуда отсюда не уйдёт.

Как известно, спорить с упрямцем — дело бесполезное. Негры выгрузили по отдельности крылья, ящик с мотором, пропеллер, а потом под руководством пилота стали собирать аэроплан. Все старания переодетого солдата избавиться от дотошного пилота ни к чему не привели. Тогда он прибегнул к крайнему средству:

угостил пилота усыпляющей сигарой. Тот затаился несколько раз и уснул.

— Пусть белый человек поспит, он устал с дороги,— сказал обманщик.— И вам пора отдохнуть. Вот деньги — идите выпейте водки. Грузчики ушли.

Пилот крепко спал. А солдат отвинтил самый важный винтик, без которого аэроплан не мог летать, и закопал его в песок под пальмой.

Через час пилот проснулся. Ему стало стыдно, что он заснул во время такой ответственной работы, и он быстро закончил сборку аэроплана. Негры откатали его к казарме.

— Ну как? — тихо спросил офицер.

— Всё в порядке,— прошептал солдат.— Винтик зарыл под пальмой. Прикажете принести?

— Не надо, пусть лежит там.

Солнце ещё не взошло, а Матиуш уже готовился в путь: взял запас воды на четыре дня, немного еды, два револьвера, налил бензина, на всякий случай прихватил машинное масло. Лишнего ничего не взял: аэроплан перегружать нельзя.

— Ну, можно трогаться.

Но что это? Мотор не заводится. Что случилось? Ведь пилот сам укладывал мотор в ящик, сам проверил все детали.

— Вот здесь не хватает винтика! — вдруг воскликнул он.— Кто мог отвинтить его?

— Какого винтика? — с невинным видом спрашивает офицер.

— Вот тут, тут должен быть винтик. Без него аэроплан не может лететь.

— А запасного вы не захватили?

— Только сумасшедшие берут про запас части, которые никогда не ломаются.

— Может, его забыли привинтить?

— Как бы не так! Я его сам на фабрике привинчивал. И вчера, когда мотор вынимали из ящика, я его тоже видел. Это кто-то нарочно сделал.

— А он блестящий? — спросил офицер. — Негры страсть до чего любят всё блестящее!

Матиуш с убитым видом молча стоял возле аэроплана и вдруг видит — что-то сверкнуло в песке под крылом.

— Что это? Ну-ка посмотрите!

Каково же было всеобщее удивление, когда оказалось, что блестящий предмет — это пропавший винтик.

— Чудеса в решете! — воскликнул пилот. — Не иначе здесь нечистая сила орудует! Сколько лет на свете живу, никогда раньше на работе не засыпал, а вчера заснул. Сколько разных деталей портилось и ломалось у меня — не счесть! Но чтобы этот винтик отвинтился, такого ещё не бывало! И как он здесь очутился?

— Скорей! — сказал Матиуш. — Мы и так целый час потеряли.

Не меньше путешественников был удивлён случившимся и офицер, а стоявший неподалёку солдат и вовсе сбит с толку.

«Не иначе проделки этих чёрных дьяволов!» — подумал он.

Сойдясь в трактире, негры стали рассуждать об удивительной машине, которую они сгружали с поезда:

— Совсем как птица. Белый король полетит на ней к Бум-Друму.

— И чего только эти белые не придумают! — качали они головами.

— А меня больше белой птицы удивил белый грузчик, — промолвил старик негр. — Тридцать лет работаю я у белых и не припомню

случая, чтобы белый человек пожалел негра да ещё деньги вперед заплатил.

— Правда, откуда он взялся? Может, с ним приехал?

— Нет, это кто-то из местных переоделся грузчиком. Для приезжего он слишком хорошо знает наш язык.

— А вы заметили, безногий механик заснул после того, как белый носильщик угостил его сигарой? Сигара-то, наверно, была усыпляющая.

— Здесь что-то неладно,— согласились все.

Закончив работу, белый грузчик ушёл, а негры расположились в тени пальмы, под которой был зарыт винтик.

— Смотрите, здесь кто-то совсем недавно копал песок. Я хорошо помню: когда мы пришли сюда, песок под пальмой был нетронутый.

Негры разгребли песок, нашли винтик и сразу обо всём догадались.

Как быть? Ясно, белые хотят погубить Матиуша, а они, негры, любят Матиуша. Разве мало денег зарабатывают они, с тех пор как из страны Бум-Друма привозят на верблюдах большие тяжёлые клетки, ящики, мешки и они грузят всё это в утробу изрыгающего пламя дракона, которого белые называют поездом!

Как быть? Отдать винтик Матиушу! Но офицер узнает и жестоко им отомстит. После долгих пересудов решили подкрасться ночью к аэроплану и подбросить винтик.

Так они и сделали. И вот благодаря неграм Матиуш с опозданием на три часа отправился в путь.

Заблудились!

Кто не пережил это сам, не поймёт, в каком ужасном положении очутился Матиуш. Если ты заблудился в лесу, можно утолить голод ягодами, напиться из ручья, лечь под дерево и

заснуть; наконец, есть надежда набрести на сторожку лесника. Если корабль сбился с курса, тоже не так страшно: на корабле много народу — поговоришь, отведёшь душу, и станет легче. Кроме того, на корабле есть запас провизии, а там, глядишь, покажется на горизонте какой-нибудь островок. А вот заблудиться вдвоём, да ещё в воздухе, над пустыней — страшной этого, пожалуй, нет ничего на свете. Дорогу спросить не у кого: кругом, насколько хватает взгляд, — песок да небо. Даже цельный сон не приходит.

Сидишь в брюхе чудовищной птицы, и она как стрела летит неведомо куда, но ты знаешь: ей суждено мчаться до тех пор, пока хватит бензина, а потом она замертво рухнет на землю. Умрёт гигантская птица и вместе с ней надежда на спасение. Если повезёт и ты не разобьёшься при падении, тебя ждёт верная смерть в знойных песках пустыни.

Двадцать учёных высчитали, сколько часов отважные путешественники будут находиться в полёте. Высчитали точно, с учётом силы ветра. И вот два дня назад они точно по графику пролетели над вторым оазисом. Сегодня в семь утра должны миновать третий оазис, а в четыре достигнуть границ страны Бум-Друма. Направление они не меняли: ведь в воздухе нет преград, которые нужно огибать.

Что же произошло?

Сейчас без двадцати минут восемь, а под ними песок и песок.

— Сколько времени мы ещё можем продержаться в воздухе?

— Самое большее шесть часов. Бензина хватило бы и дольше, но масла это чудовище выпивает страх сколько. Да и неудивительно — жарко, вот ему и пить охота.

Их тоже мучила жажда, но запас воды был небольшой.

— Пейте, ваше величество, мне, безногому, меньше воды нужно,— шутил пилот, но Матиуш заметил слёзы в глазах у смельчака.

— Без четверти восемь...

— Без десяти восемь...

— Восемь...

Оазиса всё нет.

Если бы гроза бушевала или ураган, не так обидно бы погибнуть. А то всё идёт гладко, первый оазис пролетели на десять секунд раньше срока, второй — с опозданием на четыре секунды. Скорость полёта всё время одинаковая. Ну, допустим, возможно опоздание на пять минут, но прошёл-то уже целый час.

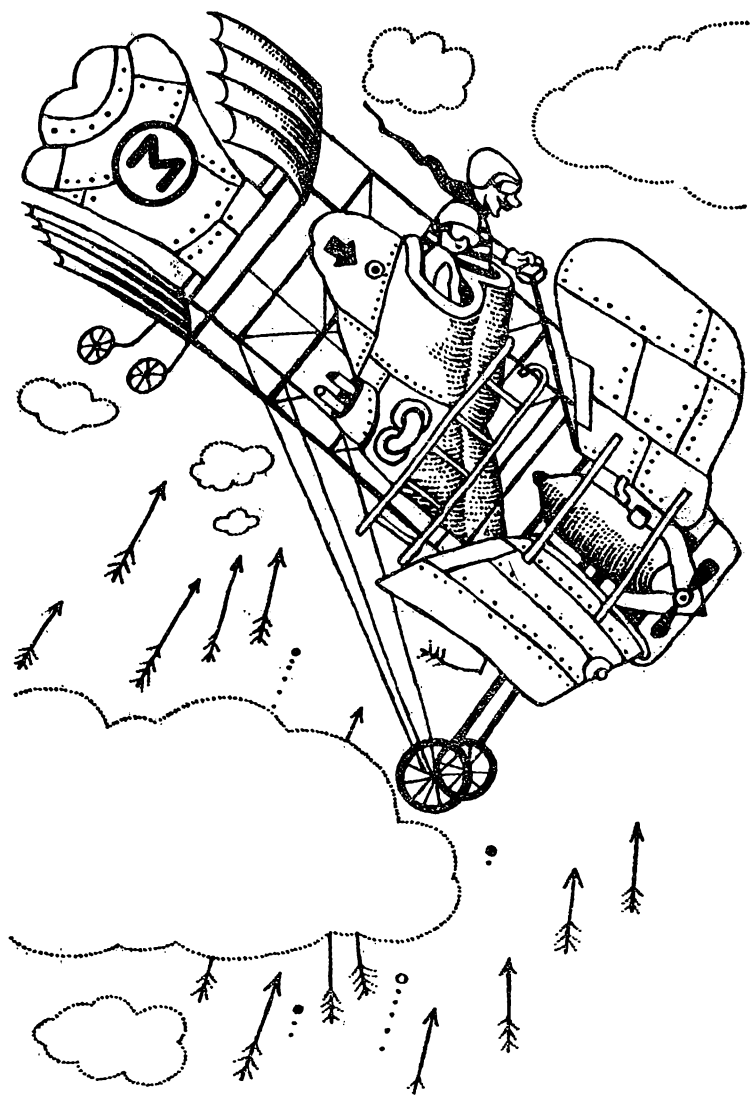
А ведь они были почти у цели. И сегодня завершилось бы последнее опасное путешествие Матиуша, на которое возлагалось столько надежд!

— Может, изменим направление? — предложил Матиуш.

— Изменить направление — дело нехитрое. Мой аэроплан послушен малейшему движению руки. Как славно он летит! Он не виноват в том, что случилось. Не огорчайся, моя птаха, тебя никто не винит... Ну, изменим направление. А дальше что? По-моему, не надо менять курс. Может, это опять, как с винтиком, дьявольские козни? Каким образом он исчез и почему вдруг нашёлся?.. Мотор снова пить просит. Ну, дуралей, выпей стопочку масла, только помни: пьянство до добра не доводит. Если будешь продолжать в том же духе, тебя ждёт плачевная участь.

— Оазис! — вскричал вдруг Матиуш, не отрывавший глаз от бинокля.

— Тем лучше,— невозмутимо сказал пилот.

Ему всё нипочём. Он одинаково спокоен: нет оазиса или есть оазис.— Опаздываем на час пять минут. Но это не беда. Благодаря попутному ветру горючего хватит на три часа. Давай-ка выпьем.— Пилот налил кружку и чокнулся с масляной горловиной: — За твоё здорovie, дружище!..— и, подлив масла в машину, залпом выпил целую кружку воды.— Дайте-ка, ваше величество, бинокль, посмотрю и я своим единственным глазом на это чудо... Хе-хе, знатные у Бум-Друма деревья! А вдруг Бум-Друм всё-таки людоед? Быть съеденным, если знаешь, что придёшься по вкусу, ещё полбеды. А у меня мясо жёсткое, жилистое, да и бульон из поломанных рёбер наваристый не получится.

Матиуш очень удивился: почему этот молчаливый человек, не сказавший почти ни слова за всю дорогу, стал вдруг таким разговорчивым и весёлым?

— А вы уверены, ваше величество, что это тот самый оазис? Если за ним опять начнётся проклятая пустыня, лучше уж приземлиться здесь.

Матиуш не мог утверждать с уверенностью: ведь сверху всё выглядит иначе. Но одно знал он твёрдо, приземляться ни в коем случае нельзя, иначе попадешь в руки кровожадных разбойников пустыни или тебя растерзают хищные звери.

— Может, спустимся пониже, посмотрим что и как?

— Давайте,— согласился Матиуш.

До сих пор они летели на большой высоте, это спасало их от жары и уменьшало расход масла. Но теперь, когда до конца путешествия осталось несколько часов, об этом можно было не заботиться.

Аэроплан зарычал, дёрнулся и пошёл на снижение.

— Что это? — удивился Матиуш и тут же крикнул: — Скорей набирай высоту!

В крылья аэроплана вонзилось с десятков стрел.

— Вас не ранило? — встревожился Матиуш.

— Нет, нет, не беспокойтесь! Нечего сказать, хорошо они нас встречают! — прибавил пилот.

Просвистело ещё несколько стрел, и аэроплан взмыл вверх.

— Это тот самый оазис! Разбойники пустыни рыщут поблизости от лесов Бум-Друма: в безлюдных песках им нечего делать.

— Вы уверены, что аэроплан не понадобится нам больше и обратно мы поедem на верблюдах?

— Конечно! Бум-Друм, как и в прошлый раз, отправит нас на верблюдах. И потом, если масло там ещё можно раздобыть, где же мы возьмём бензин?

— В таком случае, — сказал пилот, — рискнём. Всякий уважающий себя машинист, когда опаздывает, поддаёт пару и прибывает на станцию точно по расписанию. Сделаю и я так: разовью предельную скорость, чтобы прилететь на место вовремя. Эх, была не была! Может, это мой последний полёт!

Пилот поднажал, и через минуту разбойники и оазис остались далеко позади.

— А стрелы не причинят нам вреда? — спросил Матиуш.

— Нет, пусть себе торчат на здоровье.

Летят, летят они. Мотор работает без перебоев, и вот внизу снова замелькали редкие кустики и чахлые деревца.

— Лошадка моя почуяла конюшню! — пошутил пилот.

Они выпили остаток воды, доели продукты. Ведь неизвестно, сколько времени продлится торжественная встреча и когда их накормят. И потом, неловко приезжать в гости голодными, а то хозяева ещё подумают, будто они приехали специально для того, чтобы поесть.

Матиуш разглядел серую полоску лесов вдали. Они сбавили скорость и стали осторожно снижаться.

— А в лесу есть какая-нибудь полянка? — спросил пилот. — Ведь на деревья мы не можем сесть. Правда, однажды я посадил аэроплан в лесу, вернее, не я — его, а он — меня. Вот тогда я и потерял глаз. Но в то время я сам был молод, и аэропланы были молодые и непослушные.

Матиуш помнил: перед королевским дворцом, то есть шалашом, была полянка. Самолёт низко кружил над землёй, отыскивая место для посадки.

— Правее! — командовал Матиуш, приставив к глазам бинокль. — Не так круто. Чуть-чуть назад. Левее. Поменьше круг... Хорошо.

— А теперь и я вижу. Но что это?!

— Набрать высоту! — испуганно вскричал Матиуш.

Они поднялись выше, а снизу до их слуха долетел оглушительный крик, словно разом завывали все обитатели джунглей. Поляна перед королевским шалашом кишела людьми — как говорится, яблоку негде упасть.

— Что-то случилось. Или Бум-Друм умер, или у них праздник...

— Всё это хорошо, но головы — не самая лучшая посадочная площадка.

— Надо опускаться и подниматься до тех пор, пока они не разбегутся.

Аэроплан опускался и поднимался семь раз. Наконец негры поняли, что огромная птица хочет сесть на поляну, и отступили к деревьям. Аэроплан благополучно приземлился.

Не успел Матиуш ступить на землю, как к нему подлетел кто-то маленький, косматый и повис у него на шее. Когда у него перестала кружиться голова и рябить в глазах, он узнал в этом маленьком лохматом существе дочь вождя — Клу-Клу.

Что случилось? Матиуш ничего не понимал. Всё произошло, как во сне или в кино — стремительно и внезапно.

Прежде всего Матиуш увидел на куче хвороста Бум-Друма, связанного африканскими верёвками из лиан. Вокруг стояли чёрные жрецы. Вид их вселял ужас, особенно страшен был один: с двумя крыльями, двумя головами, четырьмя руками и двумя ногами. В одной из четырёх рук он держал доску, на которой было не то написано что-то, не то нарисовано человеческой кровью. И Матиуш догадался: Бум-Друма хотят сжечь на костре. В стороне стояли жены Бум-Друма, тоже связанные, и каждая держала остриём к сердцу отравленную стрелу. Дети Бум-Друма плакали, бегали в знак печали на четвереньках и кувыркались через голову. Так в их стране принято выражать скорбь. А маленькая Клу-Клу тащила Матиуша к отцу и лепетала что-то по-своему, но что именно, Матиуш не понимал. На всякий случай, выхватив револьвер, он выстрелил в воздух. И в тот же миг позади себя услышал страшный крик. Обернувшись, Матиуш увидел, как пилот взмахнул руками, посинел и замертво упал на землю.

Прежде чем Матиуш опомнился, из всех глоток вырвался дикий вопль. «С ума они сошли, что ли!» — подумал Матиуш. Жрец о двух головах перерезал верёвки, которыми был связан Бум-Друм, и закружился в дикой пляске. Потом вспрыгнул на кучу хвороста, где только что лежал Бум-Друм, и поднёс к дровам горящий факел. Дрова, пропитанные каким-то легко воспламеняющимся составом, мгновенно вспыхнули, и запылал жаркий огонь. Матиуш и Клу-Клу едва успели отскочить в сторону.

У аэроплана, стоявшего неподалёку от костра, загорелось одно крыло, потом раздался грохот — это взорвался бак с бензином. Кто-то подхватил Матиуша на руки и посадил на золотой трон. Бум-Друм и другие вожди, помельче, подходили по очереди к трону, низко кланялись, произнося непонятные заклинания.

Тело мёртвого пилота обернули пропитанными благовониями тканями. От них исходил такой сильный запах, что у Матиуша закружилась голова.

«Что всё это значит?» — недоумевал Матиуш.

Произошло какое-то из ряда вон выходящее событие. Это ясно. Но какое именно? Похоже, он спас жизнь Бум-Друму и его жёнам. Самому Матиушу, кажется, тоже не угрожает опасность. Но разве можно быть в чём-нибудь уверенным в этой чудной стране?

Откуда взялись эти несметные толпы? И что они затевают? Вот в джунглях вспыхнуло несколько тысяч костров, и негры пляшут, поют, играют. У каждого племени свои мелодии, свои песни.

То, что здесь собрались не только подданные Бум-Друма, Матиуш догадался по нарядам. У одних — это были обитатели джунглей — одежда состояла из пальмовых ветвей и перьев;

у других за спиной висели панцири гигантских морских черепах; третьи были в обезьяньих шкурах; четвёртые — совсем голые, с украшениями в носу и ушах.

Матиуш был не робкого десятка. Ему не раз приходилось смотреть смерти в глаза. Но оказаться совсем одному, вдали от дома, среди тысячи дикарей... Нет, это было чересчур даже для мужественного сердца Матиуша. А когда он вспомнил, при каких таинственных обстоятельствах погиб его преданный спутник, ему стало до того грустно, что он громко заплакал.

Матиуша поместили в шатре из львиных и тигровых шкур. Он хотел поплакать без помех и свидетелей, но не тут-то было! Маленькая Клу-Клу, которая ходила за ним по пятам и не оставляла ни на минуту одного, и на этот раз оказалась рядом. Матиуш разглядел её при свете огромного алмаза. Она положила ему на лоб руку и тихо-тихо заплакала.

«Как жалко, что я не понимаю их языка! — досадовал Матиуш. — Клу-Клу мне бы всё объяснила». Девочка без умолку говорила, медленно, по нескольку раз повторяя одни и те же слова. Она думала: может, так будет понятней. Попыталась растолковать что-то знаками. Но Матиуш из всего этого понял только две вещи. Первое: Клу-Клу — его самый преданный друг, и второе: ему не угрожает никакая опасность — ни сейчас, ни в будущем.

Несмотря на усталость, Матиуш всю ночь не сомкнул глаз.

И лишь под утро, когда крики немного утихли, Матиуш заснул. Но его скоро разбудили, посадили опять на золотой трон, и каждое племя преподнесло ему дары. Матиуш улыбался, благодарил, но про себя думал: на всём земном шаре не хватит верблюдов, чтобы перевезти это

добро через пустыню. Кроме того, перед отъездом белые короли объявили Матиушу, что разрешат провозить через свои страны только клетки с дикими зверями и больше ничего — ни за какие деньги!

«Был бы у меня собственный порт и собственный флот, тогда другое дело», — подумал Матиуш.

И ещё он подумал: «Если опять начнётся война и я опять одержу победу, то потребую у заграничного короля один морской порт и не буду зависеть от его милостей».

Матиуш с удовольствием отдохнул бы здесь с неделку, да нельзя, дела не позволяют. Вдруг без него вспыхнет война? И потом, как быть с письмами? Ведь он каждый день должен прочитывать сто писем и каждый день ста ребятам выдавать то, что им нужно.

— Пора возвращаться, — сказал Матиуш и показал сначала на верблюдов, а потом на север.

И Бум-Друм понял его.

Матиуш объяснил знаками, что хочет забрать с собой тело отважного пилота.

Бум-Друм понял и это.

Когда развернули пропитанные благовониями тряпки, Матиуш увидел мёртвого пилота: он был белый и твёрдый, как мрамор. Его положили в ящик из чёрного дерева и знаками объяснили Матиушу, что он может увезти его с собой.

Обломки аэроплана сложили в другой ящик из чёрного дерева. Но Матиуш дал понять, что они ему не нужны, и очень удивился, увидев, как обрадовался Бум-Друм. Будто невесть какой ценный подарок получил!

Всё это хорошо, но главного Матиуш так и не выяснил: отказался Бум-Друм от своих дикарских привычек или нет? Ничего другого не

оставалось, как взять его с собой. Матиуш так и сделал. И вот королевский караван уже знакомым путём двинулся назад через пустыню.

Только дома, у себя в кабинете, понял Матиуш смысл загадочных событий, свидетелем которых он оказался. Вот что рассказал ему профессор, который изучил пятьдесят языков.

— Давным-давно, когда один из предков Бум-Друма захотел ввести у себя в стране новые порядки, его в наказание отравили. А верховный жрец поведал своим соплеменникам такую легенду.

Настанет время, когда они заживут по-другому. И произойдёт это так: однажды под вечер на небе появится огромная птица с железным сердцем и с десятью отравленными стрелами в правом крыле. Птица семь раз окружит поляну царской столицы и упадёт на землю. У птицы будут два огромных крыла, четыре руки, две головы, три глаза и две ноги. Одна голова и две руки птицы погибнут от одной из десяти отравленных стрел. Два раза прогремит гром. Тогда верховный жрец взойдёт на костёр и сгорит, а железное сердце птицы разорвётся. И останется от птицы кусок белого мрамора, горсть пепла и... белый человек. Тогда они не будут больше дикарями, начнут учиться разным хорошим и полезным вещам. Но пока не появится птица, ничего изменить нельзя. И вождь, который раньше времени вздумает ввести новые порядки, будет сожжён на костре или отравлен...

Бум-Друм предпочёл отраве костёр. И вот, когда должно было состояться торжественное сожжение Бум-Друма, в небе появился аэроплан с двумя путешественниками. Два раза прогремел гром — это Матиуш два раза выстрелил из пистолета, а пилот — две руки и один глаз

птицы — умер, наткнувшись случайно на одну из десяти отравленных стрел. Верховный жрец добровольно сжёг себя на костре, огромная птица сторела, а Матиуш стал другом всех африканских вождей. И с этого дня дикари — уже не дикари: они будут учиться читать и писать, перестанут засовывать в нос ракушки и разные украшения из слоновой кости и одеваться будут, как все люди на земле.

— Вот здорово! — воскликнул Матиуш. — Пусть Бум-Друм пришлёт к нам сто негров. Наши портные научат их шить, наши сапожники научат их тачать сапоги, наши каменщики научат их строить дома. Мы пошлём им граммофоны — пусть слушают красивую музыку, — потом отправим в Африку духовые трубы, барабаны и флейты, а потом скрипки и пианино. Научим танцевать наши танцы, чистить зубы и умываться с мылом... А еще я сделаю вот что! — воскликнул Матиуш. — Установлю в столице Бум-Друма беспроволочный телеграф. Тогда, чтобы с ним договориться, не нужно будет совершать далёкое и опасное путешествие.

Он призвал королевских портных, сапожников, шляпников и велел сделать для Бум-Друма двадцать костюмов, двадцать пар обуви и двадцать шляп. Королевский брадобрей остриг Бум-Друму волосы. И Бум-Друм всему безропотно подчинялся. Правда, он по ошибке съел тюбик зубной пасты и кусок туалетного мыла, и у него заболел живот. Чтобы этого не повторилось, к Бум-Друму приставили четырёх лакеев, которые не спускали с него глаз.

На следующий день после приезда Матиуша канцлер назначил заседание государственного совета. Но Матиуш попросил отложить его. Ночью выпал белый-белый пушистый,

липкий снег, как раз подходящий, чтобы играть в снежки. В дворцовом парке собралась ватага мальчишек — человек двадцать, и среди них Фелек и Стасик. За окном развёртывались такие баталии, что Матиуш не мог усидеть во дворце.

— Господин канцлер, — сказал он. — Я только вчера вернулся из опасного и утомительного путешествия. И добился успеха. Неужели королю нельзя передохнуть хоть один денёк? Я ведь как-никак мальчик и очень люблю играть. Если нет срочных дел и один день можно подождать, я предпочёл бы перенести совет на завтра, а сегодня поиграть с ребятами. Посмотрите, какой выпал чудесный снег и, наверно, последний в этом году!

Канцлеру стало жалко Матиуша. Ведь он был королём и имел право приказывать, а не просить, как обыкновенный мальчик, разрешения поиграть.

— Один день подождать можно, — согласился канцлер.

Матиуш даже запрыгал от радости. Надел меховую куртку, чтобы легче было бегать, — и айда в парк! Вот он уже лепит снежки и швыряет в мальчишек. Но мальчишки не решаются бросаться снежками в короля.

— Я так не играю! — заметив это, закричал Матиуш. — Я в вас бросаюсь снежками, а вы — нет. Не беспокойтесь, я за себя сумею постоять. Снежки — не отравленные стрелы!

Ребята разделились на две партии: одни нападают, другие защищаются. Крик стоял такой, что даже лакеи выскочили из дворца посмотреть, не случилось ли беды. Но, увидев короля, скроили постные мины и, не проронив ни слова, ретировались.

Короля не отличить от других мальчишек.

Он несколько раз падал и с головы до ног был в снегу. Один снежок угодил ему в спину, другой — в голову, третий — в ухо. Матиуш защищался отчаянно.

— Послушайте! — крикнул Матиуш. — Давайте так: в кого попадут снежком, тот убит и выбывает из игры. Тогда будет видно, кто победил.

Очень скоро все оказались «убитыми». Тогда уговорились по-другому: убитым считается тот, в кого попадут три раза. Некоторые ребята, правда, жульничали и продолжали сражаться уже «убитые», но играть всё равно стало интересней. Меньше галдели, старательней лепили снежки и лучше целились. Потом решили: убитым считать того, кто упадёт. Играли так здорово, что Матиуш позабыл обо всём.

Когда надоело играть в войну, слепили огромную снежную бабу. Сунули ей в руку метлу, из угольков сделали глаза, из морковки нос.

— Господин повар, дайте, пожалуйста, два уголька! — кричал Матиуш, врываясь в королевскую кухню.

— Господин повар, дайте морковку, нос сделать для снежной бабы!

Повар злился, потому что следом за Матиушем вваливалась в кухню вся орава. Снег в тепле таял, на полу образовывались грязные лужицы.

— Двадцать восемь лет королевским поваром служу, а такого свинарника у меня на кухне ещё не бывало! — ворчал повар и шпынял поварят, чтобы побыстрее пол подтирали.

«Жалко, что в стране Бум-Друма нет снега, — подумал Матиуш, — а то бы я научил негрят лепить снежные бабы».

Потом Фелек предложил покататься на

санках. В королевской конюшне имелось четверо саней и четыре пони.

— Мы сами будем править,— сказал Матиуш конюхам.— Давайте устроим состязание: кто первый пять раз объедет вокруг парка.

— Давайте! — согласились ребята.

Только сел Матиуш в санки, видит — в их сторону трусцой бежит канцлер.

— Наверно, за мной.— Матиуш печально вздохнул.

Так и есть.

— Тысяча извинений, ваше величество! К сожалению, я должен прервать вашу игру.

— Ничего не поделаешь. Играйте без меня,— сказал Матиуш ребятам.— Ну, что случилось?

— Приехал наш главный заграничный шпион,— зашептал канцлер,— очень важные новости привёз. Писать он боялся — письма могли перехватить. Надо немедленно принимать решение, через три часа он снова уезжает за границу.

Тут перевернулись первые санки: норовистый пони отвык ходить в упряжке и, вместо того, чтобы тянуть вперёд, дёрнул вбок. С завистью смотрел Матиуш, как ребята, смеясь, вскочили на ноги и стали поднимать сани. Но хочешь не хочешь, а идти надо.

Взглянуть на настоящего шпиона тоже интересно. До сих пор Матиуш знал о них только понаслышке.

Вместо босоногого парня или нищего старика с мешком за спиной (так Матиуш представлял себе шпионов) к нему ввели элегантно одетого господина. Сначала Матиуш подумал, что это министр земледелия, которого он не знал в лицо, так как тот жил в деревне и редко приезжал в столицу.

— Я главный шпион в стране Старого короля,— представился щёголь.— Приехал преду-

предить ваше величество, что сын Старого короля вчера закончил строительство крепости. Но это ещё не всё. Год назад он в величайшей тайне выстроил в лесу пороховой завод, и теперь ему никакая война не страшна. У него в шесть раз больше пороха, чем у нас.

— Вот негодяй! — вырвалось у Матиуша. — Я строил в лесах дома для детей, а он тем временем делал снаряды и пушки, готовясь уничтожить то, что я построил...

— И это ещё не всё, — тихим, вкрадчивым голосом перебил Матиуша шпион. — Он задумал нечто более чудовищное. Прознав, что вы собираетесь разослать иноземным королям приглашения на торжественное открытие парламента, он подкупил вашего секретаря, и тот вместо приглашений заготовил фальшивые ноты с объявлением войны.

— Ах, мошенник! Я сразу догадался, когда был у них в гостях, что он меня терпеть не может!

— Я ещё не кончил, ваше величество! О, сын Старого короля очень хитрый! На случай если бы афера с письмами провалилась, заготовлено дерзкое, оскорбительное послание Печальному королю. Ваша подпись подделана. Наследник Старого короля во что бы то ни стало хочет вас посорить. А теперь, ваше величество, давайте подумаем, как предотвратить несчастье.

— Итак, что же следует сделать?

— Прежде всего подпишите приглашения иноземным королям, а я втайне заберу их с собой. А завтра с серьезным видом советуйтесь, как и когда пригласить гостей, будто письма ещё не отправлены. Пусть секретарь вершит своё чёрное дело, но в последний момент вскройте конверты, а секретаря арестуйте.

— Ладно. А как быть с крепостью и пороховым заводом?

— Чепуха! — ухмыльнулся шпион. — Взорвать — и дело с концом! Я как раз приехал затем, чтобы получить ваше разрешение, государь.

Матиуш побледнел.

— Как это взорвать? Одно дело во время войны уничтожить неприятельский завод, но так... Пригласить в гости, а самим устроить такую пакость исподтишка...

— Я понимаю, ваше величество, вы считаете, что это неблагородно и некрасиво. Разумеется, без вашего разрешения я ничего не буду делать. Но имейте в виду: у него в шесть раз больше пороха, чем у нас.

Матиуш в волнении заходил по кабинету:

— А как вы собирались это осуществить?

— Помощник главного инженера на этом заводе нами подкуплен. Он знает завод как свои пять пальцев. Там есть небольшой склад, набитый стружками. Стружки загорятся, и вспыхнет пожар.

— Ну, его потушат.

— Нет, не потушат. — Шпион ухмыльнулся и прищурил один глаз. — Окажется, что лопнула водопроводная труба и на заводе нет ни капли воды. Не беспокойтесь, ваше величество, всё будет в порядке.

— А как же рабочие — погибнут? — спросил Матиуш.

— Пожары возникают обычно ночью, поэтому рабочих погибает немного. Во всяком случае, во время войны людей погибло бы в сто, в тысячу раз больше...

— Знаю, знаю, — с досадой перебил Матиуш.

— Ваше величество, мы должны это сделать, у нас нет иного выхода, — робко вставил канцлер.

— Знаю, что нет! — рассердился Матиуш. — Тогда зачем спрашивать моего разрешения?

— Без вашего разрешения мы не имеем права...

— «Не имеем права», «должны»... Ну, ладно, поджигайте завод, а крепость не трогайте.

Матиуш быстро подписал приглашения трём королям и пошёл к себе в комнату.

Там он сел у окна, подпер руками голову и стал смотреть, как весело ребята катаются на санках.

«Теперь я понимаю, — подумал он, — почему Печальный король так печально играет на скрипке и почему он воевал со мной, хотя не хотел этого».

На заседании Матиуш с нетерпением ждал прихода статс-секретаря. Ему не терпелось посмотреть, как это он вместо приглашений на открытие парламента сумеет вложить в конверты фальшивые бумажки с объявлением войны. Каково же было его разочарование, когда вместо статс-секретаря явился его помощник.

Заседание продолжалось.

— Значит, дома́ будут готовы? — спросил Матиуш.

— Всенепременно, ваше величество!

— Хорошо.

Следующий вопрос повестки дня: приезд иноземных королей. Решили, что торжества продлятся неделю, и установили такую программу: в первый день — военный парад, торжественный обед, вечером большое представление в театре; на другой день — открытие парламента взрослых; на третий день — открытие детского парламента; на четвертый — открытие зверинца; на пятый — шествие детей, выезжающих на лето за город, где они будут жить в построен-

ных Матиушем домах; на шестой день — прощальный бал для иностранных королей; на седьмой — отъезд гостей.

В программу четвёртого дня Матиуш внёс дополнение: открытие памятника отважному пилоту, развлечения и аттракционы для чёрных королей. Депутаты обоих парламентов имеют право присутствовать на всех торжествах. Министр Фелек будет сидеть по левую руку от короля, а канцлер — по правую. Чтобы все видели: министр детей и министр взрослых — равноправны. И Фелека обязаны называть «господин министр».

Когда с этим было покончено, Матиуш подписал приглашения: белым королям — на белой бумаге; жёлтым — на жёлтой; чёрным — на чёрной. Приглашения белым королям были написаны чёрными чернилами, жёлтым королям — красными, а чёрным королям — жёлтыми.

Церемониймейстер внёс ларчик, в котором хранилась королевская печать. Одно за другим вкладывали приглашения в конверты и на расплавленном красном или зелёном сургуче оттискивали королевскую печать.

Матиуш внимательно следил за каждым движением помощника статс-секретаря. Раньше эта церемония казалась ему скучной и ненужной. Он сердился, что приходится тратить столько времени на такие пустяки. Но сегодня он понял, почему короли придают этому такое большое значение.

Незапечатанными остались три письма. Министрам эта процедура надоела. От скуки они закурили сигары и тихо переговаривались между собой, хотя этикет не разрешает разговаривать в то время, когда королевской печатью запечатывают письма. Но министры ни о чём

не подозревали. Посвящённых в тайну было трое: Матиуш, канцлер и министр юстиции. Потом, когда всё выяснилось, министр иностранных дел был в претензии: почему ему ничего не сказали?

Помощник статс-секретаря чуть побледнел, но внешне оставался совершенно спокоен, даже руки у него не дрожали. Когда очередь дошла до последних трёх конвертов, он вдруг закашлялся и полез в карман за носовым платком. И вместе с платком так ловко вытащил точно такие же листки бумаги, запихнув в карман приглашения, что никто, кроме трёх посвящённых, ничего не заметил.

— Прошу прощения, ваше величество, — непринуждённо сказал он, — у меня в кабинете выбито стекло, и я немного простужен...

— Ну что вы, это я должен перед вами извиниться. Ведь стекло-то разбил я, когда мы играли в снежки, — также непринуждённо ответил Матиуш.

Помощник статс-секретаря рад-радехонек — думает, пронесло. Но не тут-то было!

— Господа министры, прошу внимания. Немедленно отложите сигары! — прогремел в тишине бас министра юстиции.

Все поняли: что-то стряслось. А министр юстиции нацепил на нос очки и, обращаясь к помощнику статс-секретаря, объявил:

— Именем закона вы арестованы за шпионаж и предательство. Согласно параграфу 174, это преступление карается смертью через повешение.

У помощника секретаря беспокойно забегали глаза, на лбу выступили крупные капли пота, но он не подал вида, что струсил.

— Господин министр, это недоразумение! Я ничего не понимаю! Я простужен, у меня

кашель, потому что в кабинете разбито стекло. Мне необходимо пойти домой и лечь в постель, — лепетал помощник секретаря.

— Нет, приятель, никуда ты не пойдёшь! В тюрьме сразу тебя вылечат, не беспокойся!

Двери растворились, в зал вошли пять тюремщиков и надели предателю на ноги и на руки кандалы.

— Что такое? Что случилось? — галдели ошалело министры.

— Сейчас увидите. Пожалуйста, ваше величество, вскройте эти конверты.

Матиуш вынул из конвертов поддельные письма и прочёл вслух:

«Теперь, когда чёрные короли за меня, мне на вас наплевать. Один раз я разбил вас и ещё разобью. Тогда вы станете шёлковыми. А пока объявляю вам войну».

В это время пятый тюремщик извлёк из кармана помощника секретаря вместе с носовым платком три скомканных приглашения на открытие парламента.

Закованному в кандалы узнику велели подписать протокол, что всё это правда. И срочно вызвали по телефону статс-секретаря, который немедленно примчался чуть живой от страха.

— Ах, мерзавец! — возмущался он. — Я хотел сам прийти, а он упросил поручить это ему. Сказал, что в цирке очень интересная программа, и даже билет мне купил. А я-то, дурак, поверил!

На суд прибыли пять генералов: военных юристов.

— Подсудимый, вы должны говорить только правду. Это может облегчить вашу участь. Если вы будете врать и изворачиваться, вы погибли!

— Я буду говорить правду.

— Когда вы стали шпионом?

— Три месяца назад.

— Что побудило вас вступить на этот преступный путь?

— Я проигрался в карты, а денег у меня не было. Как известно, карточный долг полагается платить в течение двадцати четырёх часов. Вот я и взял казённые деньги...

— Значит, вы совершили растрату?

— Я рассчитывал вернуть деньги, когда выиграю.

— Ну и что дальше?

— Я снова проиграл.

— Когда это было?

— Примерно полгода назад.

— А потом? Рассказывайте!

— Потом я всё время боялся: вот будет ревизия и меня арестуют. Наконец мне стало невозможно жить в вечном страхе, я поехал за границу и предложил иноземному королю свои услуги.

— Сколько он вам платил?

— Как когда; за важные сообщения — много, за мелкие — гроши. За это дело мне была обещана крупная сумма.

— Господа судьи,— начал свою речь министр юстиции,— этот человек совершил три преступления: первое — растрата казённых денег; второе — шпионаж и третье, самое чудовищное,— он хотел, чтобы снова вспыхнула война и погибли тысячи ни в чём не повинных людей. Согласно параграфу 174, я требую для него смертного приговора. Поскольку обвиняемый человек штатский, расстрел заменяется виселицей. Что касается статс-секретаря, он должен нести ответственность за своего подчинённого. Я и сам не прочь сходить в цирк, но на такое важное заседание он не имел права присылать своего заместителя, который оказался к тому же шпионом. За такое серьёзное

упущение по службе полагается по закону тюремное заключение сроком на шесть месяцев.

Судьи-генералы удалились на совещание.

— Как же так? Ведь шпион говорил, что это сделает сам секретарь, а не помощник? — шёпотом спросил Матиуш у канцлера.

— Ах, ваше величество, сведения шпионов никогда не бывают абсолютно точными! Если они станут расспрашивать, что да как, это может показаться подозрительным и их арестуют.

— Это он здорово придумал — арестовать его только на заседании. А меня так и подмывало отдать приказ, чтобы его тогда же взяли под стражу, — не унимался Матиуш.

— Что вы, ваше величество, разве так можно! Самое лучшее — прикинуться, будто ничего не подозреваешь, поймать мошенника на месте преступления, и дело в шляпе!

Церемониймейстер трижды ударил серебряной булавой по столу: в зал вошли судьи-генералы.

— Именем закона объявляем приговор. Секретаря — на месяц в тюрьму, его помощника — повесить.

Приговорённый к смерти так громко плакал и просил о помиловании, что Матиушу стало его жалко.

Он вспомнил, как судили его самого и только благодаря тому, что судьи разошлись во мнении, расстрелять его или повесить, он, Матиуш, остался жив.

— Государь, в вашей власти помиловать преступника. Смертную казнь, если на то будет ваша королевская воля, можно заменить пожизненным заключением.

И Матиуш, не колеблясь, написал на приговоре:

Зачементировать

М *пожизненным заключением.*

###

А теперь угадайте, когда Матиуш лёг спать?
В три часа ночи.

Матиуш ещё не завтракал, когда явился журналист:

— Ваше величество, мне не терпится показать вам сегодняшнюю газету. Она, несомненно, вам понравится.

— А что там нового?

— Извольте сами посмотреть.

Матиуш взял газету. Почти во всю первую страницу рисунок: он, Матиуш, на троне, а перед тронем на коленях — тысячи детей с букетами цветов. Под рисунком стишок, в котором неизвестный поэт превозносит его до небес, называя самым великим владыкой от сотворения мира, самым великим реформатором, сыном солнца и братом богов.

Ни рисунок, ни стишок Матиушу не понравились, но он промолчал, боясь обидеть журналиста.

На второй странице красовалась фотография Фелека, а под ней большая статья: «Первый в мире министр — ребёнок». И снова неумеренные похвалы Фелеку: какой он мудрый, храбрый! Матиуш одолел взрослых королей, а он одолеет взрослых министров.

И ещё там было написано: «Большие плохо управляют государством, потому что не умеют бегать. А бегать им не хочется, потому что они старые и у них болят кости».

И в таком духе целая газетная страница!

Это тоже не понравилось Матиушу: зачем хвастать раньше времени и ругать взрослых?

Внизу, где мелким шрифтом печатались происшествия, Матиуш прочёл нечто заставившее его насторожиться:

«Грандиозный лесной пожар».

— Да, да, горит самый большой королевский лес,— подтвердил журналист.

Матиуш кивнул, давая понять, что сам видит, и углубился в чтение заметки. Причина пожара объяснялась тем, что лесорубы бросили горящий окурочок.

— Странно...— бормотал журналист.— Я понимаю, летом, в сушь, лес может загореться от папиросы, но сейчас, когда только что стаял снег... Очень странно! И потом, ходят слухи о каком-то взрыве. А при лесных пожарах, насколько мне известно, взрывов не бывает.

Матиуш молча ел.

— А вы что думаете об этом, ваше величество? — пристал газетчик.— По-моему, тут что-то нечисто.

Голос у него сделался тихий, вкрадчивый, и Матиуш почему-то подумал: «С ним надо держать ухо востро».

Журналист закурил папиросу и переменял тему разговора.

— Говорят, статс-секретаря приговорили вчера к месяцу тюрьмы. Я не сообщил об этом в нашей газете, полагая, что детей не интересуют дела взрослых. Вот приключись что-нибудь с их министром, тогда другой разговор! Как это удачно, что министром назначили именно Фелека! Солдаты ликуют: сын простого сержанта — министр! Газетчики тоже рады, они ведь давно знают Фелека, он до войны газеты продавал. Ну, а детвора и подавно в восторге. А за что же всё-таки бедненький секретарь угодил в

кутузку? — ввернул журналист, надеясь неожиданным вопросом захватить Матиуша врасплох и что-нибудь выведать.

— За непорядки в канцелярии, — уклончиво ответил Матиуш. «А вдруг журналист тоже шпион?» — почудилось ему.

«Ерунда! — подумал он, когда журналист ушёл. — Просто я слишком мало сплю, а вокруг столько разговоров о шпионах, что невольно каждого начинаешь подозревать в предательстве».

И Матиуш, у которого перед приездом королей дел было по горло, скоро забыл об этом.

Церемониймейстер в буквальном смысле дневал и ночевал у него в кабинете. То требовалось срочно отремонтировать в парке летний дворец для чёрных королей, то построить на всякий случай отдельный домик, то решить, где разместить белых королей.

Начали поступать клетки с дикими зверями, а зоопарк не готов! А тут ещё летние дома для ребят! И строительство двух огромных зданий — для парламентов.

Между тем во всём государстве выбирали депутатов. В малый, или, как его называли ещё, детский парламент выдвигали депутатов не моложе десяти и не старше пятнадцати лет. По одному ученику от младших и по одному от старших классов каждой школы. Тут и возникли первые непредвиденные осложнения: оказалось, школ так много, что депутаты даже в самом большом зале не поместятся.

Матиуш долгие часы проводил в кабинете за чтением писем: теперь их стало гораздо больше, чем раньше. И все важные, с разными вопросами.

Например: «Можно ли выбирать в парламент девочек?»

«Чудаки. Конечно, можно!»

Или ещё: «Можно выбирать в парламент ребят, которые ещё плохо пишут? Где будут жить депутаты из разных городов и сёл? Нельзя ли открыть школу для депутатов, чтобы они могли учиться во время парламентских сессий, не теряя года?»

Столько дел, а статс-секретарь, как на беду, в тюрьме. Пришлось тюремное заключение заменить домашним арестом. Это значит, что он целый месяц не имел права выходить гулять, зато каждый день его привозили во дворец.

Церемониймейстер совсем потерял голову. И было от чего: попробуй-ка сообрази, где соорудить триумфальные арки, на каких улицах разместить оркестр, какие цветы купить! А тут ещё не хватает тарелок, ножей, вилок! Срочно нужно купить автомобили! А как рассадить королей за обедом и в театре, кого поближе, а кого подальше, чтобы не было обид и рядом не оказались короли, которые враждуют друг с другом? Из тёплых стран целыми вагонами везли фрукты, вина, цветы. Спешно красили дома, чинили мостовые.

Матиуш работал с утра до ночи; на сон и еду времени не хватало. Целыми днями только и слышалось:

— Ваше величество, архитектор!

— Ваше величество, не угодно ли вам поговорить с садовником?

— Ваше величество, министр иностранных дел ждёт!

— Ваше величество, прибыл посол из заморской страны!

— Ваше величество, два каких-то субъекта требуют, чтобы их впустили.

— Чего им надо? — недовольно спросил Матиуш, которого сегодня уже в третий раз отрывали от обеда.

— О фейерверке хотят поговорить.

Матиуш, злой и голодный, направился в кабинет. Он редко принимал теперь посетителей в тронном зале — не до церемоний было!

— Что вам угодно? Только прошу говорить покороче: мне некогда.

— Мы слышали, в столицу придут короли из заморских стран. Хорошо бы показать им что-нибудь сногшибательное. Зоопарком их не удивишь — в Африке дикие звери на свободе разгуливают. Театр тоже вряд ли их заинтересует...

— Ну хорошо! — перебил Матиуш. — Что вы предлагаете? Фейерверк?

— Так точно, ваше величество!

Решили на крышах всех высоких домов разместить ракетницы, в дворцовом парке соорудить высокую башню, мельницу и водопад.

Вечером всё это запылает разноцветными огнями. С верхушки башни в небо устремятся красные ракеты и рассыплются зелёными и голубыми звёздами. Пониже с бешеной скоростью завертятся мельничные крылья, описывая красные и зелёные круги. Диковинные цветы расцветут в небе. Потечёт-забурлит огненный водопад.

— Вот эскизы. Извольте взглянуть, государь.

Пиротехники принесли сто двадцать рисунков. Пока их просмотришь, обед совсем остынет.

— А сколько это будет стоить? — предусмотрительно осведомился Матиуш.

— На последнем заседании казначей объявил, что нужен новый заём.

— Как? — удивился Матиуш. — Ведь у нас было столько золота!

— Реформы вашего королевского величества обходятся очень дорого.

И стали подсчитывать, сколько денег ушло на летние дома для ребят, на возведение двух парламентов, сколько стоит шоколад для школьников. А куклы, а коньки?

— Хорошо бы, на приём иностранных королей денег хватило.

— А может не хватить? — не на шутку испугался Матиуш.

— Ну, это не беда, — успокоили его министры. — Введём новый налог, пусть народ платит!

— Эх, — вздохнул Матиуш, — иметь бы свой порт и свои корабли, тогда Бум-Друм прислал бы нам столько золота, сколько бы мы ни пожелали.

— Это дело поправимое, — заметил военный министр. — Не жалейте денег на пушки, ружья, крепости — будет вам и порт. Как видите, пушки важнее шоколада и кукол.

Матиуш покраснел. Что правда, то правда, две-три новые крепости очень быгодились. Военный министр на каждом заседании требовал выделить ему часть золота Бум-Друма, но Матиуш, поглощённый другими делами, всякий раз просил его немного подождать.

С тяжёлым сердцем Матиуш дал согласие устроить фейерверк. «Ничего не поделаешь, экономить будем потом. Надо и африканским королям доставить удовольствие».

«Может, я зря не разрешил взорвать крепость? — размышлял Матиуш, лёжа поздно ночью в постели. — Всё-таки одной крепостью было бы меньше. Он первый начал, так ему и надо! Но теперь, если будет война, я не дам маху, не сваляю дурака. «Я победил тебя, — скажу я ему, — отдавай мне один порт и десять кораблей»».

Матиуш знал, как полагается принимать гос-

тей: недаром он побывал недавно в чужих краях. Но встреча, которую он устроил иностранным королям, превзошла все ожидания. Это признали даже его недруги. Много интересного было предусмотрено заранее, а многое Матиуш придумал, когда гости уже съехались. Каждый день — что-нибудь новое: то охота, то пикник, то дрессированные звери в цирке, то состязание силачей. Словом, развлечений хоть отбавляй!

Первыми прибыли негритянские короли. И к ужасу и негодованию придворных, они, точно сговорившись, привезли с собой сыновей — чёрных как сажа, шустрых, озорных мальчишек. Короли расхаживают степенно по городу, озираются с любопытством по сторонам, дружелюбно беседуют друг с другом. А с маленькими бесенятами никакого сладу нет, прямо караул кричи! Если бы не Бум-Друм, беды не миновать. Незваные гости, во-первых, отчаянно дрались друг с другом, царапались, кусались. Во-вторых, объедались сладостями, которые готовил для них королевский кондитер. Потом у обжор болели животы, и они громко ревели. А когда доктор давал им лекарство, они выплёвывали его, показывали язык и удирали. Один сорвиголова, увидев своё отражение в большом зеркале, чуть не хлопнулся в обморок. Пришлось давать ему капли, чтобы привести в чувство. Другой съехал на перилах с лестницы, упал и сломал себе ногу. Третий укусил за палец лакея. Четвёртый съел туалетное мыло и зубную пасту в придачу. А сколько они себе шишек набили и синяков наставили — не счесть! Какой-то озорник привёз с собой ядовитого паука и всех пугал им. Когда попытались его отнять, мальчишка, как обезьяна, вскарабкался на дерево и просидел там пять часов. Не

помогли никакие уговоры и посулы. Тогда вызвали пожарных, они пустили сильную струю воды из брандспойта, и упрямый мальчишка свалился в подставленную сетку.

Бум-Друм совсем замучился с ними. Пока они безобразничают в парке или у себя в летнем дворце — это ещё полбеды. Но вдруг им взбрѣдет в голову отколоть какой-нибудь номер на торжественном обеде или торжественном представлении в театре в присутствии белых королей?

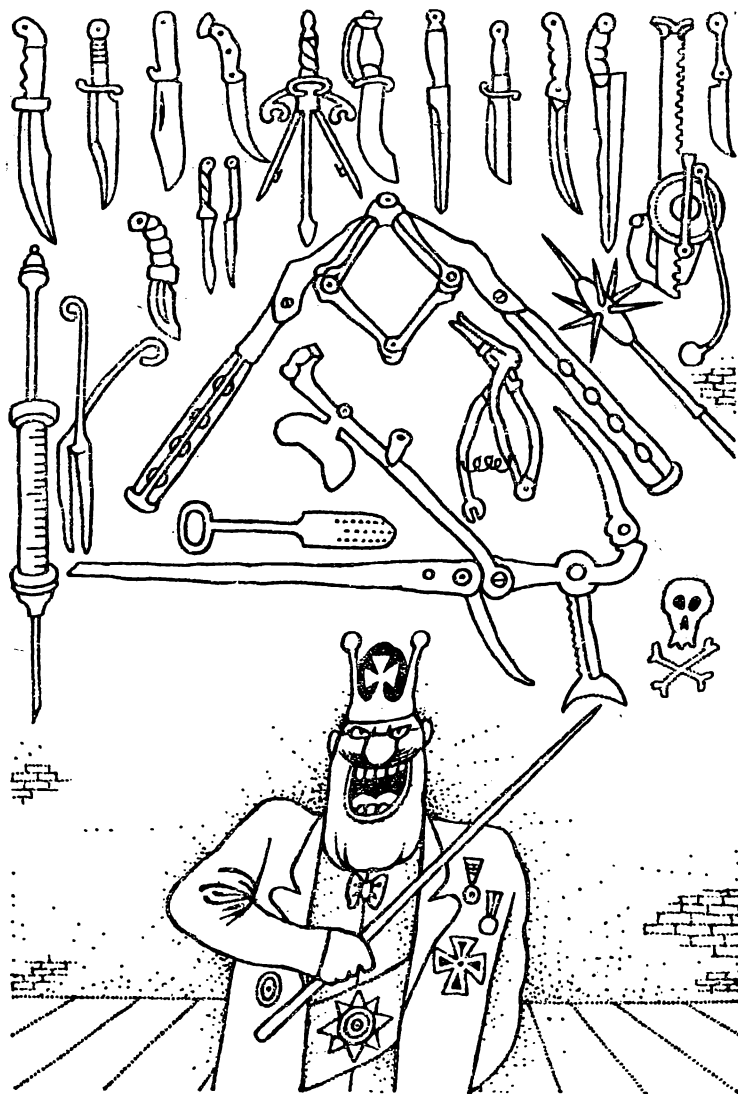
Ясно одно — срочно надо принимать какие-то меры.

В королевском дворце в одном из залов размещался необычный музей, где были собраны всевозможные орудия пыток, которым Генрих Свирепый подвергал непокорных подданных. Волосы вставляли дыбом при виде спиц для выкалывания глаз, щипцов, которыми вырывали ногти и ломали пальцы, чудовищных пил для отпиливания рук и ног, всевозможных плѣток, ремней, палок и дубин. Матиуш терпеть не мог этот музей. И ещё был в дворцовом парке глубокий колодец без воды, куда в давние времена бросали приговорѣнных к голодной смерти.

И вот Бум-Друм решил воспользоваться этим для устрашения мальчишек. Накануне приезда белых королей он повѣл их сначала в музей, потом показал глубокий колодец в парке и что-то им долго-долго объяснял. Что именно говорил Бум-Друм, Матиуш не понял, но результаты были налицо: мальчишки с этого дня заметно присмирели.

Но без наказаний всё-таки не обошлось. Одного мальчишку за то, что он укусил за палец лакея, выпороли, другого за шум, поднятый ночью, заперли на целый день в тѣмную комнату.

А дело было так.

Малолетнему музыканту приспичило поиграть ночью на дудке. Сколько ему ни втолковывали, что взрослые устали и хотят спать, он слышать ничего не хотел. Попробовали отнять дудку силой — не тут-то было: он сиганул в шкаф и стал швырять на головы растерянных слуг тяжёлые вазы и статуэтки, расставленные там в образцовом порядке. И наконец — о ужас! — сорванец выскочил в окно и устроил на террасе зимнего дворца такой концерт, что белые короли повскакали с постелей и, обозлённые, не дожидаясь утра, отправились к Матиушу с жалобой.

Всё повисло на волоске. Белые короли объявили: они не потерпят, чтобы им мешали по ночам спать, и немедленно уедут, и вообще хватит с них, они по горло сыты проделками этих чертенят.

Матиуш клялся, что это больше не повторится, и просил их остаться.

И белые короли, против ожидания, довольно быстро согласились. Одних прельщала охота, других — состязания силачей, и всем без исключения не терпелось увидеть фейерверк.

Случались и другие недоразумения. Король Дзинь-Дань во что бы то ни стало хотел со всеми здороваться и прощаться по церемониалу, принятому у него при дворе. В этом, конечно, ничего предосудительного нет, но если бы вы знали, как он здоровался! Сначала отвечивал каждому из присутствующих 14 вступительных поклонов, потом 12 обыкновенных, затем 10 официальных, 8 церемониальных, 6 торжественных и 4 дополнительных — итого $14+12+10+8+6+4=54$ поклона. Продолжалась эта церемония 47 минут: вступительные поклоны по полминуты, остальные по минуте.

«Мои предки пять тысяч лет так здорова-

лись и прощались, и никакая сила в мире не заставит меня отречься от этого древнего обычая!» — заявил оскорблённый король, когда ему деликатно намекнули, чтобы он поторопился.

«Ну хорошо,— говорили ему,— так можно здороваться с одним, с двумя королями, но с целой оравой королей это просто невысказано!»

«Чудно,— думал Матиуш,— одни — совсем невоспитанные, другие — чересчур воспитанные. Как примирить их, таких разных?»

Наконец кому-то пришла в голову гениальная мысль: уговорить Дзинь-Даня отвечать поклоны не лично королям, а их портретам. Так и сделали. Сфотографировали всех королей, и Дзинь-Дань каждое утро и каждый вечер без помех кланялся им в своей комнате. Отвесит положенное число поклонов одному королю, слуги тотчас подставляют портрет следующего, и так далее, пока всем не переключается. Бедняга всегда опаздывал к завтраку, хотя вставал на два часа раньше, а ложился спать на два часа позже остальных.

Бум-Друм по этому поводу рассказал Матиушу невероятную историю о том, как в минувшем веке целых пятнадцать лет шла кровопролитная борьба между двумя племенами. И вот из-за чего: прикладывать при встрече к носу указательный палец или мизинец? Каждое племя стояло на своём, никто не хотел идти на уступки. В борьбу вмешались жрецы, соседние вожди, и вспыхнула война. Предавали огню целые деревни, убивали детей и женщин, угоняли в рабство мирных жителей, бросали врагов на растерзание львам. Начались болезни, голод. Смерть косила людей, и наконец некому стало воевать. Борьба кончилась ничем — каждое племя сохранило свой обычай. И хотя это происходило сто лет назад, вожди двух враждо-

вавших племён до сих пор не здоровались и сидели поодаль друг от друга.

Больше всех приезду радовалась детвора. Школы в столице пришлось временно закрыть: всё равно никто не посещал занятий. Да разве усидишь в классе, когда по городу расхаживают настоящие негры! И за каждым — толпа мальчишек. Полиция с ног сбилась. Обер-полицмейстер жаловался, что похудел на семь кило.

«Сами посудите, — говорил он, — разбрелись эти чучела по всему городу, того и гляди, хулиган какой-нибудь запустит в него камнем или машина их переедет».

Матиуш наградил обер-полицмейстера за усердие орденом. Вообще во время торжеств Матиуш, ко всеобщему удовольствию, раздал много орденов.

Наступил долгожданный день охоты. Но тут негритянских королей постигло разочарование. И не удивительно: они привыкли охотиться на слонов, тигров и крокодилов, а тут какая-то мелюзга — зайчишки да серны! Они решили, что над ними издеваются, и подняли такой крик, так грозно потрясали копьями и луками, что белые короли струсили и бросились к своим автомобилям. Бум-Друм носился как угорелый, размахивал руками, что-то кричал, успокаивал своих возмущённых братьев. Наконец ему это удалось.

В остальном охота прошла благополучно. Белые подстрелили даже двух кабанов и одного медведя. По их мнению, это неопровержимо доказывало, что и в Европе тоже водятся дикие звери. Король, убивший медведя, до конца охоты не отходил от негров, знаками объясняя им, какой он меткий стрелок и замечательный охотник. Он разглядывал их луки и стрелы и даже выразил желание переночевать в летнем двор-

це. А наутро за завтраком рассказывал, что его чернокожие друзья — милейшие люди, у которых можно перенять много полезного.

Чрезвычайное происшествие! Дочь Бум-Друма, маленькая отважная Клу-Клу, приехала в столицу Матиуша в клетке с обезьянами!

Произошло это так. В зоопарке всё было готово. На среду назначено торжественное открытие, а с четверга ворота зверинца гостеприимно распахнутся перед детворой. Все звери сидели по своим клеткам. Не хватало только трёх обезьян редчайшей породы, каких нет ни у одного короля на земле.

Огромный ящик с обезьянами решили распаковать на глазах у толпы, собравшейся в тот день в зверинце. Ящик приставили вплотную к клетке и оторвали доску. Все замерли в ожидании. И вот в клетку перепрыгнула одна обезьяна, за ней вторая. А третьей нет. Когда ящик немного отодвинули от клетки, из него выскочила маленькая Клу-Клу, кинулась в ноги Бум-Друма и что-то быстро-быстро залопотала по-своему.

Бум-Друм страшно рассвирепел и, хотя уже не был дикарём, хотел пнуть девочку ногой, но Матиуш не позволил.

Конечно, убегать из дома нехорошо. Нехорошо, что Клу-Клу потихоньку открыла ночью клетку, выпустила одну обезьяну на волю, а сама заняла её место. Но Клу-Клу уже наказана. Провести шесть недель в клетке с обезьянами — дело нешуточное. А Клу-Клу вдобавок — королевская дочка, привыкшая к роскоши. В пути же ей пришлось ещё хуже, чем обезьянам: она не решалась подходить к окошечку, в которое сторож просовывал пищу, боясь, как бы её не увидели и не отослали домой.

— Бум-Друм, дружище! — сказал растроганный Матиуш. — Ты должен гордиться своей дочерью. На такое не то что девочка, ни один белый мальчик не отважился бы!

— Ну и бери себе эту непослушную девчонку, раз ты её так защищаешь! — проворчал Бум-Друм сердито.

— Хорошо! — согласился Матиуш. — Пусть живёт в моём дворце и учится, а когда вырастет и станет королевой, проведёт в своей стране такие же реформы, как я.

Удивительное дело, не прошло и часа после всех этих событий, а Клу-Клу вела себя так, словно ничего не случилось.

Когда старый профессор, который знал пятьдесят языков, рассказал ей о планах Матиуша, она выслушала его и преспокойно ответила:

— Я с ним совершенно согласна. — И, обращаясь к учёному, затараторила: — Милый, золотой, тигровый, крокодиловый профессор, научи меня поскорее вашему языку! А то как же я расскажу, о чём я думаю? У меня очень важные планы, а ждать и откладывать я не люблю.

Оказалось, Клу-Клу уже знает сто двадцать слов. Она выучила их, когда Матиуш был в Африке.

— До чего эта малышка способная! — удивлялся старый профессор. — У неё феноменальная память!

И в самом деле, Клу-Клу запомнила не только слова, но и где, от кого она их слышала. Сидя в клетке с обезьянами, она усвоила много новых слов от матросов.

— Фу, Клу-Клу, — брезгливо поморщился профессор. — Откуда ты знаешь такие нехорошие слова? Надеюсь, тебе неизвестно, что они значат...

— Эти три слова, — деловито объяснила Клу-

Клу,— произнёс грузчик, когда взваливал на спину нашу клетку. А эти четыре он сказал, когда споткнулся и чуть не упал. А так говорил наш сторож, когда приносил еду. А так кричали пьяные матросы.

— Милая Клу-Клу, как жалко, что первые слова, которые ты услышала от белых людей, оказались такими скверными! — сокрушался профессор.— Забудь их поскорей! Мы, белые, умеем разговаривать друг с другом вежливо и красиво. Я с радостью буду учить тебя, милая, храбрая, бедная Клу-Клу!

С этого дня и до конца торжеств Клу-Клу была в центре внимания. Во всех витринах красовались её фотографии. Стоило ей появиться на улице в автомобиле, как мальчишки начинали неистово кричать «ура» и подкидывать кверху шапки. А когда на открытии детского парламента Клу-Клу без единой ошибочки произнесла: «От имени моих чёрных братьев и сестёр приветствую первый в мире детский парламент!» — её слова были встречены такой бурей аплодисментов, такими восторженными воплями и рёвом, что даже энергичный, никогда не терявшийся Фелек в первую минуту растерялся. И, позабыв о своём высоком сане, подскочил к самому горластому депутату и закричал на весь зал:

— Заткнись, не то в зубы дам!

Белые короли были шокированы таким непарламентарным обращением с депутатами, но из вежливости промолчали.

С удовольствием описал бы я подробнейшим образом, какие забавы, пиры, весёлые празднества устроил Матиуш в честь знатных гостей, но тогда не хватило бы места для более важного: ведь в книге о короле-реформаторе нельзя писать о всяких пустяках. Вы ведь помните,

что Матиуш пригласил королей не для забавы, а ради важных политических целей.

Среди гостей был и Старый король со своим сыном — лютым врагом Матиуша, и Печальный король, который подолгу беседовал с Матиушем.

— Дорогой Матиуш, — говорил он, — надо отдать тебе должное: начал ты очень смело, с размахом, и твои замечательные реформы имеют огромное значение. Пока у тебя всё идёт хорошо, можно сказать, блестяще. Но запомни: реформы даются дорогой ценой — ценой тяжкого труда, слёз, крови. Ты делаешь только первые шаги. Не обольщайся, что и дальше всё пойдёт так же гладко. Смотри не зазнавайся!

— О, я знаю, как это трудно! — воскликнул Матиуш и рассказал, по сколько часов в день он работает, сколько ночей провёл без сна, сколько раз ел остывший обед...

— Вот был бы у меня порт... А так они чинят мне препятствия с перевозкой золота, — пожаловался он.

Печальный король задумался.

— Знаешь, Матиуш, сдаётся мне, Старый король уступит тебе один порт.

— Что вы! Ему сын не позволит.

— А я думаю, позволит.

— Ведь он ненавидит меня.. Завидует, подозревает в каких-то кознях. Одним словом, не может простить мне победы.

— Это верно. И всё-таки он согласится.

— Почему? — удивился Матиуш.

— Он тебя боится. На мою дружбу он больше не рассчитывает. — Печальный король улыбнулся. — Другой твой сосед доволен, что ты не вмешиваешься в его дела и делишься с ним дарами африканских вождей. Это очень благо-

разумно с твоей стороны. Успех многих портит, и они начинают задирать нос...

Тут в комнату вошёл Старый король с сыном.

— О чём это вы так оживлённо беседуете?

— Да вот Матиуш горюет, что у него нет своего порта. Горы, леса, поля, города есть, а моря и кораблей — нет. А порт ему очень нужен, особенно теперь, когда он подружился с африканскими королями.

— Я тоже так считаю, — промолвил старый король. — Но это дело поправимое. В последней войне Матиуш победил нас и не потребовал контрибуции. С его стороны это очень благородно. Теперь наш черёд доказать, что мы ценим его великодушие. Ведь правда, сын мой, мы можем без ущерба для себя уступить Матиушу часть моря и один порт?

— За корабли только пусть заплатит, — поспешно вставил сын. — У него теперь богатые друзья.

— С удовольствием! — обрадовался Матиуш.

Во дворец срочно вызвали министра иностранных дел и статс-секретаря. Они сочинили нужный документ, и все короли подписали его. Потом церемониймейстер принёс шкатулку с королевской печатью, и Матиуш дрожащей рукой приложил печать.

Тут начался фейерверк. С делами пора было кончать, зрелище стоило того. На улицы высыпал весь город. В дворцовый парк пропускали только депутатов парламента, офицеров и чиновников. Особые места отвели журналистам, которые съехались со всех концов света. Ещё бы! Такие чудеса стоило описать в газетах. На балконах, террасе и в окнах дворца теснились короли, а сыновья негритянских вождей

и даже некоторые вожди влезли на деревья, чтобы лучше видеть. Вот озарилась золотым сиянием башня. Заискрились бенгальские огни, взметнулись в небо шутихи, полетели зелёные, красные шары. Темноту зигзагами прорезали огненные змеи. Рассыпáлись каскадами разноцветные звёзды. А когда вспыхнул и, переливаясь, побежал огненный водопад, у зрителей вырвался крик восхищения.

Воздух сотрясали несмолкаемые выстрелы и пушечная пальба.

— Ещё! Ещё! — кричали в восторге африканские вожди, называя Матиуша «Повелителем огня» и «Владыкой семицветного неба».

Но пора было спать: гости рано утром уезжали.

На улицах играло сто оркестров, когда автомобили мчали королей на вокзал. Десять поездов увозили гостей из столицы Матиуша.

— Мы одержали победу на дипломатическом поприще, — потирая от удовольствия руки, промолвил государственный канцлер, когда они возвращались с вокзала.

— А что это значит? — спросил Матиуш.

— Вы просто гений, ваше величество! Сами того не подозревая, вы одержали огромную победу. Побеждают не только на поле боя. Там всё ясно: победил и требуй чего хочешь. А вот без войны выторговать то, что нужно, — это и есть дипломатическая победа. Мы получили порт. Это самое главное.

Матиуш вставал теперь в шесть часов утра. Иначе не переделать всех дел! И распорядок дня он изменил: выкроил два часа для занятий. К прежним обязанностям прибавились новые: заседание парламента и потом, кроме писем, приходилось ещё читать две газеты — взрос-

люю и детскую, чтобы быть в курсе событий.

Но однажды дворцовые часы пробили восемь, а из королевской опочивальни не доносилось ни звука. Во дворце переполошились.

— Наверное, заболел.

— Неудивительно, этого давно надо было ожидать.

— Ни один взрослый король столько не работает.

— В последнее время он очень похудел.

— И почти ничего не ест.

— И сердится из-за пустяков.

— Да, в последнее время он стал раздражителен.

— Послать за доктором!

Приехал испуганный доктор и без доклада, без стука не вошёл, а вбежал в королевскую опочивальню.

— Что случилось? Который час? — с беспокойством спросил Матиуш, протирая глаза.

Доктор немедленно приступил к делу. Он торопился, точно боялся, что Матиуш не даст ему договорить до конца.

— Мой милый мальчик, я тебя знаю с пелёнок. Я старик и жизнью своей не дорожу. Можешь повесить меня, расстрелять, посадить в тюрьму — мне ничего не страшно. Твой отец, умирая, поручил мне заботиться о тебе. Так вот, я запрещаю тебе вставать с постели! Всех, кто придёт надоедать тебе делами, я велю спустить с лестницы! Ты за один год хочешь сделать столько, сколько другие делают за двадцать лет. Это никуда не годится. Посмотри, на кого ты стал похож? Не король, а жалкий заморыш. Толстяку обер-полицмейстеру полезно похудеть, а тебе вредно, потому что ты растёшь. О других детях ты позаботился. Завтра двадцать тысяч ребят едут отдыхать. А ты? Ну посмотри

на себя! Мне, старому недотёпе, так стыдно, так стыдно...— С этими словами доктор протянул Матиушу зеркало.— Ну взгляни на себя,— повторил доктор и расплакался.

Матиуш взял зеркало. Лицо — белое как бумага, губы — синие, взгляд — печальный, под глазами круги, а тощая шея кажется длинной, как у жирафа.

— Заболеешь и умрёшь,— всхлипывая, говорил доктор.— И не кончишь начатого дела. Ты и сейчас уже болен...

Матиуш отложил зеркало и закрыл глаза. Какое блаженство! Доктор ни разу не назвал его «королевским величеством», запретил вставать с постели и поклялся спустить с лестницы всех, кто придёт к нему по делам.

«Как хорошо, что я болен»,— промелькнуло в голове у Матиуша, и он поудобнее улёгся в постели.

«Ну ясно, это от переутомления пропал у меня аппетит и сон,— утешал себя Матиуш,— и кошмары мучают по ночам». Ему снилось, то будто он попал под горячий дождь, который обжигает, как кипяток; то будто ему отрезали ноги и выкололи глаза; то бросили в колодезь, приговорив к голодной смерти. Часто у него болела голова. На уроках он плохо соображал, и ему было стыдно перед Стасиком и Еленкой, а особенно перед Клу-Клу, которая уже через три недели свободно читала газеты, писала под диктовку и показывала по карте, как проехать из столицы Матиуша в страну её отца, короля Бум-Друма.

— Летом у депутатов парламента каникулы. Деньги есть. Порт и корабли тоже есть. Домá для детей готовы. С остальными делами справятся министры и чиновники. А ты два месяца будешь отдыхать,— сказал доктор.

— Я должен осмотреть свой порт и корабли.

— А я не разрешаю. Это сделают без тебя канцлер и министр торговли.

— А манёвры?

— Ничего. Военный министр справится один.

— А как же письма ребят?

— Фелек прочтёт.

Матиуш вздохнул. Нелегко поручать дела другим, когда ты привык всё делать сам. Но Матиуш действительно нуждался в отдыхе.

Завтрак ему принесли в постель. Потом Клу-Клу рассказывала интересные негритянские сказки. Потом он поиграл со своим любимым Петрушкой, посмотрел книжки с картинками. Принесли яичницу из трёх яиц, стакан горячего молока и белый хлеб с маслом. И только после того как он всё съел, доктор разрешил ему встать, одеться и посидеть в кресле на террасе.

Сидит Матиуш на террасе и ни о чём не думает. Тревог и забот как не бывало! И никто его не теревит, не пристаёт с делами: ни министры, ни церемониймейстер, ни журналист. Ни одна душа.

Сидит и слушает, как птички поют в парке. Слушал-слушал да заснул и проспал до обеда.

— А сейчас мы пообедаем.— Добрый доктор улыбался.— После обеда покатаемся немного по парку в экипаже. Потом поспим. Потом примем ванну — и в постельку. А там поужинаем — и спать.

Матиуш спал, спал и никак не мог выспаться. Страшные сны снились ему всё реже. И аппетит вернулся. За три дня он прибавил полтора кило.

— Вот это я понимаю! — радовался доктор.— Если и дальше так пойдёт, через неделю

я снова буду называть тебя «ваше величество». А пока ты не король, а заморыш, сирота несчастный, который за всех болеет душой, а о нём некому позаботиться, потому что у него мамы нет.

Через неделю доктор опять дал ему зеркало.

— Ну как, похож на короля?

— Нет ещё! — ответил Матиуш. Ему хотелось продлить это блаженное состояние. Ещё бы! Доктор возится с ним как с маленьким и не называет «королевским величеством».

Матиуш ожил и повеселел, и теперь доктор с трудом загонял его в постель после обеда.

— А что пишут в газетах?

— В газетах пишут, что король Матиуш болен и, как все дети в его государстве, уезжает завтра отдыхать.

— Завтра? — обрадовался Матиуш.

— Да, ровно в полдень.

— А кто ещё поедет?

— Я, капитан, Стасик, Еленка, ну и Клу-Клу — ведь нельзя оставить её одну.

— Конечно, Клу-Клу поедет с нами.

Но перед отъездом Матиушу всё-таки пришлось подписать две бумаги: по делам взрослых его заместителем назначался канцлер, а по ребячьим делам — Фелек.

Две недели Матиуш ничем серьёзным не занимался, только играл. Верховодила в играх Клу-Клу. То придумает игру в охоту, то в войну, то сплетёт шалаш из веток и ребят научит, как это делается.

Сначала Клу-Клу ни за что не хотела надевать туфли.

— Что за дикий обычай — носить одежду на ногах! — сетовала она.

Потом восстала против платья:

— Почему у вас девочки одеты иначе, чем

мальчики? Что за дикость! Оттого они такие неловкие. Попробуй-ка влезь в юбку на дерево или перепрыгни через забор! Проклятая эта юбка вечно путается и мешает.

— Да ты и так лазаешь по деревьям, как обезьяна. Деревенские мальчишки по сравнению с тобой неповоротливые увальни. А Стасик и Матиуш тебе в подмётки не годятся!

— Разве это деревья?! — расхохоталась Клу-Клу. — На такие палки только двухлетним малышам карабкаться, а я уже большая.

Как-то раз дети с интересом наблюдали за белкой, которая ловко перепрыгивала с дерева на дерево.

— Подумаешь, и я так умею! — воскликнула Клу-Клу.

И не успели дети опомниться, как она стащила с себя платье, скинула сандалии — скок на дерево, и погоня началась. Белка — с ветки на ветку, Клу-Клу — за ней. Белка — прыг на другое дерево, а Клу-Клу — за ней. Погоня продолжалась минут пять, пока наконец измученная, загнанная белка не кинулась на землю. Клу-Клу — тоже. Ребята обмерли: сейчас разобьётся. Но она с такой ловкостью то цеплялась за ветки, то отводила их в сторону, что благополучно скатилась вниз и ещё успела схватить белку, и не как-нибудь, а за спинку, чтобы та её не укусила.

— А эти северные обезьяны ядовитые?

— Что ты! У нас только змеи ядовитые.

Клу-Клу подробно расспросила, как они выглядят, посмотрела картинки с изображением ядовитых змей и отправилась в лес. Она пропадала целый день. Где только её не искали! Но всё напрасно. Лишь под вечер явилась она домой: голодная, вся в ссадинах и царапинах, зато в банке принесла трёх живых змей.

— Как это тебе удалось? — удивились ребята.

— Очень просто,— простодушно ответила Клу-Клу.

Деревенские ребята сначала побаивались Клу-Клу, но потом привыкли и полюбили её.

— Вот это девчонка! Любому мальчишке нос утрёт. Интересно, какие же у вас в Африке мальчишки?

— Не хуже и не лучше меня. Это у вас девочки носят длинные волосы и юбки и поэтому не умеют ничего делать.

Клу-Клу не только лучше всех метала камни в цель, стреляла из лука, собирала грибы и орехи — но была лучшей ученицей по ботанике, зоологии, географии и физике. Увидит на картинке какое-нибудь растение или насекомое и без труда отыщет его в поле или в лесу. Услышала она как-то про цветы, которые растут только на болотах,— и айда в деревню, разузнать у мальчишек, где здесь болота.

— Далеко. Вёрст пятнадцать отсюда.

Кому далеко, а кому — нет. Клу-Клу взяла ломоть хлеба, кусок сыра — и только её и видели!

Теперь, когда она пропадала, её даже не искали.

— Опять Клу-Клу хозяйничала в буфете, значит, в поход отправилась.

Вот уже вечер, ночь, а Клу-Клу всё нет.

Оказывается она заночевала в лесу, а утром возвращается с триумфом и несёт букет кувшинок и в придачу лягушек, тритонов, ящериц и пиявок.

Гербарий у неё — самый лучший, коллекция насекомых, бабочек и камней — самая большая. Аквариум свой она содержит в образ-

цовом порядке, и ни у кого улитки и рыбки не размножаются так хорошо, как у неё.

И всегда она улыбается, сверкая ослепительно белыми зубами. Но Клу-Клу умеет быть и серьёзной.

— Знаешь, Матиуш, когда я любовалась замечательным фейерверком и огненным водопадом, то пожалела, что этих чудес не видят африканские дети. У меня к тебе огромная просьба.

— Говори, какая.

— Пригласи к себе в столицу пятьдесят наших ребятишек. Пусть они учатся, как я, а потом вернутся домой и других научат всему.

Матиуш ничего определённого не ответил. Он решил сделать Клу-Клу сюрприз и в тот же вечер написал письмо в столицу.

Дорогой Фелек! — писал он. — Когда я уезжал, на крыше устанавливали беспроводный телеграф и работу собирались закончить к первому августа. Беспроводный телеграф нужен нам для связи с Бум-Друмом. Пожалуйста, сообщи ему в первой же телеграмме, чтобы он прислал к нам пятьдесят негритят. Я открою для них в столице школу. Пожалуйста, не забудь об этом.

Матиуш.

Он послунял конверт и хотел уже его заклеить, но тут открылась дверь и в комнату собственной персоной вошёл Фелек.

— Фелек! Вот здорово, что ты приехал, а я как раз собирался отправить тебе письмо.

— Я, ваше величество, по делам службы, с ответственной миссией, — сухим официальным тоном заявил Фелек и, достав золотой портсигар, протянул Матиушу. — Попробуйте, ваше величество, сигары — высший сорт, экст-

раприма, аромат прямо-таки королевский.

— Я не курю, — заметил Матиуш.

— Вот то-то и оно! — назидательно сказал Фелек. — Это очень плохо. Короля должны уважать. Миссия, с которой я прибыл к вашему величеству, состоит в том, чтобы ратифицировать мой контрпроект. Я предъявляю ультиматум! Пункт первый: отныне я не Фелек, а барон Феликс фон Раух. Пункт второй: детского парламента нет, а есть Прогресс-парламент, сокращённо Пропар. Пункт третий: до каких пор вас будут называть Матиушем? Вам, государь, уже двенадцать лет, вы должны торжественно короноваться и потребовать, чтобы вас величали императором Матиушем Первым. Не то все ваши реформы полетят к чертям.

— А у меня был другой план, — сказал Матиуш просто. — Пусть взрослые выберут себе другого, взрослого короля, а я останусь Матиушем — королём детей.

— Не смею возражать против примитивной конфекции (он перепутал «концепцию» с «конфекцией») вашего величества. Дело хозяйское. Но лично я желаю именоваться бароном фон Раух, министром Пропара.

Матиуш согласился.

Дальше — больше. Фелек потребовал собственную канцелярию, два автомобиля и жалованье в два раза больше, чем у канцлера.

Матиуш и на это согласился.

Но это ещё не всё. Фелек потребовал графского титула для редактора Прогаза, то есть Прогресс-газеты (так будет называться газета для детей).

Матиуш и на это дал своё согласие.

Фелек привёз заготовленные заранее указы и грамоты. Матиуш подписал их.

От этого разговора у Матиуша остался не-

приятный осадок. И он готов был согласиться на всё, лишь бы поскорее отделаться от Фелека. Матиушу жилось так привольно, что он и думать забыл о государственных делах, о разных совещаниях и заседаниях. Вспоминать о том времени, когда он работал, выбиваясь из последних сил, не хотелось: не хотелось думать, что будет, когда кончатся каникулы. Поэтому ему не терпелось, чтобы Фелек поскорей уехал.

Выручил его доктор.

— Фелек, я просил оставить Матиуша в покое! — ворвался в комнату рассерженный доктор, узнав о приезде Фелека.

— Господин доктор, попрошу не повышать голоса и называть меня настоящим именем.

— А какое же твоё настоящее имя?

— Барон фон Раух.

— С каких пор ты стал бароном?

— С тех пор как его величество милостиво пожаловали мне этот титул.— И Фелек величественным жестом указал на столик, где лежали бумаги со свеженькой, ещё не просохшей подписью Матиуша.

Многолетняя служба при дворе приучила доктора ничему не удивляться.

— Господин барон фон Раух,— спокойно, но твёрдо сказал он,— его королевское величество находится на отдыхе, и ответственность за его здоровье несу я. Поэтому, господин барон фон Раух, извольте немедленно убираться туда, куда Макар телят не гонял!

— Я тебе это припомню, противный старикашка! — проворчал Фелек, сгрёб бумаги в портфель и, надувшись как индюк, удалился.

Матиуш был бесконечно благодарен доктору за вмешательство. Тем более, что Клу-Клу придумала новую игру: ловить лошадей с помощью лассо. Делалось это так.

К длинной прочной верёвке привязывался свинцовый шарик. Дети, притаившись за деревьями, как настоящие охотники, ждали, когда конюх выпустит из конюшни десять пони. Тогда они набрасывали на них лассо, вскакивали им на спину и мчались вскачь.

Сначала Клу-Клу не умела ездить верхом. У неё на родине есть верблюды и слоны, а лошадей нет. Но скоро она скакала не хуже остальных. Только не любила ездить в седле и особенно по-дамски.

— Седло годится для стариков, у которых болят кости. Когда едешь верхом, сидеть надо на лошади, а не на подушке. Подушка хороша для спанья, а не для игры.

Весело жилось деревенской детворе в то лето! Почти ни одна игра не обходилась без них. Клу-Клу научила их новым песенкам, сказкам, показала, как мастерить лук, как сделать шалаш, сплести корзинку и соломенную шляпу, как лучше искать и сушить грибы. Но не только этому научились деревенские ребята. Клу-Клу, ещё два месяца назад не умевшая говорить на их языке, учила пастухат читать.

Чтобы легче было запомнить, она каждую букву сравнивала с каким-нибудь растением или насекомым.

— Как? — поражалась Клу-Клу. — Знать столько разных червячков, мушек, паучков, бабочек, трав и цветов и не запомнить каких-то несчастных тридцати букв! Вам только кажется, что это очень трудно. Так всегда бывает, когда учишься кататься на коньках или ездить верхом. Надо себе сказать: это легко, и сразу станет легче.

Ребята повторяли: «Читать легко» — и скоро научились читать. Их матери разводили от удивления руками.

— Ай да девчонка! Учитель целый год горло драл, аж охрип. И линейкой их лупил, и за вихры таскал, и за уши драл... И всё нипочём — сидели олухи олухами. А она сказала: буквы похожи на жучков да паучков, и ребята всё поняли.

— А корову как она доила — любо-дорого посмотреть!

— Послушайте, заболела у меня тёлка. Так она, даром что девчонка, посмотрела на неё и говорит: «Ваша тёлка больше трёх дней не проживёт». Я и без неё это знала: у меня на глазах не один телёнок сдох. А она говорит: «Если у вас растёт одна такая трава, я телёнка вылечу». Я пошла с ней из любопытства в лес. Искала она, искала, видимо-невидимо трав перенюхала да перепробовала. «Нет, говорит, у вас такой травы. Попробую эту, она тоже горькая». Принесла траву домой, как заправский лекарь перемешала с золой, высыпала в молоко и дала выпить тёлке. А та будто почувяла, что в горьком пойле её спасение. Мычит, но пьёт и облизывается. И что вы думаете? Выздоровела! Разве это не чудо?..

Лето подходило к концу. Жителям деревни жаль было расставаться с королём Матиушем, с вежливыми, послушными детьми капитана, с доктором, который их бесплатно лечил. Но больше всего жалели они, что расстанутся с Клу-Клу.

Недоброе предчувствие, с которым Матиуш возвращался на родину, не обмануло его. Столица встретила короля неприветливо. Уже на вокзале он заметил: что-то неладно. Вокзал оцеплен солдатами. Флагов и цветов меньше, чем обычно. У канцлера озабоченное лицо. Встретить Матиуша явился почему-то обер-полиц-

мейстер, хотя это не входило в его обязанности.

Автомобиль ехал окольным путём, по окраинным, незнакомым улицам.

— Почему мы не едем по центру?

— Там демонстрация рабочих.

— Рабочих? — переспросил удивлённый Матиуш, вспомнив весёлое шествие детей, которые выезжали летом за город.— А куда они уезжают?

— Никуда, наоборот, они недавно вернулись. Они строили дома для детей, а теперь дома готовы и у них нет работы.

Тут Матиуш сам увидел демонстрацию. Рабочие шли с красными флагами и пели.

— А почему у них знамёна красные? Ведь наш государственный флаг другого цвета.

— Они говорят: «Красное знамя — знамя рабочих всего мира».

Матиуш задумался. «Хорошо бы, у всех на земле детей — белых, чёрных, жёлтых — тоже был свой флаг. Только вот какого цвета?»

Автомобиль ехал в это время по узкой пыльной улице. Глядя на унылые, серые дома, Матиуш вспомнил зелёный лес, зелёные луга и сказал вслух:

— А нельзя, чтобы у детей всего мира тоже был свой флаг — зелёный?

— Конечно, можно,— промямлил канцлер.

Матиуш сам не свой бродил по дворцу, а за ним по пятам, как тень,— печальная Клу-Клу.

«Пора приниматься за дело! Пора!» — твердил он себе, но делать ничего не хотелось.

— Барон фон Раух,— доложил лакей.

Вошёл Фелек.

— Завтра после летнего перерыва — первое заседание Пропара. Ваше величество, наверно, пожелает выступить с речью?

— А что я им скажу?

— Короли в таких случаях обычно говорят, что рады услышать глас народа и желают успешной работы.

— Хорошо, приеду,— пообещал Матиуш.

Ехать, однако, не хотелось. Матиуш представил себе орущих ребят, взгляды, устремленные на него, и поёжился.

Но, обведя глазами зал, битком набитый детворой, приехавшей со всех концов страны, чтобы обсудить, как сделать жизнь интересной и весёлой, и, заметив в толпе деревенских ребятишек, он вспомнил недавние игры, воодушевился и произнёс пламенную речь.

— Вас, депутатов, много. А я был один. И хотел сделать так, чтобы всем жилось хорошо. Но разве может один человек знать, что нужно всем? Вам это легче сделать. Одним из вас известны желания городских ребят, другим — деревенских. Маленькие знают, что нужно малышам, большие — большим. Я надеюсь, недалеко то время, когда со всего мира съедутся дети — белые, жёлтые, чёрные — и, как недавно короли, обсудят свои дела. Например, к чему жителям жарких стран коньки, если у них не бывает зимы? У рабочих есть знамя. Оно красного цвета. Пусть будет и у детей своё знамя. Может, выбрать зелёное? Дети любят лес, а лес зелёный...

Долго говорил Матиуш. И ему было приятно, что его внимательно слушают.

Когда он кончил, выступил журналист. Для детей, сказал он, ежедневно выходит газета, в которой можно прочесть разные интересные новости, а кто хочет, может сам писать статьи. В конце речи он спросил: как жилось им в деревне?

Тут поднялся невообразимый галдёж и ни-

чего нельзя было разобрать. Фелеку пришлось прибегнуть к крайним мерам: он вызвал полицию. Только тогда депутаты уgomонились.

— Крикунов буду выставлять за дверь,— пригрозил Фелек.— И вообще полагается говорить по очереди.

Первым взял слово босоногий мальчуган в поношенном пиджаке.

— Я как депутат заявляю: жилось нам плохо. Играть и гулять не разрешали, кормили впроголодь, а когда шёл дождь, с потолка лило как из ведра, потому что крыши были дырявые.

— И бельё не меняли! — выкрикнул кто-то с места.

— И на обед давали не суп, а помои!

— Как свиньям!

— И никакого порядка не было!

— В чулан запирали безо всякой вины.

Снова поднялся крик.

Пришлось на десять минут прервать заседание и навести порядок.

За дверь выставили четырёх самых горластых депутатов. Журналист в короткой, но выразительной речи объяснил, что ни одно начинание не обходится без недостатков, следующим летом будет лучше, и попросил вносить свои предложения.

Опять закричали все сразу:

— Я хочу голубей держать!

— А я — собаку!

— У всех ребят должны быть часы!

— Пусть нам не запрещают звонить по телефону!

— Не хотим, чтобы нас целовали!

— Сказки пусть рассказывают!

— Мы любим колбасу!

— Зельц!

— Не хотим рано ложиться спать!
— Каждому — велосипед!
— И свой шкафчик!
— И карманов побольше. У моего отца тринадцать карманов, а у меня только два. И ничего не помещается, а потеряешь платок — ругают.

— Свистки хотим!
— Револютеры!
— В школу на автомобиле ездить!
— Долой девчонок и малышей!
— Я хочу быть волшебником!
— Всем — по лодке!
— Каждый день хотим в цирк ходить!
— Чтобы каждый день была пасха!
— И рождество!
— Всем детям — по отдельной комнате!
— Хотим туалетным мылом умываться!
— Душиться духами!
— Чтобы каждый имел право раз в месяц разбивать окно!
— Разрешить курить!
— Долой контурные карты!
— И диктанты!
— Установить день, когда взрослые будут сидеть дома, а дети ходить куда хочется!
— Пусть королями везде будут дети!
— Взрослые пусть ходят в школу!
— Апельсины вместо шоколада!
— И ботинки!
— Автомобили!
— И пароходы!
— И дома!
— И поезда!
— Деньги! Сами будем покупать, что нам надо!
— Корова в каждый дом, где маленький ребёнок!

— И лошадь!

— И по десять моргов земли!..

Так продолжалось около часу. Журналист ухмылялся и быстро-быстро записывал всё в блокнот. Деревенские ребята сначала стеснялись, но потом разошлись и тоже стали орать. Матиуш очень устал.

— Ну хорошо, вот вы записали всё, а дальше что?

— Надо их воспитывать,— сказал журналист.— Завтра напечатаем в газете отчёт и объясним, что можно сделать, а чего нельзя.

По коридору прошёл депутат — противник девочек.

— Господин депутат! — обратился к нему журналист.— Что вы имеете против девочек?

— У нас во дворе есть одна противная девочка. Никому житья от неё нет. Сама первая пристаёт, а тронешь её пальцем, орёт и бежит ябедничать. Вот мы и решили положить этому конец.

Журналист остановил другого депутата:

— Господин депутат, почему вы возражаете против поцелуев?

— Посмотрел бы я, что бы вы сказали, будь у вас столько тёток, сколько у меня! Вчера был день моего рождения. Так они до того меня всего обслюнявили, что даже крем шоколадный в горло не полез. Пусть взрослые лижут, если им это нравится, а нас оставят в покое: мы этого терпеть не можем!

Журналист записал его ответ в блокнот.

— Господин депутат, подождите минутку! У вашего папы в самом деле столько карманов?

— Сосчитайте сами. В брюках два кармана по бокам и один сзади. В жилете четыре маленьких кармашка и один внутренний. В пиджаке — два внутренних, два боковых и на-

верху один. Даже для зубочистки отдельный карманчик. А у меня для биты кармана нет! Кроме того, у них разные ящики, письменные столы, шкафы, полки. И ещё хватает нахальства хвастаться, что они ничего не теряют и всё кладут на место.

Журналист записал и это.

Тут прошли два депутата, которые ополчились на малышей.

— Почему? — спросил журналист.

— А кто качает люльку и нянчит их? Мы!

— И вечно уступай им, потому что они, видите ли, маленькие.

— И пример хороший подавай. Он набедокурит, а попадает тебе: «Это он у тебя научился». А кто ему велел обезьянничать?

Журналист слушал и строчил.

Журналист напечатал в газете статью, в которой говорилось: ни один парламент на свете не может превратить человека в волшебника, сделать так, чтобы каждый день было первое апреля и ребята каждый вечер ходили в цирк. И ещё: надо смириться с тем, что на свете всегда были и будут мальчики и девочки, большие и малыши.

Статья была написана в доброжелательном, корректном тоне. Никаких обидных, резких выражений, вроде «несли чушь... бессмыслицу... глупость» или «отодрать бы их за уши». Журналист перечислил, что можно осуществить, а чего — нельзя.

Больше карманов? Пожалуйста! Издадут указ, чтобы портные пришивали по два лишних кармана... И так далее.

Клу-Клу прочла газету и возмутилась:

— Матиуш, разреши мне пойти на заседание парламента. Я им всё начистоту выложу! Почему в парламенте нет девочек?

— Есть, но они молчат.

— Тогда я отвечу за них. Тоже мне умник нашёлся: из-за одной девчонки-ябеды долой всех девочек? А сколько среди мальчишек задир и приставал! Значит, их тоже долой? Белые люди столько полезных, хороших вещей придумали — и вдруг такая глупость! Ничего не понимаю!

Едет Клу-Клу с Матиушем в парламент, а сердце у неё — тук-тук! — вот-вот из груди выскочит, не из трусости, а оттого, что она сочиняет в уме речь и волнуется. Ребята таращатся на Клу-Клу, а она как ни в чём не бывало сидит рядом с Матиушем в королевской ложе.

Фелек позвонил колокольчиком.

— Заседание объявляю открытым. Оглашаю повестку дня. Первое: чтобы каждый ребёнок имел часы. Второе: чтобы детей не целовали. Третье: о карманах. Четвёртое: чтобы не было девочек.

По первому пункту записалось пятнадцать ораторов.

Один заявил:

— Часы нужны, чтобы не опаздывать в школу. Взрослые могут обойтись без часов: они лучше нас считают.

— Почему я должен страдать, если у папы или мамы отстают часы? А за своими я сам буду следить, чтобы они ходили точно, — сказал другой.

— И не только, чтобы вовремя приходить в школу, нужны часы. Опоздаешь к обеду или заиграешься вечером во дворе — скандал! А откуда нам знать, который час?

— Для игр тоже необходимы часы. Попробуй рассуди без часов по справедливости, кто быстрее бегает или дольше на одной ножке стоит!

— Возьмёшь лодку на час, покатаешься немного, а тебе говорят: время истекло. Это враньё, но как докажешь без часов, что ты прав? Приходится платить.

Фелек опять позвонил.

— Приступаем к голосованию. Я думаю, постановление о часах будет принято единогласно.

Однако девять оказалось против часов. К ним тотчас же подскочил журналист: в чём дело, почему, отчего, по какому случаю?

— Начнём разбирать, крутить — и сломаем... Потерять можно. Сделаешь стойку, они выпадут из кармана и разобьются. Часы не у всех взрослых есть, они будут нам завидовать и злиться. Можно прекрасно обойтись без них. Отец отнимет, продаст, а деньги пропъёт.

Снова зазвонил колокольчик.

— Принято большинством голосов.

Насчёт поцелуев разногласий не было. Ребята заявили единодушно: «Не хотим, чтобы каждый имел право нас целовать. Для родителей придётся сделать исключение, а для тёток и прочих родственников — нет».

По третьему пункту повестки дня приняли следующее решение: девочкам пришивать по два кармана, а мальчикам — по шесть.

Клу-Клу недоумевала. Почему такое неравноправие: у девочек в три раза или на четыре кармана меньше, чем у мальчиков? Но она промолчала, решила подождать, что будет дальше.

Фелек снова позвонил колокольчиком.

— Переходим к следующему пункту повестки дня: насчёт девочек.

Что тут началось!

— Девчонки — рёвы! Неженки! Ябеды! Задавалы! Размазни! Трусихи! Девчонки вечно обижаются, шушукаются, царапаются.

Бедные девочки-депутаты сидят — и ни слова, только из глаз слёзы капают.

— Прошу слова! — слышался из королевской ложи голос Клу-Клу.

Воцарилась тишина.

— У нас в Африке девочки такие же ловкие, как и мальчики. Они так же быстро бегают, лазают по деревьям и кувыркаются. А у вас — сплошное безобразие! Мальчики всё время ссорятся с девочками, пристают к ним, мешают играть, а сами в их играх не участвуют. Поэтому, среди мальчишек больше озорников, чем среди девочек.

— Ого! — слышалось из зала.

Колокольчик Фелека заливался, призывая к порядку.

— Мальчики — драчуны, грубияны, грязнули, они рвут одежду, говорят неправду...

Раздался крик и свист.

Опять зазвонил колокольчик.

— Мальчишки вырывают из тетрадей страницы и пачкают книги. Плохо учатся. На уроках шумят. Бьют стёкла. Обижают девочек. Нечестно пользоваться тем, что бедные девочки ходят в Европе в юбках, и у них длинные волосы, и поэтому они слабее мальчиков...

— Пусть остригутся!

— Пусть наденут брюки!

Фелек потряс колокольчиком.

— Разве обижать слабых хорошо? И ещё говорят, что девочки плохие!

Тут разразилась настоящая буря. Топот, свист, крик — всё слилось и перемешалось!

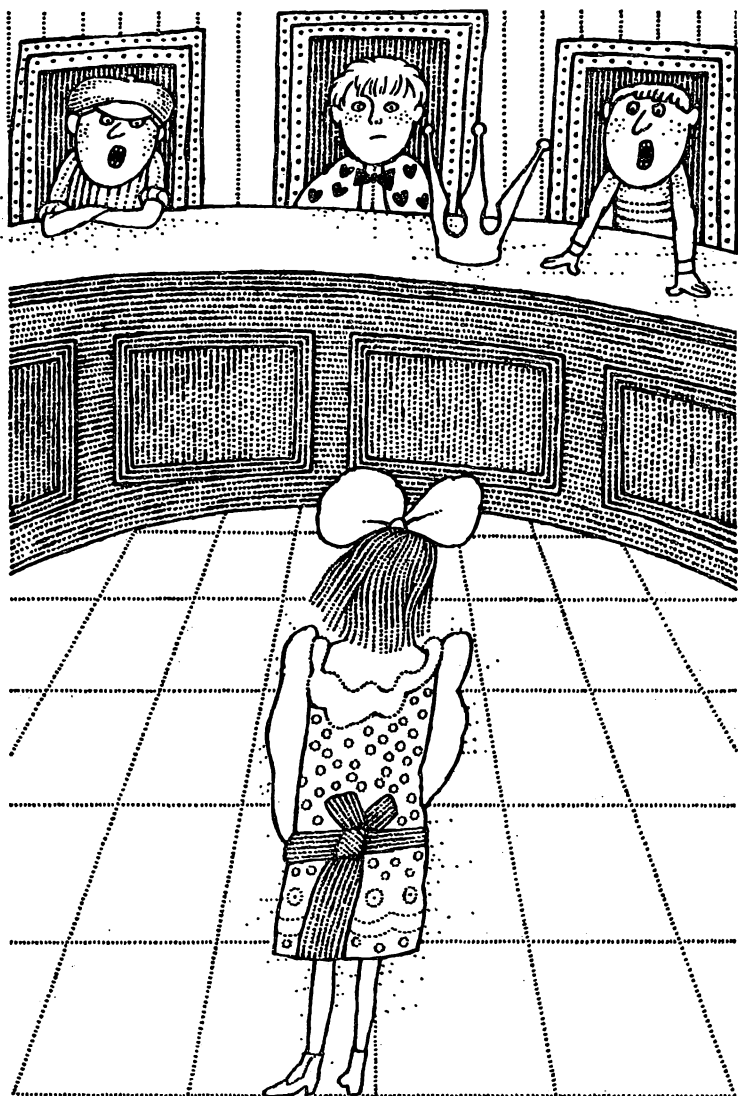
— Гляньте-ка, учить нас вздумала!

— В клетку её, к обезьянам!

— Невеста короля!

— Жена Матиуша!

— Жених и невеста, тили-тили-тесто!

— С девчонкой связался!

— Канарейка желтопузая ты, а не король! Один мальчишка вскочил на стул и, покраснев от натуги, заорал что есть мочи.

Фелек знал его. Это был хулиган, карманный воришка по имени Антек.

— Антек, заткнись, не то в зубы дам! — крикнул Фелек.

— Слабó, барон фон Раух! Феля, Феля — министр без портфеля! Феля — пустомеля! Забыл, как у торговок яблоки воровал? Фе-ля, Фе-ля — пус-то-ме-ля!

Фелек запустил в Антека чернильницей и колокольчиком. В зале забурлило, как в котле. Более благоразумные депутаты поспешили к выходу. Оставшиеся разделились на две партии и накинулись друг на друга.

Матиуш, белый как полотно, взирал на побоище из своей ложи. А журналист что-то быстро строчил в блокноте.

— Не огорчайтесь, барон фон Раух! Ничего страшного. Борьба сплачивает единомышленников, — сказал он Фелеку.

А Фелек и не думал огорчаться. Пусть себе дубасят друг друга, лишь бы ему не досталось.

Клу-Клу так и подмывало спуститься по карнизу вниз, схватить стул и показать этим вообразялам, как в Африке дерутся девочки. Ведь драка вспыхнула из-за неё. Ей было жалко Матиуша: она видела, как он страдает, Ничего, успокаивала она себя. Так им и надо. Обозвали её черномазой? Подумаешь, что ж в этом обидного? В клетку к обезьянам? Она-то побывала там, а вот они пусть попробуют, каково это. Невеста Матиуша? А что в этом плохого? Она бы им показала, если бы не дурацкие эти европейские обычаи...

А дерутся-то как! Тоже мне мальчишки!

Растяпы, слабаки, олухи! Девять минут прошло, и никаких результатов. Наскакивают друг на друга, как петухи, размахивают кулаками, и всё без толку.

Фелек — тот даже чернильницу и кодокольчик не сумел как следует бросить. Если бы Клу-Клу угостила этого крикуна тем или другим, не стоял бы он сейчас в позе победителя на столе.

В конце концов Клу-Клу не выдержала. Перелезла через барьер и — прыг! — вниз. Уцепилась за люстру, потом соскочила на пол. Перепрыгнув через стол для прессы и разогнав, как назойливых мух, пятерых противников Антека, она прокричала ему в лицо:

— А ну выходи!

Антек, не подозревая, с кем имеет дело, замахнулся, но в тот же миг получил четыре удара; собственно, не четыре, а один: Клу-Клу ударила его одновременно головой, ногой и двумя руками. Антек брякнулся на пол: из носа течёт кровь, шея не ворочается, рука одеревенела, трёх зубов как не бывало.

«До чего у этих белых слабые зубы», — подумала Клу-Клу и, подскочив к председательскому столу, смочила водой носовой платок и приложила Антеку к носу.

— Ничего, рука цела. У нас в Африке после такого удара один день лежат пластом, а вы послабей, значит, ты очухаешься через неделю. А за зубы прости, пожалуйста. Я не рассчитала, наши ребята намного крепче белых.

— Ноги моей больше не будет в парламенте! — вернувшись во дворец, решил смертельно оскорблённый Матиуш. — Черной неблагодарностью оплатили они мне за всё, что я для них сделал. За бессонные ночи, за опасные пу-

тешества, за защиту государства, едва не стоившую мне жизни...

Им, видите ли, волшебниками захотелось стать, кукол им, дурам, подавай до небес! Подумаешь, беда: крыша немного протекает, еда недостаточно вкусная, играть не во что. А в какой стране у ребят есть такой зверинец? А фейерверки, а духовой оркестр? Газета специально для них выходит! Напрасно я старался. Завтра весь мир узнает из газет, что меня дразнили, называли размазнёй, женихом Клу-Клу. Нет, не стоило стараться ради них».

И Матиуш распорядился: писем ему больше не приносить. Он их не станет читать. Аудиенция после обеда отменяется: хватит, никаких подарков не будет!

Матиуш решил посоветоваться с канцлером, как быть дальше.

— Соедините меня, пожалуйста, с квартирой господина канцлера,— сказал он в трубку.

— Алло, кто говорит?

— Король.

— Господина канцлера нет дома,— ответил канцлер, надеясь, что Матиуш не узнает его по голосу.

— Как? Ведь вы со мной говорите!

— Ах это вы, ваше величество! Простите, но я никак не могу прийти: мне нездоровится и я ложусь в постель. Поэтому я сказал, что меня нет дома.

Матиуш, не говоря ни слова, повесил трубку.

— Притворяется, обманщик! Ему уже известно о моём позоре. Меня никто больше не будет уважать, все будут надо мной смеяться.

Тут лакей доложил о приходе Фелека и журналиста.

— Проси!

— Ваше величество, я пришёл посовето-

ваться, как осветить сегодняшнее заседание Пропара в газете. Можно, конечно, это дело замять, но тогда пойдут сплетни. Есть другой выход: написать, что заседание было очень бурным и барон фон Раух подал в отставку, то есть оскорбился и не захотел больше быть министром. Но король упросил его не покидать свой пост и наградил орденом.

— А обо мне вы что напишете?

— Ничего. О таких вещах не принято писать. Как быть с Антеком — вот проблема! Высечь его нельзя, он — депутат, а личность депутата неприкосновенна. Между собой они могут драться сколько угодно, а правительство не имеет права вмешиваться. Впрочем, Клу-Клу здорово его отделала, может, он теперь остепенится.

Вот здорово! В газете не напишут про то, как Антек оскорблял его и ругал обидными словами. И Матиуш от радости готов был простить противного мальчишку.

— Заседание завтра в двенадцать.

— Меня это не интересует. Ноги моей больше там не будет!

— Это нехорошо, — сказал журналист. — Ещё подумают, что вы трусите.

— Как же быть? Ведь меня оскорбили, — проговорил Матиуш со слезами в голосе.

— Парламентская делегация явится во дворец и попросит у вашего величества прощения.

— Ладно, — согласился Матиуш.

Журналист торопился в редакцию: к утру статья должна быть готова. Фелек остался во дворце.

— Что, достукался? Матиуш, Матиуш! Будто не король, а младенец. Не говорил я тебе: этому надо положить конец?..

— Подумаешь, — перебил его Матиуш, —

ты вон бароном фон Раухом велел себя величать, а тебя обозвали дураком и пустомелей. Ещё почище, чем меня.

— Ну и что? Ведь я всего-навсего министр, а ты король. Лучше быть дураком министром, чем размазнёй королём.

На этот раз Клу-Клу осталась дома, Матиуш поехал на заседание парламента один. Настроение у него было препаршивое, но депутаты вели себя так хорошо и выступали так интересно, что Матиуш скоро забыл о вчерашнем.

На повестке дня стояло два вопроса: о красных чернилах и о том, чтобы над детьми не смеялись.

— Почему учителя исправляют ошибки и ставят отметки красными чернилами, а мы пишем чёрными? Это несправедливо: красные чернила красивее!

— Правильно! — сказал следующий оратор, девочка. — И ещё пускай в школе выдают бумагу для обёртывания тетрадей. А то обложка быстро пачкается. И картинки, чтоб наклеивать на обложку.

Когда девочка кончила, раздались аплодисменты. Мальчишки старались загладить свою вину и доказать, что причиной вчерашнего скандала были хулиганы. Ну, а несколько хулиганов на три-четыре сотни депутатов — это не так уж много.

Выступавшие жаловались, что взрослые смеются над ними.

— Спросишь их о чём-нибудь или сделаешь что-нибудь не так, они начинают кричать, сердиться или смеются над нами. Это нехорошо. Они думают, будто всё знают, а на самом деле это не так. Мой папа не мог назвать всех заливов в Австралии и всех рек Америки и даже

не знал, из какого озера берёт начало Нил.

— Нил не в Америке, а в Африке! — крикнул кто-то с места.

— Без тебя знаю. Я просто так, для примера сказал. Они не смыслят ничего в марках, не умеют свистеть, засунув пальцы в рот, и говорят, это неприлично.

— Послушал бы ты, как мой дядя свистит!

— Просто свистеть каждый умеет.

— А ты почём знаешь, как он свистит?

— Дурак!

Опять чуть не вспыхнул скандал, но председатель объявил:

— Депутатов обзывать дураками нельзя. Нарушителей будут удалять из зала заседаний.

— Что значит «удалять из зала»?

— Так принято выражаться в парламенте. По-школьному — выставлять за дверь.

Так депутаты постепенно учились, как вести себя в парламенте.

Когда заседание подходило к концу, в зал влетел запыхавшийся депутат.

— Простите за опоздание! — выпалил он. — Еле вырвался! Мама не пускала меня в парламент из-за того, что мне вчера оцарапали нос и набили шишку на лбу.

— Это насилие. Личность депутата неприкосновенна, и родители не имеют права запретить ему идти на заседание. Если тебя выбрали в парламент, изволь управлять! А в школе разве не разбивают носы? Однако в школу они почему-то не запрещают нам ходить.

Так начались разногласия между взрослыми и детьми.

В заграничных газетах появились сообщения о детском парламенте. И ребята во всём мире — дома и в школе — заговорили о своих правах. Поставят несправедливо плохую от-

метку или от родителей ни за что попадёт, они говорят:

— Был бы у нас свой парламент, мы бы этого не потерпели!

На юге Европы в маленьком государстве королевы Кампанеллы дети рассердились на взрослых и устроили забастовку. Колонны ребят шагали по улицам с зелёными знамёнами.

— Только этого нам не хватало,— ворчали взрослые.— Мало у нас своих забот...

Матиуша это известие очень обрадовало. В Прогазе появилась статья под названием: «Лёд тронудся».

«Скоро зелёное знамя завоюет все континенты. И тогда на земле прекратятся драки, ссоры и войны. Ребята с малых лет привыкнут жить в мире и, когда вырастут большими, не захотят воевать.

Идея единого — зелёного — знамени принадлежит Матиушу. За это он достоин быть королём детей всего мира.

Клу-Клу вернётся на родину и установит там новые порядки. Это очень хорошо.

Вот требования, которые должны быть начертаны на боевых знамёнах детей:

Детям — одинаковые права со взрослыми!

Дети — полноправные граждане своих стран!

Тогда дети будут слушаться старших не из боязни наказания, а потому что они сами будут дорожить порядком».

В газете писали ещё много интересного.

«Почему же Печальный король пугал меня, будто реформатором быть очень трудно, будто они всегда плохо кончают? — недоумевал Матиуш.— Будто признание приходит к ним лишь после смерти, и тогда им ставят памятник.

А у меня пока всё идёт хорошо, и никакая

опасность мне не угрожает. Конечно, не обошлось без неприятностей и огорчений, но это неизбежно, когда управляешь государством».

Однажды перед зданием парламента собралась толпа ребят, которым исполнилось пятнадцать лет. Один влез на фонарь и оттуда держал речь.

— Безобразие! Про нас забыли! Мы тоже хотим иметь своих представителей в парламенте! У взрослых есть парламент, у малышей есть, а мы чем хуже других? Не позволим соплякам командовать! Почему им — шоколад, а нам папирос не выдают? Это несправедливо!

Депутаты направлялись в это время в парламент на заседание, а большие ребята их не пускали.

— Хороши депутаты, таблицу умножения не знают! «Корову» пишут через «а»!

— Писать не умеют!

— Не потерпим, чтобы они нами командовали!

— Долой правительство сопляков!

Обер-полицмейстер позвонил во дворец и сообщил: на улице беспорядки, пусть Матиуш не выходит из дворца. А сам вызвал конную полицию, и она стала теснить толпу. Но ребята не думали расходиться, они швыряли в полицейских учебниками, булками, которые им дали на завтрак, кое-кто выворачивал булыжники из мостовой. Это последнее обстоятельство окончательно вывело из себя обер-полицмейстера.

— Разойтись! — закричал он зычным голосом. — Немедленно разойтись, не то солдат вызову! Бросите камень в солдат — я выстрелю для предупреждения в воздух, и если не прекратите, отдам команду открыть огонь!

Но страсти от этого ещё сильнее разгоре-

лись. Ребята выломали дверь и ворвались в зал заседаний.

— Не уйдём, покуда не получим одинаковые права с молокососами!

Все растерялись: что предпринять? Тут в королевской ложе появляется Матиуш. Он не послушался обер-полицмейстера и приехал в парламент: хотел своими глазами убедиться, что происходит.

— Даёшь парламент! Мы тоже хотим выбирать депутатов! Мы требуем для себя прав! — орали из зала. Отдельные выкрики тонули в шуме и гаме, вопле и рёве, так что ничего не разберёшь.

А Матиуш стоит и молча смотрит. Выжидает. Ребята видят: криком не возьмёшь, и зашикали друг на друга:

— Тише, перестаньте галдеть!

— Король хочет говорить! — выкрикнул кто-то.

И наступила тишина.

Матиуш произнёс длинную и очень умную речь.

— Граждане! — сказал он. — Ваши требования справедливы. Вам наравне со всеми должны быть предоставлены права! Но вы скоро будете взрослыми, и вас смогут выбрать во взрослый парламент. Я начал с детей, потому что сам маленький и мне ближе и понятней их нужды. Нельзя сделать всё сразу. У меня и так дел по горло. Когда мне исполнится пятнадцать лет и мы наведём порядок у детей, я займусь вами.

— Покорно благодарим! К тому времени мы вырастем и без ваших милостей обойдёмся!

Матиуш сообразил, что дал маху, и попробовал подойти с другого конца:

— Чего вы к нам пристали? У вас уже усы

растут, вы курите папиросы, ну и ступайте к большим, пускай они принимают вас в свой парламент.

Старшие ребята, у которых в самом деле уже пробивались усы, подумали: «На кой чёрт нам этот сопливый парламент! Пойдём лучше в настоящий».

А те, кто помоложе, не захотели признаваться, что не курят, и тоже сказали: «Хорошо».

И ушли. Но к взрослому парламенту их не подпустили солдаты. Преградили путь штыками. Ребята повернули назад, а там тоже солдаты. Тогда толпа разделилась: одни свернули направо, другие — налево. Потом разделились опять, а солдаты всё теснят их, не дают остановиться. Когда толпа разбилась на маленькие группки, полиция окружила их и арестовала.

Узнав об этом, Матиуш страшно рассердился на обер-полицмейстера. Выходит, будто Матиуш расставил им ловушку. Толстяк оправдывался: иначе, мол, с этими хулиганами не сладишь. Тогда Матиуш велел расклеить по городу объявления, что он приглашает во дворец для переговоров трёх самых рассудительных ребят.

Но вечером его самого пригласили на экстренное заседание государственного совета.

— Дело плохо,— сказал министр просвещения.— Дети отказываются учиться. Не слушаются учителей, смеются им в лицо и говорят: «А что вы нам сделаете? Не хотим — и всё. Пойдём с жалобой к королю. Скажем нашим депутатам». Учителя не знают, как быть. А старшие и вовсе от рук отбились: «Сопляки будут командовать, а мы зубрить? Нет, дудки! В парламент нас не приглашают, значит, и в школу нечего ходить». Раньше малыши между собой дрались, а теперь старшие им проходу

не дают. Дёрнут за ухо, дадут подзатыльник и говорят: «Иди жалуйся своему депутату». Если эта кутерьма недели через две не прекратится, мы подаём в отставку», — заявили учителя. Двое уже уволились. Один продаёт содовую воду, другой открыл пуговичную фабрику.

— И вообще взрослые недовольны, — сказал министр юстиции. — Вчера в кондитерской один господин возмущался: «Дети, как с цепи сорвались, делают что хотят, от их визга помешаться можно! Прыгают по диванам, играют в комнатах в футбол, шатаются без спроса по улицам. Одежда на них прямо горит, скоро они, как нищие, в лохмотьях будут ходить». Он ещё много чего говорил, но я не могу этого повторить в присутствии вашего величества. Я, конечно, приказал его немедленно арестовать за оскорбление королевской особы.

— Я придумал! — сказал Матиуш. — Пусть школьники будут вроде чиновников. Ведь ребята в школе пишут, считают, читают — словом, трудятся. А раз так, им полагается жалованье. Нам ведь всё равно, что выдавать: шоколад, коньки, кукол или деньги. Зато ребята будут знать: плохо учишься — не получишь жалованья.

— Ну что ж, можно попробовать, — без энтузиазма согласились министры.

Матиуш, забыв, что государством управляет теперь не он, а парламент, велел на всех перекрёстках расклеить объявления.

На другой день утром к нему в комнату влетает журналист, злющий-презлющий:

— Если все важные сообщения будут расклеиваться на стенах, к чему тогда газета?

Следом за ним примчался Фелек:

— Если ваше величество изволит сам из-

давать законы, к чему тогда парламент?

— Барон фон Раух совершенно прав,— под-держал его журналист.— Король может высказы-вать свои пожелания, а выносить окон-чательное решение — дело депутатов. Может, они придумают что-нибудь получше?

Матиуш понял, что опять поторопился. Как же теперь быть?

— Позвоните по телефону и распорядитесь, чтобы пока выдавали шоколад, не то могут начаться беспорядки. И сегодня же надо об-судить этот вопрос в парламенте.

Он предчувствовал, что это кончится плохо. Так оно и вышло. Постановили передать дело на рассмотрение комиссии.

— Я возражаю! — заявил Матиуш.— В ко-миссии начнётся волокита. А учителя больше двух недель ждать не намерены и, если всё останется по-прежнему, уйдут из школ.

Журналист подскочил к Фелеку и зашептал ему что-то на ухо. Фелек самодовольно ухмыль-нулся и, когда Матиуш кончил, попросил слова.

— Господа депутаты! — начал он.— Я сам ходил в школу и прекрасно знаю тамошние порядки. Только за один учебный год меня семьдесят раз незаслуженно заставляли весь урок стоять, сто пять раз незаслуженно ставили в угол, сто двадцать раз незаслуженно выго-няли из класса. Вы думаете, это только в одной школе так? Ничего подобного! Я шесть школ переменил, и всюду одно и то же. Взрослые в школу не ходят и ничего не знают. Если учи-теля не хотят учить детей, пусть учат взрослых. Взрослые на своей шкуре убедятся, как это сладко, и перестанут заставлять нас учиться. А учителя увидят, что над взрослыми не по-измываешься, и перестанут жаловаться на нас.

Посыпались жалобы на школу и учителей. Одного несправедливо оставили на второй год; другому за две ошибки кол вlepили; третьего наказали за опоздание, хотя у него болела нога и он не мог быстро идти; четвёртый не выучил стихотворение из-за того, что младший братишка вырвал из учебника страницу, а учитель сказал: это отговорка. И так далее.

Когда депутаты устали и проголодались, Фелек поставил на голосование следующий проект:

— Комиссия рассмотрит вопрос о том, как сделать, чтобы нас не обижали, и нужно ли нам, как чиновникам, платить жалованье. А пока пускай в школу ходят взрослые. Кто «за», прошу поднять руку.

Два-три человека пытались возразить, но поднялся целый лес рук, и Фелек объявил:

— Проект принят большинством голосов.

Трудно вообразить, какой поднялся переполох и возмущение, когда стало известно о решении детского парламента.

— Беззаконие! — негодовали одни. — Кто дал им право распоряжаться? У нас свой парламент есть, и мы не обязаны им подчиняться. Пусть занимаются своими детскими делами, а в наши нечего вмешиваться.

— Ну хорошо, — говорили другие. — Допустим, мы пойдём в школу. А кто будет работать?

— Ничего, пусть поработают сами. По крайней мере увидят, каково это.

— Может, оно даже к лучшему, — рассуждали оптимисты. — Дети убедятся, что без нас обойтись трудно, и будут больше уважать взрослых.

А бедняки и безработные даже рады были. Вышел новый указ: за учёные платить, как

за работу, потому что ученье — тоже труд.

Итак, по новому закону, дети работают, а взрослые учатся.

Неразбериха. Кутерьма. Ералаш. Мальчишки хотят быть только пожарниками или шофёрами. Девочки — продавщицами в кондитерских или в магазинах игрушек. Как всегда, не обошлось без глупостей: один мальчик изъявил желание быть палачом, другой — индейцем, третий — сумасшедшим.

— Все не могут быть пожарниками и шофёрами, — объяснили им.

— А мне какое дело? Пусть другие работают дворниками!

Дома тоже было много недоразумений и ссор, особенно когда дети передавали родителям свои тетради и учебники.

— Ты испачкал книги и тетрадки, а ругать будут меня, — говорила мама.

— Ты потерял карандаш, и мне нечем рисовать, а от учителя попадёт мне, — говорил папа.

— Ты не приготовила вовремя завтрак, и теперь я опоздаю в школу. Пиши мне записку, — говорила бабушка.

Учителя радовались: наконец-то они немного отдохнут. Ведь не станут же взрослые безобразничать!

— Покажите детям пример, как надо учиться, — говорили они родителям.

Многие находили это забавным. Но все сходилось в одном: долго так не протянется. Странное зрелище представлял город, взрослые чинно шагают с портфелями в школу, а дети деловито спешат на работу: кто в контору, кто на фабрику, кто в магазин. У некоторых пап и мам лица расстроенные и смущённые, а у некоторых — весёлые и беззаботные.

— Ну что? Разве плохо оказаться снова детьми?

Иногда встречались старые школьные товарищи, которые сидели на одной парте. Папы с удовольствием вспоминали давно минувшие времена, учителей, разные игры и проказы.

— Помнишь латиниста? — спрашивал инженер у переплётчика — своего бывшего одноклассника.

— А помнишь, из-за чего мы с тобой раз подрались?

— Ещё бы! Я купил перочинный нож, а ты сказал: он не стальной, а железный.

— Нас с тобой из-за этого в карцер посадили.

Два солидных господина — доктор и адвокат, увлёкшись воспоминаниями, забыли, что они не маленькие, и стали толкаться и гоняться друг за другом. Учительница, проходившая мимо, сделала им замечание, что на улице надо вести себя прилично.

Но были и такие, которым это очень не нравилось. Злющая-презлющая идёт с портфелем в школу толстуха, хозяйка трактира.

А встречный мастер узнал её и говорит товарищу:

— Смотри, вон гусыня идёт. Помнишь, как она в водку подливала воду, а за селёдочный хвост, как за целую селёдку, с нас брала? Давай ей подставим ножку, а? Мы ведь с тобой теперь сорванцы.

Так они и сделали. Она чуть не растянулась. Тетради рассыпались по мостовой.

— Хулиганы! — завопила толстуха.

— Мы нечаянно.

— Вот скажу учительнице, что не даёте спокойно перейти через дорогу, она вам задаст!

Зато дети шагали по улицам спокойно и

чинно, и ровно в девять все конторы и магазины были открыты.

В школе старики и старушки норовят сесть за задние парты, поближе к печке: рассчитывают подремать во время урока.

Великовозрастные ученики читают, пишут, решают задачи. Всё как полагается. И всё-таки учительница несколько раз рассердилась за то, что её невнимательно слушают. Но разве можно быть внимательным, когда тебя одолевают заботы: как дома управляют дети, что слышно на фабрике, в магазине?

Девочки изо всех сил стараются, хотят доказать, что они хорошие хозяйки. Но приготовить обед не так-то просто, когда не знаешь, как это делается.

— Может, на обед вместо супа подать варенье?

И — айда в магазин.

— Ах, как дорого! В других магазинах дешевле.

Покупатели отчаянно торгуются, чтобы показать, как дешево они умеют покупать. А продавцам хочется похвастаться большой выручкой. Торговля идёт бойко.

— Дайте, пожалуйста, ещё десять апельсинов.

— Фунт изюма.

— Швейцарского сыра, пожалуйста. Только чтобы свежий был, а то принесу обратно.

— У меня сыр самого высшего качества и апельсины с тонкой кожицей.

— Хорошо. Сколько с меня?

Продавец пытается сосчитать, но у него ничего не выходит.

— А сколько у тебя денег?

— Сто.

— Мало. Это стоит дороже.

— Я потом принесу.

— Ладно.

— Только дай мне сдачу.

— Вот дура! Денег не хватает, а она ещё сдачу просит.

Справедливости ради следует заметить, что в магазинах и учреждениях с посетителями обращались не слишком вежливо. То и дело слышалось:

«Дурак... Брешешь... Убирайся вон!.. Не хочешь — как хочешь... Не воображай... Отвяжись!..» И так далее.

Случалось услышать и такое:

— Погоди вот мама придёт из школы...

Или:

— Кончатся уроки, всё папе расскажу...

От уличных мальчишек житья не стало: влетят в магазин, набьют полные карманы — и поминай как звали. Полицейские вроде бы на постах, но толку от них мало.

— Полицейский! Ты что, ослеп? Хулиганы в магазин ворвались, схватили чернослив и удрали.

— В какую сторону?

— А я почём знаю?

— Если не знаешь, я ничем не могу тебе помочь.

— На то ты и полицейский, чтобы смотреть.

— Ты за одним магазином уследить не можешь, а у меня их пятьдесят.

— Дурак!

— Сама дура! Не нравится — не зови в другой раз.

Выходит полицейский из лавки, а сабля за ним по земле волочится.

«Тоже мне... Вора ей поймай, а в какую сторону убежал, не знает. Собачья должность. Стоишь весь день и глазеешь по сторонам. А

эта жадина хоть бы яблочко дала! Не буду больше полицейским, пусть делают что хотят. Лучше в школу пойду».

— Мамочка, тебя сегодня спрашивали?

— Папа, ты контрольную решил?

— Бабушка, ты с кем сидишь? А на какой парте?

Некоторые ребята по дороге с работы заходят в школу за папой или мамой.

— Ну, что ты сегодня делал на работе? — спрашивает папа.

— Да ничего особенного. Посидел за письменным столом. Потом в окно смотрел на похоронную процессию. Хотел закурить, но папирота попалась горькая. На столе у тебя какие-то бумаги лежали, я их подписал. Пришли трое иностранцев — не то французы, не то англичане, залопотали по-своему, но я сказал, что не понимаю, и они ушли. Пора было пить чай, но чай не принесли, и я весь сахар съел. А потом звонил ребятам, но дозвонился только до одного — наверно, телефон испорчен. Он сказал, что работает на почте и там много писем с заграничными марками.

С обедом бывало по-разному: в одних домах он удавался на славу, в других пригорал, а в третьих его вовсе не было, потому что разжечь плиту не сумели. И мамам срочно приходилось готовить.

— Мне некогда, — говорила мама, — у меня много уроков. Учительница сказала: взрослым надо больше задавать. Это несправедливо. В других школах столько не задают.

— А в углу стоял кто-нибудь?

— Стоял, — призналась смущённая мама.

— За что?

— На четвёртой парте сидели две дамы, — кажется, знакомые по даче — и весь урок бол-

тали. Учительница два раза сделала им замечание, а они — никакого внимания. Тогда учительница поставила их в угол.

— Они плакали?

— Одна смеялась, а другая вытирала слёзы.

— А мальчишки к вам пристают?

— Немножко.

— Совсем как у нас! — обрадовалась девочка.

Матиуш читает в кабинете газету. В газете подробно сообщается, как прошёл вчерашний день. Конечно, пишут там, пока в государстве ещё нет порядка. Телефоны работают плохо, письма на почте не разобраны и не доставлены адресатам, потерпел крушение поезд, но сколько жертв, неизвестно, так как телеграф бездействует. Надо набраться терпения, пока дети не привыкнут. Ни одна реформа не обходится без жертв. И на первых порах хозяйство после любой реформы терпит ущерб.

В другой статье говорилось, что комиссия усиленно трудится над законопроектом о школах, который удовлетворил бы всех: и учителей, и родителей, и детей.

Вдруг в кабинет как шальная влетела Клу-Клу. Она улыбалась во весь рот, хлопала в ладоши и прыгала от радости:

— Отгадай, какая у нас новость!

— Что такое?

— Приехало пятьсот негритят.

У Матиуша совсем из головы вылетело, что он дал Бум-Друму телеграмму с просьбой прислать в столицу пятьдесят негритят. И вот то ли попугай стукнул клювом, то ли по другим техническим причинам, но в телеграмме оказался лишний нуль. Выходило, будто Матиуш приглашает не пятьдесят ребят, а пятьсот.

Матиуш от неожиданности растерялся, а Клу-Клу была на седьмом небе от счастья.

— Так даже лучше. Чем больше выучится ребят, тем легче будет установить в Африке новые порядки.

И Клу-Клу с жаром принялась за дело. Выстроила в парке всех приезжих ребят и разделила на пять отрядов по сто человек, во главе их поставив верных ребят, на которых можно положиться. Те, в свою очередь, назначили ответственных за каждую десятку. Пять вожаков поселились с Матиушем во дворце, а остальные — в летнем павильоне. Клу-Клу растолковала вожакам, что в Европе можно делать и чего нельзя. А вожаки повторили это в своих отрядах.

— Учить мы их будем так же.

— А где они будут спать?

— Пока на полу.

— А что они будут есть? Ведь повара ходят в школу...

— Ничего, они к разносолам не привыкли.

Клу-Клу не любила терять время даром и сразу после обеда провела первый урок. Она объясняла так доходчиво, что через четыре часа вожаки всё поняли и втолковали остальным.

Всё как будто складывалось благополучно. Но вдруг во дворец на взмыленном коне прискакал гонец и, едва переведя дух, сообщил: дети нечаянно открыли в зоопарке клетку с волками, и волки убежали. Жители заперлись в домах и не решаются выйти на улицу.

— Мой конь тоже не шёл — храпел и упирался, пока я не подхлестнул его.

— Как же это случилось?

— Дети не виноваты. Сторожа ушли в школу и не предупредили, что клетки надо закрывать на

засовы. Дети не знали этого, и волки открыли клетку.

— Сколько волков убежало?

— Двенадцать. И среди них один матёрый вожак. Как его теперь поймать, неизвестно.

— А где они сейчас?

— Никто толком не знает. Разбежались по городу. Говорят, их видели на разных улицах. Но верить этому нельзя: с перепугу люди каждую собаку за волка готовы принять. Носятся слухи, будто из зоопарка все звери убежали. Одна женщина клялась, что за ней гнался тигр, гиппопотам и две кобры.

В Африке волки не водятся. Поэтому Клу-Клу, узнав о происшествии, засыпала Матиуша вопросами:

— Что это за звери? Как они выглядят? Они рычат или воют? Подкрадываются или прыгают, перед тем как напасть? Чем защищаются: зубами или когтями? Что у них лучше развито: слух, зрение или нюх?

Матиуш, к своему стыду, мало знал о повадках волков, но всё, что мог, сообщил Клу-Клу.

— По-моему, они притаились где-нибудь в зверинце. Мы с ребятами в два счёта их разыщем. Жалко, что заодно не убежали тигры и львы. Вот это была бы настоящая охота!

Матиуш, Клу-Клу и десять негрятят вышли из дворца. На улице — ни души. К окнам прильнули перекошенные от ужаса лица. Лавки закрыты. Город словно вымер. Матиушу стало стыдно за своих трусливых соотечественников.

Они подкрались к зверинцу и забили в барабаны, задули в дудки. Шум подняли такой, точно целое войско идёт. А впереди — густой кустарник, деревья.

— Стой! — скомандовала Клу-Клу. — Натянуть луки! Там кто-то шевелится.

В несколько прыжков Клу-Клу добежала до дерева и только успела ухватиться за сук и подтянуться на руках, как из кустов выскочил матёрый волчище. Встал на задние лапы, скребёт когтями ствол и воет, а остальные вторят ему.

— Это вожак! — закричала Клу-Клу. — Без него с ними легко сладить. Окружайте кусты с той стороны и загоняйте их в клетку!

Так они и сделали. Ошалевшие от страха волки бегут не разбирая дороги, а негритята из луков пускают вслед им стрелы — не самые большие, а поменьше, и изо всех сил бьют в барабаны. Один забежит справа, другой — слева. Не прошло и пяти минут, как одиннадцать волков сидели уже в клетке. Щёлк! — и замок заперли.

А двенадцатый увидел, что остался один, и дал стрекача.

Клу-Клу спрыгнула с дерева.

— Скорей! Скорей! — крикнула она. — А то убежит.

Но было уже поздно. Обезумевший волк проскочил в ворота. Теперь горожане наяву увидели мчащегося по улице волка, за ним Клу-Клу и десятерых негритят. А Матиуш бежал позади всех. Где ему угнаться за проворными, ловкими негритятами! Потный, измученный, он едва держался на ногах, и какая-то сердобольная старушка зазвала его к себе и дала хлеба с молоком.

— Ешь на здоровье, — прошамкала она. — Восемьдесят лет живу на свете, много на своём веку повидала королей, а такого доброго, как ты, не видывала. О нас, старухах, позаботился: в школу послал и ещё деньги за это платить повелел. У меня сынок в дальних краях живёт и каждые полгода шлёт письма. А вот, что он пишет, неведомо. Читать я не умею, а чужим

показать боюсь: утаят ведь от меня, коли с ним беда какая приключилась. Ну да ничего, скоро я сама узнаю, как ему там живётся. Учительница сказала: буду стараться, через два месяца сама ему напишу. То-то обрадуется сыночек!

Матиуш выпил молоко, поблагодарил добрую старушку и пошёл искать своих.

Волк бежал по улице, увидел открытый люк и — прыг туда! Клу-Клу хотела прыгнуть за ним.

— Стой! Не смей! — закричал Матиуш. — Там под землёй темно! Ты или задохнёшься или он тебя растерзает!

Но упрямая Клу-Клу не послушалась и, зажав в зубах охотничий нож, полезла в тёмную дыру. Даже бесстрашным негритятам стало жутко. Сражаться в темноте с диким зверем очень опасно.

Стоит Матиуш в нерешительности, не знает, что делать, и вдруг вспомнил: ведь у него фонарик есть. Не раздумывая спустился он следом за Клу-Клу.

Под землю ведёт узкая труба. Над головой — каменный свод, а под ногами текут нечистоты. Вонь ужасная!

— Клу-Клу! — позвал Матиуш, и со всех сторон ему ответило гулкое далёкое эхо: канализационные трубы проходят ведь под всем городом. Разве поймёшь, что это: голос Клу-Клу или эхо? Матиуш то зажжёт, то погасит фонарик: батарейку экономит. Остаться здесь без света — верная гибель. Стоя по колено в воде, он услышал вдруг за поворотом какую-то возню.

Зажёг фонарик, и глазам его представилась такая картина: Клу-Клу всадила нож в горло волку, а волк вцепился зубами ей в руку. Но Клу-Клу не растерялась и, быстро перехватив

нож, опять пырнула волка. Волк выпустил руку девочки, пригнул голову... Ещё мгновение, он укусит её в живот — и конец. Матиуш кинулся на лютого зверя. В одной руке фонарик, а в другой — пистолет. Волк, ослеплённый светом, оскалился. Матиуш прицелился и всадил ему пулю прямо в глаз.

Клу-Клу потеряла сознание. Матиуш подхватил её под мышки, тащит и боится, как бы она не захлебнулась в нечистотах. А сам еле на ногах держится. Дело кончилось бы печально, если бы на помощь не подросли негритята.

Правда, Клу-Клу приказала им стоять на месте. Но разве можно бездействовать, когда твой товарищ в опасности? И они спустились вниз по трубе. Продвигаются ощупью вперёд и вдруг видят — вдали огонёк... Сначала они вынесли наверх Клу-Клу, потом Матиуша, а напоследок выволокли волка.

Печальный король, в величайшей тайне покинув своё государство, приехал спасать Матиуша.

— Матиуш, что ты натворил! — воскликнул он. — Опомнись, пока есть время! Тебе угрожает страшная опасность. Я приехал тебя предостеречь, но боюсь, что уже поздно. Я был бы здесь неделю назад, но ваши железные дороги никуда не годятся, с тех пор как поезда водят дети. От самой границы пришлось тащиться на крестьянских подводах. Но нет худа без добра. Проезжая через деревни и города, я слышал, что о тебе говорит народ.

— А что случилось? — спросил, ничего не понимая, Матиуш.

— Случилось много плохого, но тебя обманывают, от тебя всё скрывают, и ты ничего не знаешь.

— Нет, знаю! — обиделся Матиуш. — Я ежедневно читаю газету. Дети постепенно осваиваются со своими новыми обязанностями. Комиссия успешно работает над новым школьным законом. Ни одна реформа, как известно, не даётся легко. Да, в государстве не всё благополучно, я это знаю.

— Ты читаешь только одну газету — свою. А там сплошная ложь. Вот почитай-ка другие.

И с этими словами Печальный король положил на стол перед Матиушем пачку газет.

Не спеша разворачивал Матиуш одну за другой и пробегал набранные жирным шрифтом заголовки: читать статьи не имело смысла — и так всё ясно. У Матиуша в глазах потемнело.

Король Матиуш сошёл с ума.

Засилие чёрных дьяволят.

Министр — вор. Побег шпиона из тюрьмы.

Бывший разносчик газет Фелек — барон.

Взорвано две крепости.

Ни пушек, ни снарядов.

Накануне войны.

Министры спешно вывозят за границу драгоценности.

Долой короля-тирана!

— Сплошное враньё! — возмутился он. — Это негритянских ребят, которые приехали сюда учиться, они называют чёрными дьяволятами? Да они во сто раз лучше белых детей! Когда из зверинца убежали волки, они, рискуя жизнью, загнали их обратно в клетку, а у Клу-Клу до сих пор на руках следы волчьих зубов. А кто дымоходы чистит? Наши белоручки отказались небось от этой грязной работы, и в городе начались пожары. Положение спасли негритята: согласились стать трубочистами. Не-

правда, у нас есть пушки и снаряды! Что Фелек продавал газеты, я и без них знаю, но в-ром он никогда не был! И как они смеют назы-вать меня тираном?!

— Не сердись, Матиуш! Поверь мне, дела обстоят очень плохо. Пойдём вместе в город, и ты сам в этом убедишься.

Матиуш переоделся, чтобы его не узнали. Печальный король по одежде ничем не отли-чался от простых горожан.

Вот перед ними казармы, мимо которых они крались с Фелеком той памятной ночью, когда убегали на войну. Какой Матиуш был тогда счастливый и беззаботный! А теперь, умудрён-ный жизнью, он знает, что в ней мало весё-лого.

Около казармы сидит старый солдат и курит трубку.

— Ну, что слышно хорошего?

— Что может быть хорошего, когда ребя-тишки командуют. Все патроны зря извели, пушки сломали. Нет у нас больше войска...

И бывалый солдат заплакал.

Идут дальше. У ворот фабрики рабочий с книжкой учит наизусть стихотворение.

— Ну, как дела на фабрике?

— Зайдите, посмотрите сами. Теперь туда вход свободный.

Входят. В конторе по полу разбросаны бу-маги. Котёл лопнул. Машины бездействуют. Несколько мальчишек снуют туда-сюда по вы-мершему цеху.

— Что вы тут делаете?

— Нас сюда работать прислали. Пятсот ре-бят. Но ребята сказали: «Нашли дураков!» — и отправились шататься по городу. Осталось че-ловек тридцать. Станки испорчены, что делать, не знаем. Родители в школе, сидеть дома скучно,

вот мы и приходим сюда — подметаем, наводим порядок. Стыдно деньги задаром получать.

Лавки почти все закрыты. Но не из-за волков: жителям известно, что опасность ликвидирована.

Заходят они в магазин. За прилавком стоит симпатичная девочка.

— Девочка, скажи, пожалуйста, отчего столько магазинов закрыто?

— Всё разворовали. Нет ни полиции, ни солдат. Хулиганы шатаются по улицам и грабят средь бела дня. Что у кого было, попрятали по домам.

На вокзале поперёк путей лежит разбитый состав.

— Что такое?

— Стрелочник побежал играть в футбол, начальник станции отправился на рыбалку, а машинист не знал, где тормоз. И вот — сто человек убито.

Матиуш до крови закусил губы, чтобы не заплакать.

В больнице та же картина. За больными вроде бы ухаживают дети. Доктора забегают на полчаса, когда мало уроков задано. Но толку от этого мало. Больные стонут и умирают. А дети плачут, не зная, как им помочь.

— Ну что, вернёмся во дворец?

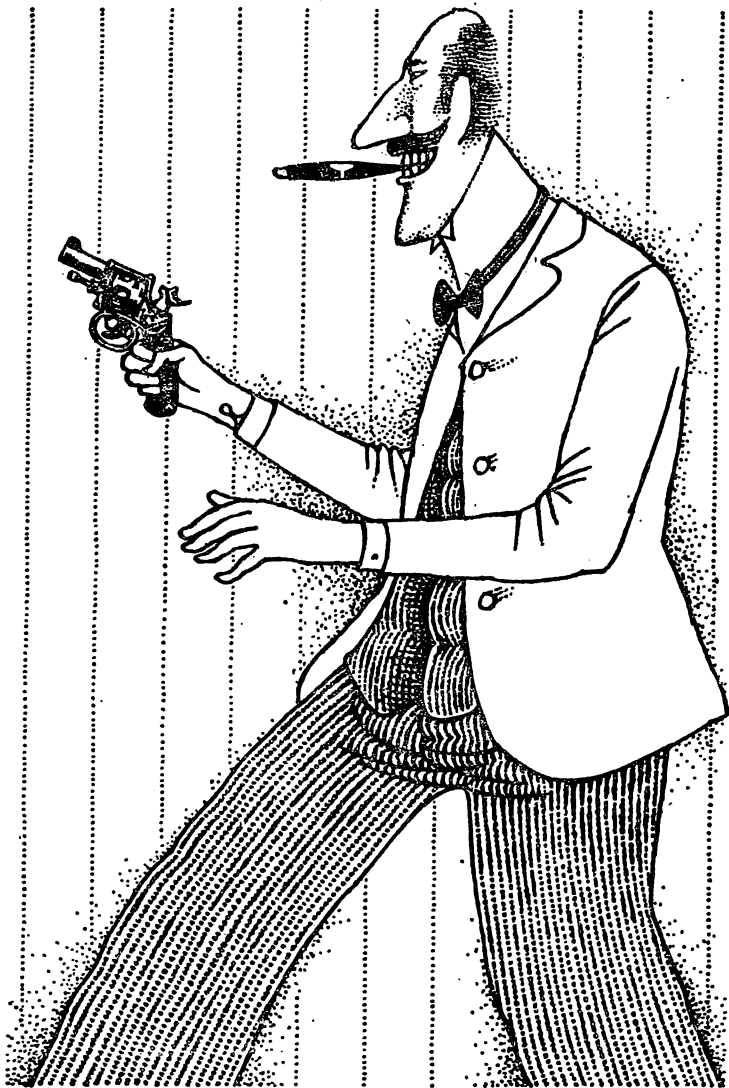
— Нет, мне надо в редакцию, с журналистом потолковать, — спокойно сказал Матиуш, но внутри у него всё кипело.

— Я не пойду с тобой. Меня могут узнать.

— Я скоро вернусь, — пообещал Матиуш и быстро направился в сторону редакции.

Печальный король посмотрел ему вслед и печально покачал головой.

Завернув за угол, Матиуш припустился бе-

гом. Руки сами сжимались в кулаки. Как-никак он был потомком Генриха Свирепого!

— Погоди у меня, мерзавец, обманщик, мошенник! Ты мне за всё ответишь!

Он ворвался в кабинет. И видит: у письменного стола развалился в кресле журналист, а на диване лежит Фелек и покуривает сигару.

— Ага, и ты здесь, голубчик! — крикнул Матиуш, не владея собой. — Тем лучше, с обоими сразу поговорю. Что вы натворили?!

— Присядьте, пожалуйста, и успокойтесь, ваше величество, — проговорил журналист вкрадчивым, тихим голосом.

Матиуш вздрогнул. Ясно: он — шпион! У Матиуша давно уже зародилось подозрение. Теперь он в этом не сомневался.

— Получай по заслугам, шпион! — крикнул Матиуш, целясь в него из пистолета, с которым не расставался с войны.

Журналист ловким движением схватил Матиуша за руку. И пуля ударила в потолок.

— Оружие — не игрушка! — Журналист зловеще осклабился и изо всех сил стиснул руку Матиуша. Пальцы сами разжались.

Журналист поднял выпавший пистолет, швырнул в ящик стола и щёлкнул ключом.

А теперь поговорим спокойно по душам. Что вы имеете против меня, ваше величество? Разве я не выгораживал вас всячески в своей газете, не успокаивал население, не объяснял причины временных затруднений? А Клу-Клу кто расхваливал? Итак, вместо благодарности вы обзываете меня шпионом и хотите застрелить?

— А дурацкий закон о школах — это чья выдумка?

— При чём же тут я? Так большинством голосов постановили дети.

— А о взорванных крепостях почему вы умолчали?

— Это дело военного министра, а не моё. И потом, народу не полагается знать о таких вещах. Это военная тайна.

— Ну, а насчёт лесного пожара почему вы выпытывали у меня?

— Журналист должен быть в курсе всех событий и отбирать для своей газеты самый важный и интересный материал. Вот вы ежедневно читаете мою газету и не можете пожаловаться, что она неинтересная, правда?

— Слишком даже интересная.— Матиуш горько усмехнулся.

— Надеюсь, теперь ваше величество не назовёт меня шпионом? — нагло глядя Матиушу в глаза, спросил журналист.

— Зато я назову! — крикнул Фелек, вскочив с дивана.

Журналист побледнел как мертвец, бросил на Фелека испепеляющий взгляд и, прежде чем мальчишки успели опомниться, очутился в раскрытых дверях.

— До скоро свидания, сопляки! — крикнул он и сбежал вниз по лестнице.

Перед домом, откуда ни возьмись, появился автомобиль. Журналист сказал что-то шофёру, и машина рванулась с места.

— Держи его! Лови! — высунувшись из окна, орал Фелек.

Но было поздно. Автомобиль исчез за поворотом. Да и кто мог его догнать? Уж не зеваки ли, которые собрались под окном, привлечённые шумом?

Матиуш был потрясён, Фелек с плачем кинулся ему на шею.

— Король, вели меня казнить, это я во всём

виноват! Дурак, что я натворил! — восклицал он сквозь слёзы.

— погоди, Фелек, потом поговорим. Сделанного не воротишь. Сейчас главное — спокойствие и рассудительность. Надо думать не о том, что было, а о том, что впереди.

Фелеку не терпелось обо всём рассказать, но Матиуш не хотел терять ни минуты.

— Как быть? Телефоны не работают. Слушай, Фелек, ты знаешь, где живут министры?

— А как же! На разных улицах. Но это не беда. Ноги у меня что надо! Недаром я два года газеты продавал. Хочешь вызвать их во дворец?

— Да, и немедленно.— Матиуш посмотрел на часы: — Сколько тебе на это надо времени?

— Полчаса.

— Хорошо. Через два часа жду их в тронном зале. Если кто-нибудь вздумает отговориться болезнью, напомни, что в моих жилах течёт кровь Генриха Свирепого.

— Придут как миленькие! — крикнул Фелек.

Он разулся, скинул шикарный сюртук с орденом, схватил со стола бутылку с типографской краской и, вымазав ею штаны, лицо и руки, босиком помчался по улицам созывать министров на экстренное заседание. А Матиуш побежал в другую сторону — во дворец. Ему хотелось перед государственным советом переговорить с Печальным королём.

— Где тот господин, с которым мы утром беседовали? — с трудом переводя дух, спросил Матиуш у открывшей ему дверь Клу-Клу.

— Ушёл и оставил на письменном столе записку.

Матиуш ворвался в кабинет и, схватив письмо, прочёл:

Дорогой Матиуш!

Случилось то, чего я больше всего опасался. Я вынужден тебя покинуть. Дорогой мальчик, зная твою отвагу, не решаюсь предложить тебе поехать со мной. Но на всякий случай сообщая, что я еду по северной дороге. Если захочешь, можешь догнать меня верхом часа за два. Я ~~буду~~ останавлиюсь на постоялом дворе и немного подожду. Может, всё-таки решишься? Помни: я твой друг. Ни при каких обстоятельствах не забывай об этом. Я буду всячески стараться помочь тебе. Об одном заклинаю тебя: это величайшая тайна. Об этом никто не должен знать. Письмо непременно сожги. Сожги немедленно! Мне очень жалко тебя, бедный сирота, и хочется хоть немного облегчить твою участь. Может, всё-таки поедешь со мной? Не забудь сжечь письмо.

Матиуш зажёл свечу и поднёс к ней бумагу. Она стала тлеть, потом вспыхнув ярким пламенем, свернулась в чёрную трубку. Сгорела. Огонь обжёг Матиушу пальцы, но он даже не поморщился.

«Душе моей больней, чем пальцам», — подумал он.

Над письменным столом висели портреты его родителей.

«Бедный сирота», — посмотрев на портреты, вспомнил Матиуш слова из письма и вздохнул.

Вздохнул, но не заплакал — сдержался. Не пристало королю сидеть на троне с заплаканными глазами.

В кабинет бесшумной тенью проскользнула Клу-Клу и остановилась возле двери. И хотя Матиушу было сейчас не до неё, он ласково спросил:

— Ты что, Клу-Клу?

— Белый король скрывает от Клу-Клу своё горе. Белый король не хочет посвятить Клу-Клу в свои тайны. Но Клу-Клу догадалась обо всём сама. Она не покинет в беде белого короля.

Клу-Клу говорила это торжественно, подняв кверху обе руки, точно принося клятву. Так же клялся Матиушу в верности её отец Бум-Друм.

— Что же ты, Клу-Клу, знаешь? — спросил растроганный Матиуш.

— Белые короли позавидовали богатству Матиуша. Они хотят победить его и убить. Печальный король жалеет Матиуша, но он слабый и сам боится могущественных соседей.

— Тише, Клу-Клу! Молчи!

— Клу-Клу будет молчать как могила. Клу-Клу узнала Печального короля. Скорей выдаст тебя этот пепел, чем Клу-Клу.

— Замолчи, Клу-Клу! Ни слова! — воскликнул Матиуш и, смахнув на пол пепел, растоптал его.

— Клу-Клу клянётся: она не скажет больше ни слова.

Пора было кончать разговор. Из школы вернулись лакеи и всей оравой ввалились в кабинет.

— Что за шум? — прикрикнул на них Матиуш. — С каких это пор королевские лакеи

осмеливаются вламываться в королевский кабинет с таким криком? Вы что, в школе не накричались?

— Простите их, ваше величество, — вступился за лакеев церемониймейстер и покраснел так, что у него даже кончики ушей стали пунцовыми. — Бедняги с малолетства не знали, что такое детские игры и шалости. Едва они подросли, как стали служить посыльными и поварами, а потом — лакеями. И вечно от них требовали безропотного повиновения и тишины. А сейчас они словно с цепи сорвались...

— Ну хорошо, хорошо! Приготовьте тронный зал, через полчаса заседание.

— Ой, у меня на завтра уроки! — пожаловался один.

— А мне карту надо рисовать.

— А мне шесть примеров задали и целую страницу...

— Завтра не пойдёте в школу! — грозно перебил их Матиуш.

Лакеи вежливо поклонились и, как в прежние времена, бесшумно направились к двери. Но в дверях опять чуть не вспыхнула драка: один толкнул другого, и тот ударился головой о притолоку.

Примчался Фелек: чумазый, потный, в рваных брюках.

— Всё в порядке. Обещали быть, — доложил он и стал рассказывать о себе. — В газетах писали правду: я воровал деньги и брал взятки. Когда ты вместо себя посылал меня на аудиенции, я выдавал ребятам не все подарки. То, что мне нравилось, оставлял себе. За взятки я давал подарки получше и подороже. А мои приятели, в том числе и Антек, являлись каждый день и брали что хотели. Да, всё это я делал, не отпираюсь, но шпионом не был. Я дей-

ствовал по указке журналиста. Это он велел, чтобы меня величали бароном. Он подбил меня потребовать орден. Прикидывался моим другом. А в один прекрасный день приказал подделать твою подпись под документом, в котором говорилось, будто ты даёшь отставку всем министрам, взрослых лишаешь всех прав и передаёшь бразды правления детям. Я не согласился. Тогда журналист надел шляпу и сказал: «Хорошо, я немедленно иду к королю и доложу ему, что ты воруешь деньги и берёшь взятки». И я струсил: «Откуда ему всё известно? — ломал я себе голову. — Наверно, такая у них профессия». Оказалось, он — шпион. Но это ещё не всё: он подделал одну бумагу — воззвание к детям всего мира.

Матиуш, заложив руки за спину, шагал по кабинету.

— Да, натворил ты дел! Но я тебя прощаю.

— Прощаешь? Правда? Тогда я знаю, что делать.

— Ну?

— Расскажу всё отцу, а он меня так отлупит, что век не забуду!

— Не надо, Фелек. Можешь искупить свою вину иначе. Время сейчас тревожное, и мне нужны верные люди. Ты мнегодишься.

— Их сиятельство господин военный министр! — доложил гофмейстер.

Матиуш надел корону — ох, до чего же она тяжела — и вошёл в тронный зал.

— Господин министр, выкладывайте всё начистоту! Только коротко, без лишних слов. Мне многое известно.

— Имею честь доложить вашему величеству: в настоящий момент мы располагаем тремя крепостями из пяти, четырьмястами пушками из тысячи и двумястами тысячами пригодными к

употреблению винтовками. Патронов хватит на десять дней войны. Раньше был трёхмесячный запас.

— А сапоги, ранцы, сухари?

— Склады целы, съеден только мармелад.

— Ваши сведения точны?

— Абсолютно.

— Как вы считаете, скоро начнётся война?

— Я политикой не занимаюсь.

— Можно ли починить винтовки и пушки?

— Часть можно, если плавильные печи на заводах в порядке, но часть испорчена вконец.

Матиуш вспомнил фабрику и поник головой. Корона показалась ему ещё тяжелее.

— Господин министр, каково настроение в армии?

— Солдаты и офицеры оскорблены. Особенно им обидно ходить в одну школу со штатскими. Когда я получил отставку...

— Ваша отставка недействительна. Мою подпись подделали, а я ничего об этом не знал.

— Когда я получил отставку,— продолжал военный министр, насупив брови,— ко мне явилась делегация с требованием открыть школу для военных. А я на них как рявкну: «Марш в школу, коли приказано! В огонь, в ад ступайте, коли приказано!»

— Ну, а если попробовать по-старому? Простят они меня?

— Так точно, ваше королевское величество! — гаркнул военный министр и выхватил саблю из ножен.— Начиная с меня и кончая последним солдатом, все, как один человек, во главе с королём-героем ринемся в бой за родину, за нашу солдатскую честь!

— Хорошо, очень хорошо!

«Значит, не всё ещё потеряно»,— подумал Матиуш.

Министры опоздали и запыхались — отвыкли ходить пешком. Гофмейстер каждый раз докладывал: такой-то министр приехал, хотя тот на своих двоих притопал. Автомобили поломались, а шофёры корпели над уроками.

В своей речи Матиуш сказал: во всём виноват журналист-шпион, и теперь надо найти выход из положения.

Решили в экстренном выпуске газеты напечатать воззвание ко всем гражданам. В воззвании говорилось: с завтрашнего дня возобновляются нормальные занятия в школах. Кто узнает об этом поздно, пусть всё равно приходит на урок. Взрослые досидят до перемены и отправятся на работу. Безработным ещё месяц будут выплачивать школьное пособие, а потом, кто хочет, может поехать в страну Бум-Друма строить дома, школы и больницы. Оба парламента временно распускаются. Сначала откроется парламент взрослых. Он решит, как поступить с ребятами, которым исполнилось пятнадцать лет. Когда специальная комиссия выработает правила, откроется детский парламент. Дети могут принимать любые решения, но взрослый парламент имеет право одобрить их или отклонить. Детям запрещается командовать взрослыми. Депутатами могут быть только ребята, которые хорошо себя ведут и хорошо учатся.

Воззвание подписали Матиуш и все министры.

Во втором воззвании к солдатам Матиуш писал:

Две наши важнейшие крепости взорваны диверсантами. Так пусть же геройская грудь каждого солдата станет неприступной крепостью, если враг осмелится напасть на землю наших отцов.

Это воззвание подписали Матиуш и военный министр.

Министр торговли обратился с просьбой к ремесленникам поскорей починить и отремонтировать магазины.

Министр просвещения пообещал детям поскорее открыть парламент, если они будут хорошо себя вести и хорошо учиться.

А обер-полицмейстер поручился, что завтра с утра полицейские будут на своих местах.

— Пока это всё, что можно сделать,— заявил канцлер.— Когда исправят телеграф и почту, мы узнаем, что произошло за это время в стране и за её пределами.

— А что могло произойти? — встревожился Матиуш. Недаром ему показалось, что всё уладилось как-то слишком легко и просто. Может, Печальный король преувеличил опасность?

— Неизвестно. Ничего не известно...

Следующий день прошёл благополучно. На первом уроке учителя прочли вслух газету своим великовозрастным ученикам, и те отправились по домам. Чтобы вернуть детям книги и тетради, понадобилось, конечно, время. Но к двенадцати часам дня жизнь вошла в обычную колею, и все были этому рады: и родители, и дети, и учителя.

Учителя, разумеется, не признались ребятам, как им было трудно со взрослыми и как хорошо, что дети вернулись в школу. Среди учеников моложе тридцати лет нашлось немало лоботрясов, которые на уроках хихикали, шумели и мешали слушать другим. А кто постарше, жаловались, что неудобно сидеть, что голова болит от духоты и чернила слишком жидкие. Старички и старушки мирно посапывали на задних партах. И сколько учительница ни сердилась, ни кричала, с них как с гуся вода,

потому что многие оказались глухими. Молодые проделывали со стариками разные шутки, а старики жаловались, что им покоя не дают. Словом, учителя привыкли иметь дело с детьми и предпочитали, чтобы всё было по-старому.

В конторах радовались, что можно свалить вину на детей, когда не находили какую-нибудь важную бумагу. Чиновники тоже ведь бывают разные: у одного все бумажки в порядке, а у другого — нет.

На фабриках дело обстояло хуже, но положение спасли безработные. Они с жаром взялись за дело.

Было в тот день несколько мелких происшествий, но хорошо отдохнувшая полиция моментально их ликвидировала. Награбив и наевшись до отвала, воры вели себя тихо и смиренно, боясь, как бы не выплыли наружу их тёмные делишки. А ненастоящие воры даже вернули краденое.

Когда королевский автомобиль проехал под вечер по улицам, город было не узнать.

Матиуш с нетерпением ждал известий.

Клу-Клу тем временем снова взялась учить негритянских детей. Матиуш посидел на уроке и поразился, как быстро они всё запоминают. Но Клу-Клу объяснила ему, что вожаки — самые прилежные и способные ученики. С остальными много трудней. Бедная Клу-Клу не подозревала, как быстро и печально кончатся её занятия.

На сей раз первым во дворец приехал канцлер. Это только вчера дал он себя опередить привычному к походам военному министру.

Канцлер нёс под мышкой пачку бумаг, и вид у него был встревоженный.

— Ну, как дела, господин канцлер?

— Плохо. — Канцлер притворно вздохнул. —

Этого следовало ожидать. Но может, оно и к лучшему.

— Что случилось? Не тяните, говорите скорей!

— Война!

Матиуш вздрогнул.

Тут собрались все министры, и выяснилось вот что.

Старый король отрёкся от престола в пользу сына, а тот немедленно объявил Матиушу войну и двинул войска по направлению к его столице.

— Значит, он перешёл границу?

— Два дня назад. И уже продвинулся на сорок вёрст в глубь нашей территории.

Затем началось чтение телеграмм, писем, посланий. Тянулось это очень долго. Прикрыв от усталости глаза, Матиуш молча слушал.

«Может, оно даже к лучшему».

— Неизвестно, куда движется неприятель, но вероятней всего в направлении взорванных крепостей, — сказал военный министр. — Пойдут форсированным маршем — через пять дней окажутся у ворот столицы. Не будут спешить — через десять.

— Как?! Мы не дадим отпора врагу? — с негодованием вскричал Матиуш.

— Это бессмысленно, ваше величество. Население должно защищаться само. Несколько небольших отрядов можно снарядить, но это значит обречь их на верную гибель. Моё мнение таково: неприятеля не останавливать и дать генеральное сражение у стен столицы. И тогда либо мы победим, либо...

— А два других короля нам не помогут? — перебил его министр иностранных дел.

— Сейчас уже поздно об этом говорить, — сказал военный министр. — Впрочем, это не моё дело.

Министр иностранных дел долго и нудно докладывал, что надо сделать, чтобы привлечь на свою сторону двух других королей.

На Печального короля, конечно, можно рассчитывать. Только вот беда: воевать он не любит и солдат у него маловато. В прошлой войне он в боях не участвовал: его армия находилась в резерве. Он поступит так, как второй король. Загвоздка вот в чём: что имеет против Матиуша второй король? Кажется, Матиуш во всём пошёл ему навстречу...

Тут слова попросил канцлер.

— Господа, вы можете со мной не согласиться, но, пожалуйста, не сердитесь. Вот мой совет: надо немедленно послать неприятелю ноту и со всей прямоотой и откровенностью заявить, что мы не хотим войны и готовы идти на уступки. По-моему, он просто хочет содрать с нас контрибуцию. Сейчас я поясню свою мысль. Ведь не случайно он отдал задаром порт и по дешёвке продал десять кораблей. Он сделал это, чтобы Бум-Друм прислал нам побольше золота. Денег у нас много, и нам ничего не стоит отдать ему половину.

Матиуш сидел, стиснув кулаки, и молчал.

— Господин канцлер,— сказал главный казначей,— мне кажется, он на это не согласится. Зачем ему половина золота, когда он может получить всё! Зачем ему прекращать войну, если он рассчитывает победить! Последнее слово за вами, господин военный министр!

В ожидании ответа Матиуш с такой силой сжал кулаки, что ногти впились в ладони.

— Нота, конечно, не помешает. На ноту они нам ответят, потом мы им ответим. Кажется, так принято в дипломатии, хотя я в этом не силен. А нам сейчас дорог каждый день, каждый

час. За это время мы успеем починить сто, на худой конец — пятьдесят пушек и несколько тысяч винтовок.

А если он согласится на половину золота, прекратит войну? — спросил Матиуш чужим, до странности спокойным, глухим голосом.

Стало тихо. Все взоры обратились на военного министра. Тот побледнел, покраснел, потом опять побледнел и пролепетал:

— Тем лучше. — И после небольшой паузы прибавил: — Сами мы войну все равно не выиграем. А помощи ждать неоткуда.

Матиуш закрыл глаза и просидел так до конца заседания. Министры подумали, что он заснул. Но Матиуш не спал, и всякий раз, когда, обсуждая ноту, произносили: «Нижайше просим неприятельского короля...», у него вздрагивали губы.

Когда нота была готова, его попросили подписать её.

— Нельзя ли вместо «нижайше просим» написать «желали бы»? — спросил он.

Ноту переписали, заменив слова «нижайше просим» на «желали бы». Получилось так:

«Мы желали бы прекратить войну».

«Мы желали бы урегулировать конфликт мирным путём».

«Мы желали бы выплатить противной стороне военные расходы в размере половины имеющегося у нас золота».

Когда Матиуш подписал ноту, было два часа ночи.

Не раздеваясь, бросился Матиуш на кровать, но сон не приходил. Начало светать, а Матиуш всё не спал.

— Победить или умереть! — шёпотом повторял он.

Сын Старого короля повёл войска в направлении взорванных крепостей, как и предполагал военный министр. Но войска продвигались вперёд очень медленно. Тут военный министр оказался неправ.

Молодой король соблюдал величайшую осторожность. Продвигаясь вперёд черепашьим шагом, он, где надо и не надо, приказывал рыть окопы, рвы, траншеи. Дело в том, что он воевал впервые и очень боялся окружения или какой-нибудь хитрости со стороны врага. Он помнил, как в прошлой войне его отец заманил Матиуша в глубь своей страны, зашёл с тыла и окружил. Молодой король осторожничал потому, что боялся проиграть войну. Боялся, как бы не сказали: «Старый король лучше молодого. Пусть правит страной отец, а не сын». Поэтому он из кожи вон лез, чтобы показать, кто лучше.

«Тихе едешь — дальше будешь», — рассуждал он сам с собой. К чему спешить? Да и где Матиушу воевать, когда у него солдаты за партами сидят, а мальчишки перепортили все пушки? И журналист-шпион тоже не дремлет там, в столице. Путаница и беспорядок — его рук дело. А тут ещё благодаря детям или шпионам вышли из строя телеграф и железные дороги. Матиуш теперь не скоро узнает о войне, а узнав, не успеет снарядить и выслать навстречу войско».

Так рассуждал сын Старого короля и не спешил. «Пусть солдаты поберегут силы для генерального сражения у стен столицы», — думал он. Что одной битвы не избежать — это он понимал.

Идут-идут войска по неприятельской земле и не встречают никакого сопротивления. Мирные жители, брошенные на произвол судьбы,

рассердились на Матиуша и не захотели воевать. Наоборот, многие радовались и приветствовали врага как избавителя.

— Ну-ка, ребята, марш в школу. Кончилось правление короля-мальчишки!

Однажды передовые посты заметили: кто-то идёт навстречу и размахивает белым флагом. Ага, значит, Матиуш уже узнал о войне.

Молодой король прочёл послание и злорадно захохотал:

— Ишь какой добрый, половину золота предлагает! Ха-ха-ха!

— Что передать моему государю? Если половины золота мало, прибавим ещё. Прошу дать ответ.

— Скажи своему Матиушу, что с детьми переговоров не ведут — их розгами секут. И больше мне писем не носи, а то и тебе всыплем. Ну, брысь отсюда, да поживей!

С этими словами Молодой король бросил на землю письмо Матиуша и давай его топтать.

— Ваше величество, по правилам, принятым во всём мире, на королевские письма полагается отвечать, — осмелился заметить посол.

— Ладно, так и быть, отвечу! — высокомерно согласился Молодой король и на обороте смятого, испачканного землёй письма написал два слова:

Души дураков!

Тем временем по столице разнеслась весть о войне и ноте Матиуша. Столица с нетерпением ждала ответа. А тут приходит такой ответ.

Возмущение было всеобщим.

— Ах ты зазнайка! Наглец! Погоди, мы тебе покажем!

Столица стала готовиться к обороне. Все, как один человек, стали на сторону Матиуша. Никто не вспоминал про старые обиды и распри, зато о заслугах Матиуша вспомнили все. И теперь не одна, а все газеты писали о Матиуше-реформаторе и Матиуше-герое.

Фабрики работали день и ночь. Военные учения проходили прямо на улицах и площадях. У всех на устах были слова Матиуша: «Победить или умереть!»

Каждый день новые вести и сплетни будоражили столицу:

— Враг приближается к городу.

— Печальный король обещал Матиушу помощь.

— Бум-Друм на выручку идёт.

Между тем враг действительно приближался к столице.

И вот настал день сражения.

В городе слышалась пальба. Вечером с крыш домов виднелись орудийные вспышки.

На другой день выстрелы стали доноситься глуше. «Значит, Матиуш победил и преследует неприятеля», — говорили горожане.

На третий день стало совсем тихо. «Видно, враг уже далеко», — радовались все.

Но вот с поля боя пришло донесение: враг отступил на пять километров и засел в окопах.

Матиуш одержал бы победу, будь у него побольше пушек и пороха. Он непременно выиграл бы сражение, но, увы, приходилось экономить порох.

Едва неприятельские войска заняли новые позиции, откуда ни возьмись, явился журналист-шпион.

— Ты что, такой-сякой, врал, будто у Матиуша нет ни пороха, ни пушек! — в бешенстве накинулся на него Молодой король. — Если бы не моя осторожность, мы бы проиграли войну.

Оправившись от страха, шпион рассказал, как Матиуш разоблачил его, как стрелял в него из пистолета, как ему удалось бежать и он целую неделю скрывался в подвале. Несомненно, их кто-то выдал. Иначе почему Матиушу вдруг взбрело в голову отправиться в город? И о Фелеке рассказал. Словом, выложил все.

— Дела у Матиуша плохи: пушек и пороха у него мало. Но обороняться легче, чем наступать. И потом, у него город под боком, а нам всё приходится возить издалека. Одни мы его не одолеем — это ясно. Нам поможет король-хитрец, — высказал свои соображения шпион.

— Это ещё бабушка надвое сказала. Он меня не любит. И потом, если он придёт на подмогу, придётся делиться с ним добычей.

«Может, благоразумней взять половину золота и прекратить войну?» Сомнения одолевали Молодого короля.

Но отступить было уже поздно. Шпион срочно выехал в столицу короля-хитреца и стал уговаривать его напасть на Матиуша. А тот — ни в какую.

— Матиуш ничего плохого мне не сделал, — твердил он.

А шпион пристал как банный лист.

Это, мол, в ваших интересах, потому что Матиуш всё равно войну проиграет. Молодой король под стенами его столицы. Если он без посторонней помощи туда дошёл, что ему стоит справиться с Матиушем. Но тогда ему достанется всё золото. А Молодой король, как человек благородный, хочет поделиться добычей со своими друзьями.

— Ладно,— сказал под конец король-хитрец,— посоветуюсь с Печальным королём. Мы или выступим вместе против Матиуша, или не выступим вообще.

— Через сколько дней ждать ответа?

— Через три дня.

— Хорошо...

Король-хитрец, как и обещал, написал письмо Печальному королю и получил ответ: «Печальный король тяжело болен и не может ответить».

В это время приходит письмо от Матиуша с просьбой о помощи.

Посудите сами, разве честные люди так поступают? — писал Матиуш.— Притвориться другом, подарить порт, продать корабли, а потом ни с того ни с сего взорвать две крепости и, воспользовавшись тем, что дети испортили телефон и телеграф, перейти границу. А когда я спросил, чего ему надо и, может, он понарошку подарил мне порт,— тогда я готов отдать половину золота,— он наговорил моему послу грубостей и написал: «Ищи дураков!» Разве так делают?

Письмо примерно такого же содержания, только более дружеское и тёплое, Матиуш направил и Печальному королю.

Болезнь Печального короля оказалась выдумкой. Отправляясь в величайшей тайне к Матиушу, он велел лейб-медику говорить, что он заболел. Тогда никто, кроме врача, не будет входить к нему в опочивальню и его исчезновение не обнаружится.

Врач каждое утро входил в пустую спальню якобы для осмотра больного, лекарства выливал в окошко, а еду съедал сам.

Вернувшись от Матиуша, Печальный король в самом деле слёг в постель. И вид у него был такой измученный, что ни у кого не возникло сомнений: король перенёс тяжёлую болезнь. Путешествовать по стране, охваченной войной — удовольствие ниже среднего, особенно если ещё надо скрываться.

На другой день он прочёл оба письма и схватился за голову.

— Приготовить королевский поезд. Я еду к королю-хитрецу, — распорядился он.

Печальный король надеялся склонить его на сторону Матиуша, но не подозревал, какую коварную штуку придумал ловкий шпион.

«Ах так! Значит, Матиуш тебе ничего плохого не сделал! — Шпион был вне себя от злости. — В моём распоряжении три дня. Любой ценой надо восстановить его против Матиуша. Посмотрим, как он тогда запоёт!»

У шпиона в кармане лежала важная бумага за двумя подписями: подлинной — министра Фелека и поддельной — Матиуша. Это было то самое воззвание к детям всего мира, о котором говорил Фелек.

Дети! Я, король Матиуш Первый, обращаюсь к вам с просьбой: помогите мне провести реформы. Моя цель добиться того, чтобы дети не слушались взрослых и делали что хотели. Вечно мы слышим: нельзя, нехорошо, невежливо. Пора с этим покончить! Почему взрослым можно все, а нам — ничего? На нас сердятся, кричат, одёргивают. Даже бьют. А я хочу сделать так, чтобы у детей были одинаковые права со взрослыми.

В моём государстве дети пользуются уже неограниченной свободой. В стране королевы Кампанеллы дети подняли бунт.

Восстаньте и добивайтесь свободы! Долой взрослых королей! Провозгласите меня королём всех детей мира — белых, жёлтых и чёрных! Я предоставляю вам полную свободу. Дети, объединяйтесь для борьбы против тиранов-взрослых! Да здравствует новый справедливый строй!

Король Матиуш
Барон Фон Раух, министр.

Шпион помчался в типографию, попросил срочно отпечатать манифест и разбросал листовки по городу. Несколько штук он нарочно измазал грязью, потом высушил, скомкал и спрятал в карман.

И в то самое время, когда два короля советовались, как быть, уже склоняясь к тому, чтобы помочь Матиушу, в комнату небрежной походкой вошёл шпион.

— Вот смотрите, что вытворяет Матиуш, — сказал он, протягивая королям грязные листовки. — Вздумал чужих ребят баламутить! Королём всех детей захотел стать! Эти бумажки я подобрал на мостовой. Они, правда, немного запачкались, но разобрать, что там написано, всё-таки можно.

Короли прочли манифест и очень огорчились.

— Раз так, придётся объявить ему войну. Он бунтует наших ребят, а это уже вмешательство во внутренние дела чужого государства. С его стороны это очень нехорошо.

У Печального короля на глаза навернулись слёзы:

— Что он натворил! Зачем он так написал? Но делать было нечего.

«Может, для Матиуша будет лучше, если я тоже объявлю ему войну? — сам с собой рас-

суждал Печальный король. — Они всё равно его победят и, кроме меня, за него никто не заступится».

Узнав, что они объявили ему войну, Матиуш сначала не поверил.

«Значит, Печальный король меня тоже предал. Ну что ж, в прошлой войне я показал им, как побеждают, а в этой покажу, как умирают с честью».

Жители столицы от мала до велика вышли с лопатами на улицы. Копали траншеи, насыпали оборонительные валы. Кроме того, создали три линии укреплений: первую — в двадцати километрах от города, вторую — в пятнадцати, третью — в десяти.

Решили сдавать рубеж за рубежом, постепенно.

Когда стало известно, что войска союзников выступили в поход и находятся уже совсем близко, Молодой король решил сам дать бой. Ему очень хотелось вступить в город первым. Он рассчитывал на легкую победу. Первую линию укреплений и в самом деле заняли без особого труда. Но вторая оказалась неприступной: и валы выше, и рвы шире, и густая сеть колючей проволоки преграждала путь.

И вот тут-то подоспели войска союзников, и все три армии двинулись на Матиуша.

Битва длилась целый день. Противник понёс большие потери, а Матиуш держался стойко.

— Может заключить всё-таки мир? — робко предложил Печальный король, но два остальных с яростью накинулись на него:

— Надо проучить этого зазнайку!

И снова с раннего утра закипел бой.

— Ого, сегодня они что-то не так стреляют, — радовались враги.

В тот день солдаты Матиуша стреляли дей-

ствительно реже, так как получили приказ экономить порох и пули.

— Как быть? — тревожно вопрошал Матиуш.

— Я думаю, — сказал канцлер, — надо ещё раз попытаться заключить с ними мир. Без пороха и пуль не повоюешь.

Собрался военный совет. На нём присутствовала Клу-Клу: она командовала отрядом негритянских детей. Но её отряд пока не принимал участия в боях, потому что не было оружия. Ведь негритята умеют стрелять только из луков. Сначала не нашлось подходящего дерева, а когда нашлось, понадобилось время, чтобы сделать луки и стрелы. Теперь отряд был готов к бою.

— Я предлагаю, — сказала Клу-Клу, — ночью отступить за третью линию укреплений, а в неприятельский лагерь подослать кого-нибудь с вестью, будто Бум-Друм прислал своё войско и диких зверей. На рассвете мы выпустим из клеток львов и тигров и начнём стрелять из луков. Напугаем их хорошенько и спросим, хотят они мириться или нет.

— А не будет ли это нечестно с нашей стороны? — спросил Матиуш с беспокойством.

— Нет, это называется военным манёвром, — заверил его министр юстиции.

Все согласились с предложением Клу-Клу.

Фелек переоделся неприятельским солдатом, подполз на животе к неприятельскому лагерю и в разговоре как бы невзначай упомянул про диких львов и негров-великанов.

Солдаты посмеялись над ним и, конечно, не поверили.

— Вот дурачок, наверно, тебе это во сне приснилось.

И стали передавать друг другу слова Фелека,

как забавную шутку. Идёт Фелек по лагерю, его останавливают солдаты и спрашивают:

— Эй, приятель, слышал новость?

— Какую ещё новость? — небрежно спрашивает Фелек.

— Говорят, Бум-Друм с негритяйским войском и дикими львами прибыл на подмогу Матиушу.

— Э, враки! — отмахнулся Фелек.

— Никакие не враки! Слышно уже, как они рычат.

— Ну и пусть рычат, меня это не касается, — сказал Фелек.

— Небось не так запоёшь, когда на тебя лев накинется.

— Что мне лев! Я его в два счёта одолею!

— Ах ты хвастунишка! Со львом тягаться вздумал. Поглядите на него: молоко на губах не обсохло, а туда же, храбреца из себя строит!

Идёт Фелек дальше и слышит: солдаты друг другу рассказывают, будто Бум-Друм целый корабль ядовитых змей прислал. Слухи, один невероятнее другого, ширились, обрастали подробностями, а Фелек посмеивался и говорил: «Враки!» Солдаты кричали, чтобы он сейчас же замолчал: «Не то беду на всех накличешь своим дурацким смехом!»

Как легко попались солдаты на удочку!

И не удивительно. Несколько дней непрерывных боёв вконец измотали их. А им сулили лёгкую победу. У Матиуша, говорили, пороха нет, и он сразу сдастся в плен. Обманутые солдаты стали нервничать, а тут ещё бессонные ночи, тоска по дому. Вот они и готовы были любой небылице поверить.

«Сколько раз мне в жизни везло, может, и на этот раз повезёт», — подумал Матиуш, выслушав донесение Фелека.

Ночью солдаты бесшумно вылезли из окопов и заняли ближайшую к городу линию укреплений. Из зверинца привезли клетки с тиграми и львами. Половина негрят осталась возле клеток. ^{ХИУГ}Остальные по десять человек разошлись по всем частям, чтобы создалось впечатление, будто их очень много.

План операции был вот какой.

Утром враги откроют огонь по окопам и, не услышав ответных выстрелов, пойдут в атаку. Ворвутся в окопы, а там — ни души. Они обрадуются, закричат «ура». Ещё бы не радоваться: город виден как на ладони — значит, будет богатая добыча, еда, питьё. И вот тогда негрятя ударят в барабаны, устрашающе завопят и откроют клетки с дикими зверями. А чтобы звери бежали на вражеские позиции, вдогонку им пустят стрелы. В неприятельских окопах начнётся паника, суматоха, переполох. Матиуш выступит во главе конницы, а за ним — пехота.

Битва предстоит страшная. Но надо раз и навсегда проучить этих наглецов.

Успех как будто обеспечен. Главное — захватить их врасплох.

И ещё. По распоряжению Матиуша в окопах оставили бочки с пивом, водку, вино. А возле клеток нагромодили вороха соломы, бумаги и хвороста, чтобы поджечь, когда откроют клетки. Это ещё больше разъярит зверей, и потом, была опасность, как бы звери не кинулись на своих.

Кто-то даже посоветовал выпустить змей.

— Со змеями лучше не связываться, — авторитетно заявила Клу-Клу. — Они очень своенравны. А насчёт львов будьте спокойны.

Однако у противника тоже был свой план.

— Завтра мы во что бы то ни стало должны вступить в город,— заявил на военном совете Молодой король.— Иначе нам несдобровать. Мы находимся вдали от своих стран, и приходится оружие и продовольствие возить по железной дороге. А Матиуш у себя дома, у него всё под боком. В этом отношении ему сражаться возле города хорошо. Но с другой стороны, плохо, потому что население легко поддаётся панике. И вот, чтобы нагнать на них ещё больше страха, наши аэропланы завтра утром сбросят на город бомбы. И жители заставят Матиуша сдаться. Но надо подумать, как бы свои солдаты не дали тягу. Поэтому мы установим в тылу пулемёты и, если они побегут, откроем по ним огонь.

— Как, стрелять по своим?

— Или мы завтра будем в городе, или нам крышка! — отрезал Молодой король.— Солдат, который покидает поле боя, не свой, а враг.

Солдатам объявили, что завтра — генеральное сражение.

«Нас трое, а Матиуш — один,— говорилось в приказе.— У него нет ни пороха, ни пушек. Население столицы восстало. Голодные, оборванные солдаты отказываются сражаться. Завтра мы займём столицу Матиуша, а его захватим в плен».

Пилотам выдали бензин и бомбы и приказали на рассвете вылетать.

Солдаты очень удивились, увидев позади окопов пулемёты.

— Пулемёты нужны для обороны, а не для атаки,— объяснили им офицеры.

Но солдатам это показалось подозрительным.

Ночью никто не спал: ни в лагере Матиуша, ни в стане врагов.

Кто чистил винтовку, кто писал письма, прощаясь перед боем с родными.

Стояла мёртвая тишина. Только слегка потрескивали костры да громко стучали солдатские сердца. Начало светать.

Землю окутывал предрассветный туман, когда пушки открыли огонь по окопам Матиуша. Пушки бабахают, а в лагере Матиуша раздаётся весёлый смех.

— Ишь палят! Видать, порох у них куры не клюют! — издеваются солдаты.

А Матиуш стоит на пригорке и смотрит в полевой бинокль.

— Пошли в атаку!

Кто бегом, кто ползком. Всё больше солдат вылезают из окопов. Поначалу боязливо, а потом смелей. Одним тишина в окопах Матиуша придаёт смелость, других — пугает.

Вдруг над головой загудело. Это двадцать аэропланов поднялись в воздух и полетели прямо на город. А у Матиуша всего пять аэропланов. Во время хозяйничанья ребят больше всего пострадали аэропланы: мальчишек интересовало, что у них в серёдке и почему они летают.

Начался ожесточённый воздушный бой. Шесть вражеских аэропланов было сбито. У Матиуша все аэропланы вышли из строя.

Сначала сражение разворачивалось, как было предусмотрено на военном совете.

Противник занял первую линию укреплений, и раздались торжествующие вопли:

— Ага, удрали! Нечего было соваться, раз кишка тонка! Драпанули так, что даже водку выпить не успели!

То один, то другой откупорит бутылку и, отхлебнув, говорит:

— Водка что надо! Попробуй-ка!

Пьют, хохочут, орут и не прочь уже здесь заночевать.

— Куда спешить, нам и тут хорошо.

Но Молодой король был непреклонен и упрямо повторял:

— Мы должны сегодня занять город.

Подтянули пушки и пулемёты. Раздалась команда:

— В атаку!

Солдатам неохота идти: в голове шумит, ноги заплетаются. Но приказ есть приказ. «Надо поскорей отделаться», — думают солдаты и, не пригибаясь, идут по открытому месту, потом бегут к последней перед городом линии укреплений.

И тут вдруг загрохотали пушки, застрекотали пулемёты, посыпался град пуль и... засвистели стрелы.

А в довершение всего воздух прорезал нечеловеческий вопль, оглушительно забили барабаны, затрещали трещотки, задудели дудки. Необычайный концерт гремел с нарастающей силой.

На гребнях траншей, как из-под земли, выросли чёрные воины. Росточка вроде небольшого или только издали так кажется? Как будто немного их, но у подвыпивших солдат в глазах двоятся и кажется им: на них надвигается целая рать.

А тут, оглушённые выстрелами, из раскалённых клеток выскочили разъярённые львы и тигры и огромными скачками ринулись на врага. Сто убитых не произвели бы такого впечатления, как один, растерзанный тигром. Смерть от пули на войне — дело обычное, а такого ещё никто не видывал. Словно клыки дикого зверя страшной стальной пули.

Началась кутерьма. Одни, обезумев от стра-

ха, побросали оружие и побежали прямо на колючую проволоку. Другие повернули назад, но их встретили пулемётными очередями. Думая, что они в окружении, солдаты падали на землю или поднимали руки вверх.

Конница, которая должна была поддержать атаку, на полном скаку налетела на собственные пулемёты, топча всех и разгоняя.

Дым коромыслом. Пыль столбом. Неразбериха. Кавардак. Проходит час, второй...

Впоследствии историки, как водится, описывали это сражение каждый по-своему, но все сходились в одном — такой страшной битвы свет не видывал.

— Эх, хоть бы часика на два хватило ещё пороха и пуль! — Военный министр чуть не плакал.

Но пороха и пуль не было.

— Конница, вперёд! — скомандовал Матиуш и вскочил на белого коня.

Расчёт был верный — воспользоваться паникой и гнать, гнать неприятеля подальше от столицы, чтобы он не узнал, не догадался, что не войско Бум-Друма, а жалкая горстка негрят да десятка два диких зверей обеспечили Матиушу победу.

Уже сидя в седле, бросил он последний взгляд на столицу и... обмер.

Нет, не может быть. Это недоразумение. Ему просто померещилось.

Но, увы, это была правда.

На городских башнях развевались белые флаги. Столица сдавалась.

В столицу помчались гонцы с приказом: «Немедленно сорвать эти белые тряпки, а трусов и предателей к стенке!»

Но было уже поздно.

Враги, заметив белые полотнища позора и

неволи, оторопели от неожиданности, но растерянность длилась лишь один миг. В бою страх, надежда, отчаяние, жажда мести быстро сменяют друг друга.

Солдаты, точно протрезвев, протирают глаза. Что это — сон или явь? Пушки Матиуша молчат, львы и тигры, с зияющими ранами, бездыханные, лежат на земле. Белые флаги в голубом небе означают, что город сдаётся.

— Вперёд! — скомандовал Молодой король, быстро смекнув, в чём дело.

— Вперед! — повторили офицеры.

Солдаты стали строиться, поднимать брошенные винтовки.

Матиуш видит, что происходит, но сделать ничего не может.

Белые флаги исчезли. Но что толку? Поздно.

Неприятельские солдаты сомкнутыми рядами идут в атаку, перерезают колючую проволоку.

— Ваше величество... — дрожащим голосом произнёс старый генерал.

Матиуш знал, что он хочет сказать. Белый как полотно, он соскочил с коня и, отчекая вая каждое слово, громко прокричал:

— Кто хочет погибнуть с честью — за мной!

Охотников нашлось не много: Фелек, Антек, Клу-Клу да десятка два солдат.

— Куда пойдём, ваше величество?

— В пустое здание, где стояли клетки со львами. Оно очень прочное. Там будем защаться, как львы.

Всем там не поместиться...

— Тем лучше, — прошептал Матиуш.

Поблизости стояло пять автомобилей. Матиуш и его сторонники сели в них, захватив подвернувшееся под руку оружие и патроны.

Когда автомобили тронулись, Матиуш обер-

нулся и увидел: над лагерем реют белые флаги.

Как зло посмеялась над ним судьба! Теперь уже не мирные жители: беспомощные старики, женщины и дети, напуганные бомбёжкой, а солдаты и офицеры, струсив, сдаются на милость победителя.

— Хорошо, что меня нет среди них,— промолвил Матиуш.— Не плачь, Клу-Клу, мы умрём геройской смертью, и никто не посмеет сказать, что короли затевают войны, а солдаты расплачиваются за это своей жизнью.

Матиуш хотел одного: погибнуть, как подобает герою.

Но и этому желанию Матиуша не суждено было осуществиться. Долгие часы унижений и страданий, годы неволи и одиночества уготовила ему жестокая судьба вместо геройской смерти.

Армия сдалась в плен.

От государства Матиуша осталось только одно не занятое врагом, свободное пространство — клочок земли, где стояли клетки со львами.

Тщетно пытались захватить здание штурмом. Тщетно пытались вступить в переговоры. Стоило парламентёру сделать несколько шагов под защитой белого флага, как пуля разможила ему череп, а меткая стрела, пущенная Клу-Клу, пронзила сердце. Его погубил ненавистный белый флаг.

— Убил парламентёра!

— Нарушил международное право!

— Это преступление!

— Это возмутительно!

— Жители столицы ответят за преступление своего короля!

Но столица отреклась от Матиуша.

— Мы не признаём Матиуша своим королём,— заявили богачи.

Когда вражеские аэропланы сбросили на город бомбы, именитые, богатые горожане собрались на совет.

— Хватит терпеть выходки строптивного мальчишки! Довольно с нас тирании неразумного ребёнка! Нам будет ещё хуже, если он победит. Разве можно предугадать, что ещё вздумается ему и его закадычному другу Фелеку?

— Всё-таки он сделал много хорошего,— возражали сторонники Матиуша.— Его ошибки происходят от неопытности. Но у него доброе сердце и ясный ум, и несчастье послужит ему уроком.

Как знать, может, сторонники Матиуша одержали бы верх, но в эту минуту совсем близко разорвалась бомба и из зала заседаний вылетали все стёкла. Началась паника.

— Вывесить белые флаги! — закричал кто-то испуганным голосом.

Ни у кого не хватило мужества выступить против подлой измены.

Богачи вывесили белые флаги позора и отреклись от короля. «Отныне мы не отвечаем за поступки Матиуша», — заявили они.

А что было потом, уже известно.

— Пора кончать эту комедию! — крикнул Молодой король, теряя терпение.— Завоевали целое государство, а какой-то жалкий курятник одолеть не можем! Господин начальник артиллерии, приказываю дать по два залпа по обоим концам здания, а если этот упрямец не сдастся, разрушить логово злобного волчка до основания!

— Есть! — рявкнул генерал.

— Ваше величество! Вы, кажется, забыли о

нашем существовании? — раздался громкий голос Печального короля. — Здесь три армии и короля.

Верно, нас тут трое, — промямлил Молодой король и поджал губы. — Но права у нас неодинаковые. Я первый объявил войну и понёс самые большие потери.

— И ваши солдаты первыми побежали с поля боя.

— Но я вовремя остановил их.

— Вы прекрасно знали: в случае необходимости мы придём вам на помощь.

Возразить было нечего.

Победа досталась Молодому королю дорогой ценой: половина солдат убита или тяжело ранена. Армия к дальнейшим боевым действиям непригодна. Значит, осторожность не помешает, не то новых врагов наживёшь.

— Итак, что вы предлагаете? — кисло спросил он.

— Спешить некуда. И Матиуша опасаться тоже нечего. Оцепим зверинец и подождём: может, голод заставит его сдаться. А пока спокойно обсудим, как с ним поступить, когда мы возьмём его в плен.

— Я считаю, его надо без всякой жалости расстрелять.

— А я считаю, — спокойно, но твёрдо возил Печальный король, что потомки не простят нам, если хоть один волос упадёт с головы этого отважного, несчастного ребёнка.

— Суд истории справедлив! — истерически заорал Молодой король. — Тот, кто виновен в рти и увечье стольких людей, не ребёнок, преступник!

Король-хитрец слушал и помалкивал. А спорщики наперёд знали: будет так, как он захочет. Недаром его называли хитрецом.

«К чему дразнить чёрных королей — приятелей Матиуша? — думал король-хитрец. — Убивать Матиуша тоже ни к чему. Поселим его на необитаемом острове и пусть себе там живёт. И волки будут сыты, и овцы целы».

На том и порешили.

Договор гласил:

Пункт I. Взять короля Матиуша в плен живым.

Пункт II. Сослать короля Матиуша на необитаемый остров.

Из-за третьего пункта между Печальным королём и Молодым снова вспыхнул спор. Первый считал, что Матиушу надо предоставить право взять с собой на необитаемый остров десять человек по собственному выбору. Второй не соглашался.

— С Матиушем поедут три офицера и тридцать солдат — по одному офицеру и по десять солдат от каждого короля-победителя, — говорил он.

Два дня длился спор.

Наконец оба пошли на уступки.

— Ну хорошо, — согласился Молодой король, — пусть приедут к нему десять друзей, но не раньше чем через год. И потом, я требую, чтобы Матиушу всенародно объявили смертный приговор и помиловали только в последнюю минуту. Пусть народ полюбуется, как их Матиуш льёт слёзы и просит пощады. Пусть глупый народ, который позволял водить себя за нос несмышлёному мальчишке, раз и навсегда поймёт, что Матиуш не герой, а наглый и трусливый сопляк. Иначе через несколько лет народ может восстать и потребовать возвращения Матиуша. А он тогда будет старше и опаснее, чем сейчас.

— Перестаньте спорить! — вмешался король-хитрец. — Пока вы тут спорите, Матиуш с голоду умрёт и все ваши соображения пропадут даром.

Печальный король уступил. И в договоре появилось ещё два пункта:

Пункт III. Полевой суд приговорит Матиуша к расстрелу. Перед казнью три короля помилуют его.

Пункт IV. Первый год Матиуш проведёт в одиночестве на необитаемом острове. Через год ему разрешается пригласить по собственному выбору десять человек, если таковые найдутся.

Потом приступили к обсуждению дальнейших пунктов: сколько городов и денег получит каждый из королей, какие права предоставить столице, как вольному городу, и так далее.

Заседание подходило уже к концу, когда доложили: какой-то человек требует, чтобы его допустили на военный совет по очень важному делу.

Оказалось, это был химик, изобретатель усыпляющего газа.

Он предложил напустить в зверинец газ. Обессилевший от голода и усталости Матиуш уснёт, и его можно будет связать и заковать в кандалы.

— Если желаете, испытайте действие моего газа на животных, — услужливо предложил химик.

Принесли баллон, установили в полверсте от королевской конюшни и пустили струю жидкости, которая моментально испарилась. Конюшню словно туманом заволокло.

Через пять минут входят в конюшню и видят: лошади спят стоя, мальчишка-конюх, валявшийся на сене и от безделья ковырявший

в носу, тоже спит как убитый. Его тормозили, стреляли над самым ухом из пистолета, а у него даже ресницы не дрогнули. Спустя час конюх и лошади проснулись.

Опыт удался на славу. И короли решили не терять времени и сегодня же захватить Матиуша.

Матиуш три дня ничего не ел, отдавая остатки пищи своим верным товарищам.

— Мы должны быть готовы обороняться целый месяц,— твердил он.

Матиуш надеялся: вдруг богатые горожане одумаются и прогонят неприятельские войска?

Поэтому, заметив поблизости каких-то штатских, он принял их за парламентаров и приказал не стрелять.

Но что это?

Дождь — не дождь? Холодная струя с силой ударила в окна. Несколько стёкол треснуло, и помещение наполнилось не то туманом, не то дымом. Во рту — сладковатый вкус, в носу — удушливый запах. И не поймёшь, приятно это или противно. «Измена!» — мелькнуло в голове у Матиуша, и он схватился за револьвер. Но руки были точно ватные. Он напряг зрение, стараясь разглядеть, что там, за пеленой тумана, но безуспешно.

— Огонь! — преодолевая слабость, кричит Матиуш и судорожно хватается ртом воздух. Но глаза сами слипаются. Револьвер выпадает из рук.

Матиуш нагибается, хочет его поднять, но силы покидают его, и он падает на пол.

Его охватывает безразличие. Он забывает, где он, и засыпает.

Пробуждение было ужасно.

На руках и ногах — кандалы. Высоко, под

самым потолком,— зарешеченное окошко. В тяжёлой, окованной железом двери — маленькое круглое отверстие, в которое заглядывает тюремщик: следит за королём-узником.

Лёжа с открытыми глазами, Матиуш старался припомнить, что случилось.

«Как быть?» — вертелось в голове.

Матиуш не принадлежал к числу людей, которые перед лицом трудностей опускают руки и предаются отчаянию. Нет, он никогда не терял присутствия духа и всегда старался найти выход из любого, самого безвыходного, положения.

Как быть? Но чтобы принять решение, надо знать, что произошло. А он не знает.

Матиуш лежал возле стены на охапке соломы, брошенной на пол. Он легонько постучал в стену. Может, отзовется кто-нибудь? Стукнул раз, другой — никакого ответа.

Где Клу-Клу? Что с Фелеком? Что происходит в столице?

В окованных железом дверях заскрежетал ключ, и в камеру вошли двое неприятельских солдат. Один остановился в дверях, другой поставил на пол рядом с подстилкой кружку молока и положил кусок хлеба. Матиуш безотчётным движением протянул руку, чтобы опрокинуть кружку. Но тут же одумался. Ведь от этого он всё равно не станет свободным. А есть хочется, и силы ему ещё понадобятся.

Матиуш сел и, с трудом двигая руками в тяжёлых кандалах, потянулся за кружкой.

А солдат стоит и смотрит.

Матиуш съел хлеб, выпил молоко и говорит:

— Ну и скупые ваши короли! Разве одним куском хлеба насытишься? Я кормил их лучше, когда они гостили у меня. И Старого короля, когда он был моим пленником, тоже угощал на славу. Меня содержат три короля,

а дают всего-навсего одну кружечку молока да один кусок хлеба.— И Матиуш весело и непринуждённо засмеялся.

Солдаты промолчали. Им строго-настрого запретили разговаривать с узником. Но, выйдя из камеры, они передали слова Матиуша тюремному надзирателю, а тот срочно позвонил по телефону, спрашивая, как поступить.

Часа не прошло, как Матиушу принесли три кружки молока и три куска хлеба.

— Это, пожалуй, многовато. Я не намерен объедать своих благодетелей. Их трое, и, чтобы никого не обидеть, возьму у каждого поровну, а лишний кусок хлеба и лишнюю кружку молока прошу забрать.

После еды Матиуша сморил сон. Он спал долго и, наверно, проспал бы ещё дольше, если бы его не разбудил в полночь скрип отворяемой двери.

— «В 12 часов ночи состоится суд над бывшим королём Матиушем Реформатором»,— прочёл военный прокурор и показал Матиушу бумагу с печатями трёх неприятельских королей.— Прошу встать!

— Передайте суду, чтобы с меня сняли кандалы. Они для меня слишком тяжелы и натирают ноги.

Матиуш это нарочно придумал. Просто ему хотелось предстать перед судом ловким и грациозным, как прежде, а не жалким узником в безобразных цепях, сковывающих движения.

И он настоял на своём: тяжёлые кандалы заменили изящными золотыми цепочками.

С высоко поднятой головой, быстрым лёгким шагом вошёл Матиуш в тот самый зал, где совсем недавно диктовал свои условия арестованным министрам. С любопытством огляделся он по сторонам.

За длинным столом восседали генералы трёх неприятельских армий. Короли занимали места в левой половине зала. Справа сидели какие-то личности во фраках и белых перчатках. Кто это? Они всё время отворачивались, и он не мог разглядеть их лиц.

Обвинительный акт гласил:

Первое. Король Матиуш обратился с воззванием к детям всего мира, призывая их к бунту и непослушанию.

Второе. Король Матиуш хотел стать полно-властным властелином мира.

Третье. Матиуш застрелил парламентёра, который направлялся к нему с белым флагом. Поскольку Матиуш тогда уже не был королём, его следует судить как обыкновенного преступника. А за это по закону вешают либо расстреливают.

Слово предоставляется обвиняемому.

— Что я обратился с воззванием ко всем детям — это ложь. Что я не был королём, когда застрелил парламентёра, — тоже ложь. А хотел ли я стать властелином мира, этого, кроме меня, никто не может знать.

— Хорошо! Прошу, господа, зачитать ваше постановление, — обратился председатель суда к личностям во фраках и белых перчатках.

Волей-неволей пришлось встать. Один толстяк с мертвенно-бледным лицом держит в трясущихся руках бумагу и дрожащим голосом читает:

«Мы, нижеподписавшиеся, видя, что бомбы разрушают наши жилища, и желая спасти женщин и детей, отрекаемся от короля Матиуша Реформатора. Мы, именитые горожане, постановили на своём совете лишить Матиуша трона и короны. Дальше так продолжаться не

может. Белые флаги означают, что город сдаётся. И с этой минуты войну ведёт не наш король, а простой мальчик Матиуш. Пускай он сам расплачивается за свои поступки, мы за него отвечать не желаем!»

Председатель суда протянул Матиушу бумагу:

— Подпишите, пожалуйста.

Матиуш взял ручку и, подумав немного, написал внизу:

*С решением банды
изменников и трусов, ^М
предавших родину, не согласен.
Ибо я был королём и останусь
им до самой смерти.*

И громко прочёл написанное вслух.

— Господа судьи! — обратился Матиуш к генералам. — Я требую, чтобы меня называли королём Матиушем, ибо я был королём и останусь им, пока жив. Иначе это будет не суд, а расправа с побеждённым. Тогда позор вам! Это недостойно людей вообще, а тем более солдат. Или вы выполните моё требование, или я буду молчать.

Генералы удалились на совещание, а Матиуш стоит и насвистывает залихватскую солдатскую песенку.

Но вот генералы вернулись.

— Матиуш, признаёшь ли ты, что обращался с воззванием к детям всего мира?

Молчание.

— Ваше величество, признаёте ли вы, что обращались с воззванием к детям всего мира?

— Нет, не признаю. Никакого воззвания я не писал.

— Вызвать свидетеля,— распорядился судья.

В зал вошёл шпион-журналист, Матиуша передёрнуло, но внешне он остался спокоен.

— Слово предоставляется свидетелю,— объявил судья.

— Я утверждаю, что Матиуш хотел стать королём всех детей.

— Это правда? — строго спросил судья.

— Правда,— прозвучало в ответ.— Да, я хотел этого. И мне бы это удалось. Но подпись под воззванием фальшивая, и подделал её вот этот шпион. Да, я хочу быть королём всех детей.

Судьи стали разглядывать подпись Матиуша. Покачивают головами, вертят бумагу и так и этак, корчат из себя знатоков.

Но теперь это уже не имело значения. Ведь Матиуш во всём признался.

Прокурор произнёс длинную обвинительную речь и закончил её такими словами:

— Надо приговорить Матиуша к смерти. Иначе на земле не будет порядка и покоя.

— Желаешь ли ты сказать что-нибудь в своё оправдание?

Молчание.

— Желаете ли вы, ваше величество, сказать что-либо в своё оправдание? — повторил судья вопрос.

— Нет,— последовал ответ.— Незачем терять понапрасну время. Час поздний. Пора спать,— произнёс Матиуш беспечным тоном. По его лицу нельзя было отгадать, что творится у него в душе. Он решил быть стойким до конца и не ронять своего королевского достоинства.

Судьи удалились в соседнюю комнату, будто

на совещание, но тут же вышли и объявили приговор:

— Расстрелять!

— Подпиши! — обратился председатель суда к Матиушу.

Тот не шевельнулся.

— Ваше величество, подпишите!

Матиуш подписал.

Тут один из господ во фраке и белых перчатках бросился ему в ноги и, всхлипывая, запричитал:

— Всемиловитый король, прости меня, подлого изменника! Я только сейчас понял, что мы натворили. Если бы не наша преступная трусость, не они, а ты судил бы их, как победитель...

Солдаты с трудом оттащили его от короля. После драки, как говорится, кулаками не машут.

— Спокойной ночи, господа судьи! — сказал Матиуш и с истинно королевским величием покинул зал.

По коридору и тюремному двору направился Матиуш в свою камеру в сопровождении двадцати солдат с саблями наголо.

Он прилёг на соломенную подстилку и притворился спящим. О чём он думал и что чувствовал в ночь перед казнью, пусть останется тайной.

Идёт Матиуш посреди улицы, на руках и ногах поблёскивают золотые цепочки. Вдоль тротуаров стеной стоят солдаты, а за ними теснится народ.

День выдался погожий. На безоблачном небе сияло солнце. Жители столицы высыпали на улицы, чтобы в последний раз посмотреть на своего короля. Многие плакали, но Матиуш не видел слёз, а если бы видел, легче было бы идти на казнь.

Те, кто любили и жалели Матиуша, молчали. Они не решались в присутствии врага высказать вслух свою преданность и уважение бывшему королю. Да и что могли они сказать? Кричать, как всегда: «Ура!» и «Да здравствует!» не годилось — ведь короля вели на казнь.

Зато пьяницы и бродяги, которых Молодой король нарочно напоил вином и водкой из королевских подвалов, орали во всю глотку:

— Ой, гляньте, король идёт! От горшка два вершка! Ну и король! Ха-ха-ха! Что, слёзки проливаешь? Иди, носик тебе утрём. Эх, король, королёк!..

А Матиуш шагал с высоко поднятой головой: пусть все видят, что глаза у него сухие. Только брови сдвинул и глядел на солнышко.

Он не обращал внимания на то, что происходило вокруг. Его одолевали другие заботы: «Что с Клу-Клу? Где Антек? Почему Печальный король предал его? Что станет с его государством?»

И про отца с матерью подумал в последний раз. Город остался позади. Вот он и у столба, возле вырытой ямы. В лице — ни кровинки. Хладнокровно смотрит он, как взвод солдат заряжает ружья и целится в него.

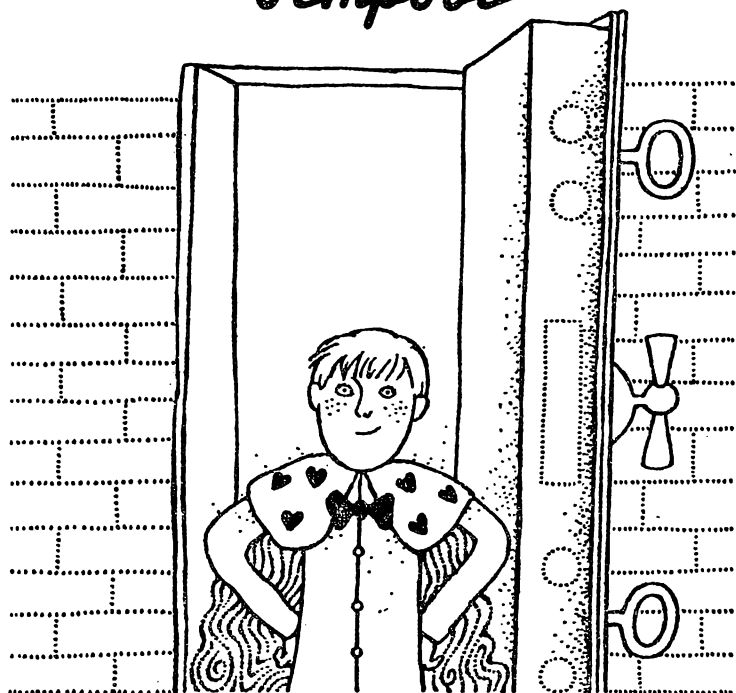
Так же спокойно и хладнокровно выслушал он акт о помиловании:

ЗАМЕНИТЬ РАССТРЕЛ ССЫЛКОЙ НА НЕОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ.

Подъехал автомобиль и отвёз Матиуша обратно в тюрьму. Через неделю его отправят на необитаемый остров.

КОРОЛЬ МАТИУШ

на необитаемом
острове

Ох, до чего плохо Матиушу в тюрьме!

Плохо и тоскливо.

Давят тюремные стены. Тесно. Уныло.

Его сошлют на необитаемый остров.

Война проиграна. Он королевский пленник, и его сошлют на остров, как Наполеона. А пока надо ждать.

Сказали, отправят через неделю, но прошло уже три недели, а он всё ещё в тюрьме. Оказывается, три короля никак не могли договориться между собой, какой выбрать остров. Молодой король не скрывал своей ненависти к Матиушу и хотел раз и навсегда от него избавиться. Печальный король открыто признавался, что он — друг Матиуша. Поэтому условия диктовал третий король, которому судьба Матиуша была безразлична.

А условия были такие: пусть Матиуш живёт спокойно, но ни во что не вмешивается, а главное — чтобы он не убежал.

Остров Марас — не подходит: там болота, жёлтая лихорадка и чёрная оспа. Остров Луко тоже не годится: слишком близко от материка и чёрные короли могут устроить ему побег. Чтобы выйти из затруднительного положения,

объявили конкурс. В газетах всего мира напечатали такое объявление:

«Учитель географии, который укажет подходящий для заточения Матиуша остров, получит большое вознаграждение. В месячный срок предлагается сообщить, где расположен этот остров и чем он хорош для ссылки».

Посыпались предложения. Короли развесили по стенам географические карты и отмечали маленькими флажками острова, которые казались им подходящими.

Приехал Бум-Друм, а с ним ещё несколько чёрных и жёлтых властелинов — менее важных. Приехала королева Кампанелла и пять белых королей. Они напускали на себя таинственность, будто имели сообщить нечто чрезвычайное.

Совещались в разных городах. Короли были спесивы и пуще всего боялись уронить своё королевское достоинство.

— Хотят услышать моё мнение, пусть приезжают ко мне, — высокомерно заявляли они. — А то получится, будто я навязываюсь со своими советами.

Кроме того, им просто хотелось попутешествовать.

Итак, дважды совещались в городке на берегу моря, потом в большом городе в горах, потом в городе, который славится самым вкусным пивом, а потом в стране, где всегда тепло. Каждый король возил с собой двух министров, у каждого министра был секретарь, у каждого секретаря — две помощницы, которые записывали всё, что говорили короли. Это называется вести протокол.

А Матиуш тем временем томился в тюрьме.

Если бы он читал газеты, ему было бы легче: он знал бы, что о нём говорят и пишут. А так ему казалось — о нём забыли.

Бум-Друму очень хотелось повидаться с

Матиушем, но он боялся выдать себя и поэтому притворился рассерженным.

— Выманил у меня столько золота! — жаловался он. — Обещал взамен обучить наших ребятшек, а что из этого вышло? Половина ребят погибла в бою, половина сидит в лагере для военнопленных. А бедная Клу-Клу — в тюрьме.

И Бум-Друм в знак печали хотел перекувырнуться через голову, но, вспомнив, что он человек цивилизованный, стал тереть глаза, будто плачет.

— Ваше королевское величество, если желаете, мы можем освободить принцессу Клу-Клу, — предупредительно сказал Молодой король, который теперь подлизывался к Бум-Друму.

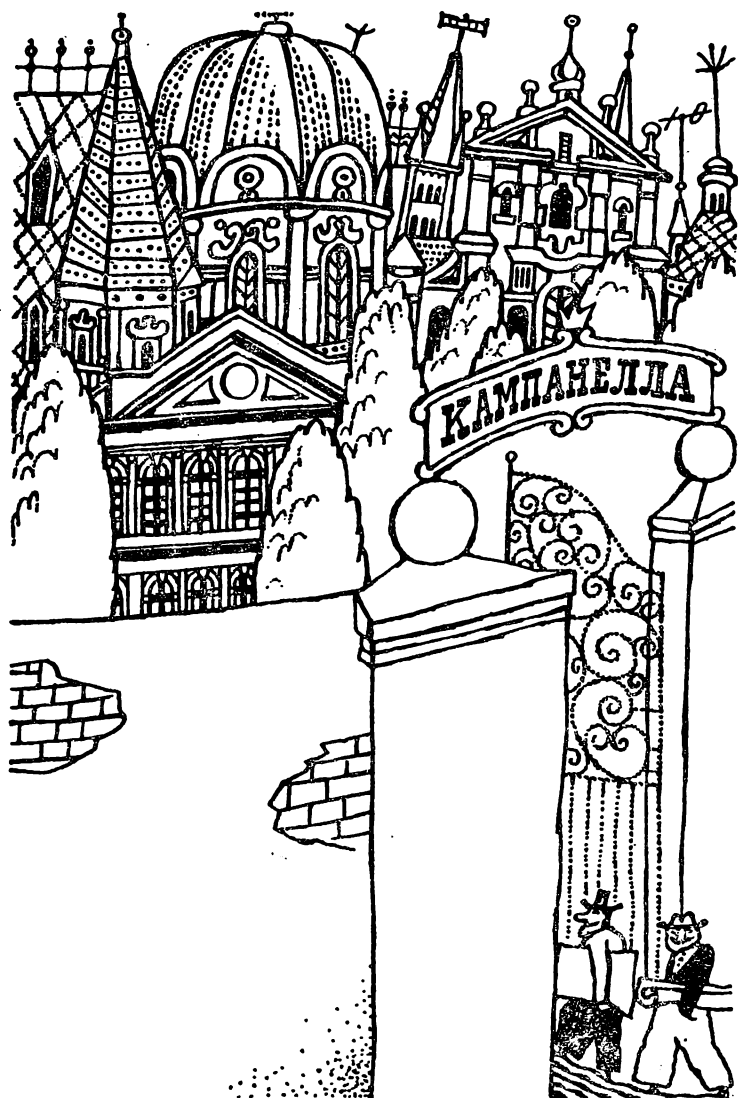
— Нет, — со слезами на глазах ответил Бум-Друм, — тратить драгоценное время на легкомысленную девчонку, когда столько важных дел, просто недопустимо.

Бум-Друм усвоил, что белые плачут, когда говорят о чём-нибудь печальном. Поэтому он всегда носил с собой пузырёк с нашатырным спиртом. И когда, по его мнению, полагалось лить слёзы, он вынимал пузырёк из кармана и нюхал. А от нашатырного спирта, горчицы и лука, как известно, слезятся глаза.

Наконец, на двадцать четвёртом заседании пришли к согласию, куда сослать Матиуша. В последний раз собрались во дворце Кампанеллы, потому что в её стране по вине Матиуша дети впервые вышли на улицы с зелёными знамёнами.

Красавица Кампанелла жила во дворце одна: муж у неё умер, детей не было. А дворец стоял на берегу живописного озера в красивой апельсиновой роще.

На совещание прибыли три учителя геогра-

фии в чёрных фраках — три победителя в конкурсе на лучший остров для Матиуша. Теперь из трёх островов предстояло выбрать один.

— Мой остров, — сказал первый учитель, — расположен вот тут. — И он ткнул указкой в голубое пространство, на котором не было даже признака суши. — Не удивляйтесь, ваши королевские величества, что острова нет на карте. Сейчас я всё объясню. На картах обозначают только большие острова, для всех не хватило бы места. Если на карте маленькая точка, значит, остров большой. А мой островок совсем крошечный, величиной в три квадратных километра. В этом его преимущество: легче стеречь Матиуша. Высоких деревьев там нет, и вообще растительность небогатая: трава да кустарник. Остров необитаем и расположен очень далеко от материка. Климат там здоровый, зимы совсем не бывает. Поэтому дощатого барака для Матиуша и стражи будет вполне достаточно. Привезти раз в месяц провизию — и дело с концом! Матиуш будет там жить припеваючи.

К счастью, Бум-Друм был негром, не то он бы так побледнел, что все догадались бы, в какой ужас поверг его этот остров.

— А как называется ваш остров? — спросил Молодой король.

— Как раз об этом хотел я сейчас сказать. Остров в 1750 году открыл путешественник Дон Педро. Потерпев кораблекрушение, он с трудом добрался до острова, прожил там двадцать лет и неизвестно, сколько прожил бы ещё, если бы случайно его не обнаружили пираты. Дону Педро ничего не стоило самому притвориться пиратом: он так зарос волосами, что выглядел заправским разбойником. Пираты взяли его на свой корабль. Четыре года плывал он с

В конце концов ему удалось бежать.

И он назвал этот остров островом Безнадёжности. Всё это описано в одной толстой книге, и, кроме меня, головой ручаюсь, её не читал ни один учитель географии.

— Мой остров,— начал второй учитель,— имеет лишь один недостаток: он находится слишком близко от материка. Но зато неподалёку от него расположен маленький островок с маяком. Во время тумана и по ночам маяк освещает всё вокруг. В южной части острова есть скала и полянка. На полянке стоит уже готовый домик для Матиуша. В далёкие времена остров населяло миролюбивое племя туземцев. Когда белые открыли остров, они устроили там школу, научили туземцев молиться и курить трубки. Матросы выменивали на табак корицу, ванилин и канареек. Торговля приносила большую прибыль, и через пять лет один предприимчивый торговец даже лавку открыл на острове. Всё шло хорошо, но вдруг дети торговца заболели корью. Для белых корь не опасна, а чёрные ребятишки, заразившись, умерли все до одного, из взрослых уцелело тоже не больше ста человек. Если они еще живы, то спрячутся в зарослях, спасаясь от кори, лавки и школы.

— А где этот остров? — осведомился Печальный король.

— Вот здесь,— показал учитель географии.

Тут Бум-Друм как вскочит да как стукнет кулаком по столу.

— Не позволю! — заорал он.— Этот остров слишком близко от моей страны! Матиуш убежит и поднимет бунт среди детей. Да вы что, спятили, зелёная обезьяна вас возьми!

Короли оскорбились.

Кампанелла чуть не упала в обморок, а учитель географии от страха уронил указку, потому что Бум-Друм кинулся на него с кулаками.

Молодой король с трудом удержал разбушевавшегося Бум-Друма.

— Успокойся, чёрный друг, никто на этом не настаивает. Не хочешь — не надо. Разве на свете мало островов?

А вечером белые короли, сойдясь в апельсиновой роще, назвали Бум-Друму, а заодно чтобы насолить Молодому королю, на все лады стали расхваливать этот остров.

— Смешно считаться с мнением невежественного дикаря. Он ещё, чего доброго, подумает, будто мы его боимся. Как же Матиуш убежит? А солдаты на что? А маяк?

— Матиуш — ребёнок, ему будет плохо без деревьев, цветов и птиц, — сказала Кампанелла. — Хотя он передо мной виноват, я его прощаю.

— Ваше благородство, уважаемая Кампанелла, глубоко нас трогает, — заметил известный своей галантностью король Мальто.

— Но, отдавая должное вашей доброте, — вставил Молодой король, — мы прежде всего будем руководствоваться соображениями рассудка и осторожности.

— Но ведь он ребёнок! — повторила Кампанелла, протягивая Молодому королю два апельсина и семь фиников.

— Всё говорит за то, чтобы выбрать именно этот остров, — сказал король-хитрец. — И провизию для Матиуша и стражи недалеко возить, и море там всегда спокойное, и строить ничего не надо — есть помещение бывшей школы. Давайте смотреть на вещи трезво. Если даже Матиуш попытается бежать, его растерзают хищные звери. И потом, не зная языка, как он договорится с туземцами? Итак, не только доброе сердце нашей очаровательной хозяйки, но разум и осмотрительность склоняют нас к тому,

чтобы остановить свой выбор на этом острове.

Молодой король без всякого удовольствия ел финики и молчал. Он был озабочен предстоящими неприятностями с Бум-Друмом.

Матиуш гуляет по тюремному двору. Вокруг, куда ни глянь, высокие кирпичные стены. Посреди двора одно-единственное дерево — орех. Раньше деревьев было больше, но они росли слишком близко от стены, и лет десять назад, когда из тюрьмы бежал знаменитый разбойник, их срубили. Теперь вдоль стены торчит двенадцать пней, и это придаёт тюремному двору ещё более унылый вид.

Прогулка продолжается полчаса. Два солдата с заряженными винтовками шагают впереди Матиуша, два — позади, три, с саблями наголо, — слева, три — справа. Матиуш смотрит себе под ноги и считает шаги:

«Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь...»

Сто двадцать маленьких шагов или восемьдесят больших: семьдесят шагов до орехового дерева и пятьдесят от дерева до стены. Через каждые десять шагов Матиуш поднимает голову и смотрит на дерево.

На что же ему ещё смотреть? Он то идёт с закрытыми глазами, то открывает их, только чтобы взглянуть на дерево. Или чередует большие шаги с маленькими. Или ходит на цыпочках. А то десять шагов на носках, десять — на пятках. Надо как-то скрасить скучную тюремную прогулку. Хотелось попрыгать на одной ножке, и он прыгал у себя в камере, когда его никто не видел.

Простым узникам живётся гораздо лучше! А ему, королевскому пленнику, приходится всё время быть начеку: ведь враги всячески стараются его унижить.

— Заключённый номер двести одиннадцать — в канцелярию! — прокричал в зарешеченное окошко начальник тюрьмы.

Матиуш вздрогнул: номер его. Но он идёт дальше, будто не слышит.

— Ваше величество, вас в канцелярию вызывают, — сказал начальник стражи.

Был отдан приказ: разговаривая с Матиушем, называть его королём, иначе он не отвечал. О нём говорили: «заключённый номер двести одиннадцать», а к нему обращались «ваше королевское величество».

«В канцелярию!»

Матиуш взглянул ещё раз на дерево, повернулся и, нахмутив брови, заложив руки за спину, пошёл маленькими шажками, чтобы не подумали, будто он торопится. Вот и канцелярия. Матиуш остановился, ждёт. А у самого от волнения ноги дрожат, сердце бьётся словно у подстреленной птицы.

— Присядьте, ваше королевское величество, — вежливо говорит начальник тюрьмы и подвигает ему стул.

«Неспроста это», — подумал Матиуш. Он научился обращать внимание на разные мелочи, научился читать чужие мысли. Матиуш знал: люди часто говорят не то, что думают.

И он резко отодвинул от себя услужливо поданный стул.

Тут в канцелярию входит король Орест II и с ним красивая дама в чёрном бархатном платье. Орест II был у Матиуша в гостях, и Матиуш сразу узнал его по ордену Большого полумесяца: по величине это был самый большой орден, какой он когда-либо видел.

— Королева Кампанелла, — представилась дама в чёрном платье.

— Заключённый номер двести одиннад-

цать, — с горечью проговорил Матиуш.

Он стоял, небрежно опершись о спинку стула, и прямо смотрел ей в глаза.

— О, для меня вы — король Матиуш Реформатор, друг детей и отважный воин, — с подкупающей простотой ответила королева и протянула Матиушу руку, которую он почтительно поцеловал.

Когда король Орест хотел с ним поздороваться, Матиуш гордо выпрямился и не подал ему руки.

— Я заключённый, у меня нет орденов, — сказал он и смерил Ореста недружелюбным взглядом.

Начальник тюрьмы, желая прекратить неприятную сцену, свидетелями которой были солдаты и чиновники, пригласил всех в гостиную.

Матиуш оглядел комнату: ковёр, дорогая мягкая мебель, на окнах цветы — и незаметно усмехнулся. Но от взгляда королевы не укрылась его горькая усмешка.

Орест надулся и, развалясь в кресле, стал листать большую книгу с картинками, которая лежала на столе.

Матиуш разозлился. Его раздражало всё: и роскошная гостиная, и цветы, и ковёр, и пианино, и молчание королевы, и то, как она на него смотрит. Но больше всего раздражал его Орест со своим огромным орденом Полумесяца.

«Интересно, вызовет он меня на дуэль за то, что я ему не подал руки?» — промелькнуло у него в голове.

Потом, размышляя об этой встрече, Матиуш понял причину своей злости. В долгие часы томительного одиночества он мечтал увидеть Печального короля. Пианино в гостиной начальника тюрьмы напоминало ему Печального короля, и в ушах зазвучали грустные мелодии.

Кроме него, никто не имел права приезжать сюда. Кампанелла — женщина, ей простительно, но что нужно здесь этому жалкому королишке?

«Что бы такое сказать ему пообидней, чтобы в другой раз не совал нос не в свои дела?»

Матиуш не знал, как себя вести, что сказать. Вот бы когда пригодился всезнайка церемониймейстер! Как быть? Кампанелла не сводит с него глаз, Орест рассматривает картинки, а начальник тюрьмы стоит столбом. Кажется, конца не будет этой пытке!

— Прикажете подать чай или кофе со взбитыми сливками? У меня есть отличное домашнее печенье... — угодливо начал начальник тюрьмы, но тут же прикусил язык.

— Вы что, в своём уме! — возмутился Матиуш, и глаза его засверкали. — Я что, целый месяц гнию в этой дыре, чтобы угощаться вашими печеньями?! Я хочу знать решение моих врагов! Категорически требую, чтобы меня немедленно сослали на необитаемый остров. Знал бы я заранее, что мне придётся целый месяц сидеть в тюрьме, я отказался бы от помилования. Я хотел умереть в домике для диких зверей, а они предательски захватили меня в плен. Требую официальной бумаги с печатью!

Он схватил дорогую фарфоровую вазу и стукнул ею об стол рядом с книжкой. Ваза вдребезги разбилась. Матиуш поранил себе руку. Орест вскочил с кресла, королева закрыла глаза. Начальник тюрьмы совсем обалдел и кинулся со всех ног за доктором.

Кампанелла, вынув из сумочки надушенный носовой платочек, осторожно приложила его к кровоточащей ране. У неё созрел план: она не позволит сослать мальчика на необитаемый

остров и возьмёт его к себе. У неё нет ни мужа, ни детей — она, как и он, совсем одинока. Если нужно, пусть обнесут высокой стеной апельсиновую рощу: она заменит узнику необитаемый остров, а Кампанелла — мать.

Тюремный врач перевязал Матиушу руку — иначе он не мог поступить в присутствии их королевских величеств — и дал ему успокоительных капель. Пять капель на кусочек сахара. У тюремного врача от всех болезней имелось два лекарства: в левом кармане — капли, в правом — порошки. И то и другое — горькое-прегорькое, и полагалось запивать водой. Но раз начальник тюрьмы жертвует собственный сахар, почему не сделать исключение?

На другой день Матиуш объявил: он отказывается от пищи и от прогулок, пока ему не предъявят бумагу с печатью. Он хочет знать, что с ним намерены сделать. Дольше сидеть в тюрьме он не желает.

В полдень Матиуша вызвали в канцелярию. Матиуш отказался: он не двинется с места, пока ему не предъявят бумагу с печатью. Хватит играть в прятки! Он хочет знать правду!

Начальник тюрьмы негодовал: Кампанелла не только не обиделась на Матиуша, но ещё стала его защищать. Мало того: выразила желание посмотреть, как он живёт. А Матиуш жил очень плохо. Камера сырая и тёмная, по стенам ползают пауки и клопы. Вместо кровати — соломенная подстилка на полу. В углу — таз и кувшин с водой. Даже стула нет. А королева принесла большой букет белой сирени. Как тут быть?

Надзиратель принёс из квартиры начальника тюрьмы мягкое кресло и вазу, точно такую же, как вчера разбил Матиуш. Оказывается, было две одинаковых вазы: одна стояла на

столе, другая — на пианино. «Хорошо бы он разбил и вторую вазу! — втайне мечтал начальник тюрьмы.— Тогда королева увидит, как трудно с ним ладить, и поймёт, почему его держат в такой тёмной камере».

Но, к великому огорчению начальника тюрьмы, Матиуш встретил Кампанеллу очень любезно. Поблагодарил за цветы, но поставил их не в роскошную вазу, а в простой глиняный кувшин. Ободрённая таким приёмом, Кампанелла незаметно вынула из кармана пальто коробку шоколадных конфет. Она спрятала их, не зная, в каком настроении будет Матиуш.

— О нет, спасибо! Конфеты вызывают у меня неприятные воспоминания о моей первой реформе.

Кампанелла сообщила Матиушу следующее.

Необитаемый остров для него уже выбрали. И хотя гнев Матиуша понятен, быстрее никак было нельзя. Король Орест не виноват — он сопровождал Кампанеллу из вежливости. Печальный король очень хотел приехать, но Бум-Друм и Молодой король не позволили. Бум-Друм подружился с Молодым королём. Бумага с печатью и подписями королей ещё не готова. Кампанелла приехала сообщить Матиушу, что о нём не забыли и он скоро сможет уехать. А пока...

— Если ваше величество позволит, я каждый день буду вас навещать.

Вместо ответа Матиуш поцеловал доброй королеве руку.

— К сожалению, больше четырнадцати минут мне не разрешают быть у вас.

— Понятно: этикет.

— Нет, тюремные правила...

Стало ли Матиушу лучше оттого, что его

перевели в чистую, светлую комнату с кроватью, столом и стулом, разрешили гулять по тюремному саду и каждый день его навещала Кампанелла, а еду приносили с кухни самого начальника тюрьмы?

Нет, ему было по-прежнему тоскливо. По-прежнему давили тюремные стены. Пожалуй, ему стало даже ещё хуже. В тёмной камере была надежда, что в будущем его ждёт перемена — необитаемый остров. А теперь он уже ничего не ждал.

И в самом деле, чего ждать? На острове будет всё то же, что и здесь. Ну, может, комнату и мебель дадут получше и гулять по берегу моря, конечно, приятней, но тоска и одиночество останутся всё равно.

Как ему первое время не хватало часов! Казалось, день пролетит быстрее, если знать, сколько времени. Самообман! Теперь он видит, как медленно ползут стрелки, как бесконечно долго тянется час. Как в тюрьме бесконечно долгодень!

— Матиуш, чем я могу тебе помочь? — спросила Кампанелла, видя, как тот с мрачным видом, заложив руки за спину, взад-вперёд ходит по камере.

— Узнайте, жива ли моя канарейка?

Не помню, говорилось ли, что у Матиуша в красивой позолоченной клетке жила канарейка. Матиушу подарили её в день рождения, и он очень к ней привязался. Но когда в парламенте кто-то назвал его желтопузой канарейкой, он охладел к птичке, хотя она была не виновата. Теперь он вспомнил о ней, и ему захотелось иметь её здесь. Хоть одно живое существо будет с ним не четырнадцать минут, а постоянно.

Кампанелла ничего не ответила: ей строго-

настрога запретили сообщать узнику о том, что происходит в стране. Но, вернувшись к себе, тотчас отправила телеграмму Молодому королю:

Прошу разрешения сообщить Матиушу о судьбе его канарейки и отнести её в тюрьму. Напоминаю вашему величеству, что я говорила на заседании, как необходимы детям деревья и птицы.

Телеграмма не на шутку разозлила Молодого короля.

«Хуже нет связываться с бабами! — ворчал он про себя. — Сегодня — канарейка, завтра — собака, послезавтра — ещё что-нибудь! То камера сырая, то Матиушу темно, то, видите ли, он нервничает, то плохо выглядит... Как будто у нас других забот нет, кроме как ублажать этого мальчишку».

Король разрешил, но с оговоркой:

Надеюсь, это будет последняя просьба и последняя уступка Матиушу. Корона обязывает доброе сердце вашего величества считаться и с государственными интересами.

Молодой король вежливо намекнул Кампанелле, что по горло сыт её глупыми просьбами.

Матиуш, конечно, не подозревал, какие трудности приходится ей преодолевать. Как тяжело

отвечать ему: «Нельзя. Не разрешают».

Так, например, ни газет, ни книг принести не разрешили. Упомянуть о Бум-Друме, Фелеке, Клу-Клу и Печальном короле тоже.

Король Орест наябедничал, что Кампанелла проболталась Матиушу о дружбе Бум-Друма с Молодым королём, и ей здорово досталось. Её строго-настрого предупредили: если она ещё раз проговорится, её немедленно вышлют из столицы Матиуша, а вместо неё пришлют не короля, а губернатора из Залива Кенгуру, известного своей жестокостью и неприязнью к Матиушу...

— Вот Матиуш, твоя канарейка!

Кампанелла называла его по имени, а он не знал: то ли напомнить ей, что он король, то ли делать вид, будто он этого не замечает.

— А вот фотография твоей мамы,— тихонько шепнула Кампанелла.

Даже не взглянув на фотографию, Матиуш положил её на стол и занялся канарейкой. Почистил клетку, хотя она была чистая, налил в блюдечко воды, хотя оно было слишком велико и не пролезало в узкую дверцу. Потом просунул между прутьями клетки хлеб и кусочек сахара. И время от времени украдкой поглядывал на часы, думая: «Скорей бы прошли четырнадцать минут!»

Кампанелла тоже с тревогой смотрела на часы. Это было её последнее свидание с Матиушем в тюрьме. Пора было ехать на заключительное заседание королей, чтобы подписать бумагу о ссылке Матиуша. А ей хотелось кое о чём спросить его.

— Матиуш, мне надо с тобой поговорить. Оставь канарейку, будешь с ней возиться, когда я уйду.

Матиуш нахмурился.

— Я слушаю вас, королева.

— Скажи мне, только откровенно... Если короли позволят... Я одинока, как и ты... Согласишься стать моим сыном? Будешь жить в моей стране, где круглый год светит солнце, в мраморном дворце, который стоит в апельсиновой роще. Я сделаю всё, чтобы тебе было хорошо. Пройдёт время, и короли простят тебя. Когда я состарюсь, а ты подрастёшь, я отдам тебе свою корону, и ты снова будешь королём.

С этими словами Кампанелла хотела обнять и поцеловать Матиуша, но он отстранил её.

— У меня есть своё королевство, и в чужой короне я не нуждаюсь.

— Но, Матиуш...

— Я не Матиуш, а пленный король. И несправедливо отнятое королевство всё равно верну.

Пробил большой тюремный колокол, возвещающая, что четырнадцать минут прошло. Матиуш закусил губы. Сердце у него колотилось, в голове теснились разные мысли.

— Благодарю вас, королева. Вы очень добры ко мне, и я не хочу платить вам чёрной неблагодарностью. А если я соглашусь, у вас будут неприятности.

— Почему?

— Я убегу. Всё равно убегу. Пусть они меня получше стерегут, так им и скажите.

Тюремный колокол пробил снова.

Подавив волнение, Матиуш спокойно договорил:

— Ваше величество, в тюрьме я волен распоряжаться собой: ведь права защищаться у меня никто не отнимет. А если я соглашусь стать вашим сыном, то навсегда лишусь свободы.

Тюремный колокол пробил в третий раз. И королева удалилась.

«Бежать!»

Как это ему раньше не приходило в голову! Иногда он, правда, думал о побеге, но его тут же одолевали сомнения: удастся ли, куда бежать и зачем? И только теперь, когда королева предложила ему то, что было бы пределом мечтаний для любого узника, он решил окончательно и бесповоротно: бежать!

Сомнения покинули его. Теперь — прощай скука! Теперь некогда будет каждую минуту смотреть на часы. Теперь работы хватит: надо обследовать сад, прощупать каждый выступ стены, учесть каждое деревце. И до мельчайших подробностей обдумать, что делать, когда он окажется на свободе. Во что переодеться, что взять с собой в дорогу, где достать верёвку, без которой никак не обойтись.

Матиуш не заметил, как наступил вечер, зажёгся свет и запела канарейка. Он подошёл к клетке. Птичка в испуге замолкла, но потом запела ещё громче.

Тут взгляд мальчика упал на фотографию матери:

«Дорогая мамочка, Кампанелла хотела отнять у тебя сына. Трон у меня отняли, а теперь хотели отнять и тебя. Но не выйдет. Я не оставлю тебя. Мы вместе убежим из тюрьмы».

И вынув фотографию матери из дорогой, выложенной жемчугом рамки, он спрятал её в боковой карман:

«Тебе здесь лучше, правда, мамочка?»

Канарейка распевала самозабвенно.

Когда короли собрались на последнее заседание, Кампанелла смело выступила в защиту Матиуша.

— Ваши величества, не подписывайте эту бумагу! Матиуш — ребёнок, с ни нельзя по

ступать, как с Наполеоном и вообще как со взрослым. Он очень добрый и впечатлительный...

— Ну, пошла...— шепнул Молодой король на ухо Бум-Друму.

— Видели бы вы, как он обрадовался канарейке! Как кормил её, менял воду... Дети легкомысленны и многого не понимают...

Кампанелла видела перед собой недовольные, скучающие лица. Короли зевали, закуривали, вздыхали. Но Кампанеллу это не смущало. Она говорила, говорила, пока старикашка Альфонс Бородатый не заснул в кресле, а бледнолицый Митра Бенгальский не принял порошок от головной боли.

— Отдайте мне Матиуша,— сказала она под конец.

— Давайте проголосуем, — предложил кто-то.

— Хорошо,— согласились все.

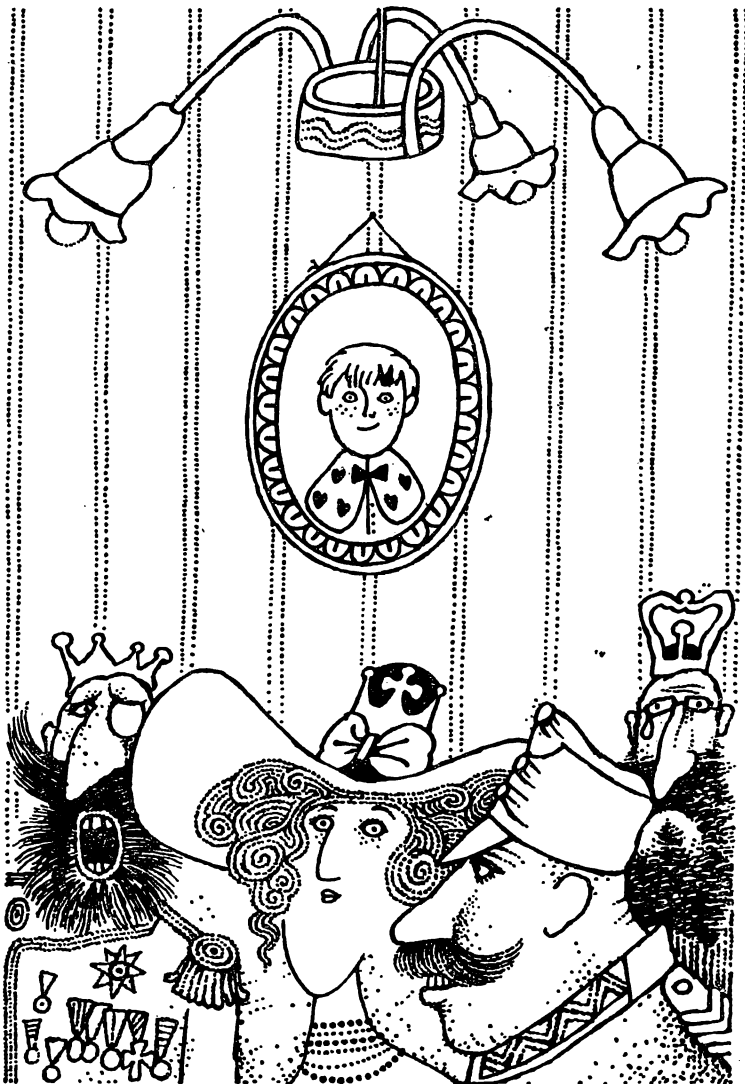
— Минуточку, я совсем забыла...— умоляющим тоном сказала Кампанелла.

— Устроим перерыв,— предложил король Орест.

— Да, да. Надо выпить чаю.

— И поужинать.

Кампанелла угощала королев самых лучшими винами и ликёрами. И у каждого справлялась, какое кушанье любит он больше всего. А лакеи разъезжали на велосипедах по всему городу и привозили из самых дорогих ресторанов самые редкие кушанья. Кампанелла угощала гостей сигарами, фруктами, мороженым всех сортов: сливочным, ванильным, малиновым... Чего-чего только не было на столах: и торты, и мёд, и шербет турецкий и орехи в сахаре, ириски, пряники, швейцарский сыр, английский портер...

— Пожалуй, не было только одеколона и клопомора,— съязвил на другой день известный шутник, король Миндаль Ангорский.

Голосование пришлось отложить. Ведь королям никто не запрещает есть и пить сколько хочется. И на этот раз они объелись и перепились.

На другой день стало известно, что голосование состоится не во дворце Кампанеллы, а в живописной рыбацкой деревушке. И королева поняла: значит, они не согласны. По правилам хорошего тона не полагается отказывать в просьбе хозяйке дома...

Предчувствие не обмануло королеву.

— Четыре голоса «за», двенадцать «против». Итак, судьба Матиуша решена: его ссылают на необитаемый остров.

— Пожалуйста, подпишите приговор.

Кампанелла расписалась последней и уехала, ни с кем не простившись.

«Надо во что бы то ни стало спасти несчастного ребёнка»,— решила она про себя.

А Матиуш не терял даром времени и всерьёз готовился к побегу.

Он ставил клетку с канарейкой возле старой, увитой диким виноградом стены и делал вид, будто играет в Робинзона. Петрушка был Пятницей, канарейка — попугаем. Ежедневно, как Робинзон, Матиуш делал зарубки на коре дерева.

Видя, что маленький узник успокоился и увлёкся игрой, стража перестала так строго следить за ним. Когда Матиуш гулял в тюремном дворе, они ходили за ним по пятам, потому что туда выходило окно канцелярии и начальник не спускал с них глаз. В саду же часовые делали что хотели. Чесать языки куда приятней, чем молча шагать с винтовками.

Матиуш заметил: один кирпич в стене шатается. И принялся за дело — раскачивает его вправо, влево; извёстка осыпается, крошится, но со стороны ничего не видно: дикий виноград заслоняет. Распатав как следует один кирпич, Матиуш взялся за другой. Он работал всю. Пальцы у него были в ссадинах, ногти сорваны, но что́ боль, когда дело идёт о свободе. До обеда покончил с четырьмя кирпичами, после обеда — ещё с двумя.

«Если ничего не помешает, через три дня буду на свободе».

Вынуть кирпичи — полдела, а вот куда их девать? Бродит Матиуш по саду в поисках лопаты.

— Ты почему в Робинзона не играешь? — спрашивает его начальник стражи.

Солдаты говорили ему «ты», «Матиуш». Но он не обижался: прежняя гордость бесследно исчезла.

«Ничего, привыкает парнишка. Игра в Робинзона сейчас самая подходящая для него: скоро это пригодится ему в жизни, — рассуждают между собой солдаты. — А может, с ним поступили слишком сурово?»

— Ты почему перестал играть?

— Хотел погреб выкопать, а лопаты нет. Без погреба не обойдёшься — негде хранить подстреленную дичь.

Солдаты дали ему лопату и помогли копать. Когда яма была достаточно глубокой, Матиуш положил туда кирпичи и засыпал сверху землёй. Но один солдат заметил.

— Откуда у тебя кирпичи?

— В саду нашёл. Вон там, возле беседки. Показать?

И, взяв солдата за руку, повёл к беседке, а по дороге стал рассказывать о войне, людо-

дах да так заморочил ему голову, что бедняга забыл, зачем шёл. В другой раз дело приняло совсем скверный оборот: начальнику тюрьмы вдруг взбрело в голову устроить проверку.

— Начальник идёт! — крикнул из окошка солдат, стоявший на часах в коридоре.

Солдаты вскочили как встрёпанные, побросали недокуренные папиросы, миг — и винтовки у них в руках. Матиуш встал между ними и с опущенной головой молча зашагал по саду. Но построиться как положено солдаты не успели.

— Почему двое впереди, а четверо сзади? Вы что, устав не знаете? А это ещё что за клетка? — загремел начальник тюрьмы и ударил палкой по дикому винограду.

Матиуш похолодел: из-за дикого винограда показалось отверстие в стене. Но начальник тюрьмы, к счастью, был порядочный верзила и с высоты своего роста ничего не заметил.

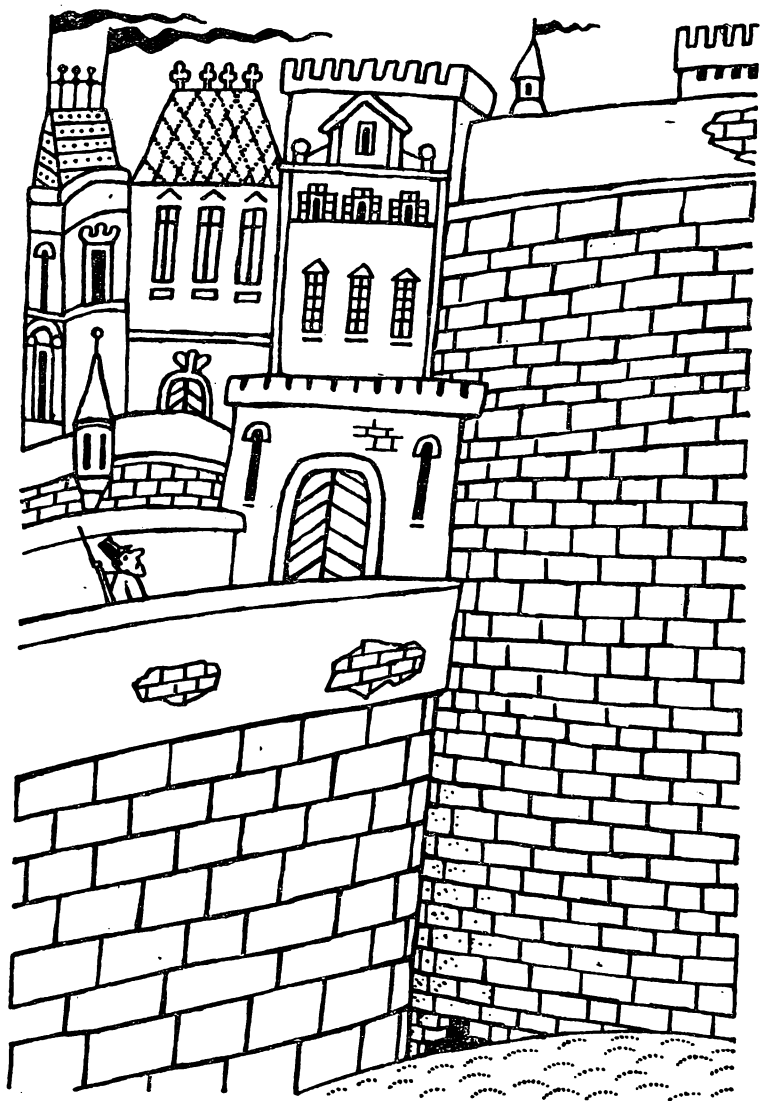
— Что за подкоп? — грозно спросил он, указывая на яму.

— Это кладовая Робинзона Крузо, — ответил Матиуш.

— Итак, за нарушение устава — день гауптвахты и за то, что заключённый номер двести одиннадцать копает ямы, — еще один.

Но начальник тюрьмы рассердился только для вида. Он боялся связываться с Матиушем: ещё пожалуется Кампанелле! А это было ему совсем некстати, потому что королева засыпала его подарками и обещала прислать жене бриллиантовую брошку в награду за хорошее обращение с узником. И потом, мальчишку скоро заберут отсюда. Поскорей бы избавиться от него!

Одно плохо: солдаты велели засыпать яму, куда Матиуш складывал провизию на дорогу. А делал он это так: половину порции съест, а половину спрячет в свою кладовую.

Время летело быстро. Матиуш притворялся, будто увлечён игрой: собирал жёлуди, палочки, устраивал возле стены садик, мастерил забор, строил из песка крепости. А сам незаметно поглядывал на солдат: смотрят они в его сторону или нет? Работа подвигалась теперь значительно медленнее. Вынутые из стены кирпичи приходилось прятать под курточку и относить на другой конец сада. Там была беседка, а под беседкой зияло подвальное окошко. Туда Матиуш бесшумно опускал на верёвке по кирпичу.

Стена толстенная, но Матиуш знает: спешить нельзя. Малейшая неосторожность может его погубить. А работа тяжёлая. Ногти сорваны, руки в незаживающих ссадинах и болячках.

О счастливый миг! Последний кирпич вынут, и рука высунулась наружу! Только бы не заметили. Только бы не случилось чего-нибудь непредвиденного.

Но случилось как раз нечто неожиданное, с той стороны стены бежала собака — и цап Матиуша за руку! Матиуш сморщился от боли, но не застонал, стерпел. Сделал вид, будто продолжает играть. Если собака не одна, а с человеком, Матиуш пропал. Человек увидит торчащую из отверстия руку и донесёт начальнику тюрьмы.

Пёс тьякнул. Матиуш выдернул окровавленную руку и сунул её в карман.

— Ты чего там делаешь? — подозрительно спросили солдаты, игравшие в сторонке в карты.

— Канарейку салатом кормлю, — с напускным спокойствием ответил Матиуш.

— Вот дурачок! Сдохнет она у тебя, — засмеялись солдаты, не прерывая игры.

Матиуш понял — откладывать побег нельзя: отверстие могут обнаружить. Спасибо собаке,

что цапнула его за руку и предупредила об опасности. Картёжники всё же обратили внимание на то, что Матиуш чем-то взволнован, и стали чаще посматривать в его сторону.

«Во вторник тюремный санитар явится стричь ногти и увидит покалеченную руку. Что я ему скажу?» — размышлял Матиуш. И он отчётливо представил себе, как трудно рассчитывать на успех, сколько опасностей и неожиданностей впереди. Но это его не расхолодило, а, наоборот, придавало ещё больше решимости.

Сегодня ночью!

Сразу после ужина, сославшись на головную боль, он лёг в постель и оставил форточку открытой. Сказал, что душно. Лёжа с головой под одеялом, нетерпеливо ждал он смены ночного караула.

Внезапно дверь камеры распахнулась. На пороге — начальник тюрьмы и представитель совета королей.

— Ваше величество, извольте собираться. Через час отправляется поезд к месту вашей ссылки. Вот бумага с печатью и подписями королей.

Матиуш, не говоря ни слова, встал и начал одеваться.

«Всё равно сегодня ночью убегу», — думал Матиуш, укладывая вещи в чемодан.

Всё пошло прахом. Отверстие готово, но какой в нём прок, если он никогда больше не попадёт в сад.

Другой бы на его месте отчаялся и окончательно потерял надежду. Но только не Матиуш. Он понял: самое главное — решиться. Остальное ерунда! Если даже придётся удирать по дороге, всё равно подготовка к побегу не прошла для него даром. Он научился владеть

собой, быть благоразумным и осторожным. Не знал, как это выразить словами, но чувствовал: основное — подготовить себя внутренне, чтобы сердце, мозг, воля были тебе послушны, а остальное приложится.

И Матиуш не падал духом.

Сборы были недолгие. Начальник тюрьмы ни на минуту не оставлял Матиуша в комнате одного, а когда подъехала машина, попросил написать в книге отзывов, что он, Матиуш, не имеет к нему претензий.

— Вашему величеству это ничего не стоит, а мне может пригодиться.

Матиуш согласился. Принесли чернильницу, бумагу, ручку, и Матиуш написал:

Настоящим свидетельствую, что не имею претензий к начальнику тюрьмы. Он добросовестно выполнял свой долг. Когда перед войной я арестовал министров, он стерег их, ибо такова была моя воля. А после войны он стерег заключенного № 211, ибо таков был приказ королей-победителей, и даже не отпустил мне за разбитую вазу.

Итак, пусть он выполняет свой долг, а я - свой.

Король Матиуш Первый.

Представитель совета королей расписался в тюремной книге в том, что получил Матиуша в целости и сохранности. Покончив с формальностями, они сели в машину и выехали из тюремных ворот.

Любопытно хотя бы одним глазком взглянуть на свою столицу. В театре как раз кончилось представление, а люди расходились по домам. Никто, конечно, не догадывался, что в

мчащемся по улицам автомобиле едет король Матиуш. Важных преступников всегда возят ночью, чтобы никто не знал. Из театра шли только взрослые — и ни одного ребёнка.

«Хитренькие, детей небось спать уложили, а сами развлекаются», — подумал Матиуш сердито.

Рядом на сиденье дремал представитель совета королей. «Открою дверцу и побегу».

Нет, ничего не выйдет. Днём, когда на улицах кишит детвора, убежать легче. И потом, как назло, ярко горят фонари и на каждом углу торчит полицейский.

На вокзале обстановка тоже не благоприятствовала побегу: представитель совета королей быстро провёл Матиуша через зал ожиданий и вывел на перрон прямо к вагону первого класса. Поезд через пять минут отправлялся за границу. Войдя в вагон, представитель совета поставил возле окна чемодан, на чемодан — клетку с канарейкой.

— Ну, а теперь давай спать!

«Он что, притворяется или правда такой соня?»

Нет, полковник Дормеско не притворялся. Другого такого соню не было во всём четвёртом артиллерийском дивизионе, в котором он служил. И четвёртый дивизион гордился им.

...Ещё в школе он сладко спал на уроках. Но никогда не храпел, поэтому учительница не замечала этого и считала его примерным учеником. Писал он без ошибок, читал тоже прилично — на четвёрку с плюсом (во время диктанта и на уроках чтения не очень-то поспишь — мешают), зато на арифметике он отсыпался. Товарищи посмеивались над ним, но он не обижался: характер у него был покладистый.

Однажды заснул он на уроке естествознания.

На этих уроках спалось как-то особенно хорошо: стояла мёртвая тишина да вдобавок монотонный голос учителя убаюкивал и глаза сами слипались.

— Ну-ка, Дормеско, повтори.

— Он спит, господин учитель.

Сосед толкнул его локтем в бок. Дормеско вскочил — стоит, глаза протирает.

— Ну, что тебе снилось? — спрашивает учитель.

— Большущий муравейник.

Ребята захохотали, а учитель сказал:

— Твоё счастье, что тебе приснился сон по естествознанию, не то вlepил бы я тебе кол.

Как-то, когда Дормеско было лет шестнадцать, к ним в гости пришёл отставной капитан.

— Главное в жизни — это призвание, — разглагольствовал он. — Любишь рисовать — будь художником! Любишь петь — пой! А в армии главное — дисциплина и беспрекословное повиновение.

— Ну хорошо, — говорит огорчённый отец Дормеско, — а как быть, если мальчик больше всего на свете любит спать?

— Если мальчик соня по призванию, поверьте мне, он не пропадёт. Ибо главное в жизни — призвание.

И старичок оказался прав: Дормеско пошёл служить в армию, и там не могли надивиться его отваге. В атаку его не посылали — для этого он не годился, зато в обороне был незаменим. Прикажут: «Стой на месте! Ни шагу назад!» — Дормеско окопается со своими солдатами и, хоть земля тресни, не двинется с места.

— Страшно было? — допытываются товарищи.

— А чего бояться? Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Жены у меня нет, плакать некому.

Дормеско был заядлым холостяком и терпеть не мог детей.

— Шумят, кричат, топают, озорничают. Маленькие по ночам спать мешают, большие днём не дают покоя...

Он любил ходить в гости, но дома, где были дети, обходил за версту. Вот почему, когда искали, кого бы послать с Матиушем на необитаемый остров, выбор пал на него. В самом деле, более подходящего человека не найти: полковник, да вдобавок детей ненавидит.

Чин полковника Дормеско получил за оборону Четвёртого Форта Смерти, самого важного в крепости. Сорок четыре раза бросался неприятель в атаку, но Дормеско не отступил ни на шаг. Правда, командование не поскупилось на порох — знали, неприятель не пожалеет сил, чтобы овладеть важным фортом. Дормеско отдал приказ: «Стрелять без передышки день и ночь».

И вот солдаты палят, а Дормеско дрыхнет. Как известно, мешает только внезапный шум, а к бесперерывному человек привыкает и перестаёт его замечать.

Скоро подоспело подкрепление, и враг был побеждён.

— Позвать ко мне отважного защитника Форта Смерти! — приказывает главнокомандующий.

— Никак нельзя. Не велели будить, — ответил недотёпа денщик.

Так Дормеско стал полковником. А сейчас он растянулся на мягкой полке и спит, посвистывая носом: «Фьюить-фьюить, фьюить-фьюить...»

«Погоди, ты у меня посвистишь!» Матиуш подкрался на цыпочках к двери, отодвинул её чуть-чуть и заглянул в щёлочку.

Дело плохо: в коридоре часовой. Матиуш задвинул потихоньку дверь и неслышно подошёл к окну. Как приятно, когда на окне нет

решётки. Но как оно открывается? Внизу толстый кожаный ремень неизвестного назначения. Наверху тоже кусок кожи. Матиуш прикрыл клетку полотенцем: боялся, как бы канарейка не запела. Потом поставил клетку на пол, влез на чемодан и стал орудовать. Потянул ремень вниз — стекло ни с места; подтолкнул кверху — немного подалось и застряло. Если разбить окно, полковник проснётся... Ага, вспомнил: однажды при нём открывали в вагоне окно. Тогда он не предполагал, что это, как любое знание, может пригодиться в жизни.

И вот, приподняв стекло немного кверху, он потянул ремень на себя, и оно опустилось. В купе ворвался громкий перестук колёс. Матиуш посмотрел, высоко ли. Ничего, выпрыгнуть можно. Надо только станции дожждаться.

А дальше что? Денег — ни гроша. И без еды до столицы не доберёшься. Может, у стрелочника спрятаться? Хорошо, что он навестил его, возвращаясь с войны. Добрая стрелочница наверняка его не выдаст.

Полковник беспокожно заворочался во сне, и Матиуш поспешил закрыть окно. Как бы соню не разбудил холодный ветер!

А полковник натянул на голову шинель и продолжал спать.

«Это мне на руку», — подумал Матиуш.

Время тянулось невыносимо медленно. Матиуш боялся прозевать станцию. А может, не стоит ждать? Он вспомнил изнурительные походы во время войны и подумал: «Сейчас мне не хочется спать, но вдруг сон сморит меня под утро? Тогда прощай свобода!»

Два полустанка, станция. Нет, не та. Опять полустанок. Наконец-то его станция! Открыть окно и выскочить было делом одной минуты. И вот он уже бежит вдоль насыпи, а впереди во мраке мерцает свет в окне у стрелочника.

Матиуш мчится что есть духу...

Свобода!

Из предосторожности он спрятался в сарайчике и ждёт: может, заметили, как он выпрыгнул в окно, и кинулись в погоню? Нет, всё спокойно, поезд отошёл от станции.

«Пусть начальник тюрьмы выполняет свой долг, а я — свой», — смеясь подумал Матиуш.

Соня-полковник продрал глаза, только когда поезд подъехал к границе. Смотрит: окно открыто, а Матиуша нет.

«Хорошенькое дело! Удрал! А ведь мне приказано доставить его на необитаемый остров. Как же я его доставлю, коли он удрал? Кажется, ему ясно было сказано: спать! Неслыханное дело! Мальчишка посмел ослушаться моего приказа! Что делать? Стрелять? Но из чего? Пушки нет. И в кого! И как стрелять без приказа?»

Полковник Дормеско вынул из портфеля приказ и прочёл:

По получении сего полковнику Дормеско немедленно надлежит передать командование капитану, а самому явиться в столицу и отвезти Матиуша с вещами на необитаемый остров. Сухопутным и морским войскам вменяется в обязанность оказывать полковнику Дормеско всяческое содействие. По возвращении приказываем подать рапорт.

— Ну ладно, отвезу на остров канарейку и чемодан, а по возвращении подам рапорт,— рассудил полковник. Потом вздохнул, почесал затылок, закрыл окно и, прикрывшись шинелью, заснул. А поезд мчался всё дальше и дальше.

Три дня провёл Матиуш под гостеприимным кровом стрелочника.

«Спохватятся, что меня нет,— размышлял он,— начнут рыскать, пустятся в погоню, устроят облаву, но никому в голову не придёт, что я у них под носом притаился».

В первую войну стрелочник выкопал под хлевом яму, чтобы в случае опасности было где укрыться. Если нагрянут с обыском, там спрячется Матиуш. Но пока всё спокойно.

Заглянул, проходя мимо, дежурный по станции, хороший знакомый стрелочника, и говорит:

— Вчера ночным поездом какого-то преступника везли. Я часового видел в вагоне.

— Может, это денщик был?

— Да нет, он с винтовкой стоял.

— Или посол ехал иностранный?

— Может, и так.

«Осторожность не мешает,— подумала про себя жена стрелочника.— Беглецов иной раз в открытую ищут, а иной раз и потихоньку, тайно. Кто знает, что у него на уме».

— Ох, ваше величество, если бы вы знали, как нам без вас плохо живётся,— жаловалась стрелочница.— Всяк распоряжается, а жалованье платить никто не хочет. Ещё перед войной завели новые порядки: ребятам велели поезда водить, а взрослым — в школе учиться. Болтали, будто сам Матиуш так распорядился. Нашлись дураки, поверили. «Не к добру это,— сказала я тогда.— Позавидовали, видно, си-

роте. В его царствование шоколада больше было, чем сейчас хлеба!» Что-то дальше будет?

Матиуш ходит по комнате: руки — за спиной, лицо хмурое.

«Хватит без дела сидеть и бедных людей объедать. Пора в путь».

Стрелочник с женой уговаривали его подождать немного.

— Нет,— говорит Матиуш,— надо поскорей попасть в столицу, узнать, что там происходит.

Стрелочник принёс от кума старенькую, латаную одежонку. Матиуш переоделся, взял на дорогу ломоть хлеба (от сыра отказался) и денег ровно столько, сколько стоит билет со следующей станции: на этой он не рискнул садиться на поезд.

Безо всяких приключений прошёл он пятнадцать вёрст, купил билет в вагон третьего класса и под вечер был уже в столице. На всякий случай Матиуш надвинул на глаза шапку.

— Эй, малый! Отнеси мешок, заплачу.

«С превеликим удовольствием». От мешка так аппетитно пахло, что у Матиуша слюнки текли. Мешок набит колбасами, сосисками, сардельками и свиным салом.

— Ты сейчас приехал?

— Да. Верней, вчера.

— А город знаешь?

— Немного. То есть нет: ведь я только вчера приехал.

— Издалека?

— Нет, то есть да.

— Ну, пошевеливайся!

Колбасник подгоняет мальчика. А у того руки занемели, голова кружится. Идут, идут

они, Матиуш совсем из сил выбился. Приостановился дух перевести.

— Послушай-ка, парень, не вздумай улизнуть с мешком. Меня не проведёшь. Знаю я вас, пташек, которые не то сегодня, не то вчера, не то из далёких мест, не то из ближних прилетают. Крутитесь возле вокзала, ищите случая поклажу отнести, а сами так и норуйте на первом же перекрёстке дать тягу. Я вас мигом узнаю по этой надвинутой на глаза шапке! Недаром до того, как колбасой торговать, я два года в полиции служил. Ну-ка поворачивайся да поживей!

У Матиуша словно оборвалось что-то внутри, но он, не говоря ни слова, опять взвалил на спину тяжёлый мешок. Руки одеревенели, а ноги сами несли его вперёд.

— Эй, пан Михал! Слышал новость?

Навстречу, откуда ни возьмись, полицейский.

— Куда путь держишь?

— Да вот товар несу. А что за новость?

— Короля Матиуша в ссылку отправили. Только смотри — молчок, никому ни слова. Это служебная тайна. Тебе как старому другу говорю.

— Как же так? Даже в газетах не сообщили.

— Беспорядков боятся. Ох и жалеет Матиуша народ! И детвора, и взрослые. Только поздно теперь жалеть. Надо было раньше думать, белых флагов не вывешивать.

Опустил Матиуш мешок на землю. Слушает.

— Останься Матиуш королём, ты, глядишь, годков через пять не колбасу, а золото мешками бы носил.

— А откуда ты знаешь, что его сослали?

— Тюремный сторож сказал. А Клу-Клу отправят к отцу... как зовут-то его, Бум-Друм,

что ли? Печальный король будто бы от престола хочет отречься и добровольно уехать на необитаемый остров... А ты чего уши развешил? — накинулся на Матиуша полицейский.

— Он со мной. Мешок помогает нести.

— Ну ладно, идите. Завтра у меня после ночного дежурства день свободный — загляну к вам. Ох, жалко Матиуша!

— Погоди жалеть. По моему разумению, этим дело не кончится. Он ещё воротится, вот увидишь.

— Только бы глупостей больше не делал.

— Ну, малый, пошли!

Колбасник помог Матиушу взвалить на спину мешок. И удивительное дело: усталость как рукой сняло. Мешок словно легче стал. Матиуш летел как на крыльях.

Ну вот и узнал почти все новости. Одно странно: почему его не ищут? Или ещё не знают, что он убежал?

— Стой! Ишь разлетелся! Или дорога коротка показалась? Заходи в ворота.

Из подворотни две ступеньки вели вниз, в квартиру лавочника. Матиуш споткнулся и упал бы, не поддержи его колбасник. Матиуш прислонился к двери, закрыл глаза, а сам весь дрожит.

— Ты чего? — перепугался колбасник, увидев, как мальчик побледнел.

— Я голодный, — пролепетал Матиуш и потерял сознание.

Он уже в тюрьме не доедал, оставляя половину порции на случай побега. У стрелочника тоже ел мало: совестно быть нахлебником у бедняков. Потом пятнадцать вёрст отмахал и ничего, кроме хлеба, не ел. А теперь ещё мешок с колбасой. Тут и взрослый не выдержал бы. И, наконец, — неизвестность, боязнь

погони, неожиданное известие, что страна помнит о нём и надеется на его возвращение.

Матиуша положили на диван.

— Выпей-ка молока.

Лавочник расстегнул ему курточку на груди. Во-первых, чтобы дышать было легче, а во-вторых, как заправский полицейский, хотел метрику поискать. Умрёт мальчишка без документов — хлопот не оберёшься! В кармане он нащупал что-то твёрдое и вытащил фотографию покойной королевы.

— Эй, парень, попей молока! А ну, открой глаза!

Закалённый в походах, Матиуш быстро пришёл в себя. Ему стало стыдно и немного страшно: не сказал ли он чего лишнего в беспамятстве? Уж больно чудно смотрят они на него.

— Как тебя зовут?

— Янек.

— Слушай, Янек, больно ты нежный, как я погляжу. Руки у тебя белые, хоть и в царапинах. И врать ты не мастер — это сразу видно. Зря ты мне морочил голову на вокзале. Голодный, худой, хотя мальчишка ты, видать, крепкий. И документов у тебя нет, только фотография королевы в кармане. Что всё это значит?

— Мне душно, откройте окно!

Матиуш пьёт молоко, закусывает хлебом и чувствует, как к нему постепенно возвращаются силы. Но притворяется, будто ему всё ещё плохо: закрывает глаза, а сам в сторону окна поглядывает, чтобы удрать в случае чего.

— Оставь его в покое, — сказала колбаснику жена. — Видишь, ребёнок чуть живой. Завтра успеешь допросить, пусть выспится сперва.

— Ты меня уму-разуму не учи. Недаром я два года в полиции прослужил. Скажи-ка мне...

— А я тебе говорю — заткнись! Понял? В полиции он служил, недотёпа... А сейчас почему не служишь? Потому что выгнали. Другие богатство нажили, а ты что? До самой смерти колбасой будешь торговать. А ну показывай, чего привёз!

Пока они разгружали мешок, Матиуш положил голову на стол и заснул.

— Постыдился бы, дурень, на ребёнка такую тяжесть взваливать! Как-никак его Янеком зовут.

Янеком звали её единственного сына, который погиб на войне.

— Сразу видать, славный мальчонка: у озорника была бы фотография Матиуша, а не королевы.

Матиуш спал очень чутко и, услышав сквозь сон своё имя, проснулся.

— Песенка Матиуша спета: его на необитаемый остров сослали.

— Жалко, раньше этого не сделали, был бы наш Янек жив. Ох, попался бы мне этот Матиуш!..

— Матиуш был король мудрый, воинственный и смелый.

— Перестанешь ты или нет?

— А вот не перестану! Что ты мне сделаешь?

— На, получай!

Жена размахнулась да как трахнет мужа колбасой по голове! Колбаса напололам разломилась.

Видно, супруги жили недружно. И так повсюду: если муж любил Матиуша, жена терпеть его не могла. Брат хвалит Матиуша, сестра высмеивает. А сколько драк из-за этого было в школах — ужас!

Дошло до того, что обер-полицмейстер издал указ, запрещающий упоминать имя Ма-

тиуша в театрах, парках и прочих общественных местах. Нарушители карались штрафом или тремя днями ареста.

Но результат получился обратный: о Матиуше стали говорить ещё больше. Так уж водится: всё запретное кажется особенно заманчивым.

Матиуш уплетает булку с колбасой, запивает сладким чаем, болтает о том о сем, а сам ждёт: сейчас опять начнут выпытывать, кто он да откуда. Но нет, не спрашивают. Тем лучше.

Целый день только и слышится:

— Янек, принеси!.. Янек, замети!.. Подай!.. Убери!.. Завяжи!.. Вылей!..

Хотят испытать, послушный ли он, смышлённый, расторопный. Наверно, из дома убежал. Ребята нынче совсем от рук отбились. Моду завели: чуть что не по ним — бегут из дома. Поскитается такой беглец по белу свету, наголодается, наголодается, хлебнёт горя и домой к папе с мамой воротится. Родители рады-радехоньки, что ребёнок жив-здоров, лишнее слово сказать ему боятся. Ну, и мальчишка, наученный горьким опытом, тоже не больно-то хорохорится.

— Ничего, поживёт немного, освоится и сам всё выболтает. А пока пусть поработает. Лишь бы честный был.

Насчёт этого он молодец! Пошлют за покупками — сдачу всю до копейки принесёт. Тихий, неразговорчивый. А вот едок плохой.

— Ешь, Янек, — уговаривают его хозяева. — Еды на всех хватит. Не срами перед соседями, подумают, мы тебя голодом морим — уж больно ты худой.

— Не могу, зубы болят, — говорит Матиуш, а сам с тревогой в зеркало на себя поглядывает.

Рано или поздно побег обнаружится. Начнутся поиски. А может, и сейчас уже ведутся.

Тогда никакая одежда не спасёт. Слишком многие знают его в лицо. Одна надежда, если он похудеет.

Бегают Матиуш по разным поручениям. Попадёт ему в руки газета, он спрячет её и читает украдкой. Потом стал читать открыто, не таясь. А то новое объявление на стене увидит, остановится и прочтёт. Теперь он был в курсе всех событий.

А события были такие. Государственный канцлер и казначей удрали за границу; они ещё до войны, втайне ото всех, переправили туда драгоценности и капиталы. Военный министр открыл школу танцев. У министра здоровья — склад аптечных товаров: он туалетным мылом и зубным порошком торгует. Министр юстиции после суда над Матиушем с присущей ему честностью и прямоотой заявил, что не желает иметь ничего общего с правосудием, и пошёл работать кондуктором. Министр торговли держит овощную лавку и на паях с церемониймейстером владеет кинематографом. Министру просвещения не повезло: он продаёт на вокзале газеты. А бедняга доктор умер от огорчения.

В королевском дворце поселились иностранцы. В столицу со всего света съехалось видимо-невидимо мошенников и авантюристов. Они занимают лучшие места в театрах, раскатывают на автомобилях по улицам, пьют и едят в дорогих ресторанах, а население расплачивается за это тяжким трудом.

Во взрослом парламенте устраивают состязания силачей, а в детском — выступления маговволшебников.

Казармы превратили в пивоварню, потому что с горя люди потребляют в огромных количествах пиво.

Негритята — кто в ученики к трубочистам

пошёл, кто в кафе служит: газеты подаёт посетителям, мраморные столики вытирает.

«С чего же начать? — мучительно думает Матиуш. — Кому-то надо открыться — один в поле не воин».

Однажды остановился он перед овощной лавкой бывшего министра. «Может, войти?» Матиуш не испытывал никакой симпатии к этому министру, он знал его как человека весьма практичного. Но на этот раз так и не решился переступить порога и вернулся домой ни с чем.

— Мне хочется яблок.

Матиуш никогда ни о чём не просил, и лавочник дал ему денег.

— Полфунта яблок.

Бывший министр вздрогнул при этих словах: он сразу узнал Матиуша по голосу и, метнув на мальчика испуганный взгляд, уронил полуфунтовую гирию.

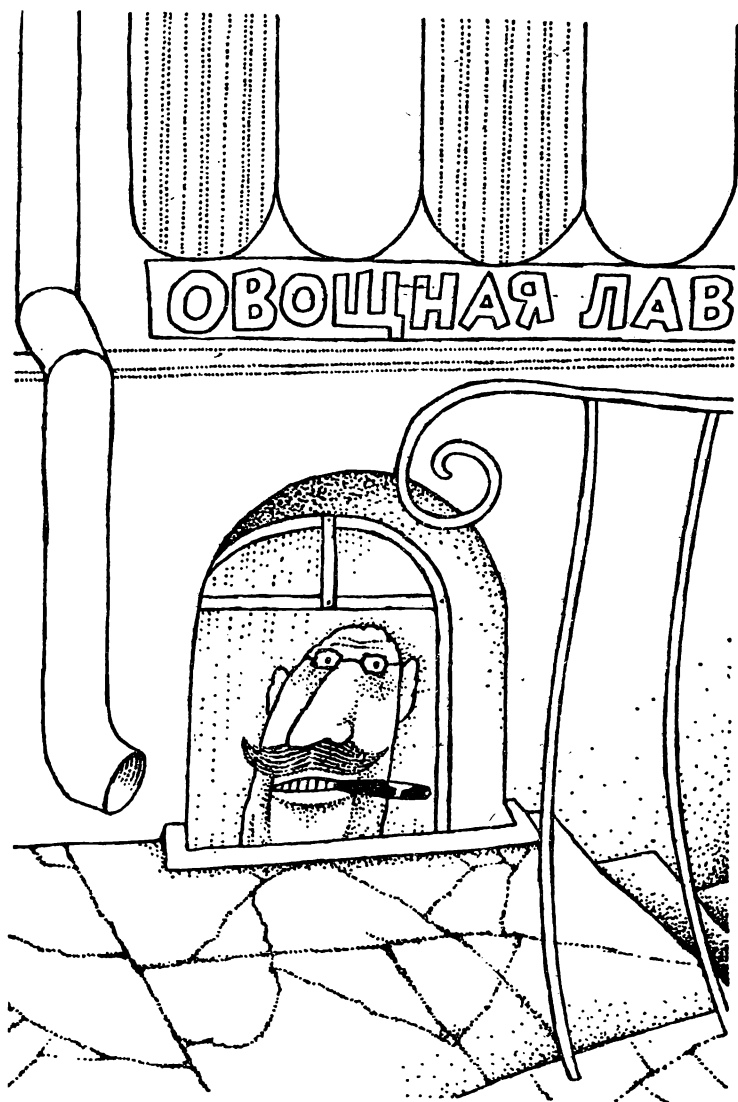
— Вашество...

Матиуш приложил палец к губам.

— Ах, что я болтаю... — пролепетал экс-министр и, обернувшись к продавцу, сказал: — Поднимите гирию... нет, принесите-ка мне папиросы... А вы, — обратился он к кассирше, — пересчитайте, пожалуйста, выручку.

Распорядившись, он незаметно сделал Матиушу знак, чтобы тот следовал за ним в каморку за лавкой, где помещался склад.

— Как вы смеете, ваше величество, подвергать меня такой опасности! — зашипел он злобно. — У меня и так хватает неприятностей. Был министром, а теперь докатился до того, что яблоками торгую. В стране строжайше запрещено произносить даже имя короля, и если кто-нибудь узнает... Прошу вас, умоляю больше никогда не приходите сюда, иначе, честное слово, я вынужден буду донести в полицию. У меня

жена, дети, я не имею права рисковать благополучием семьи.

— Но я хотел только узнать...

— А я ничего не знаю и не желаю знать! — перебил его министр.— Извольте, могу дать вам фунт, ну три фунта яблок или груш, но на большее не рассчитывайте.

— Я в милостыне не нуждаюсь,— гордо сказал Матиуш и ушёл не простившись.

Бедный король-скиталец! Посещение овощной лавки отбило у него всякую охоту обращаться к другим министрам. Думал, думал Матиуш и пришёл к выводу, что у него есть следующие возможности.

Первая. Ворваться в толпу с криком: «К оружию!» Раздать населению винтовки, арестовать иностранных послов, выкопать вокруг города оборонительные рвы и ещё раз попытаться счастья на поле боя.

Вторая. Прийти во дворец и заявить: «Я — король Матиуш Первый!» Пусть ссылают на необитаемый остров.

Третья. Оставаться мальчиком на побегушках и выжидать.

Четвёртая. Отправиться к Печальному королю... Нет, на такое унижение он не пойдёт.

И Матиуш выбрал третья: то есть решил ждать. «Не может ведь так продолжаться вечно».

И вот Матиуш трудится не покладая рук. Встаёт чуть свет, подметает пол в лавке, ходит на базар с кошёлкой, топит печь, чистит картошку, разносит по домам покупки.

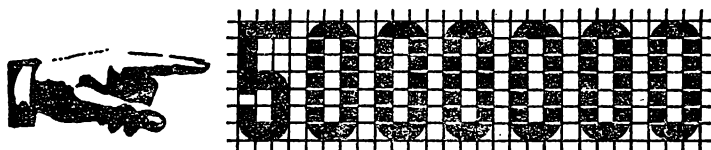
— Янек, возьми пятьдесят сарделек и десять фунтов колбасы и отнеси в ресторан на Новую улицу — ту, что раньше называлась улицей Матиуша Реформатора.

— Хорошо.

Идёт Матиуш с корзиной, а на улицах не-

обычное оживление. Всюду полно солдат, полицейских, они прохаживаются взад-вперёд и останавливают взрослых и детей. Посмотрел Матиуш по сторонам и видит на стене объявление, а на нём большими буквами: «5 000 000 вознаграждения».

Наконец-то!

ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ.

Бывший король МАТИУШ ПЕРВЫЙ по пути на необитаемый остров бежал из-под стражи в неизвестном направлении. Кто поймает МАТИУША или укажет, где он скрывается, получит вышеозначенное

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ.

Все мальчики в возрасте МАТИУША обязаны иметь при себе метрику. Во избежание недоразумений предупреждаем родителей, что мальчики без документов будут ЗАДЕРЖИВАТЬСЯ.

«Пять миллионов! — покачал Матиуш головой. — Вот никогда не предполагал, что короли ценятся так дорого. Сколько сарделек можно получить в обмен за одного короля!»

В душе он обрадовался: наконец-то перемена! И решил к колбаснику не возвращаться. Они ему до смерти надоели своими распросами: кто он да откуда, в какой школе учился; зачем сидит уткнувшись в газету — всё равно ничего не поймёт; почему носит при себе фотографию королевы, и так далее. Вернись он к ним сейчас, они непременно догадаются, кто он.

— Откуда идёшь? — остановил его патруль.

— От мясника.

— Свидетельство есть?

— Есть.

— А ну покажи.

Матиуш с невинным видом показывает колбасу.

— Дурачок, это колбаса, а не свидетельство. Предъяви документ.

— Пусти его, чего с дураком толковать.

Две улицы прошёл — опять патруль.

— Документы!

— Пропустите, пожалуйста, я очень спешу: хозяин ресторана ждёт.

На этот раз тоже повезло — пропустили. Однако Матиуш видит, дело принимает серьёзный оборот, и стал пробираться боковыми, узенькими улочками на окраину города.

— Стой! — раздался окрик.

Но Матиуш как ни в чём не бывало идёт дальше.

— Стой! Стрелять буду!

Матиуш продолжает путь, словно не слышит. Солдат выстрелил в воздух. Матиуш — чоль внимания.

— Ах ты негодяй, шутки шутить вздумал с полицией!

Матиуш объяснил знаками, что он, мол, глухой.

— Отпустить его, что ли? Глухой как пень. Даже выстрела не слышал.

— А мне какое дело! Приказано арестовывать — значит, нечего рассуждать. Вернёмся с пустыми руками — от начальства попадёт. Может, мошенник, притворяется глухим, а сам украл колбасу?

Дело дрянь. Пока не поздно, надо ноги унести. Еда пригодится: несколько дней придётся скрываться.

Солдаты идут, не торопятся, переговариваются между собой:

— Совсем сбесились. Матиуш убежал с необитаемого острова, а они его здесь ищут. Только бы этим толстосумам людей мучить...

По дороге зацапали еще двух мальчишек. Ни просьбы, ни слёзы не помогли — солдаты только ещё больше разозлились. Образовалась целая процессия: впереди трое ребят, сзади солдаты, а сбоку четыре пса — за корзиной с колбасой увязались. В последнее время на окраинах развелось много бездомных собак. Обедневшим ремесленникам самим нечего было есть, и они повыгоняли собак на улицу.

Матиуш вынул из корзины связку сарделек, повесил на шею, обмотал вокруг пояса, в каждую руку взял по колбасе, корзину поддал ногой — и дёру.

— Лови его, держи!..

Матиуш бежит впереди, за ним — собаки, за собаками — солдат. Другой остался стеречь мальчишек.

Солдат даже винтовку бросил на бегу, чтобы не мешала, и вот-вот догонит Матиуша. Ма-

тиуш обернулся и — бац! — в собак колбасой. Собаки накинулись на неё, сцепились, покатились клубком прямо под ноги солдату. Тот растянулся во весь рост на мостовой, а собаки давай его кусать. Матиуш перемахнул через забор, пробежал один двор, другой и очутился возле сада, а в нём детвора: маленькие, большие, девочки, мальчики. В глубине сада — дом, калитка открыта настежь; в стороне — другой дом, поменьше, за ним кусты.

Тут прозвенел звонок, и ребята побежали к дому.

«Школа, наверно», — подумал Матиуш.

Сад опустел. Матиуш сидит в кустах и высматривает укромное местечко, куда бы спрятать свои припасы.

— Это не школа, а приют. В школе только учатся, а мы здесь живём: спим, едим. Мой отец на войне погиб. А твой? Чтобы приняли в приют, надо подать заявление. Это страшная волынка! Мой тебе совет: оставайся, никто не заметит. Раньше дело другое: мы были одинаково одеты. Но после войны никакого порядка нет: каждый делает что хочет.

— Но ребята сразу заметят, что я новенький, — возразил Матиуш.

— Мура! Старшим по сардельке дашь, чтобы язык за зубами держали, а малыши не пикнут — боятся нас. Не послушаются — подзатыльник получают. У нас с ними разговор короткий! Впрочем, посиди в кустах, а я посоветуюсь со скаутами.

— Значит, у вас скауты есть? — обрадовался Матиуш.

— Одно название, что скауты: папиросы курят и даже пояса со скаутским ножом ни у кого нет. Говорю тебе: сплошной ералаш.

Каждый делает что хочет. Сказал бы я тебе одну вещь, да, боюсь, проболтаешься. Послушай: у нас тайное общество есть, Зелёного Знамени. А патрон наш — только помни: это тайна, — Матиуш. Мы решили выкрасть его с необитаемого острова. Да смотри не проговоришься, не то тебе не поздоровится. Мы свято храним нашу тайну...

Прозвенел звонок.

— Подожди меня здесь. Мне на урок надо идти. У нас только на первом уроке проверяют, кто отсутствует, а потом хоть целый день гуляй! На, держи кусок хлеба...

Матиуш съел хлеб и две сардельки. Сидит он в кустах и думает: как быть дальше? А тут в сад нагрянула полиция.

«Искать будут».

Но они пожаловали по другому поводу: привели из тюрьмы около ста мальчишек, задержанных на разных улицах. Родители собрались перед тюрьмой и устроили скандал.

— Не хотим, чтобы наши дети сидели вместе с ворами! — кричали они.

Пришлось ребят перевести из тюрьмы в приют.

Навстречу этой ораве выбежал толстяк — размахивает руками, кричит, сердится:

— Почему заранее не предупредили? Куда я их дену? Откуда взять столько мисок и кружек? Где их спать укладывать?

— Наше дело маленькое. Мы выполняем приказ начальства, — сказали тюремные надзиратели и удалились.

В сад выскочили приютские ребята и смешались с новенькими. Путаница, неразбериха. Из дома вынесли два стола и стали записывать имена и адреса вновь прибывших ребят.

— Мой папа адвокат.

— Мой папа жандарм.

— Моя мама актриса.

— Мой папа иностранный посол.

Тут к воротам подкатил автомобиль.

— Папа приехал!

— По какому такому праву вы задерживаете моего сына? Что за безобразие! — накинулся посол на толстяка.

В это время полицейские привели ещё сорок пленников.

— Отдайте мне сына!..— вопит жена посла.

В сад ворвалась целая толпа родителей. Плач, ругань, галдёж.

«Пожалуй, можно вылезти из кустов,— подумал Матиуш.— Какой, однако, странный способ ловить преступников! Не удивительно, что это им так редко удаётся. Теперь я в безопасности».

И Матиуш до того осмелел, что протиснулся к столу, возле которого стоял толстяк, пытаюсь успокоить разбушевавшихся родителей.

— Уважаемые родители, я директор приюта, а отнюдь не тюремщик. Для меня, как и для вас, это тоже неприятный сюрприз. Перед вами учёный-педагог, автор научных трудов, посвящённых воспитанию детей. Я написал книгу под названием «365 способов унять детский шум». Мне принадлежит научное исследование, в котором решается сложнейшая проблема, какие пуговицы практичней — металлические или роговые. Моё третье педагогическое сочинение называется так: «Разведение свиней в приютах». Не правда ли, на первый взгляд странное название? Но если вдуматься, всё станет ясно. Где много детей, там много картофельных очистков и помоев. И вот, чтобы добро не пропадало даром, в моём приюте в рекордно короткие сроки откармливаются жир-

ные свиньи. За свои научные открытия я награждён двумя серебряными медалями. Я каждого ребёнка насквозь вижу. По глазам, по носу, по ушам — словом, по всему могу с точностью определить, кто из него вырастет. Вот взгляните, пожалуйста, на эту девочку... — И директор показал на стоящего возле стола Матиуша. — Обратите внимание, какое у неё доброе личико и смыслённые глазки. Она совсем недавно в нашем приюте, но я успел досконально изучить её. У неё нет от меня тайн. Я читаю в её душе, как в раскрытой книге.

При этих словах директор положил руки на голову Матиуша и пристально посмотрел ему в лицо. Матиуш не на шутку испугался: вдруг этот толстый чудак в самом деле умеет читать в душе?

Убедившись, что их детям не грозит опасность и они попали к опытному педагогу, родители успокоились и разошлись по домам. Только иностранный посол позвонил обер-полицмейстеру и, получив разрешение забрать сына, сел в автомобиль и укатил.

Минуты не прошло, как в сад снова с криком выбежал директор:

— Господа воспитатели! Через полчаса сюда съедутся разные знаменитости обсудить вопрос, как поймать беглого короля. Переоденьте детей, вымойте им уши, утрите носы. Смотрите, чтобы ни одного сопливого носа не было! И пусть какая-нибудь девочка преподнесёт обер-полицмейстеру цветы. Лучше всего та, с миленькой мордашкой... Эй, слуги, убраться в помещение!

И умчался как вихрь.

— Где девочка, которой господин директор велел преподнести цветы? — спрашивает воспитатель.

— Это я,— робко говорит Матиуш.— Только я не девочка, а мальчик.

— Как ты смеешь возражать, наглец! Если господин директор говорит, что ты девочка, значит, так оно и есть. За упрямство и непослушание останешься завтра без обеда!..

И вот Матиуш в белом платье с розовым бантом преподнёс обер-полицмейстеру цветы. Следом за обер-полицмейстером приехали главный следователь, главный криминалист, шеф жандармов, начальник шпионов и контрразведчиков и двадцать отечественных и иностранных сыщиков.

Первым взял слово директор приюта:

— Господа! Я воспитатель и автор научных сочинений о детях. Я слежу, чтобы дети не теряли носовых платков, не шумели, не отрывали пуговиц. Но если вы хотите найти пропавшего ребёнка, в моём лице вы найдёте лучшего помощника, ибо я — знаток детских душ. Так вот, я как специалист со всей ответственностью утверждаю: Матиуша в столице нет! Он наверняка спрятался в лесу, и его, спящего, подобрали цыгане или какая-нибудь сердобольная крестьянка. Итак, Матиуша следует искать в цыганском таборе или в деревне. Если его узнают, то непременно выдадут: он всем насолил. А если не узнают, он сам в конце концов проболтается. Но у простого, неотёсанного мужика не может быть педагогического чутья. Поэтому пройдёт ещё несколько недель, прежде чем он поймёт, кого приютил в своём доме. Другое дело — в столице, где нет человека, который не знал бы Матиуша в лицо. Да он здесь и пяти минут не мог бы скрываться!

А Матиуш стоит возле двери и слушает. Так распорядился директор, на случай, если

понадобится принести стакан воды или поднять что-нибудь. Взрослые сами не любят погибаться: у них кости болят.

Совещались долго — каждому хотелось высказаться. В конце концов постановили: пусть дети переночуют в приюте, а завтра — по домам! Родителям разрешается принести им обед. Приютская кухня на них не рассчитывала, а оставлять детей голодными не годится. И больше мальчиков на улицах не задерживать.

На этом совещание окончилось.

Когда Матиуш переделся и вышел во двор, его окружили ребята.

— О чём они говорили?.. Что делали?.. Ели что-нибудь вкусное? А тебя угощали?.. Тебе не стыдно было в девчачьем платье?.. Когда нас отпустят домой?.. А что сегодня на обед?..

— Я ничего не видел и не слышал. Ничего не знаю и не скажу,— буркнул Матиуш не очень любезно.

Ребята быстро от него отстали: некогда было. Каждому хотелось выменять что-нибудь у пленников.

— Знаешь, мне очень нужен ножик, а тебе он ни к чему.

— Послушай, дай мне зеркальце, у тебя дома лучше есть.

— Дашь пряник — секрет скажу.

— Гляди, как у меня волосы рассыпаются, отдай мне свою заколку...

Попрошайничали не все ребята, но глазели на необычайное зрелище все. Ещё бы! Такое не каждый день увидишь. В обычное время они бегали по двору или ходили парами по улицам. А ходить парами неприятно: мальчишки дразнятся и на витрины не поглазеешь.

Да, я забыл сказать, что Матиуша наряди-

ли в платье директорской дочки, а потом выдали мальчишескую одежду, но не ту, в которой он пришёл. И теперь Матиуш ничем не отличался от остальных ребят.

И вообще было не до него. До позднего вечера родители приносили гостинцы. Такого роскошного пиршества не помнили даже самые старшие воспитанники.

Вот так веселье! А всё из-за кого?

— Да здравствует король Матиуш! — раздался чей-то несмелый голос.

— Да здравствует!.. Да здравствует!.. — дружно подхватили все ребята.

«Да здравствует полковник Дормеско!» — чуть не вырвалось у Матиуша.

Полковник Дормеско, сам того не подозревая, оказал Матиушу огромную услугу. С тех пор как Матиуш убежал, прошло три дня, а поезд ехал вперёд без остановки. Дормеско спал, часовой стоял в коридоре и караулил королевского пленника.

Приехали к морю. На берегу собралась толпа зевак. Весть о том, что корабль в порту ждёт Матиуша, моментально распространилась по округе.

Из вагона вынесли чемодан Матиуша, потом чемодан полковника, потом клетку с канарейкой. Наконец вышел сам полковник: пять солдат с одного бока, пять с другого.

— А где Матиуш? Матиуш где? — заволновалась толпа.

Зеваки разозлились: два часа мокли под дождём и прозевали Матиуша. Но что это за таинственная клетка? — недоумевают любопытные.

— Где Матиуш? — спросил без обиняков начальник порта.

— Не суйтесь не в своё дело! — огрызнулся Дормеско.— Или вы морская и сухопутная власть?

— Так точно!

— Тогда вы обязаны оказывать мне всяческое содействие. Дайте лодку. И как только мы поднимемся по трапу, велите сниматься с якоря.

Смотрит капитан корабля и диву даётся. Матросы тоже удивлены.

«Кто знает, — думают эти суеверные люди, — может, Матиуша заколдовали? Или его вообще не было?»

Приехал Дормеско на необитаемый остров, получил квитанцию за доставленные вещи и отправился в обратный путь. Но спится ему неспокойно, угрызения совести мучают во сне. Как-никак неприятно старому служаке не выполнить приказа.

Рапорт полковника, как важный исторический документ, приводится дословно:

.....
✓ Пункт I приказа { Крестовый Форт Смерти.
выполнен. Четвертый Форт Смерти.
.....
✓ Пункт II приказа выполнен. Пункт III ..
НЕОБИТАЕМЫЙ остров доставлены вещи
Матиуша
квитанцию прилагаю.
выполнение IV пункта приказа
подтверждается настоящим рапортом.
Бывший король Матиуш
по дороге [исчез].
✓ Полковник Дормеско.

Дормеско отправил рапорт с вестовым и, утомлённый дорогой, завалился спать. Что тут началось! Такого скандала свет не видывал.

Дормеско грозили, что его расстреляют, в солдаты разжалуют, сошлют в штрафной батальон, на каторгу. Но это всё ерунда по сравнению с паникой, охватившей самих королей. Каждый день по три совещания, и одно — ночью! И каждое совещание в другом городе, а иногда в двух городах одновременно. Сначала хранили всё в тайне. Но прониры-журналисты пронюхали, что Матиуш убежал, и куда короли — туда и они. Поезда мчатся на всех парах. Министры теряют чемоданы, церемониймейстеры — головы. Экстренные выпуски газет выходят в два-три часа ночи, и люди, как на пожар, выскакивают на улицу в ночных рубашках, чтобы купить газету. В кинематографах идут старые фильмы про Матиуша. Всюду, куда ни глянь, — Матиуш. Сигары — «Матиуш Первый». Конфеты — «Матиуш Первый». Водка — «Матишовка».

— Экстренный выпуск! Революция у Молодого короля!

— Печальный король готовится к войне!

— Обыск во дворце Кампанеллы!

— Война Южной и Северной Африки!

Тысяча двенадцать раз сообщалось в газетах, что Матиуш пойман, и всякий раз это оказывалось липой, уловкой, чтобы продать побольше газет. Вознаграждение за поимку Матиуша с пяти миллионов возросло до десяти.

Ждали чрезвычайных событий, а что происходит на самом деле, никто не знал, даже короли. Ясно одно: если Матиуша изловят, решить его участь тайком, без согласия детей, не удастся. Этот номер не пройдёт! Ибо все ребята белые, чёрные, жёлтые на его стороне.

Закрыли фабрику, выпускающую перья «Матюшо», оштрафовали владельцев двенадцати магазинов за то, что они выставили в витринах открытки с изображением Матиуша. Редактор газеты «Зелёное Знамя» сидел в тюрьме. Известного поэта за гимн в честь Матиуша отдали под суд. Школы были оцеплены войсками. Детям запретили продавать зелёный материал. За игру в «зелень» учителя безжалостно ставили в угол. А царь Пафнутий, известный тупица, издал указ:

**БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ ЦАРЬ
И САМОДЕРЖЕЦ,
ПОВЕЛЕВАЮ ВСЕМ РАСТЕНИЯМ В ПАРКАХ И
ЛЕСАХ В МЕСЯЧНЫЙ СРОК
ИЗМЕНИТЬ ЦВЕТ.**

Пафнутий

Но это ещё не всё. Княжна Лёля Бенгальская явилась на бал к королю Людовику в зелёном платье. Сын Ореста, королевич Хастес, возглавил демонстрацию школьников. Транспаранты, с которыми ребята вышли на улицу, гласили:

«Долой плохие карандаши и мел! Требуем карандашей, которые не ломаются!»

«Долой тетради, в которых расплываются чернила!»

«Долой учебники в некрасивых переплѣтах!»

«Долой одежду на вырост!»

«Да здравствуют конфеты и шоколад!»

«От конфет не портятся зубы!»

Короли запутались и не знали, кто с кем враждует, а кто с кем дружит, и сваливали друг на друга вину за случившееся.

— Это ты первый начал войну с Матиушем!

— А кто потребовал провозгласить его королём?!

— А ты позволил провозить через свою страну Бум-Друмово золото.

— А у тебя Матиуш познакомился с неграми.

— Ты первый показал ему парламент!

— Это твой шпион начал издавать у него газету!

Запахло порохом. Но войны все боялись, потому что никто не знал, кто союзник, а кто враг.

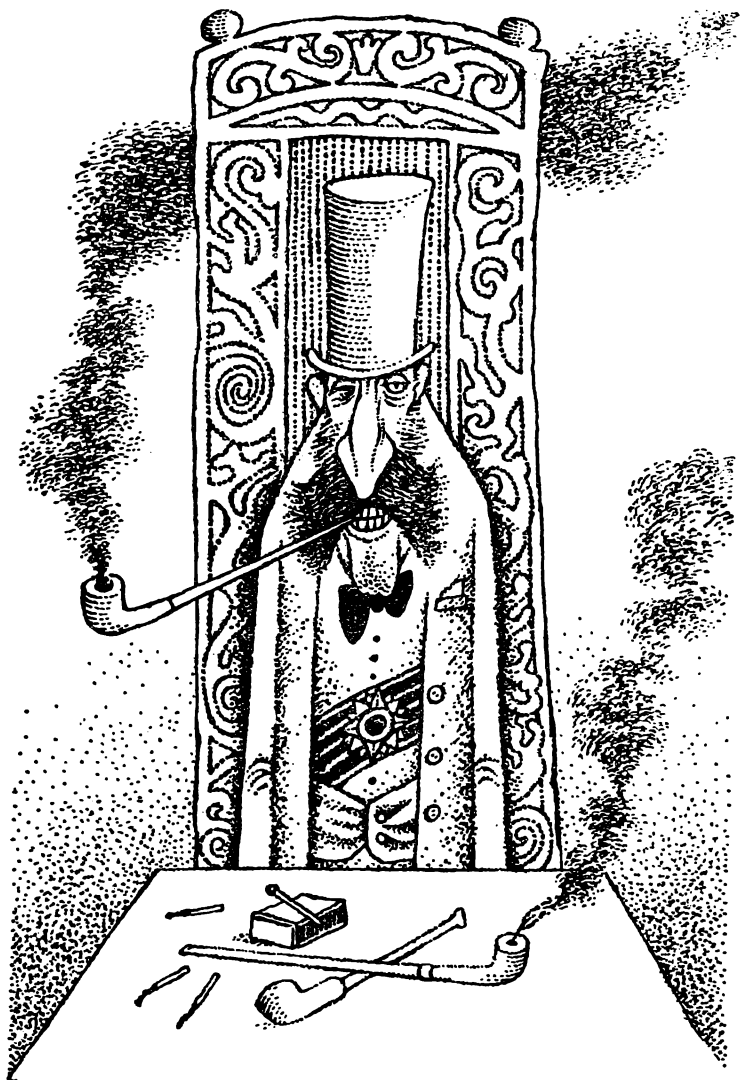
Поссорятся ребята в школе, учитель накричит на них, поставит провинившихся в угол — и дело в шляпе! Поссорятся министры, король выгонит одного или двух (это называется — дать отставку), и в государстве воцаряется порядок. А вот как быть, если перессорились короли?

Оказывается, даже из столь затруднительного положения бывает выход. На свете существуют очень умные люди, которые называются дипломатами. Они улаживают всё без драки. На этот раз навести порядок вызвался мудрый старик — лорд Пакс.

Лорд Пакс курил трубку и был немногословен. В газетах сообщили: если лорд Пакс взялся за дело, можно не беспокоиться, всё будет в порядке.

Итак, короли приехали на остров Фуфайку. Лорд Пакс проверяет по списку, все ли на месте.

— Здесь... Здесь... Болен... Здесь... Здесь...

Вышел на минутку в уборную... Здесь... Нет...

Наступила тишина. Все ждут, что скажет лорд. А он набивает табаком трубку и, как видно, не торопится.

— Пусть каждый выступит и скажет, чего он хочет и чем недоволен.

Короли выходят по очереди. Один говорит громко, другой — тихо, один — кратко, другой — длинно; один заикается и краснеет, другой покашливает, третий шепелявит; один размахивает руками, другой раскачивается всем телом...

Заседать больше двух-трёх часов короли не привыкли, а тут сиди с утра до вечера. Лорд Пакс вытрясет пепел из трубки, набьёт её снова и ни слова не говорит. Недаром его прозвали Железным Старцем. Сидит будто не человек, а мумия. Но если кто-нибудь перебьёт оратора или реплику с места подаст, так глянет, что душа в пятки уйдёт.

Наконец королям надоело слушать друг друга, и они с любопытством стали ждать, что скажет лорд Пакс.

Желающих выступить больше не оказалось. Воцарилась тишина. Журналисты очинили карандаши. Посыльные помчались на телеграф предупредить телеграфистов, чтобы те приготовились к приёму телеграмм. Сейчас будет выступать лорд Пакс!

А лорд докурил трубку, выбил из неё пепел, прочистил, спрятал в карман и сказал:

— М-да.— Помолчал и прибавил:— Завтра в семь утра второе заседание.

Журналисты сломя голову полетели на телеграф. Но в газете ведь не напишешь, что лорд Пакс сказал «м-да». И вот каждый по своему вкусу сочинил за него речь и послал в газету.

На другой день короли, злые, невыспавшиеся, собрались к семи часам утра. А лорд Пакс как ни в чём не бывало сидит на председательском месте, покуривает трубку и опять проверяет, кто явился, кого нет, кто опоздал.

— Вчера вы не знали, что скажут другие, а сегодня знаете, поэтому пусть каждый повторит, чего он хочет и чем недоволен.

Опять короли выступают по очереди. Одни говорят то же самое, другие не совсем то же самое, третьи, позабыв вчерашнюю речь, говорят всё наоборот. И снова Железный Старец продержал их до позднего вечера, а напоследок сказал:

— Отлично, завтра заседание назначается на шесть часов утра.

Короли чуть не лопнули от злости.

— Вы придёте завтра, ваше величество? — осведомляются они друг у друга, и каждый уверяет, что нет, не придёт, не позволит больше лорду Паксу над ним измываться. На что это похоже! Их заставляет говорить, а сам трубку курит. Глупец, разве он не знает, что короли не привыкли рано вставать и столько времени проводить на заседаниях.

Но храбрились они только на словах, а в глубине души побаивались лорда. Почему, сами не знали. Так бывает и в школе: один учитель кричит-надрывается, в угол ставит, за уши дерёт, но его всё равно не слушаются; а другой только глянет — и мурашки по спине. А лорд Пакс бросает строгие взгляды из-под седых насупленных бровей, курит трубку и загадочно молчит. Тут не только король, а самый что ни на есть храбрец струсит.

Пять раз подряд пришлось королям повторять одно и то же, ведь приезжали новые короли и нужно было ввести их в курс дела.

И каждый раз кто-нибудь говорил иначе, чем накануне.

Четыре дня злились короли, а на пятый — совсем выдохлись и присмирели. Даже короны у них набок съехали, и они с таким трепетом взирали на трубку Пакса, будто в ней, а не в коронах и скипетрах было спасение от всех напастей.

— Завтра воскресенье, — робко напомнил Молодой король, когда последний оратор кончил говорить, чего он хочет и чем недоволен.

Лорд Пакс встал, набрал воздуха в лёгкие и сказал громко:

— В понедельник соберёмся в четыре часа утра.

Короли повскакали с мест, поправили короны, натянули мантии — и давай бог ноги!

— Сколько можно терпеть это издевательство! — возмутился кто-то и стал подговаривать остальных собраться в воскресенье тайком от Пакса и самим решить, что делать.

— Оставьте меня в покое, ваше величество, я смертельно хочу спать! Может, я умру к понедельнику...

Но в понедельник все короли живые-здоровые ровно в четыре часа утра как миленькие сидели на своих местах, с мольбой взирая на трубку Пакса.

— Ваши величества! Давайте обсудим, как мы поступим, если Матиуша поймают, и что делать, если его не поймают. Кроме того, надо решить, какие принять меры, если Матиуш жив, и что предпринять, если он умер. И, наконец, как быть, если Матиуш пойдёт на мировую, и что будет, если он объявит войну. Где скрывается Матиуш, нам неизвестно. Если верить словам Дормеско, он убежал на территории своего бывшего королевства. Но полковник

Дормеско может ошибаться. Наше решение должно зависеть также от того, возглавит ли Матиуш революцию в стране Молодого короля или перейдет на сторону негров, которые объявили войну белым королям. Не надо забывать, что из всех чёрных королев среди нас присутствует один Бум-Друм. Но это ещё не всё. Мы должны предусмотреть и ту возможность, что к детям присоединятся взрослые. Эти девять пунктов я ставлю на голосование. А сейчас объявляю пятнадцатиминутный перерыв, после которого вы проголосуете, какой из этих пунктов первым обсудить на сегодняшнем заседании.

Короли повскакали с мест:

— Да он нас заморит вконец!

— Мы отсюда живыми не выберемся!

— Что он, век здесь мариновать нас собрался?!

— Как хотите, а я уезжаю: у меня тётка тяжело больна.

— Мне операцию аппендицита должны делать! Доктор отпустил меня только на неделю.

— Я очень спешу: у меня сынок родился. Посмотрите, вот фотография!

— Завтра свадьба моей сестры! Она смертельно обидится, если я не приеду.

У всех были готовы отговорки, лишь бы улизнуть. Но стоило Паксу объявить, что перерыв окончен, как опять воцарилась тишина и порядок.

— Кто хочет взять слово: какой из девяти пунктов обсудим первым?

Молчание.

— Повторяю ещё раз: кто хочет взять слово?

Тишина.

— Повторяю в третий раз: кто хочет взять слово?

Тут под столом, за которым сидели коро-

ли, слышался шорох, и оттуда вылез Матиуш.
— Прошу предоставить слово мне,— сказал он.

Короли остолбенели и, наверно, попадали бы на пол, если бы не удивительное самообладание лорда Пакса. Он строго посмотрел на них из-под насупленных бровей и, обращаясь к секретарше, невозмутимо сказал:

— Пожалуйста, внесите в список присутствующих короля Матиуша и пометьте: прибыл с большим опозданием... Известны ли вашему величеству вынесенные на обсуждение вопросы? — спросил Пакс, посасывая трубку.

— Да, я всё слышал. И поскольку я жив, предлагаю поставить на обсуждение пункт пятый, который гласит: «Как поступить, если Матиуш пойдёт на мировую».

— Совершенно верно,— согласился лорд Пакс.

Матиуш сел.

— Кто ещё хочет высказаться?

Но короли при всём желании не могли вымолвить ни слова.

Случившееся произвело на них такое ошеломляющее впечатление, что они лишились дара речи, или, как говорится, проглотили языки.

— Если желающих выступить нет, прекращаю прения и перехожу к голосованию. Итак, кто за предложение короля Матиуша Первого Реформатора, прошу поднять два пальца правой руки... Предложение короля Матиуша Первого принято единогласно. Прошу занести это в протокол.

Тут Молодой король опомнился, вскочил с места и закричал:

— Прошу дать мне слово!

— Слово предоставляется Молодому королю.

— У меня вопрос: можно ли называть Ма-

тиуша королём, если он в последней войне лишился престола и королевства? Лорд Пакс имеет его королём и обращается с ним так, будто он нам ровня. Я спрашиваю: правильно ли решать судьбу Матиуша вместе с Матиушем? Ведь он как-никак наш пленник. И лишился королевства...

— Подумаешь! — перебил король Бамбук. — Разве мало известно случаев, когда короли лишаются королевств, а потом получают их обратно! Я сам тысячу лет прождал, пока мне вернули мои владения...

— Вам никто не давал слова, — покраснев от гнева, сказал лорд Пакс. — Перебивать выступающих не полагается. Молодой король не кончил. Пожалуйста, продолжайте, ваше величество.

— Так вот, повторяю. Матиуш — наш пленник. Он убежал и заслужил за это наказание. Учитывая, что он добровольно сдался, наказание можно смягчить. Впрочем, у него другого выхода не было, рано или поздно его всё равно поймали бы, и он это отлично знал.

— Вы кончили, ваше величество?

— Да, кончил.

— Прошу слова, — сказал Матиуш.

— Слово предоставляется королю Матиушу Реформатору.

— Молодой король врёт. Короны лишил меня не народ, а кучка предателей. Тридцать трусов, испугавшихся одной несчастной бомбы, не вправе свергать короля с престола. К тому же один из них повалился мне в ноги, просил прощения и называл королём. А полиция ваша никуда не годится. С таким же успехом я мог бы ещё сто лет скрываться. Я кончил.

— Кто ещё хочет высказаться?

— Я, — сказал Матиуш.

— Слово имеет король Матиуш Первый Реформатор.

— Предлагаю перенести заседание на завтра. Пусть короли соберутся с мыслями, посоветуются. Так сразу, с бухты-баряхты, трудно сообразить.

— Да, да, перенести на завтра! Отложить!

Короли сорвались с места и заговорили наперебой. Галдѣж поднялся такой, что даже лорду Паксу не удалось навести порядок.

— Отложить!.. Перенести!.. Завтра!.. Дайте время подумать!.. Протестуем!..

Лорд встал, стукнул кулаком по столу и выпустил из трубки устрашающий клуб дыма, при виде которого все успокоились, но продолжали стоять.

— Прошу сесть.

Никакого результата.

— Прошу сесть, — дрожащим от гнева голосом повторил лорд Пакс.

Первым сел Матиуш, за ним — остальные.

— Ставлю на голосование предложение короля Матиуша: перенести заседание на завтра...

— На десять часов утра, — прибавил Матиуш.

— На десять утра, — повторил лорд Пакс. — Кто «за» прошу поднять руку.

Все, кроме Молодого короля и Бум-Друма, подняли руки.

— Кто «против»?

На Молодого короля смотрят, а он хоть бы что.

— Кто воздержался?

— Я, — сказал Молодой король. — Я против любого предложения Матиуша. Здесь заседание королей, а Матиуш не король. Прошу это записать в протокол как *votum separatum*¹.

¹ Особое мнение (лат.).

— Предложение короля Матиуша принято большинством голосов. Заседание объявляю закрытым до завтра до десяти часов утра.

Прощаясь, лорд Пакс пожал Матиушу руку.

— Поздравляю, ваше величество, вы овладели ситуацией.

После заседания к Матиушу подошёл король Бамбук: хотел поболтать. Но Матиуш отвернулся от него с отвращением: он терпеть не мог врунов. Матиуш знал, взрослые тоже иногда любят прихвастнуть, но чтобы такое сказать, надо совсем совесть потерять. Тысячу лет ждал, пока ему вернули королевство! Вот это сказанул! Ведь человек может прожить немногим больше ста лет, а он: тысячу...

Матиуш пошёл к морю и сел на камень. Им овладели усталость и печаль. Настродался, намучился — и ради чего, ради кого? Одна Клу-Клу осталась ему верна. Но она не знает и не должна знать, отчего у Матиуша пропало желание бороться. К чему огорчать Клу-Клу? Пусть она будет счастлива!

Что это? Кто-то поёт. Матиуш прислушался и узнал голос Печального короля.

Когда Матиуш покидал зал заседаний, в коридоре его поджидал Печальный король, но Матиуш прошёл мимо, будто они незнакомы. Он не сердился на Печального короля, просто ему всё опротивело. У него было только одно желание: поскорей покончить с этим и уехать на необитаемый остров. Там, вдали от всех дел, бесконечно усталый и грустный, король Матиуш закончит свою бурную жизнь.

О побеге Матиуш не жалел. Теперь по крайней мере он поедет не как узник, а как король. Поедет добровольно, убедившись, что он никому не нужен.

— Матиуш, можно сесть рядом с тобой? — спросил Печальный король.

— Почему вы у меня спрашиваете? Остров не мой.

— Но ты ведь первый занял место на камне.

— Я могу подвинуться.

Долго сидели они рядом и молчали..

Печальный король вынул из кармана пригоршню орехов и протянул Матиушу. Матиуш грыз орехи, а скорлупки бросал в море. Лодочка-скорлупка плавает возле берега, пока её не накроет волна, и навсегда исчезает в белой пене.

— Где ты живёшь, Матиуш?

— Первую ночь я провёл под миртовым деревом, вторую — в зале заседаний под столом.

— Хочешь ещё орехов?

— Спасибо.

— Короли остановились в гостинице, а я снял комнатку в рыбацкой хижине. Там две кровати и очень чисто.

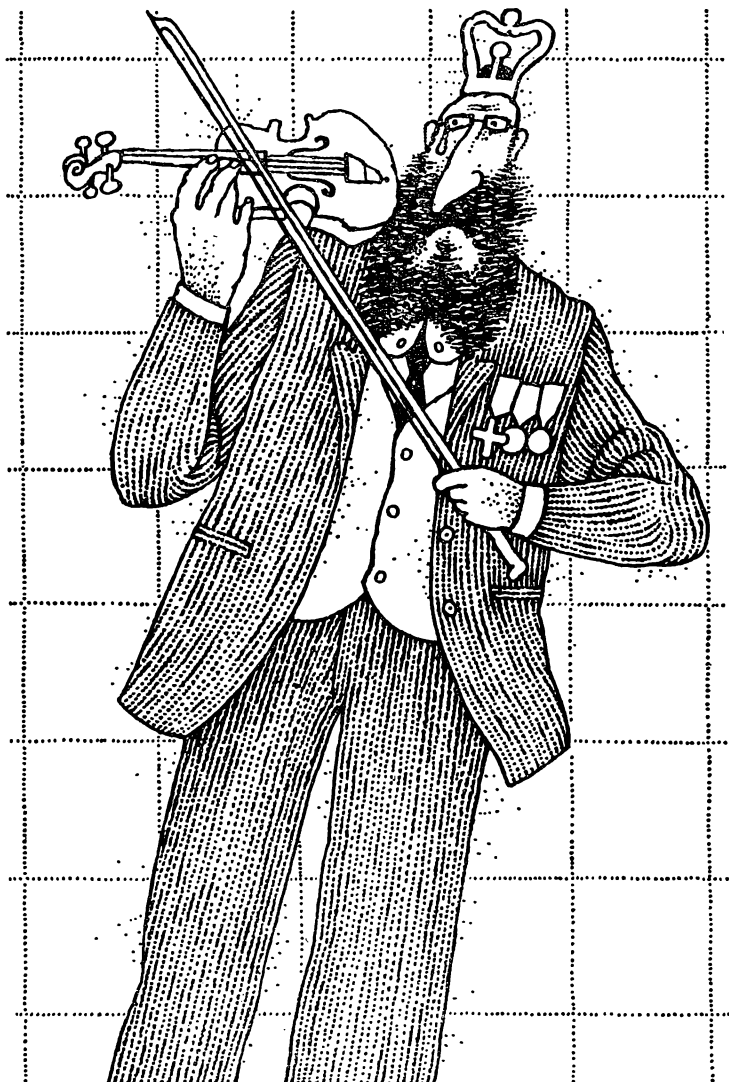
При упоминании о чистоте Матиуш невольно усмехнулся: он вспомнил тюремных пауков и клопов.

— Я ничего не мог поделать, — как бы про себя проговорил Печальный король. — Даже от престола отречься и уехать на необитаемый остров мне не позволили.

— Я слышал об этом, — сказал Матиуш.

— Ты очень похудел. Не мудрено, что тебя не узнали. Видно, нелегко пришлось тебе в последнее время.

— Король, — сказал Матиуш, глядя на него в упор, — как я убежал, что делал и каким образом пробрался сюда — это тайна. И я обязан хранить её ради людей, которые вольно или невольно помогли королю-изгнаннику. Никому на свете я теперь не доверяю, даже тебе.

Печальный король молча взял скрипку и заиграл. Из глаз его текли слёзы...

Теперь послушайте, как Матиуш очутился на Фуфайке и почему ему хотелось поскорей попасть на необитаемый остров. Сумею ли я рассказать точно, как всё было на самом деле, не знаю.

Это не так просто, если учесть, что сто самых знаменитых учёных двадцать лет спорили на страницах газет, при каких обстоятельствах убежал Матиуш. И каждый отстаивал свою версию.

Я выбрал самый интересный рассказ, полагая, что подробности решающей роли не играют.

А дело было так. Через неделю Матиуш признался одному мальчику, что он король. «Врёт», — подумал мальчишка, но потом всё-таки поверил.

Вот пошли они как-то гулять, и попалось им на глаза объявление, в котором за поимку Матиуша обещалось вознаграждение в десять миллионов. И мальчишки решили выдать Матиуша полиции.

Когда они шли парами, по улице случайно проезжала Клу-Клу, которую выпустили из тюрьмы. И она сразу узнала Матиуша. Клу-Клу заявила: ей непременно надо посетить приют, чтобы устроить точно такой же у себя на родине. Купив два килограмма конфет, она написала Матиушу записку:

↑ ↑ ↑ ↑ ↑ ↑ ↑ ↑ ↑
Потерпи немного. Я тебе верна и
постараюсь с помощью чёрных
королей, которые объявили войну
белым, вернуть тебе свободу и
королевство.
→

Клу-Клу приехала в приют и, пока раздавала ребятам конфеты, незаметно сунула Матиушу записку. Вскоре после этого он подслушал разговор мальчишек и узнал, что его собираются выдать. Тогда он решил убежать и спрятаться у старушки, которая напоила его молоком, когда они ловили убежавшего из зверинца волка. Прокрался Матиуш в дом, открыл потихоньку дверь, а в комнате вместо старушки сидит плечистый детина. Оказалось, это её сын, который уехал в дальние края, а теперь вернулся за матерью. Но Матиуш не знал этого и сын старушки тоже не знал, что стоящий перед ним маленький оборвыш — король Матиуш. Недолго думая он схватил за шиворот мнимого воришку и потащил в полицию. К счастью, в воротах повстречали они старушку. Матиуш кинулся к ней, а сын стоит и глазами хлопает: ничего не понимает. Добрая старушка сразу узнала Матиуша и повела к себе.

Тем временем жена колбасника донесла в полицию: так, мол, и так, жил у нас Матиуш, украл колбасу с сардельками и скрылся. Но ей не поверили, потому что охотников получить пять миллионов нашлось немало — все уверяли, будто его видели. Однако письмо из приюта, в котором опять упоминались злополучные сардельки, заставило полицейских и сыщиков схватиться за голову. На город обрушились обыски и облавы. А тут ещё в тюрьме подкоп обнаружился.

Дело принимало угрожающий оборот, и Матиуш написал Клу-Клу: есть только один путь к спасению — ехать вместе с ней. Но как это сделать? И Клу-Клу придумала. Она отравила ночью свою собаку, тайком закопала в саду и сказала, что хочет увезти на родину чучело любимого пёсика. Заказали столяру ящик, а

сын старушки под видом чучела притащил в мешке Матиуша. Его положили в ящик, зазолотили и так погрузили в вагон.

Сколько унижений перенёс бедный Матиуш во время путешествия! Клу-Клу, когда ехала в клетке с обезьянами, была ещё дикаркой. Ей было голодно и тесно, но не стыдно, не то что гордому Матиушу. К тому же клетка — не ящик, живая обезьяна — не дохлый пёс, а королевская дочь — не король. Когда так вот рассказываешь, кажется, ничего особенного, но поди попробуй сам полежи в ящике!

Клу-Клу ехала одна, без охраны. Когда они прочли в газете про совещание королей на Фу-файке, Матиуш решил: он поедет туда, а Клу-Клу — к неграм, объявившим войну белым королям. На берегу моря Клу-Клу купила лодку, но, вместо того, чтобы подплыть к стоявшему на рейде кораблю, направила лодку в открытое море. На море начался шторм — не сильный и не слабый, а так, средний. Но для лодки даже такой шторм опасен. И потом, они ведь заранее не знали, утихнет буря или разыграется воесю.

Два дня гребли они без передышки, на третий — Матиуш высадился на берегу, а Клу-Клу поплыла дальше. Грустно было Матиушу расставаться с верным другом, но ничего не поделаешь — долг важней! Пробраться в зал заседаний и залезть под стол ничего не стоило. На островах даже короли чувствуют себя в безопасности, и поэтому там нет полиции.

Конечно, Матиуш похудел. Ещё бы не похудеть от такой жизни!..

— Пойдём ко мне, — предложил Печальный король.

— Ладно. Лучше уж рыбацкая хижина, чем королевская гостиница.

Сидят они в хижине, пьют чай, но разговор не клеится. Слишком много надо сказать друг другу, а слова не идут, застревают в горле.

— Что такое *votum separatum*, дискуссия, апелляция? — спрашивает Матиуш.

— Выбрось эту чушь из головы! Эти слова придумали дураки, чтобы казаться умней.

— А лорд Пакс — умный?

— Короли его боятся, а он... только не думай, что я хочу тебе польстить, — он боится тебя. Впрочем, он сам дал тебе это понять.

— А что значит овладеть ситуацией?

— Это когда противник у тебя в руках. Сейчас всё зависит от тебя. Молодой король — твой лютый враг, но его недолюбливают. Он задирал нос и храбрился, когда нас было трое, а теперь ты можешь рассчитывать на поддержку тридцати четырёх человек. Знай: как ты захочешь, так и будет.

— Поздно, — ответил Матиуш и подпёр голову рукой. — Ничего я не хочу и ничего на свете мне не надо.

— Матиуш! — ужаснулся Печальный король. — Я тебя не узнаю. Ты не имеешь права так говорить. Завтра ты можешь вернуть себе корону и королевство, которые принадлежат тебе по праву. Ты назвал трусами тех, кто в разгар битвы вывесил белые флаги, а теперь ты сам, король и вождь, накануне битвы, которая сулит тебе победу, предаёшь себя и не только себя, но свои реформы, труд, борьбу, детей. Опомнись, Матиуш! Осталось потерпеть один день, последний день, и — конец!

Матиуш по-прежнему сидел неподвижно, подперев голову рукой. Только из груди вырвался у него глубокий вздох.

— К чему мне победы? — прошептал он.

— Тебе ни к чему, но твоей победы ждут

дети во всём мире. Они верят в тебя. Ты им обещал. Ты называл себя королём-реформатором. Ты не имеешь права опускать руки.

Матиуш взял удочку и пошёл на берег моря. Он просидел там до вечера но не поймал ни одной рыбки, хотя они подплывали к самому берегу. Видно, не до рыб ему было.

Заседание было очень бурным. Ораторы спорили друг с другом, все были возбуждены, кроме лорда Пакса, который спокойно покуривал свою неизменную трубку.

— Итак, — сказал лорд, когда все желающие выступили, — перед нами две проблемы: Матиуш и его королевство — первая, и дети — вторая. Если Матиуш получит своё королевство обратно, дети не перестанут бунтовать. Во всём мире начнутся волнения, в школах пойдёт чехарда. Уже сейчас королевич Хастес возглавил демонстрацию детей. А что будет дальше? Дети либо выберут Матиуша своим королём, либо потребуют, чтобы в каждом государстве было два короля: король взрослых и король детей. Как тогда быть? Поэтому сначала надо решить, предоставим мы детям свободу или нет?

— Свободу?! — взревел царь Пафнутий. — Розги им нужны, а не свобода! Попробовал бы мой сын бунтовать, я спустил бы с него штаны и так всыпал, на всю жизнь бы запомнил. Теперь дурацкая мода — пальцем детей не тронь. А их непременно бить надо. С первого раза не поможет, бить ещё и ещё. Для начала можно отшлёпать; не подействует — розгой отстегать; а если и это не поможет — дать ремня.

Все взоры устремились на Матиуша, но он молчал.

— Кто ещё хочет взять слово? — спросил лорд Пакс.

— У меня другой метод,— сказал король Орест.— Я против битья, оно быстро забывается. Лучше не давать есть. Оставить мальчишку без завтрака или без обеда, и он сразу шёлковый станет. Вот ещё утруждать себя битьём! А можно в тёмную комнату посадить. Натерпится озорник страху, и весь вздор вылетит из головы.

— Я считаю, детям нельзя давать свободу,— заявил третий оратор.— Дети легкомысленны, у них нет жизненного опыта. У нас ещё свежи в памяти недавние печальные события в королевстве Матиуша. Бить детей не годится, это их озлобляет. Морить голодом — ещё хуже: они могут заболеть и вырасти хилыми, тщедушными. По-моему, надо внушить им, чтобы они подождали, пока подрастут и поумнеют.

— Прошу слова,— сказал Печальный король.— Я не согласен с предыдущими ораторами. Всё, что здесь говорилось о детях, раньше говорили о крестьянах, рабочих, женщинах и неграх. Они, мол, такие-сякие, нехорошие, и никаких прав им давать нельзя. Теперь мы понимаем, что это неправильно. Матиуш поторопился и предоставил детям сразу слишком много прав. В этом его ошибка. Дети должны иметь свои деньги для покупки необходимых вещей. Не исключено, что они будут тратить их на всякую ерунду. Но разве взрослые не транжирят деньги? Можно, например, дать им деньги взаймы, а они вернут, когда вырастут. А сейчас они часто оказываются в положении нищих: о каждой мелочи изволь просить, выбирать момент, когда взрослые в хорошем настроении. Впрочем, по сравнению с прошлым дети уже сейчас пользуются большими правами. В старину отец мог безнаказанно убить своего ребёнка, а теперь это запрещено законом. Изби-

вать детей тоже. И не пускать их в школу родители не имеют права. Давайте лучше подумаем, какие ещё дать детям права. Они нисколько не хуже нас, взрослых.

— А вы откуда знаете? У вас, насколько мне известно, нет детей,— ехидно заметил Молодой король.

— Дайте мне слово,— попросила Кампанелла; она приехала, как только узнала, что Матиуш присутствует на заседании.

Но не успела она рта раскрыть, как раздался крик — жуткий, леденящий кровь боевой клич.

— Измена! — завопил кто-то из королей и хотел было запереть дверь на ключ, но поздно: в зал заседаний во главе с Клу-Клу ворвалась толпа дикарей и давай вязать всех без разбора.

— Матиуш, ты свободен! — крикнула Клу-Клу.

— Заседание объявляю закрытым,— возвестил связанный по рукам и ногам лорд Пакс, который в суматохе потерял свою трубку.

Матиуш вспомнил рассказы старого профессора, который знал пять-десять языков, и догадался, что это самые дикие дикари. Даже Бум-Друм побаивался их и никогда не приглашал в гости больше двух-трёх человек разом. Да, профессор говорил ещё, они превосходные гребцы.

Бум-Друм, не скрывая неудовольствия, отчитал Клу-Клу.

Нельзя терять ни минуты! Дикари уже связывают королей и сваливают вместе по пять человек. К счастью, они умеют считать только до пяти, не то короли задохнулись бы в одной большой куче.

Матиуш растерялся. Но его выручил Бум-Друм.

— Возьми поскорей со стола вон ту чурочку,— сказал он,— и обойди с ней пять раз каждую кучу королей. Только смотри не оборачивайся и не сбейся со счета, а то будет худо.

Матиуш идёт впереди, за ним — Бум-Друм, Клу-Клу и вожди племени. Оглядываться нельзя, но Матиуш догадывается, что дикари идут на руках. Матиушу очень стыдно за своих друзей. Пожалуй, лежать в мешке вместо дохлого пса было не так стыдно. «Уж лучше бы я сам валялся связанный»,— подумал Матиуш. Но отвлекаться нельзя: одно неосторожное движение — и мир лишится белых королей.

Осталось обойти четыре кучи, три. По сравнению с этим прогулки по тюремному двору — одно удовольствие. Короли понимают: дела их плохи, и лежат смиренно, не шелохнутся. Вот когда пригодилась Матиушу привычка отсчитывать шаги и умение ходить разными способами, потому что Бум-Друм то и дело давал ему новые указания.

— Теперь делай большие шаги, нагнись вправо, подними чурку кверху, пройдишь на пятках,— командовал Бум-Друм.— Смотри, не вырони священное дерево, когда оно станет жечь тебе руки.

А чурка становилась всё горячеей.

Наконец последняя куча: наверху — связанная Кампанелла. Матиуш, не выдержав, закрыл глаза.

— Теперь выйди из дома,— говорит, захавшись, Бум-Друм: эта процедура была ему не по возрасту тяжела.

Спускается Матиуш по лестнице, а чурка жжёт всё сильнее, будто он стакан горячего чая несёт.

— Бум-Друм, горячо!

— Потерпи, Матиуш! Скоро конец.

— Можно чуть-чуть побыстрее?

— Нет.

Матиуш понимает: Бум-Друм сам бы рад скорей покончить с этим. Значит, на самом деле нельзя. Однако справедливости ради надо признать, церемонии, принятые при дворах белых королей, не так мучительны.

Наконец жрец взял из обожжённых рук Матиуша священную чурку.

— Что всё это значит? — спросил Матиуш у Клу-Клу, которая с состраданием смотрела на его покрытые волдырями руки.

— Я сделала глупость. Не сердись на меня. Я боялась, как бы с тобой не случилось беды, если я не подспею на помощь. Сейчас опасность миновала, но это могло печально кончиться... Тебе очень больно?

Военный танец дикарей продолжался три часа. Тем временем Бум-Друм, Клу-Клу и Матиуш выкатывали из погреба бочки с вином, пивом и ликёрами.

— Когда они кончат танцевать, — сказал Бум-Друм, — я послежу за порядком, а вы подносите каждому по полкружки вина, и в каждую кружку Матиуш пусть бросает по одному зёрнышку, а Клу-Клу — по три.

И Бум-Друм дал им по мешочку с маленькими горошинами. Потом вскрыл на руках у Матиуша волдыри и помазал обожжённые места какой-то жидкостью, иначе он не смог бы держать кувшин и бросать в каждую кружку по зёрнышку.

У Матиуша уже онемели руки, а очереди конца нет. Бум-Друм распоряжается: одних направляет к Матиушу, других — к Клу-Клу. Матиуш заметил: к своей дочери он отправляет больше дикарей. «Наверно, — догадался Матиуш, — это самые дикие».

«Когда это кончится? — мысленно спрашивает он себя и с тоской думает о необитаемом острове. — Пусть делают что хотят: мирятся, ссорятся, награждают или наказывают, пусть хоть съедят друг друга, лишь бы меня при этом не было».

Наконец в последнюю кружку налили укса — вина не хватило, — бросили последнее зёрнышко, подошёл последний дикарь.

Всё.

Наверно, тем дело и ограничилось бы, если бы среди приехавших с Клу-Клу дикарей не затесался тайком страшный злодей и людоед — главный жрец племени и главный мошенник. Этот шарлатан самые обыкновенные фокусы, какие у нас показывают в цирке (искусству фокусника обучил его какой-то беглый каторжник в уплату за шкуру леопарда и двух обезьянок), выдавал за чудеса, а негры слепо ему верили и приносили богатые дары.

И вот, боясь лишиться власти и, главное, богатых даров, когда Клу-Клу построит железную дорогу, телеграф, начнёт издавать газеты, научит негров читать и стрелять из пушек, он пустился в рискованное путешествие с тайной мыслью погубить противную девчонку и её дружка — Матиуша.

Злодей прокрался ночью в комнату, где лежала связанная Кампанелла, и съел её, а сам сел в лодку — и был таков! Он знал: гнев белых обрушится на его соплеменников, а значит, и на Клу-Клу. Его расчёты, как мы увидим, оправдались.

Когда весть об этом трагическом событии облетела остров, самые дикие дикари ещё крепко спали, выпив с вином по три маленьких зёрнышка, а менее дикие, которые получили

накануне по одному зёрнышку, стали просить у Матиуша прощения, кувыркаться в знак печали и выражать ему свою преданность. И Матиуш приказал немедленно погрузить спящих в лодки. Лодки со связанными дикарями оттолкнули от берега, и они поплыли в открытое море. На острове по приказу Матиуша осталось сто самых послушных. По первому слову короля-солнца (так незваные гости называли Матиуша) они развязали белых королей.

Опечаленные и удручённые, собрались короли на заседание. Даже невозмутимый лорд Пакс был подавлен известием о смерти королевы Кампанеллы.

— Прошу почтить память съеденной королевы вставанием.

Все встали.

— У меня замечание по повестке дня,— подняв руку, сказал Бум-Друм.

Интересно, что он хочет сказать?

— Белые короли! Мои чёрные братья причинили вам большую неприятность. Я разделяю ваше горе. Но виноваты в этом вы сами. Вы построили себе роскошные дворцы, а на нас вам наплевать. «А права, которые мы вам дали?» — возразите вы. Но что нам права, если мы нищие и неучёные. Поэтому я прошу обсудить сегодня вопрос не только о белых детях, но и о чёрных. Мы, старики, смирились со своей тяжёлой долей, но пусть хоть у наших детей жизнь будет лучше.

— Итак, на повестке дня четыре вопроса. Первый: о белых детях. Второй: о Матиуше. Третий: о королевстве съеденной Кампанеллы. Четвёртый: о чёрных детях,— объявил лорд Пакс.

Однако обстановка не располагала к переговорам. Короли нервничали: их беспокоило при-

сутствие ста дикарей. И хотя перед гостиницей стояли белые часовые и всю ночь до утра будет сменяться караул, всё равно страшно, вдруг повторится то же самое. Итак, королям было не до переговоров.

Пусть Матиуш скажет, чего он хочет. Они заранее на всё согласны. Во-первых, он спас им жизнь; во-вторых, сто дикарей готовы в любую минуту броситься на его защиту. Оттого, что у дикарей нет огнестрельного оружия, королям нисколько не легче. Отравленные стрелы и копья — тоже достаточно неприятная штука. В конце концов какое им дело до Матиуша? Если Печальный король хочет, пусть возится с ним. А Молодой король, как главный виновник, должен добровольно отречься от престола и передать власть отцу. Хорош король! Взбунтовавшихся детей не сумел усмирить!

Примерно так думал каждый про себя, но все ждали, что скажет Матиуш.

А тот молчал. От горя он не мог произнести ни слова.

Наконец Альфонс Бородатый, потеряв терпение, потребовал, чтобы Матиуш высказался.

— Ваше величество, вы хотите взять слово? — спросил у Матиуша лорд Пакс.

— Давайте в знак траура по королеве Кампанелле перенесём заседание на завтра.

Возразить было нечего. Короли согласились, хотя без энтузиазма. Гроба на острове не нашлось, и останки королевы положили в ящик из-под винных бутылок и закопали в землю.

Матиуш встретился с Клу-Клу под миртовым деревом.

— Матиуш, ты сердисься на меня?

— Это ты, дорогая Клу-Клу, должна на меня сердиться. Если бы не я, жила бы ты спокойно в своей стране. А из-за меня тебе при-

шлось путешествовать в клетке с обезьянами, и в тюрьме ты сидела по моей вине, и о злополучных этих реформах стала думать тоже из-за меня.

— Матиуш, что ты говоришь! Разве есть большее счастье, чем трудиться и бороться ради того, чтобы жизнь на земле стала лучше.

— Ну что ж, борись, Клу-Клу! — Матиуш вздохнул.

— А ты?

— Я еду на необитаемый остров.

— Почему?

— Это тайна.

Матиушу не хотелось огорчать Клу-Клу, и своими мыслями он поделился с Печальным королём.

— Раньше я думал: дети несчастные, но хорошие. А теперь убедился, что они плохие. Говорю это, чтобы ты не подумал, будто я струсил и мне надоело с ними возиться. Только пусть это останется между нами. Раньше я не знал детей, а теперь знаю. Они плохие, очень плохие. И я плохой. Плохой и неблагодарный. Пока я был маленьким и боялся министров, церемониймейстера, гувернёра, я слушался и вёл себя хорошо. А стал королём, сразу натворил глупостей и теперь вот страдаю. И столько невинных людей мучается из-за меня.

Матиуш стукнул кулаком по столу, вскочил и, заложив руки за спину, забегал по рыбацкой хижине.

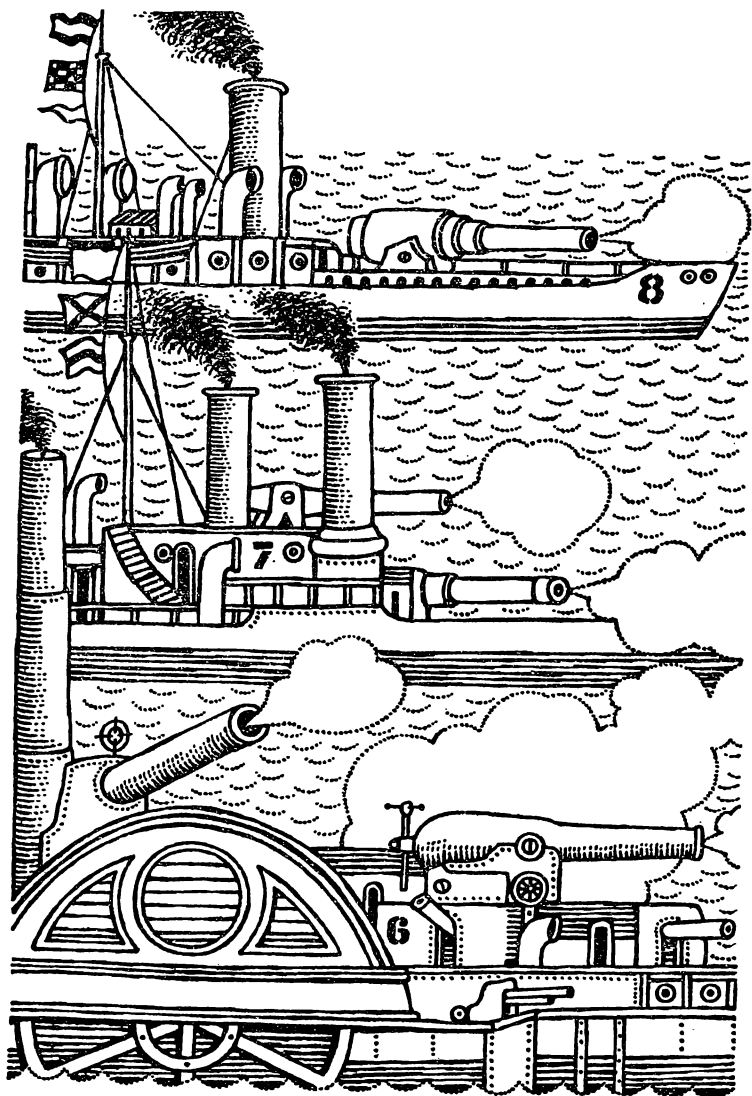
— Дети злые, несправедливые, вредные, лживые. Заике, косому, хромому, рыжему, горбатому или если кто-то наделал в штаны, они проходу не дадут, задразнят. «Рыжий — красный, чёрт опасный!.. Хромоножка!.. Горбун!..» — кричат они, кривляются и смеются. Десятилетний смеётся над восьмилетним, двенадцатилет-

ний не хочет водиться с десятилетним. Увидят у другого что получше, обязательно выклячат или будут подлизываться без зазрения совести. Драчуну всё спускают, а тихого и доброго не ставят ни во что. Доверишь кому-нибудь тайну, он с тобой поссорится и выболтает её. Всех высмеивают, обижают, дразнят. Идёшь по улицам парами — обязательно пристанут, потому что знают, ты беззащитен, когда идёшь с воспитателем, который запрещает драться. А сколько среди ребят воров и обманщиков! Дашь взаймы — не отдадут и ещё скажут: «Отстань, отвяжись, катись к чёрту, а то в зубы дам!» А хвастуны какие! Каждый хочет быть первым. Старшие ссорятся с младшими, мальчики — с девочками. Теперь я понимаю, почему провалилась затея с детским парламентом. Да и как ей было не провалиться! Теперь мне понятно, почему я был хорош, пока у меня сардельки были; а не стало их, решили меня выдать. А ещё рыцарями Зелёного Знамени себя называли! Белые дети хуже чёрных, а это позор. Негры неучёные, поэтому им многое прощительно... Нет, не хочу возвращаться к белым! Надоест жить на необитаемом острове — поеду к Бум-Друму и останусь там навсегда.

Матиуш словно забыл о Печальном короле. Он рассуждал сам с собой, высказывал вслух, что наболело на душе.

И когда Печальный король заговорил, Матиуш от неожиданности вздрогнул.

— Не отчаивайся, не падай духом, — сказал Печальный король. — В жизни каждого реформатора бывают тяжёлые минуты, когда кажется, все усилия пропали даром, потрачены впустую. Но это не так. Неверно, будто все ребята плохие. Есть среди них врунишки и правдивые,

воображалы и скромные, задиры и сговорчивые, приветливые. Но когда нет порядка, хорошие всегда страдают от нехороших. Надо сделать так, чтобы честные, порядочные ребята могли защищаться. Ты начал это, а довести до конца не хочешь. Если ты заупрямился, поезжай на необитаемый остров. Но прошу тебя, ни в коем случае не отказывайся от своего королевства! Потом пожалеешь, да поздно будет.

Первый пушечный выстрел прогремел в двадцать минут третьего ночи. Каноида не умолкала до трёх часов. На остров обрушилось триста шестьдесят снарядов, после чего команды трёх военных кораблей высадились на берег, получив приказ уничтожить дикарей.

Целиться с корабля, как известно, не так-то просто: ведь он покачивается на волнах. Поэтому один снаряд случайно угодил в левое крыло гостиницы, где жили белые короли, правда не самые важные. Но когда стало известно, что наряду с дикарями убито три белых короля и пять легко ранено, пушкарю намылили шею.

Бум-Друм и Клу-Клу исчезли. Только вряд ли им удастся спастись: у берегов Фуфайки патрулирует девятнадцать кораблей.

Вот как белые отомстили за смерть Кампанеллы! Чтобы чернокожим неповадно было вмешиваться в их дела. Ишь вздумали с белыми тягаться, у которых телеграф есть и пушки. По недоразумению, по чистой случайности попали они в лапы чернокожих, но пусть эти чёрные образины не задаются... И Матиуш тоже пусть не воображает, будто захватить власть над миром легко и просто. Курам на смех: мальчишка — властелин мира!

А подстроено было так. Короли тайком

собрались и послали телеграмму: немедленно прислать на выручку флот. В телеграмме не забыли упомянуть, чтобы, кроме военных кораблей, прислали торговое судно с провизией. На острове съели все припасы и выпили всё вино. Столько потеть на заседаниях и питаться рыбой, особенно после такой встряски, — нет уж, спасибо! Королевские желудки к такому не привыкли!

Короли были в отличном настроении. Опасность миновала. Все хорошо, что хорошо кончается. Зато сколько интересных событий, сколько незабываемых впечатлений. До конца жизни хватит рассказов о том, как их чуть не растерзали дикари. А то, право, обидно! В истории всё пишут о геройских подвигах королей, живших в незапамятные времена, а о них — ни слова! Теперь и о них будет что сказать. Их подвиг войдёт в историю.

— Хорошо бы внести в протокол небольшую поправочку: три короля убито и пять легко ранено не в постели, а в схватке с врагом. Мелочь, а в корне меняет дело.

— Факты исказить нельзя, — сухо отрезал лорд Пакс и открыл заседание.

— Господа, напоминаю: я высказался против того, чтобы Матиуша называть королём. Давайте проголосуем за моё предложение, — заявил Молодой король.

— А я предлагаю проголосовать за то, чтобы вас называли не королём, а наследником престола. Во вчерашних газетах сообщалось: под давлением общественного мнения Старый король вынужден взять власть в свои руки, — хладнокровно возразил Матиуш.

— Перестаньте спорить!

— Давайте не терять даром время!

— Если к мелочам придирааться, мы никогда не кончим.

- У меня сын родился!
- Мне надо делать операцию аппендицита!
- У меня тётушка захворала!
- Как хотите, а я сегодня вечером уезжаю.

Хорошенького понемногу!

— Какая разница — Матиуш или король Матиуш, лишь бы он сказал, чего ему надо.

— Матиушу слово!

— Королю Матиушу слово!

— Кончайте волынку! — галдели короли.

Лорд Пакс открыл папку с протоколом суда над Матиушем и прочёл:

— На двенадцатой странице говорится: «Жители столицы лишили Матиуша королевской власти». А ниже приписка: «С решением банды предателей и трусов не согласен. Ибо я был королём и останусь им до самой смерти». Страница тысяча сорок третья, двенадцатая строка сверху: «Один из подписавших акт о низложении короля кинулся Матиушу в ноги и со слезами воскликнул: «Король, прости меня, подлого изменника!» Итак, из документов явствует, что ни сам он, ни даже те, кто лишил его власти, не переставали считать Матиуша королём. Поэтому я обращаюсь к его величеству королю Матиушу Реформатору и прошу высказаться.

В наступившей тишине послышался шум далёкого прибоя. Короли приготовились дать отпор. От этого мальчишки всего можно ожидать. Но вообразите их изумление, когда Матиуш сказал:

— Я, Матиуш Первый, считаю себя виноватым. Из-за меня убито, растерзано дикими зверями и покалечено множество народу. Я уезжаю на необитаемый остров. От престола я не отрекаюсь, но управлять страной пока не буду. Завоеванные земли возвращаю их владельцам.

Молодой король может забрать свой порт обратно. Я в его милостях не нуждаюсь! Страна моя остаётся в прежних границах, в каких была при отце. Стыдно прослыть королём, не сумевшим сберечь наследие предков. Пусть жители моей страны выберут себе президента.

— А как же дети?

Матиуш нахмурился и промолчал.

— Разрешите за него сказать несколько слов.— Печальный король встал.— Мне, как другу Матиуша, известны его мысли и намерения. Матиуш очень устал. Он хочет в тишине и одиночестве разобраться во всём виденном и пережитом. А когда он отдохнёт на необитаемом острове, то выскажет свои соображения на новом королевском совете.

— Замечательно! Превосходно! — в восторге закричали короли.— Если его величество король Матиуш устал, пусть отдыхает на здоровье. Мы тоже хотим отдохнуть! Мы тоже устали! Пора домой: неизвестно, как там управляют без нас министры. У нас кости болят! Шутка ли, пролежать столько часов связанными лианами друг на дружке, как поленья!

Лорд Пакс не разделял всеобщего восторга. Благовоспитанному джентльмену была не по вкусу кутерьма, поднявшаяся в зале. Короли повскакали с мест, кричали, перебивая друг друга. Попробуйте в таких условиях вести протокол. Видно, лорд Пакс потерял власть над королями: они перестали его бояться.

— Ваши величества, давайте проголосуем...— лорд Пакс сделал робкую, но безуспешную попытку навести порядок.

— Перестаньте морочить нам голову! Мы берём Матиуша и отправляемся на торговый корабль. Надо устроить прощальный завтрак!

Короли подхватили Матиуша под руки и по-

тащили. Сначала он слегка упирался, но потом решил: если тебя приглашают, отказываться неприлично. А короли вели себя так весело и непринуждённо, словно были его закадычными друзьями. Казалось, на всём свете нет для них человека дороже.

Раньше, когда Матиушу приходилось сталкиваться с королями, министрами или просто со взрослыми, они всегда давали ему почувствовать, что он маленький, а они большие. А сейчас между ними никакой разницы. «Не такие уж плохие люди эти короли», — подумал Матиуш. Он словно впервые их увидел. Никаких церемоний, никакого этикета. Хохочут во всё горло. Катятся кубарем с горки, гоняются друг за другом. Король Мальто изображает людоеда.

— Матиуш, выпей с нами на прощанье! Не беда, что ты маленький. Маленький, да удаленький! Раз ты реформатор, значит, великий человек. Да здравствует король Матиуш!

На палубе торгового судна расставили столы. На столах вино, коньяк, ликёры, наливки, всевозможные яства, корзины с фруктами.

Матиуша усадили на почётное место. Наполнили бокалы.

— За здоровье Матиуша!

Оркестр заиграл национальный гимн. Короли едят, пьют, и Матиуш от них не отстаёт. Не успеет выпить бокал, как ему опять подливают.

— Да здравствует Матиуш Первый!

— Да здравствует Матиуш Великий!

Короли напились и полезли к Матиушу целоваться, прося называть их по имени. У Матиуша от вина закружилась голова, но ему было очень весело, он пел и плясал вместе со всеми.

— Вот видишь, дорогой Матиуш, как хорошо жить с нами в дружбе. Отдохнёшь на необитаемом острове, вернёшься к себе в столицу и зажи

вёшь, как все короли,— весело и беззаботно. Ты думаешь, почему короли раньше воевали? Да потому, что скучно было в замках за высокими стенами сидеть. А теперь у нас и без войны развлечений хватает. Выпьем за вечную дружбу!

Выпили.

— За реформы!

Опять выпили.

— За равноправие детей!

Ещё раз выпили.

Среди пирующих не было лорда Пакса и двух королей: Молодого и Печального. Они остались в зале заседаний писать протокол. Короли страшно ссорились между собой и никак не могли прийти к согласию: один хочет одно, другой — другое. Увидели, что так далеко не уедешь, и каждый написал свой протокол. Пусть Матиуш сам выберет, какой ему больше понравится.

Сказано — сделано. Сели в лодку и поплыли на корабль. А там дым коромыслом. Ни о каких переговорах речи быть не может.

Короли обступили прибывших и давай их обнимать, целовать, благодарить за труд. Тащат к столу, угощают. То смеются, то плачут, вспоминая, как их чуть не съели дикари. Потом стали упрекать Печального короля, что он нос задирает и не хочет водить с ними компанию. Одним словом, полнейшая неразбериха!

Пьяные монархи вырвали у Молодого короля бумагу и подписали. Потом подписали и протокол Печального короля. Тот хорош, говорят, а этот ещё лучше.

— Стоит ли ссориться из-за пустяков? Если короли не ошибутся, министрам нечего будет исправлять, распутывать и приводить в порядок.

Ура! Да здравствует протокол! Да здравствует Железный Старец — лорд Пакс! Да здрав-

ствует Печальный король! Да здравствует Молодой король! Да здравствуют дружба и любовь! Да здравствует Матиуш Реформатор!

Теперь рассказ пойдёт совсем о другом. С тех пор, как Матиуш высадился на необитаемом острове, всё переменялось. Раньше было так, а теперь — иначе. И сам Матиуш стал другим. Ему кажется, будто он видит сон или, наоборот, проснулся, и всё, что было раньше, ему приснилось. Чудно оттого, что всё вдруг стало иным.

Короли, придворные интриги, дети, негры — всё отступило на задний план. Словно не он, а кто-то другой вёл войны, выигрывал и проигрывал сражения, томился в заточении, совершал побеги, скитался переодетый по стране, скрывался... Кто-то, о ком Матиуш слышал или с кем был даже знаком. Только очень давно.

Сидит он на берегу моря и бросает в воду камешки. А вода синяя-синяя! Кругом тишина и красота такая, что глаз не оторвёшь! На душе у Матиуша хорошо и спокойно. Никаких забот, хлопот, огорчений.

«Может, и правда всё это мне приснилось? — думает Матиуш. — Нет, это было наяву, только давным-давно».

И вовсе не давным-давно, а совсем недавно. Просто Матиуш с тех пор очень изменился. Странно, как это он не знал, что можно быть другим человеком. Но кто же он на самом деле? Гордый, непреклонный король-реформатор или тихий и задумчивый добровольный изгнанник-философ?

Да, Матиуш стал философом, то есть человеком, который размышляет обо всём, что видит. Сидит целый день и думает. Но это вовсе не значит, будто философы — бездельники. Мышление тоже труд, и очень тяжёлый. Между

обыкновенным человеком и философом большая разница. Для обыкновенного человека лягушка — просто лягушка, а философ увидит лягушку и думает: «Зачем она существует в природе?»

Вместо того чтобы рассердиться и обругать своего обидчика, как это делает обыкновенный человек, философ размышляет, почему один человек задира и злюка, а другой нет?

Обыкновенный человек увидит что-нибудь хорошее у другого и завидует, ломает себе голову: «Как бы мне тоже занять такую штуку?» А философ предаётся раздумьям: «Как сделать, чтобы всё было у всех людей?»

Вот таким человеком и стал Матиуш.

Сидит он на берегу и бросает в воду камешки. Со стороны можно подумать: вот бездельник! Но это не так, в голове у него идёт напряжённая работа, рождается тысяча вопросов.

«Что происходит в мозгу, когда человек думает? Почему человек спит? И почему засыпаешь всегда незаметно? И вообще, что такое сон? Почему мы растём, стареем, умираем?»

Дерево тоже растёт, становится трухлявым, болеет. А сказать, что ему больно, бедное дерево не может. Почему?

А море живое? Если прислушаться, оно вздыхает, как великан, а в непогоду стонет и воет. И всё-таки оно неживое. Зато в море водятся рыбы. И снова загадка: почему человек не может жить в воде, а рыба — на суше?

До того как изобрели аэроплан, летали только птицы. Чудно: муха умела летать, а человек — нет. Выходит, муха умней нас? Почему муха ползает по потолку, по стенам, по стеклу, а если попробовал бы человек, то упал бы и разбился?

Интересно, есть у птиц свои птичьи слова?

Когда канарейка поёт, понимают её другие канарейки или нет?»

В голове у Матиуша — тысяча вопросов, и на все надо ответить самому, потому что нет у него ни книг, ни товарищей, ни учителей. Получается, будто он ученик и учитель одновременно. И это ему нравится. Раньше он обо всём спрашивал иностранца-гувернёра или капитана, но те никогда не могли объяснить ему так понятно, как он объясняет себе сам.

И вообще у Матиуша такое ощущение, будто он не один. Человек в одиночестве скучает, а Матиушу не скучно. Он рассуждает сам с собой, и ему кажется, словно у него много собеседников. Почему это?

«Наверно, в голове у нас много-много малюсеньких человечков, и каждый что-то знает, говорит своё. Иногда они спорят, ссорятся, потом мирятся и дают друг другу советы. Почему, например, в памяти всплывает внезапно то, о чём ты давно забыл? Наверно, малютка, которому поручили это дело, заснул, а проснувшись, напомнил тебе то, о чём позабылось. Тайнственные существа, эти мысли-малютки! А может, это не живые существа, а маленькие механизмы, пружинки или что-то вроде фонографа?¹ Нет, приборы и механизмы делаются из железа на фабриках, они сами не умеют говорить.

В крови тоже есть крохотные существа — красные и белые кровяные тельца, которые можно увидеть только под микроскопом. И в воде есть микробы, их тоже невооружённым глазом не разглядишь. Наверно, учёные не изобрели ещё таких увеличительных стёкол, через которые можно увидеть мысли-малютки.

¹ Фонограф — аппарат для записи звука, изобретён Эдисоном в 1878 г.

А может, и в сердце они живут. Соберётся много грустных человечков, и на сердце становится тяжело. А развеселятся, разыграются шалуны — на сердце легко и радостно.

А что такое совесть? Не самый ли это главный человечек, который знает, что можно делать, а чего нельзя. И все остальные его слушаются, как ученики — учителя. А когда не слушаются, человек совершает дурные поступки. Если это так, тогда понятно, почему один и тот же человек может поступать то хорошо, то плохо».

Иногда Матиушу кажется, будто в голове у него идёт настоящий бой. Одни побеждают, другие терпят поражение. Похоже, там тоже есть свои министры и войско. А самая главная мысль — как матка в пчелином улье. Пчёлы перелетают с цветка на цветок, и мысли передаются от одного человека другому. Матиушу, например, передались некоторые мысли министров, лорда Пакса, папины и мамины мысли и даже бабушкины и прадедушкины.

Сидит Матиуш на берегу, бросает в воду камешки, а мысли, как пчёлы, роятся в голове. И чудится Матиушу: он — на уроке, только не один у него учитель, а тысяча или миллион. Но никто друг друга не перебивает, все говорят по очереди, и первым отзывается тот, кто нужнее.

Может, никаких человечков и нет, просто Матиуш выдумал их, чтобы было интересней.

Надоест смотреть на море, Матиуш идёт в лес — к муравейнику. Сядет на пенёк и наблюдает за муравьями. Это тоже очень интересно. Бросит листик или кусочек коры и глядит, как муравьишка его к себе в муравейник тащит. А то возьмёт осторожно муравья и посадит на руку; тот мечется, суетится, убежать хочет. Матиуш поднимет палец, а муравей думает, что это гора. Перебирает лапками-крючками,

бегаёт взад-вперёд по ладони и воображает, будто десятки вёрст сделал. Вот чудак!

А то вынесет Матиуш клетку с канарейкой, повесит на сук, откроет дверцу и ждёт, что она станет делать. Канарейки с воли не понимают, о чём поёт канарейка-узница, и не любят её. Однажды Матиуш выпустил свою канарейку, они накинулись на неё и чуть не заклевали. А ему казалось, между ними никакой разницы нет: и это жёлтая и те. И поют одинаково. Но, значит, есть разница, если они не признают её.

Канарейка в клетке скок-скок с жёрдочки на жёрдочку и поёт. А канарейки с воли слушают и что-то щебечут в ответ. Подлетит канарейка-узница к открытой дверце, повертит головкой, защебечет — словно советуется, как быть. Взмахнёт крылышками, вот-вот улетит, но нет — раздумала. Иногда осмелеет трусишка, выпорхнет из клетки, но тут же опустится на неё снаружи: боязно, видно, покидать темницу. Канарейки с воли переговариваются с пленницей, но Матиуш не понимает птичьего языка и не знает, ссорятся они или просто спрашивают, откуда она. То ли завидуют её позолоченной клетке, то ли смеются, что летать разучилась.

«Ничего, привыкнут, — думает Матиуш. — Моя канарейка может многому их научить. И они знают много такого, чего она не знает».

Сколько в природе интересных загадок!

Со стороны кажется, будто Матиуш ничего не делает. Но у него каждая минута занята, а когда наступает вечер, не хочется спать ложиться.

Вечером на небе загораются звёзды. Матиуш глядит на них, словно впервые видит. Неужели они такие же большие, как наша Земля? А есть ли там люди, пчёлы, мухи? Человек

по сравнению с океаном или Вселенной — жалкая козявка. Матиуш пробовал сосчитать звёзды на небе, да сбился со счёта.

Западная часть острова, где поселился Матиуш, — гористая. Гор там, правда, немного, — всего четыре, и три совсем невысокие. Между этими невысокими горами и морем раскинулась поляна. На поляне домик — бывшая школа, в которой и живёт Матиуш. Слева поляну отгораживает от моря четвёртая гора, высокая, — можно сказать, скала. У подножия её — залив, в который впадает река, берущая начало в восточной части острова. К востоку остров расширяется, и леса там гуще. В этих непроходимых чащах укрылись в своё время туземцы, спасаясь от свирепствовавшей кори.

Вместе с Матиушем в школе поселился наш старый знакомый, знаменитый соня — полковник Дормеско. Его помиловали, приняв во внимание прежние заслуги перед родиной. Немаловажную роль сыграло и то обстоятельство, что дело с побегом царственного пленника закончилось благополучно. Солдаты, которые охраняли остров и выполняли всякую хозяйственную работу, жили в доме, принадлежавшем когда-то предприимчивому торговцу.

В море неподалёку от острова высилась скала, на скале — маяк. С тех пор как Матиуш жил здесь, его ещё ни разу не зажигали: там что-то испортилось.

Раз в неделю корабль доставлял почту: газеты, письма и провизию. Писем Матиуш получал мало, а газет не читал. И времени нет, и охоты.

К чему новые известия, когда накопилось столько мыслей, которые надо обдумать. Матиуш решил начать новую жизнь, но, чтобы опять

не наделать ошибок, надо разобраться в своих поступках. А в голове — полнейшая неразбериха. Человечки-мысли совсем распустились, делают что вздумается. Ложатся спать и встают когда хотят, куда-то улетучиваются из головы и опять неожиданно-негаданно появляются. Сражаются друг с другом, а по какому поводу, неизвестно. Чем больше Матиуш думает, тем больше запутывается.

«Ну хорошо, королём я не хочу быть. А кем же я буду? Ведь нельзя всю жизнь бросать камешки в воду и наблюдать за муравьями! Если в тюрьме я ходил по двору и считал шаги, то почему теперь не могу считать звёзды и камни? Но тогда я был пленником и хотел убежать. А сейчас?»

У Матиуша было смутное желание опять убежать, но куда и зачем, он не знал.

А не знал, потому что в голове у него — хаос. То верх берут весёлые человечки, начинают куролесить, и Матиуш радуется, сам не зная чему. То одерживают победу нытики, и Матиуш грустит: вспоминает, что он сирота, и на глаза навёртываются слёзы. То его охватывает беспокойство, словно вот-вот случится что-то.

И всё делается как-то само собой, помимо его воли.

Например, он очень любит купаться в море. Но бывает так: выйдет на берег, начнёт раздеваться, и вдруг почему-то расхочется лезть в воду. Почему? Может, ветер или вода холодная? Ничего подобного, солнце светит, как вчера, но сам Матиуш другой.

Или вот ещё. Любит Матиуш грести. Сядет в лодку, наляжет на вёсла — раз-два, и чем больней рукам, тем приятней, тем лучше. А на другой день взглянет на лодку, и чудно ему, как это он вчера мог с таким увлечением грести.

Была бы цель, стоило бы мучиться, а крутиться на одном месте смешно и нелепо. А то был такой случай. Поймал Матиуш рыбу, и вдруг ему стало её жалко. Кто, собственно, дал ему право обижать её? А если бы рыба поймала его на крючок и утянула в море?

Иногда Матиуш злится на себя. Раньше целой страной управлял, а теперь даже с собой не справится! Человечки-мысли колобродят, сумасбродничают, не желают его слушаться, хоть лопни!

Значит, с собой трудней сладить, чем с другими?

Как усмирить этих крошечных непосед и сумасбродов? Ведь лоб не стенка, на него не налепишь объявление или приказ, как бывало в столице. И потом, он не знает, что они из себя представляют. А может, их вообще не существует?

Человечки в голове у Матиуша разные: одни старые, как церемониймейстер, они много всякой всячины знают и рассказывают о прежних временах. Другие вроде слуг, эти напоминают, что надо одеться, умыться, позавтракать, искупаться, пойти в лес или покататься на лодке. С ними нет никаких хлопот. Когда он был королём, тоже приходилось их слушаться. А вот как быть с молодыми, непокорными, дерзкими? Они делают что хотят, появляются и исчезают когда вздумается, и никакого сладу с ними нет. Наверное, чтобы ими управлять, нужна сильная воля, дисциплина, тренировка. От этого, наверно, зависит, будут они плохими или хорошими. Взять, к примеру, Фелека. По существу, неплохой парень, а сколько зла натворил: взятки брал, воровал, обманывал. Может, и приютские ребята не сознавали, что поступают плохо. Просто не умели справиться со своими распущенными, озорными человечками.

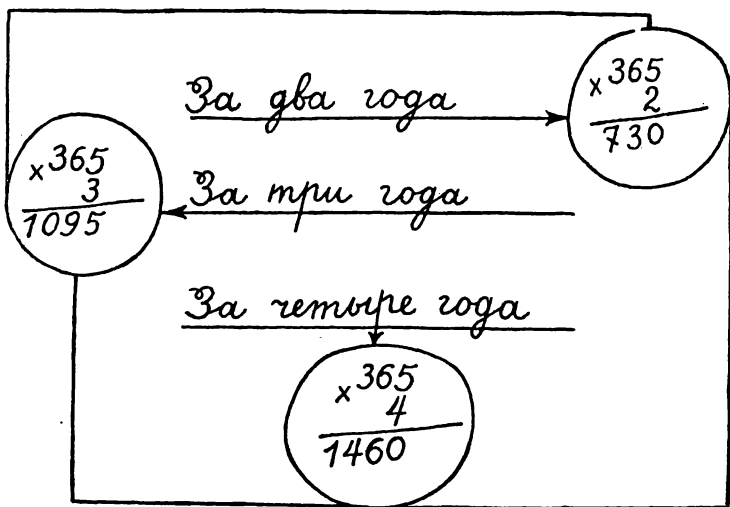
Сильная воля — вроде военного министра. Жалко, что он точно не знает, какие у военного министра обязанности. Но в армии есть генералы и полковники, которым все беспркословно подчиняются. Надо и ему построить в голове неприступные крепости, чтобы человечки-мысли его слушались.

Но что им приказать?

Матиуш понял, как мало он знает и умеет.

И написал письмо Печальному королю с просьбой прислать побольше книг.

Матиуш решил прочесть все книги, какие есть на свете. Положил перед собой на стол часы и стал проверять, быстро ли он читает и сможет ли в день прочесть по книге. В году 365 дней. Значит, за год можно прочесть 365 книг.

Мало. На свете гораздо больше книг. Матиуш тяжело вздохнул: как много предстоит сделать!

А грустные человечки будто того и ждали —

накинулись всем скопом на него и давай отговаривать: не стоит, мол, браться, всё равно из этого ничего не выйдет. Ничего он, мол, не знает и не умеет. Столько времени потратил даром на разные нелепые затеи, и наследие отца сберечь не сумел, и своих великих предков — Стефана Мудрого, Павла Завоевателя и Анну Добродетельную — опозорил.

Низко опустил Матиуш голову над бумагой с вычислениями и даже пожалел, что попросил прислать книги.

Совсем ему стало горько. «Ничего из меня не выйдет. Пропаций я человек». А потом как стукнет кулаком по столу да как крикнет:

— Прочь!

Даже канарейка забила крыльями с перепуга.

Прочь печальные мысли! Безразлично, как они выглядят. Они должны его слушаться — и конец! Он, Матиуш, хозяин своих мыслей. Отныне будет так, как он захочет.

«Назло им буду весёлый. Хватит слоняться из угла в угол. Куда это годится — три дня не купался! Марш на море!»

Нытики струсили и попрятались кто куда, а Матиуш весело побежал купаться. Потом сел в лодку и заплыл в море — далеко-далеко, чуть не до маяка. Он почувствовал себя сильным, весёлым, здоровым. Теперь он знает, чего хочет и к чему стремится. А когда начнёт читать, будет знать ещё больше.

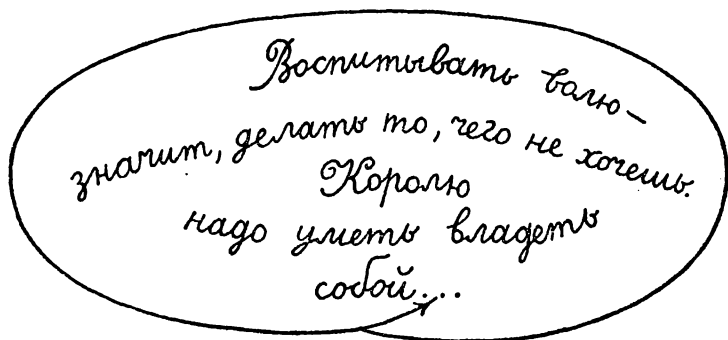
Книга — ведь настоящее чудо! В ней всё самое мудрое, что придумали люди. Бывает, человек всю жизнь, лет сто, думает, а потом напишет книгу. А Матиуш прочтёт её за час и всё узнает. Человек давно умер, но мысли его в ней живут. Книга разговаривает с тобой, даёт тебе советы. «Зачем самому ломать голову, когда

есть книги, — думает Матиуш. — Они ответят на любой вопрос, заменят сотню учителей».

Сейчас Матиуш не хочет быть королём, а через год может захотеть. Но что это за король, который ничего не знает. Поэтому надо изучить свою страну, законы, прочесть книги про королей, учёных, про звёзды, про детей. Он должен знать больше детей.

Матиуш взобрался на вершину скалы, взглянул на море, и у него радостно забилося сердце. Расправив плечи, он вздохнул полной грудью и почувствовал себя счастливым.

А дома записал в дневнике:

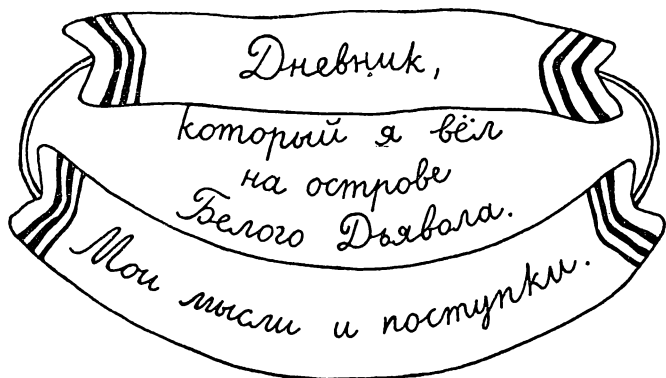
Воспитывать балю-
значит, делать то, чего не хочешь.
Королю
надо уметь владеть
собой...

ДНЕВНИК МАТИУША

Матиуш завёл дневник.

Он взял тетрадку, нарисовал на обложке домик, пальму, в отдалении — скалу и море, заходящее солнце, парящих в небе орлов.

А внизу написал:

На первой странице тоже была картинка, но она не получилась, потому что Матиуш очень спешил. Под картинкой он написал, какие книги хотел бы прочесть. Их было семь.

1. Книгу, в которой рассказывается про все науки,— чтобы выбрать самую интересную и с неё начать.

2. Книгу про королей, когда они были маленькими.

3. Книгу о знаменитых изобретателях, путешественниках и разбойниках, когда они были детьми.

4. Книгу сказок всех народов земного шара.

5. Книгу, очень толстую, о пчёлах, муравьях и животных.

6. Книгу про разных людей: хороших и плохих, лентяев и прилежных, весёлых и грустных, добрых и жадных, задир и воображал. Про то, как сделать, чтобы они не дрались, не ссорились и не приставали.

7. Книгу про глупые и мудрые законы,— чтобы знать, какие отменить, а какие оставить.

И ещё я хотел бы прочесть книгу про то, как дрессируют диких зверей: львов, тигров и т. д.

Сегодня я думал: что такое вода? То она жидкость, то пар, то лёд. Какая же она взаправдашняя: лёд, пар или вода?

Человек тоже бывает разный.

Сегодня был в лесу. Хотел объехать вокруг острова, но, оказывается, это очень далеко. Тогда я высадился на противоположной стороне и, кажется, видел человека: он крикнул что-то и исчез в зарослях. Но может, это была обезьяна?

По-моему, иногда даже героям бывает страшно. Интересно, есть на свете человек, который ни разу в жизни не трусил?

Сегодня день моего рождения. Печальный король поздравил меня и прислал в подарок подзорную трубу. Я смотрел на луну. Горы видел, а леса на луне нет.

Я не знаю точно, сколько мне исполнилось лет: двенадцать или тринадцать? Попытался представить себя взрослым. Понятно, я расту, но как-то не верится, что я когда-нибудь буду большим и старым. Чудно!

В о с к р е с е н ь е.

На море был шторм. Мне захотелось сесть в лодку и посмотреть, хватит ли у меня сил грести при такой волне. Но Валентий не позволил. Я и сам бы, наверно, не поехал, просто очень захотелось. На утёсе тоже было здорово. Молнии, гром. Кажется, маяк скоро починят. В такую бурю на море без маяка опасно.

С р е д а.

Люблю ли я папу и маму? И вообще, можно ли любить умерших?

Почему я сирота? У других ребят есть родители, а у меня нет.

Если бы отец не умер, всё было бы иначе.

А маму я почти не помню. Фотография её совсем выцвела, но это даже лучше. Раз мамы нет в живых, фотография должна быть бледной.

Больше всех солдат нравится мне Валентий. Он никогда первый не заговаривает со мной, но спросишь его о чём-нибудь, очень понятно всё объясняет. И сны разгадывать умеет. Один раз мне приснился аэроплан, и он сказал: это не к добру. И в самом деле, я поскользнулся и чуть не упал со скалы. Хорошо сидеть там, высоко на выступе на самой крутизне. И ещё Валентий умеет плести сети. Сеть лучше удочки, потому что рыбам не больно и можно их выпустить обратно в море. Они думают, всё конечно, и когда попадают опять в воду, очень радуются.

Валентий учит меня играть на скрипке. Вот бы поскорей научиться! Сяду на своём утёсе и буду играть.

В старину для освещения служила лучина (как сейчас у Бум-Друма), потом свечи, потом керосиновая лампа, потом газ, а теперь электричество. Интересно, что ещё придумают?

Как делаются открытия? Наверно, по книгам.

Я опять долго думал, откуда берутся мысли. Может, никаких человечков нет? Но это неважно, были бы мысли. Конечно, узнать, как это происходит, очень интересно. Вчера я хотел проследить, как приходит сон, но незаметно заснул. А у Валентия спросить неловко.

Взрослые часто смеются над детьми, поэтому дети их стесняются.

Вот бы на денёк, часика на три, перенестись

в столицу. Посмотреть, что там и как. Заглянуть во дворец, в парк, побродить по улицам. Сходить на кладбище на могилу родителей.

Здесь тепло и небо синее-синее. Но мне больше нравится пасмурная погода. Тогда я вспоминаю родину. Пальмы очень красивые, но наши деревья лучше. Они как старые друзья, а пальмы — чужие.

Мой самый большой недостаток в прошлом — гордость.

Может ли король любить народ или ему приятно, когда его хвалят, и он притворяется добрым?

Можно ли любить незнакомых? Конечно, я искренне заботился о детях, но всё-таки мне хотелось, чтобы они знали, что это сделал для них король Матиуш Реформатор.

Быть маленьким неприятно, и я решил доказать: маленькие тоже на что-то способны. Взрослые злились на меня, я это видел, но обязаны были подчиняться.

Я завёл две тетради. Одна называется: «Мои ошибки, когда я был королём», а вторая: «Мысли и планы, если я снова стану королём».

Однажды Дормеско заявил: «Нечего думать, надо подчиняться приказам».

«Но король ведь не может издать закон, не подумав», — возразил я.

«Король — другое дело», — сказал Дормеско. Выходит, не все взрослые умные?

Жду, жду, а почты всё нет. Наверно, что-то случилось.

Целую неделю не писал в дневник.

Приехал Печальный король. Он очень удивился, узнав, что я не читаю газет. «А какой от

них прок?» — спросил я. Он подумал и сказал: «Да, лучше читай книги».

Он очень добрый, но мы друг друга не понимаем и поэтому мне с ним плохо.

«Раньше, Матиуш, ты спешил сделать то, что тебе приходило в голову. А теперь ты предаёшься раздумьям и бездействуешь. И то и другое — крайности. Надо идти на компромиссы с собой», — сказал Печальный король. (Компромисс — это сделка.)

Как же так? Обманывать самого себя? Наверно, я ещё слишком мал, чтобы понять это.

Опять давно не писал в дневник.

Я много читаю, научился играть на скрипке. Конечно, до Печального короля и даже Валентия мне ещё далеко.

С книгами дело обстоит не так просто, как я думал. Чем больше читаешь, тем больше возникает вопросов. А книга готовых ответов не преподносит. Надо самому во всём разобраться, обдумать, понять.

Скоро я смогу доплыть до маяка. Я видел в подзорную трубу возле маяка двух детей: один совсем малыш — наверно, ещё говорить не умеет; другой постарше, но тоже меньше меня.

Раньше я следил за играми Фелека и его друзей из-за железной ограды. Меня отделяла от детей дворцовая ограда — и я был одинок. Теперь от детей меня отделяет море — и я снова одинок.

Наконец Матиуш доплыл до маяка. Каждый день он всё дальше заплывал на лодке в море и вот сегодня достиг цели.

Привязав лодку на берегу, он направился

прямо к маяку, а навстречу ему двое детей: мальчик и белокурая девочка.

— Папа! — закричала девочка и с протянутыми ручонками кинулась к нему.— Папа! Иди-иди! Ала — послушная!

По дороге она споткнулась, шлёпнулась и заплакала.

Мальчик — наверно, брат — поднял её, одёрнул платице. А она вырывается, смеётся сквозь слёзы и с криком «Папа!» бежит навстречу Матиушу.

Брат стоит и ждёт, что будет. Матиуш тоже остановился в недоумении. Он так рвался к детям, а теперь не знает, что делать.

— Идём к деде! Идём! Ала — послушная! Деда там! Идём, папа! — лепетала малышка и тянула, дёргала Матиуша за одежду.

Неприятно, когда не знаешь, что сказать.

— Ало, идём! Папа, идём! Ало, Ала, папа, идём к деде! — не умолкая, щебетала девочка.

Она схватила мальчиков за руки, потянула за собой и опять чуть не упала.

— Деда, смотри — папа! — закричала она, увидев смотрителя маяка.

А тот стоял, прищурившись, поглаживая бороду, и улыбался. «Видно, добрый человек, — подумал Матиуш.— Он чем-то напоминает старого доктора».

— Приветствую дорогого гостя! — Старый моряк снял шапку.— Ваше величество, наверно, приехали проверить, почему не горит маяк. Всё в порядке, маяк исправлен и сегодня опять зажжётся. Я бы сам давно приехал и извинился перед вами, да вот с этим... не больно-то поплывёшь...

Матиуш только сейчас заметил, что у смотрителя нет руки.

— Вторую руку отняло море. Но оно щедрое и взамен подарило мне вот эту парочку.

И он рассказал Матиушу, как служил матросом и во время кораблекрушения потерял руку. Тогда его определили смотрителем на маяк. А в прошлом году после шторма волны выбросили на берег двоих детей. Он еле откачал их. И удивительно, мальчик, хотя был без сознания, не выпускал из рук сестрёнку.

— Мальчика я назвал Ало, а девочку — Ала. Кто они и откуда, неизвестно. На языке туземцев, населявших в прежние времена остров, «Ало» — значит «сын моря», «Ала» — «дочь моря». Видать, они с севера родом. Потому как языки южных стран я немножко понимаю, а с мальчиком никак договориться не мог.

Во время разговора Ала не отходила от старших, с любопытством поглядывая то на Матиуша, то на старого моряка.

— Папа! — радостно закричала она и засмеялась.

— Вот видишь, глупышка, говорил я тебе, что папа вернётся. Вот и получай своего папку, — проговорил старый моряк.

— Это не папа. — Ало нахмурился.

— Для тебя не папа, а для Алы папа.

— Это Матиуш.

Матиушу стало неловко: опять он не знал, что сказать. А старый моряк поглядывает на детей и улыбается.

— С дороги полагается подкрепиться, — сказал он и пригласил гостя в своё странное жилище в башне.

Матиуш пожалел, что не привёз детям гостинцев, и заторопился домой.

Ала ещё дважды принималась плакать: ей не позволили пить чай, пока он не остынет, и когда уезжал Матиуш.

— Папа, не уезжай! Останься с Алой!

И опять Матиуш не знал, как себя вести, когда Ала, цепляясь за брюки, не пускала его.

Приближался вечер, а Дормеско не любил, когда Матиуш возвращался поздно. Однажды Матиуш засиделся дотемна на утёсе, и потом по приказу Дормеско за ним три дня ходил по пятам солдат. Не в наказание, просто Дормеско беспокоился, как бы с Матиушем чего-нибудь не случилось. К счастью, Дормеско не знал обо всех его рискованных затеях.

Обратно Матиуш плыл, как в сказке. До самого острова расстилалась перед ним золотая дорожка.

Хорошо, что он не пообещал приехать на следующий день: руки так болели, будто он никогда до этого не садился за вёсла.

Только на пятый день собрался Матиуш опять на маяк. За это время он обдумал, как себя вести и что захватить с собой. Взял кубики, головоломку, лото с картинками, пряники, конфеты и мячик. Он приготовился, что сказать детям при встрече и на прощание, если Ала будет опять капризничать.

Грёб он медленно, с перерывами, чтобы не устать. Дормеско же предупредил, что вернётся вечером, и взял еду на целый день.

Дети обрадовались Матиушу. Видно, они очень скучали на пустынной скале. Старый моряк тоже не скрывал своей радости: будет кому порассказать о своих странствиях по морям и океанам. Да и рассказы Матиуша о войне тоже интересно послушать.

Мальчики и старый моряк сели на камни. Ала стояла возле Матиуша и, положив ручонки ему на колени, заглядывала в лицо, словно старалась понять, о чём он говорит. Но по её наивным вопросам было ясно, что она ничего не понимает.

— Пули — такие маленькие мячики? — спрашивала она, воображая, будто война — это игра.

И Матиуш объяснял ей, что эти мячики сделаны из стали и убивают людей.

— Ала хочет на войну! — заупрямилась девочка и заплакала.

— Война далеко, — сказал моряк.

— Ала хочет далеко!

Ала — маленькая!

— Ала — большая! Ала хочет на войну!

— Война спит, — сказал моряк.

— Спит? — переспросила Ала шёпотом и, прижав пальчик к губам, сделала испуганное лицо и больше не капризничала. — Тихо, война спит, мячик спит, Петрушка спит.

Матиуша это очень удивило. На обратном пути он старался вспомнить, как он вёл себя, когда был маленьким и так же мало знал, как Ала. Да, не понимать чего-нибудь очень неприятно. Бедная Ала! Она так на него смотрела, словно глазами хотела понять. И, не поняв, начинала плакать. Маленькие дети, наверно, оттого часто плачут, что не понимают. Ему стало жалко Алу. «Надо сочинить для неё сказку», — подумал он и решил, что будет немного рассказывать старому моряку и Ало, а немного — Але.

Тут он вспомнил, как моряк сказал, что война заснула. Почему он так сказал? Ведь это неправда. Война не может спать: она не живая. Но, представив себе, как начинается война, Матиуш подумал, что это в самом деле похоже на пробуждение какого-то чудовища. Только что было тихо, и вдруг от топота сапог гудит земля, грохочут пушки. Значит, моряк не обманул маленькую Алу?

Матиуш положил вёсла, отдыхает. От маяка

стелется по морю золотая дорожка. На небе мерцают звёзды. Вокруг тихо-тихо. «Какие права дать малышам?» — спрашивает себя Матиуш и не находит ответа.

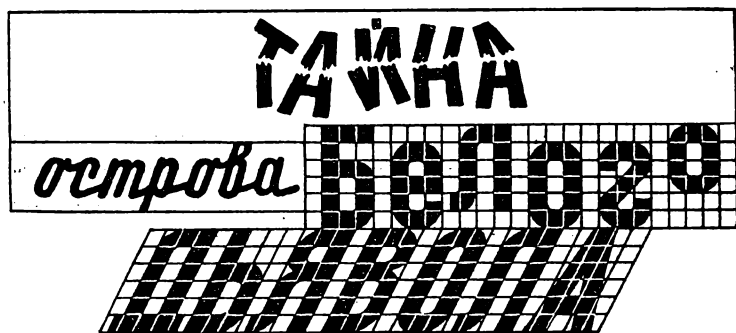
В приюте, где он скрывался, жили маленькие ребятишки, и старшие не любили их: колотили, дразнили, приставали к ним. Матиуш тоже недолюбливал этих плакс. Но может, они плачут оттого, что им ничего не разрешают и у них нет никаких прав. Один депутат высказался в детском парламенте вообще против малышей. Но это, конечно, чушь. Маленькие вырастут и будут большими.

«Вот я мечтаю быть королём детей, а ничего не знаю про малышей. И совсем забыл, какой сам я был маленький. Взрослые, наверно, тоже не помнят себя маленькими и поэтому не хотят давать детям права».

Матиуш снова взялся за вёсла. Как странно: остров совсем близко, а руки ни капельки не болят.

«Завтра целый день буду читать, а послезавтра опять поплыву на маяк. Отвезу детям картинки».

Эта глава должна бы называться так:

В ней рассказывается о необычайном, загадочном приключении Матиуша.

Однажды, решив обследовать остров, он взял револьвер и отправился в путь. Переплыв залив, высадился в том месте, где в море впадает речка, и углубился в чащу.

Стыдно жить на таком маленьком острове и не знать, что он из себя представляет.

Как раз накануне Матиуш читал книгу, где описывалось отважное, опасное путешествие к Северному полюсу.

«Смелчаки отправляются в путешествие в края вечных льдов и вечной ночи, рискуя ради науки жизнью. Стыд и позор тем, кто не знает свой город, свою страну, остров, на котором живёт, — подумал он. — Авось туземцы меня не съедят, если я повстречаюсь с ними в лесу. А для защиты от диких зверей у меня есть револьвер. Во всяком случае, в лесу сражаться со зверями легче, чем с волком в канализационной трубе».

Идёт, идёт Матиуш, а лес становится всё гуще. Над головой — зелёный полог, который не пропускает солнечных лучей, и вокруг царит полумрак. Понизу растёт густой кустарник. Вьющиеся растения так всё переплели, что каждый шаг стоит больших трудов. Впрочем, спешить некуда. За спиной у него рюкзак, провизии хватит на целый день. Дормеско привык к его частым отлучкам и не станет волноваться.

Идёт Матиуш, и чем больше на пути препятствий, тем с бóльшим упорством он их преодолевает. Вначале сквозь чащу пробивался порой солнечный луч, а потом всё погрузилось в зелёный сумрак. Шум моря сюда не доносится. Тихо, даже птиц не слышно.

Он почувствовал усталость и присел отдохнуть. Подкрепился хлебом и сыром. «А вдруг

я заблудился?» — внезапно пришло ему в голову. Об этом следовало бы подумать раньше, но Матиуш был неопытным путешественником.

Он не испугался, но ускорил шаг. «Остров невелик, — успокаивал он себя, — и если идти всё время в одном направлении, непременно выйдешь к морю. В крайнем случае, вернусь той же дорогой, отыщу её по следам, примятой траве, обломанным веточкам».

Но следы шли в разных направлениях. Наверно, тут пробегали звери. Человеческий след от звериного легко отличить на песке или на снегу, но не в такой чащобе.

Матиуш идёт дальше, чутко прислушиваясь к малейшему шороху, озираясь по сторонам. «Как же это я компас забыл взять? — недоумевает он. — С компасом не заблудишься: он показывает, в какую сторону идти».

Пришлось опять немного отдохнуть и перекусить, — не потому, что уж очень есть хотелось, а просто рюкзак оттягивал плечи. И дальше — в путь. Так шёл он до самого вечера.

«Видно, придется заночевать в лесу. Надо подыскать подходящее дерево да посмотреть, не облюбовала ли его ненароком змея». Конечно, ночлег в лесу — дело рискованное, но для Матиуша опасность не в диковинку.

Усталым, неторопливым шагом двинулся Матиуш дальше, и вдруг до него донеслись какие-то странные звуки: не то плач, не то пение, не то зов на помощь.

«Может, мне чудится?»

Крадучись пошёл он в том направлении, откуда слышались звуки. Деревья расступились, и он оказался на поляне. Посередине на холмике возвышалась каменная башня — широкая у основания и сужающаяся кверху.

«Что это?»

Странные звуки — не то жалобное пение, не то стон, несомненно, доносились из башни.

«Посмотрим, что там такое».

Матиуш обошёл вокруг башни, но входа не обнаружил. «Надо подать сигнал». И выстрелил в воздух. В ответ послышалось эхо, и снова тишина.

Матиуш остановился в растерянности. Вдруг большущий камень сам сдвинулся с места, и за ним открылось отверстие, как бы вход.

Удивлённый Матиуш подошёл поближе и заглянул внутрь. В башне было семь лестниц, одна на другой, и каждая упиралась в выступ стены. И еще Матиуш заметил: у нижней лестницы перекладки поставлены близко, у второй — реже, у третьей — ещё реже. У первой лестницы ступеньки толстые, прочные, но чем выше, тем они тоньше и неизвестно, выдержат ли вес человека.

И вдруг Матиуш видит: сверху быстро и ловко, как акробат, спускается человек в полотняном балахоне, подпоясанном верёвкой. Интересно, как он не запутался в длинном балахоне и не упал?

Перед обомлевшим Матиушем остановился отшельник с длиннющей бородой и посмотрел на него таким скорбным взглядом, каким не смотрел даже сам Печальный король.

«Наверно, какой-нибудь неудачливый реформатор», — подумал Матиуш.

Старик поднял руку, и сделалось темно. И из темноты послышалось многоголосое пение, хохот, рыдания, крики. Матиуш увидел светящийся циферблат с медленно движущимися стрелками — часовой и минутной.

Как замороженный смотрит Матиуш на часы, лаз не может отвести, а в ушах отдаётся звон.

И неведомо, долго это продолжалось или нет.

Вдруг совсем низко, у самой земли, зажётся зелёный огонёк и осветил крышку люка. Отшельник наклонился и легко, как пушинку, поднял её. Под ней оказалась лестница, конец которой терялся во тьме. Отшельник стал спускаться вниз, Матиуш — за ним.

Долго спускались они всё глубже и глубже под землю и наконец очутились в узком проходе с низкими сводами. Проход вывел их на берег моря, к тому месту, где Матиуш привязал свою лодку.

Отшельник молча указал на неё рукой и исчез в зарослях.

Матиуш первым делом зачерпнул рукой воды из речки и напился: у него пересохло во рту. Потом в изнеможении опустился на землю. «Что всё это значит?»

Много раз, вспоминая впоследствии этот удивительный случай, он спрашивал себя:

«Может, мне это приснилось?»

Но нет, это был не сон. Он отчётливо помнил, как привязал лодку и углубился в лес. И тропу, по которой шёл, тоже хорошо запомнил. Потом он не раз ходил по ней в поисках башни отшельника. Несомненно, он целый день проплутал по лесу. И в рюкзаке не хватало ровно столько припасов, сколько он съел. Он помнит, где он делал привал. Может, он заснул в лесу? Но ведь он как раз искал дерево, подходящее для ночлега. Ну хорошо, допустим, заснул. Тогда каким же образом он очутился на берегу возле своей лодки? У Матиуша было ещё два неоспоримых доказательства того, что это ему не приснилось: пыль на ботинках (в проходе, как во всех подземельях, под ногами были пыль и песок) и порванный рукав. Он зацепился за гвоздь, когда спускался по лестнице.

Потом, когда Матиуш читал толстую книгу о необитаемом острове Белого Дьявола (это о ней упоминал на заседании учитель географии в чёрном фраке), он на 476-й странице наткнулся на такое место:

«Корь истребила почти всё население острова, а немногие уцелевшие ушли в леса. Белым на острове делать было больше нечего. Торговец с семьёй перебрался в южноафриканские колонии, учитель уехал в Индию. И на острове остался один старичок-миссионер. Что случилось с ним потом, неизвестно. По всей вероятности, он умер, так как был очень стар».

Матиуш ни словом не обмолвился о своём приключении: неприятно рассказывать, когда наперёд знаешь, что тебе не поверят. Потом он не раз пытался найти поляну, на которой стояла одинокая башня отшельника. Тщательно обследовал и лесистый берег в поисках подземного хода, которым старик вывел его к морю. Но так ничего и не нашёл. Приключение осталось его тайной. И Матиуш не сомневался: это был не сон, ведь у него имелись неоспоримые доказательства.

Плохо, когда просыпаешься утром и не знаешь, что делать днём. На день-два занятия всегда найдутся. Но когда свободного времени много, необходимо иметь план. И вот Матиуш составил распорядок дня и план на неделю вперёд.

Через день после обеда он будет ездить на маяк. По четыре часа в день читать, ежедневно писать дневник, по часу играть на скрипке. Кроме дневника, будет писать воспоминания и в отдельную тетрадь записывать ошибки, которые совершил, когда был королём. Час — рисовать: это тоже пригодится. И ещё научится фотографировать. У полковника Дормеско есть

фотоаппарат и альбом с фотографиями. В альбоме наклеены снимки всех мест, где он побывал, всех войн, в которых он участвовал, и всех людей, с которыми был знаком. Поэтому Дормеско так хорошо всё помнит. А Матиуш многое забыл.

Посещения маяка тоже должны измениться. До сих пор получалось, будто он приезжает только затем, чтобы привезти детям гостинцы.

Не успеешь вылезти из лодки, как Ала запускает обе руки в карман и выгребает конфеты. Ало стоит в стороне и молча ждёт. Забрав всё, что предназначалось для неё и для брата, Ала требовала:

— Ещё! Дай ещё!

Было неприятное ощущение, будто подарков слишком мало. Но необитаемый остров не столица, где разве что птичьего молока не хватало.

Выходит, дети ждали не его, а подарков. И с пустыми руками он мог бы вообще не приезжать.

И Матиуш решил заниматься с детьми. Ало он научит читать и писать. А вот как быть с Алой? Картинки, которые он привозит, быстро ей надоедают, и она требует новых.

Матиуш вспомнил, что, когда он был маленький, мама строила с ним дворцы из кубиков, из песка или глины, делала ему садики из цветов и листьев и рассказывала чудесные сказки. И ещё она рисовала ему картинки. Мамины картинки ему нравились больше, чем в книжках: они были понятней. Мама играла с ним в прятки, пела песни. Много интересного придумывала она, но что именно, Матиуш забыл. Ведь это было так давно!

Значит, чтобы учить маленьких детей, надо самому знать очень много. С Ало ему будет гораздо легче.

Так и оказалось. Ало быстро научился читать. Напишет карандашом: «пёс», «песок», «Петя», «перо» — и прочтёт. С арифметикой дело пошло ещё лучше: Ало скоро уже считал доста, и Матиуш мог играть с ним в лото и домино.

Только с Алой беда! Вечно она им мешала. Сядут они играть в домино, и она суёт первую попавшуюся костяшку, а если ей не позволить, начинает злиться.

— Смотри, Ала,— говорит Матиуш,— вот тут одна точечка, а тут — пять. Найди такую же и положи.

У Алы есть косточка и с одной точкой, и с пятью, но она хватает ту, где две двойки, кладёт и ещё спорит, что верно.

— Смотри,— терпеливо объясняет Матиуш,— ведь здесь две точечки. Ну посчитай сама: одна и одна — две.

— Одна, две,— как попугай, повторяет Ала, а потом ни с того ни с сего рассердится и забросает всё.— Матиуш плохой, Ало плохой. Ала пойдёт к деде.

И бежит жаловаться, что её обижают.

Ещё хуже было, когда они играли в лото. Але непременно хочется выиграть, но как это делается, она не понимает. Ало выкликает, например, «четырнадцать», а её это словно не касается. Хорошо, если она хоть один раз правильно закроет. А то ей надоест, она расставит фишки как попало и кричит, что выиграла.

С рисованием дело обстояло чуть получше. Дашь ей лист бумаги, она быстро-быстро накаляет что-то и кричит: «Готово! Дай ещё!» А вот палочки и кружочки ни в какую не хочет рисовать.

Мальчикам приходилось прятаться от неё, но на голой скале нелегко найти укромное местечко. Случалось, Матиуш выходил из себя.

Быстро бегать Ала не умела: побежит, шлёпнется и хнычет. Больше всего любила она, когда Матиуш ей что-нибудь рассказывал. Вытаращит глазёнки, рот разинет — думает, бедняжка, так понятней.

А Матиуш разговаривает с ней, как со своей канарейкой. Да, да, не удивляйтесь, Матиуш часто беседовал с канарейкой. Посадит её на палец и спрашивает, помнит ли она королеву, короля, дворец в столице, Стасика, Еленку, Клу-Клу. А канарейка склонит набок головку, будто хочет сказать, что помнит. Иногда в ответ защебечет или запоёт. Но понимает она Матиуша или нет, неизвестно.

С канарейкой разговаривает он примерно так:

— Сейчас поменяю тебе водички, насыплю свежего песочка, и опять у тебя будет чистенько. Салата свеженького дам.

А с Алой так:

— Ала вытрет носик, и он снова будет чистый. Сейчас Ала даст мне карандашик, я нарисую маяк, и у нас получится красивая картинка. Ала отнесёт её дедушке. Ала хорошая девочка, и дедушка обрадуется. Дедушка скажет: «Ала хорошая девочка, Ала принесла дедушке картинку».

И так без конца одно и то же. Но Ала внимательно слушает и не перебивает — видно, ей это не надоедает.

«У малышей тоже должны быть права, — думает Матиуш. — Но как сделать, чтобы им было весело и в то же время они не мешали старшим играть или делать уроки?»

Теперь понятно, почему короля Пафнутия и вообще взрослых раздражают дети. Наверно, они им мешают, как малыши — ребятам постарше. И взрослые считают детей глупыми.

Может, Ала, как канарейка, понимает что-то и знает, только выразить не умеет. Матиуш забыл, о чём он думал, когда был маленький, поэтому и не понимает Алу.

Ала ведь не всегда капризничает. Иногда она присмиреет, уставится своими глазёнками куда-то вдаль и вздыхает. А то уцепится за руку Матиуша, долго, пристально смотрит ему в глаза и тяжело вздохнёт. Или вздрогнет вдруг всем телом, будто от испуга. Или начинает отдавать Матиушу свои игрушки. Отдаёт и приговаривает: «На, на, на!» Раздаст всё, разведёт ручонками и радостно воскликнет: «У Алы ничего нет! Ничего нет!» И при этом веселится, хлопает в ладоши, прыгает, хохочет.

Маленькие дети похожи на зверюшек, — записал Матиуш в дневнике.

Хорошо, что у него есть возможность наблюдать за маленькой девочкой. В приюте стоило ему подойти к малышам, как ребята постарше поднимали его на смех, отпускали обидные шутки и какой-нибудь глупой выходкой расстраивали игру. Считалось, только дурак может возиться с мелюзгой.

Зато здесь, на необитаемом острове, Матиушу никто не мешает делать, что ему заблагорассудится.

Одно только его беспокоит: ведь дети разные и не все похожи на Алу. Во время войны их роту разместили в деревне, по четыре, по пять человек в избе. В доме, где Матиуш прожил две недели, был маленький мальчик — ровесник Алы. Но какой он был тихий! Сидит, бывало, целыми днями возле печки, смотрит широко раскрытыми глазёнками и молчит, редко-редко пролепечет что-то. И никогда не хныкал, не путался под ногами, не приставал, и личико у него было грустное-грустное... Матиуш

тогда ещё подумал: «Наверно, у Печального короля было в детстве такое лицо».

В приюте дети тоже были разные: тихони, у которых вечно глаза на мокром месте, и крикуны, которым не больно, но они вторично выдавливают из себя слёзы и режут, ябеды и драчуны. Как-то раз Матиуш увидел, как дерутся двое мальчишек. «Совсем как на войне. Бывает, дерутся двое ребят, а бывает — целые народы. И тогда, наверно, те, кто не участвуют в войне, тоже стоят в сторонке и посмеиваются».

Какие разные, непохожие люди на свете! И сколько надо всего узнать про них, про вещи, про разные явления. Небось взрослые короли и те не знают всего. Поэтому так трудно быть реформатором.

Матиуш, например, почти ничего не знает про старших мальчиков. А ведь это они первые взбунтовались против его реформ.

Большие мальчики называют ровесников Матиуша «щенками» и корчат из себя взрослых. У них есть свои тайны, которые они ревниво оберегают от младших. Чуть что, пускают в ход кулаки. Важничают, задирают нос, а малышкой замечают только когда им что-нибудь от них надо. Но часто они берут у малышки вещи без спроса. А запротестуешь, они тебя же отругают или ударят. Они грубияны, и с ними лучше не связываться. Даже шутки у них обидные: или высмеют перед всеми, или гадость какую-нибудь подстроят, или больно ударят. Один раз большой мальчик вежливо попросил у Матиуша ручку. А когда Матиуш перед уроком пришёл за своей ручкой, тот велел ему убираться вон и даже замахнулся.

А Матиушу попало от учителя за то, что он явился на урок без ручки.

В СОВЕТ ПЯТИ

от короля Матиуша Первого
Реформатора с необитаемого
острова Белого Дьявола.

ПРОШЕНИЕ № 43

Прошу Совет Пяти сменить на острове стражну. У солдат на родине остались жёны и дети. Прошло уже пять месяцев, и они тоскуют, а ведь они не узники. По-моему, это несправедливо. Я не хочу, чтобы из-за меня страдали люди. Поэтому очень прошу сменить стражну. И ещё прошу прислать на остров не взрослых, а больше мальчишек. Здесь есть лодка, можно купаться, ходит в пачоды — или не будет скучно. А потом они тоже смогут уехать. С уважением

короля Матиуша Реформатора. М

Прошение короля Матиуша читал
Возражений не имею.

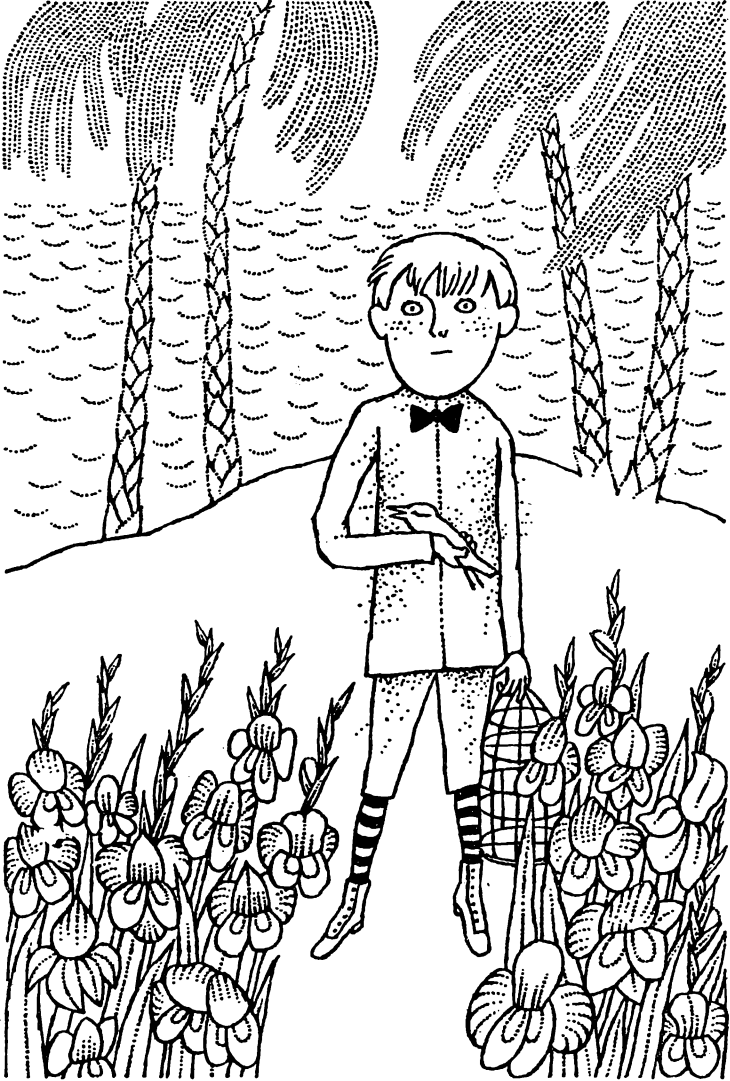
Полковник Дормеско.

...Сначала Матиуша сердило, что по любому пустяку надо обращаться в Совет Пяти Королей, которые считались его опекунами. Но со временем он привык и нашёл в этом даже свои преимущества. Записываешь в блокнот всё, что тебе надо, потом пишешь прошение, отдаёшь полковнику Дормеско, он прикладывает печать, и с первым же пароходом конверт отправляют.

Матиуш написал уже сорок три прошения и не получил ни одного отказа. У него даже есть револьвер, потому что он не узник, а приехал сюда по доброй воле.

Прошение отправили, и Матиуш с нетерпением стал ждать, когда приедет смена.

На другой день после того, как отправили

прошение, стряслась беда: внезапно умерла канарейка. Она была уже старая и последнее время сидела нахохлившись, не пела, редко вылетала из клетки, не хотела купаться в мисочке. Ела тоже мало — клюнет раз-другой, а остальное разбрасает кругом. Матиуш видел это, но надеялся, может, выздоровеет.

Когда канарейка умерла, он вспомнил, что накануне вечером у неё был особенно жалкий вид. Она разевала клюв и закрывала глазки — будто задыхалась, и дрожала от холода. Встревоженный Матиуш пытался согреть её своим дыханием. А наутро видит — канарейка лежит на боку, ножки вытянула, но головкой ещё вертит и один глаз открыт. Матиуш схватил её в руки — она твёрдая, как камушек; стал дуть в клювик: думал, поможет. Потом кинулся было к Валентию, но понял, что это бесполезно.

«Теперь у меня никого нет на свете», — с тоской подумал он и занялся похоронами.

Прежде всего вырезал из золотой бумаги корону: ведь канарейка была не простая, а королевская. Потом оклеил небольшую коробочку изнутри зелёной бумагой, положил на дно немного ваты, листьев, а на них — канарейку. Матиуш делал всё это незаметно, украдкой, словно стыдился. Хотя чего стыдиться? Канарейку подарила ему покойная мама, клетка с птицей много лет стояла в кабинете покойного отца. Значит, это особая птица, с ней связаны воспоминания о родителях. А память о родителях чтут не только короли.

Из двух коробочек Матиуш соорудил катафалк и привязал веревочку. Потом завернул всё в бумагу и вышел из дома. Он направился к утёсу, который высился на берегу моря, чтобы отдать последний долг другу, разделявшему с ним изгнание. На середине горы, где дорога

была ровней и откуда никто не мог его видеть, он опустил катафалк на землю, поставил на него гроб и потянул за верёвочку. Ноша для рук лёгкая, а для сердца — тяжёлая.

Похоронить канарейку Матиуш решил на самой вершине под деревом, откуда открывался красивый вид на море. И, вспомнив, что в старину могилы павшим воинам копали палашами, он вынул из-за пояса скаутский нож и вырыл ямку. Уже опустив в неё коробочку, Матиуш подумал: а вдруг произошло чудо и канарейка ожила? И чудо произошло, только другое: над головой послышались громкие, звонкие трели. Это канарейки — вольные обитатели острова прощались с несчастной пленницей.

Матиуш сделал из камешков холмик. Когда всё было готово, он ещё раз взглянул на могилу, и сердце у него сжалось от тоски.

Ему припомнилось кладбище в далёкой столице, где похоронены его родители. И сам, не зная зачем, он сделал ещё две могилы, потом вспомнил Кампанеллу, и появился четвёртый холмик.

Через несколько дней Матиуш огородил своё кладбище камнями. Теперь он ещё больше любил это место на вершине горы и проводил там долгие часы, играя на скрипке и предаваясь раздумьям.

Дни шли за днями, и Матиуш, занятый своими делами, позабыл про сорок третье прошение. Но однажды в бухту вошёл корабль и стал на якорь. Солдаты, узнав, что они возвращаются на родину, ошалели от радости. Даже всегда спокойный, сдержанный Валентий опрокинул чайник с кипятком, разбил фарфоровую статуетку, которая стояла у Матиуша на письменном столе, и потерял ключи от кладовой, так что в тот день обедали на час позже. О других

и говорить нечего: от радости они совсем потеряли голову — мечутся, спешат, словно боятся, что времени не хватит на сборы. А какие сборы у солдата, когда всё его имущество — деревянный чемоданишко, миска да ложка?

В пять часов к Матиушу явился ординарец Дормеско и по всей форме доложил, что полковник просит его принять.

Матиуш не узнал Дормеско: вместо обычного халата на нём был парадный мундир, грудь колесом, руки по швам. Ничего не скажешь — бравый воин.

«Неспроста это». И Матиуша кольнуло недоброе предчувствие.

— Ваше королевское величество, разрешите попрощаться с вами.

— Как, и вы меня покидаете?

— Вот приказ.— Дормеско протянул Матиушу сложенную бумагу.

Матиуш прочёл приказ, и ему стало грустно. Жаль расставаться с добродушным, покладистым соней, который не вмешивался в его дела и без единого звука подписывал все прошения в Совет Пяти.

Неизвестно, кого-то ещё пришлют вместо него.

Новый комендант — уланский ротмистр маркиз Амарий был сослан на остров Белого Дьявола в наказание: этот красавец и забияка за одну ночь трижды дрался на дуэли и вдобавок оскорбил генерала. Его сопровождало трое взрослых — два писаря и адъютант, и десять подростков для несения караульной службы.

РАПОРТ № 1.

*Согласно желанию Вашего королевского
величества, для несения караульной
службы прибыло десять подростков.
Комендантом острова по приказу
Совета Пяти назначен Я.*

Маркиз Амарий →

Амарий

читал

— гласил первый рапорт маркиза. Матиуш, пробежав глазами рапорт, написал внизу: «Читал».

Жизнь на острове переменилась. В комнате рядом с Матиушем разместились подростки. Маркиз поселился в домике, где раньше жили солдаты. Теперь Матиуш ежедневно получал из гарнизонной канцелярии по несколько бумаг: циркуляров, приказов, инструкций. Надо было их читать и подписывать.

«Ваше величество, бумага из гарнизонной канцелярии!» Эти слова будили его по ночам, внезапно раздавались за его спиной в лесу, на берегу моря.

Матиуш два дня терпел, а на третий вызвал к себе ротмистра.

Тот явился и, даже не поздоровавшись, плюхнулся в кресло и закурил сигару.

— Господин ротмистр, я вызвал вас по делу! — строго сказал возмущённый его развязностью Матиуш.

— Тогда я загляну попозже, когда вы наденете мундир, — небрежно бросил ротмистр и направился к двери.

У Матиуша от этой неслыханной наглости потемнело в глазах.

— Надевать мундир я не стану,— проговорил он прерывающимся от гнева голосом,— и предупреждаю вас: ни читать, ни подписывать ваших бумаг я не желаю. Я не узник и не обязан вам подчиняться. Полковник Дормеско...

— Полковника Дормеско здесь больше нет,— перебил его ротмистр.— После полковника Дормеско не осталось ни квитанций, ни счетов, и вообще он даже не удосужился составить план острова. На вопрос: «Обитаем ли остров?» — полковник Дормеско тоже не сумел ответить. Полковник Дормеско выполнял свои служебные обязанности из рук вон плохо. Донесение об этом уже готово и в ближайшее время будет отправлено по назначению. Все пожелания вашего величества, если они не противоречат инструкции, будут неукоснительно выполняться. Спорные вопросы подлежат решению Совета Пяти. В случае несогласия с чем-нибудь вы имеете право жаловаться в Совет Пяти. Брат пример с полковника Дормеско я не намерен. Честь имею кланяться!

Матиуш остался один. За стеной послышался сдавленный смех.

«Это они надо мной смеются,— подумал Матиуш.— Ну и пусть».

Ротмистр каждый час слал на подпись циркуляры, приказы, инструкции, и Матиуш, не читая, отсылал обратно. Утром и вечером ротмистр собственной персоной являлся осведомиться о здоровье Матиуша. Тот в ответ молчал.

Перед тем как устроить учения, ротмистр присылал к Матиушу своего адъютанта.

— Ваше величество, разрешите устроить учения? — спрашивал адъютант.

— Не разрешаю! — отрезал Матиуш.

Так продолжалось пять дней. Но вот при-

был корабль, который доставил на остров работников. По приказу ротмистра они стали ремонтировать ему жилище. В лесу застучали топоры, завизжали пилы.

К дому ротмистра пристроили крылечко, соорудили беседку и ещё какие-то постройки неизвестного назначения. С утра до вечера — суэта, беготня, крики и ругань. Никакого покоя.

Матиуш потихоньку выскальзывал из дому. Одинокие прогулки, лодка, занятия с Ало и Алой, скрипка стали ему во сто крат дороже.

Он понимал: это только начало. И спокойно ждал развития событий. Ротмистр делал вид, будто забыл о его существовании. Зато канцелярия работала вовсю: до позднего вечера два писаря сидели, низко склонившись над столом, и что-то строчили. Присылаемые на подпись циркуляры, распоряжения, приказы день ото дня становились всё длиннее. Но Матиуш по-прежнему не читал их.

Еда с каждым днём становилась хуже. Раньше финик или инжир были для Матиуша просто лакомством, а теперь он пропал бы без них.

Однажды Матиушу совсем не принесли обеда. Он не придумал бы этому значения, если бы не слова, услышанные из-за перегородки:

— Они ссорятся, а мы тут из-за них с голоду подыхай.

Матиуш постучал в стену: так он вызывал своего адъютанта.

— Вы сегодня обедали? — спросил он явившегося на зов парня.

— Никак нет, ваше величество! Кухня уже три дня не работает. Господин ротмистр не имеет права выдавать провизию без подписи вашего величества.

Матиуш облачился в мундир и велел позвать ротмистра.

— Прошу прислать мне на просмотр все бумаги из канцелярии,— заявил он ротмистру.

— Слушаюсь, ваше величество!

Через пять минут перед Матиушем лежал приказ о выдаче обеда. Матиуш немедленно подписал его.

А через десять минут в соседней комнате прогремело троекратное «ура» и застучали ложки.

Когда Матиушу принесли обед, он отказался есть: и аппетит пропал и времени не было — на столе возвышалась груда бумаг. Среди них была и жалоба на полковника Дормеско. Матиуш начал читать её, и на лбу у него выступил холодный пот.

Сколько стульев, столов, кроватей, простыней, тарелок, ножей должно быть на острове, неизвестно. Куда девалось мыло, молоко, конфеты, книжки и игрушки, тоже неизвестно. По полученным сведениям, у детей смотрителя маяка много краденых вещей короля. Среди бумаг не обнаружено ни одной квитанции, расписки или счета. Помещения грязные и обшарпанные, непригодные для жилья. Солдаты делали что хотели, никакой дисциплины...

Но это ещё не всё, кроме жалобы на Дормеско, имелись три жалобы на Матиуша. Читая их, можно было подумать, что они продиктованы заботой и состраданием к малолетнему королю-изгнаннику.

Вот первая:

Здоровье короля оставляет желать лучшего. Он раздражителен и угнетен. Отказывается читать и подписывать бумаги, чем осложняет работу канцелярии. Не разрешает проводить учений...

Вторая жалоба гласила:

Король заплывает на лодке далеко в море и возвращается усталый и подавленный. Он взбирается на высокую гору, откуда можно упасть и разбиться насмерть. Бродит также в одиночку по лесу, где водятся дикие звери, ядовитые змеи, возможно, живут людоеды.

Король позволяет своей охране шуметь до поздней ночи,— говорилось в третьей жалобе.— Дикие крики мальчишек оглашают остров. Сорванцы украли у работников пилу и два топора. С подростками, как известно, вообще трудно справиться, поэтому я слагаю с себя всякую ответственность за дальнейшее...

Действительно, мальчишки в соседней комнате шумели, курили, ругались, затевали драки. Ни о какой игре на скрипке не могло быть и речи, даже спать по ночам стало невозможно. Матиуш хотел попросить их вести себя потише, но раздумал: авось сами поймут, что это нехорошо.

Матиуш вообще ни разу ни с кем не разговаривал и даже не знал их по именам, за исключением своего адъютанта, Филиппа.

Этот Филипп, рослый, здоровый парень, не нравился Матиушу. Вроде бы послушный, является по первому зову, щёлкает каблуками, но при этом у него как-то неприятно бегают глаза. Внешне всё в порядке, ни к чему не придёршься, но однажды Матиуш увидел на стене его тень — она грозила ему кулаком и показывала язык.

В первую минуту он не поверил своим глазам. Но, кроме них, в комнате никого не было. Значит, это могло относиться только к нему. «За что он меня ненавидит?» — недоумевал Матиуш.

Матиуш не раз слышал через тонкую стенку, как Филипп орал на товарищей:

— Тише! Не мешайте королю спать! Как вы смеете, хамы, беспокоить короля!

Матиуш не понимал: к чему так кричать, когда через перегородку всё слышно. Филипп как-то странно растягивал букву «р». Получалось «кор-р-роль»,— и Матиушу чудилась в этом издёвка.

Матиуш старался поменьше сидеть в комнате, поменьше бывать возле дома. Но взбирался ли он на свою скалу или плыл на маяк, его не покидала мысль о том, что теперь предпринять. Написать в Совет Пяти? Но о чём? Если попросить, чтобы всё было по-старому, они скажут: он сам не знает, чего хочет. Может, потолковать с мальчишками? Сказать, что он хочет с ними дружить? Нет, зачем кривить душой. Ведь это неправда, его несколько не привлекает дружба с этими грубиянами.

Они нарочно через замочную скважину пускают к нему в комнату табачный дым. До него долетает их шёпот и сдавленный смех. Уж лучше шум и ругань, чем насмешки. Матиуш то и дело слышит: «он», «король», «Матиуш». Время от времени шушуканье и смешки прерывает громкий издевательский голос:

— Молчать, скоты! Как вы смеете мешать кор-р-ролю! Кор-р-роль хочет спать!

Жизнь на острове изменилась до неузнаваемости.

В следующий раз корабль привёз топографов снять план острова. Потом приехали две художницы делать зарисовки с натуры. Потом — доктор. Он осмотрел Матиуша, написал что-то на листочке бумаги, сел на корабль и уехал. Потом стали строить отдельный дом для канце-

лярии. Откуда-то появились духовые трубы. На них умели играть писаря, несколько плотников и двое подростков. И вот как-то вечером заиграл оркестр и начались танцы. Танцевали ротмистр, топограф и две приезжие женщины. А Матиуш, лёжа в постели, заплакал.

Ему вдруг стало грустно, что нет больше полковника Дормеско и Валентия, который мог ответить на любой вопрос. Сделалось так тоскливо и горько, что если бы не дети с маяка и не кладбище на вершине скалы, он оделся бы и убежал в лес. А там отыскал бы башню отшельника или к дикарям ушёл. Он не сомневался: они прячутся в чаще.

И вдруг Матиуш почувствовал, что кто-то ползёт по одеялу.

«Наверно, мышь», — подумал он.

Но нет, зверёк оказался покрупней мыши, рыжий, с белыми лапками и коротким хвостом. И на шее у него висела цепочка, а на цепочке болталось что-то круглое. Это был орех, а в нём — письмо от Клу-Клу.

Дорогой Матиуш, — писала она, — чуёт моё сердце, тебе плохо на необитаемом острове. Я давно о тебе ничего не слышала, потому что у нас с белыми великая война. Бум-Друма убили. Я теперь, как и ты, сирота.

Дальше следовало подробное указание, как вложить ответ в ореховую скорлупу, как заклеить её, чтобы не размокла бумага, когда крысёнок поплывёт обратно.

«Значит, этот зверёк вроде почтового голубя».

В ответ Матиуш написал, чтобы Клу-Клу не беспокоилась, что ему живётся хорошо. Долго ли он ещё пробудет на острове, неизвестно, пусть пишет ему почаще.

На кладбище прибавилась ещё одна могила.

«Если рядом с родителями похоронена канарейка, значит, может покоиться и мой чернокожий друг», — подумал Матиуш и, раздвинув ограду из камешков, расчистил место для могилы Бум-Друма.

«Раз, два, три, четыре, пять», — сосчитал Матиуш, сел в лодку и поплыл на маяк.

Дети встретили его как-то особенно приветливо, хотя гостинцев он им не привёз. Ему ничего не хотелось просить у ротмистра, который встал сегодня с левой ноги и орал на всех без разбора. Ало подарил ему красивую ракушку, Ала — гладкий, круглый камень-голыш. Матиуш чувствовал, что никогда больше сюда не приедет и сохранит эти подарки на память о детях.

Ала ни разу за весь день не плакала, не капризничала. Ало прочёл вслух «Красную Шапочку» и сделал только одну ошибку. Матиушу тяжело было расставаться с детьми. Остаться бы здесь, на маяке, а они там пусть делают что хотят.

Однако пришлось возвращаться. Входит Матиуш к себе в комнату, а там сидит ротмистр.

— Ах, как хорошо, что вы наконец вернулись, ваше величество! А то я уже беспокоился. Эй, Филипп!

Филипп тотчас вырос в дверях и вытянулся в струнку.

— Гони всех вон из комнаты, ясно? Комнату запири на ключ, а ключ отдай мне, ясно? Если кто вздумает подслушивать под дверью наш тайный разговор с его величеством, шкуру живьём сдеру, ясно? Можешь идти!

За стеной послышалась возня — это ребята поспешно выходили из комнаты. Филипп отдал ротмистру ключ.

— Дорогой кузен,— начал ротмистр, когда они остались вдвоём,— я хочу жить с вами в дружбе и умоляю простить меня!

Сказал — и бух перед Матиушем на колени.

— Сейчас же встаньте! Я не святой, чтобы передо мной становиться на колени. Объясните, в чём дело.

— Дорогой кузен, я праправнук Елизаветы Сумасбродной, родной тётушки Генриха Свирепого. Итак, мы с вами родственники. Поэтому Печальный король не возражал, когда выбор пал на меня. Вот увидите, я буду послушный и смиренный, как овечка. А обед я не выдал вам в тот день потому, что люблю во всём порядок. Но я получил тайное предписание, и теперь мы будем жить в дружбе. А если вы не простите меня, я...— И вместо слов маркиз приставил к виску револьвер.

— Хорошо, я тоже хочу жить с вами в дружбе! — в испуге воскликнул Матиуш.

Ротмистр кинулся ему на шею. Он был пьян.

Матиуш согласился бы на всё, лишь бы ротмистр поскорей ушёл. Но не тут-то было! Пьяный маркиз решил излить перед ним душу.

— В жилах моих течёт королевская кровь. А я незаслуженно страдаю. За что, спрашивается? Разве мог я не драться на дуэли, если меня оскорбили? И генерала обругал справедливо. Подумаешь, дураком его обозвал! Ведь это чистейшая правда. Ну скажите сами, дорогой кузен, дурак он или нет?

— Дурак, дурак,— с готовностью подтвердил Матиуш.

— А разве я мог не драться на дуэли?

— Конечно, нет!

— За что же, спрашивается, меня сослали сюда?..— роптал маркиз и опять приставил револьвер к виску.— У меня есть тайное пред-

писание от Печального короля. Оно гласит: «Выполнять все пожелания Матиуша, словно они исходят от меня». Вот оно... Нет, не то. У меня есть и другой приказ... «Я послал на остров доктора, пусть осмотрит Матиуша и напишет, что он не в своём уме. Мы опубликуем это в газетах — и дело в шляпе», — это пишет Молодой король. Вот, дорогой кузен, какие друзья у нас, у членов королевской фамилии!

— Молодой король никогда не был моим другом! — возразил Матиуш.

— Ну ладно, а Клу-Клу... Нет, не Клу-Клу, а этот прохвост с маяка. Прикидывается другом-приятелем, а сам сколько игрушек перетаскал у вашего величества! Две головоломки, Петрушку, четыре книги, шесть цветных карандашей. А кто за это будет расплачиваться? Я! У меня ломаного гроша нет за душой, хотя в жилах моих течёт королевская кровь. Но происхождение обязывает платить долги. Вот прикончу Дормеско, а потом застрелюсь сам.

— Дорогой кузен, — сказал Матиуш, желая его успокоить, — ведь я сам подарил детям игрушки.

— Вы слишком великодушны, ваше величество. Вы молча страдаете, вы не ропщете, но я-то все знаю. Эти юные мерзавцы шумят по ночам и не дают вам спать. Курят папиросы (если бы папиросы, а то отвратительные вонючки!) и через замочную скважину пускают к вам в комнату дым. Бросают мух в королевский чай, напускают в королевскую постель блох. Они украли два топора и полфунта гвоздей. А кто за это должен отвечать? Я! Несчастный праправнук королевы Елизаветы!..

Матиуш с трудом отнял у него револьвер и уложил спать на свою постель. Потом впустил через окно мальчишек и велел им не шуметь,

сказав, что у ротмистра болит голова.

Матиуш совсем обессилел. Он был огорчён и подавлен. Ещё бы! Сразу на него обрушилось столько неприятностей!

Значит, вот почему в чае были мухи!

Значит, доктор приезжал, чтобы объявить его сумасшедшим.

Значит, вот почему его кусали блохи!

Значит, за все пропажи ротмистр должен расплачиваться из собственного кармана?

А кто платит за содержание Матиуша, который ничего не делает? Ведь все эти поездки, корабль, маяк обходятся, наверно, недешёво.

И правда ли маркиз его родственник?

Неужели во всём мире нет такого острова, куда не приплывали бы корабли и где он, Матиуш, был бы совсем-совсем один?

Матиуш понял: долго ему на необитаемом острове не жить. Когда он задумал убежать из тюрьмы, его одолевали иные чувства: тревожно замирало сердце, голова раскалывалась от дум, он торопился, волновался. А теперь ничего похожего. Он нисколько не беспокоится, не волнуется. «Поживём — увидим, — рассуждает он, — может, изменится что-то к лучшему».

Он положил на стол ракушку, которую подарил ему Ало, и камешек — подарок Алы. И сразу позабыл обо всех бедах. Чудесная ракушка, другой такой нет на свете! И хотя на берегу тьма-тьмущая ракушек, но эта особенная, её дал ему Ало. «На, возьми за то, что выучил меня грамоте», — сказал он.

И второго такого камешка нет на свете. Ему подарила его Ала и улыбнулась. Разве найдёшь на свете такой камешек, у которого в серёдке запрятана улыбка Алы...

Глухая ночь, а Матиуш сидит на стуле. Лечь некуда — кровать занята.

Я думал,— записал Матиуш в дневнике,— что ротмистр злой, а он, оказывается, несчастный человек. Может быть, если бы Молодой король выложил мне всё, что он думает, и я не таил бы от него своих мыслей, мы бы и не враждовали.

И ещё он написал:

Хорошо бы иметь башню в дремучем лесу.

И ещё написал:

Какие разные бывают на свете люди.

Написал, уронил голову на стол и заснул.

Матиуш не разговаривал с ребятами, потому что не знал, как с ними обращаться. Ему хотелось жить с ними, как когда-то с Фелеком. Но не хотелось, чтобы они говорили ему «ты». Раньше — другое дело: настоящий король может позволить по отношению к себе такую вольность. Наверно, и тогда это было неправильно. А говорить им «вы» тоже не хотелось. Вот и поди разберись, как тут быть.

Но однажды Матиуш лицом к лицу столкнулся с самым тихим и симпатичным из ребят. Он тоже часто ходил на берег моря, но не рыбу ловить, а просто так, посидеть. И всякий раз, заметив Матиуша, уходил, боясь помешать.

Сошлись они на узкой тропинке: отступить некуда да и поздно.

— Добрый день! — сказал Матиуш.

— Добрый день!

— Хорошо в лесу.

— Да, тихо.

— Раньше на острове всюду было тихо. Это только теперь так стало. А вы любите тишину?

— Люблю.

— А почему же у вас всегда так шумно?

Вопрос, видно, затронул болезненное место. Маль-

чик промолчал: не хотел осуждать товарищей.

— Как вас зовут?

— Стефаном.

— Как моего отца.

— Знаю, по истории проходили.

Слово за слово, завязался разговор, и Матиуш о многом узнал. Стефан, оказывается, из бедной семьи. Отец его остался без работы, и ему пришлось ехать сюда, чтобы помочь семье. К тяжёлой работе он непригоден: у него больное сердце. И всё жалованье он отправляет домой.

— Скучаете?

— Немного скучаю. Но ничего не поделаешь, надо сидеть здесь.

— Ну, а другие?

— Про всех не скажу — не знаю. Один — сирота, в военном оркестре служил. Другой — сын портного, их дома девять человек. Нужда страшная. Ещё один приехал в город из деревни, учиться хотел, но нигде не смог устроиться. Одного парня отчим из дома выгнал. А про других не знаю.

«В самом деле не знает или не хочет говорить? Какие разные на свете люди», — подумал Матиуш.

— Послушайте, Стефан, вы курите? — неожиданно спросил Матиуш.

— Нет, не курю.

— А вам не мешает дым?

— Да как сказать? Немного мешает, — промямлил Стефан.

— Знаете что, спите у меня в комнате.

С — Спасибо, ваше величество. Лучше не надо.

— Почему?

— Дразнить станут.

— За что?

— Скажут — неженка, подлиза...

— Кто скажет? Все?

— Не все, но найдутся такие.

— Ну и пусть, а вы не обращайтесь внимания.

— Да нет, неприятно это. Спасибо, ваше величество.

И по всему видно, что ему не терпится уйти. Матиушу стало грустно.

— Почему вы хотите убежать?

— Увидят ребята — задразнят.

— А так разве не дразнят?

— За что им меня дразнить? — буркнул Стефан неприязненно и зашагал прочь.

У Матиуша сделалось тяжело на душе: жаль парня.

Как быть?

Домой возвращаться неохота, в лесу тоскливо, а на берегу постоянно шатается кто-нибудь из ребят.

«Съезжу-ка я на маяк», — решил Матиуш.

Пошёл к лодке, смотрит — вёсел нет. Матиуш — к ротмистру жаловаться. Так, мол, и так, вёсла пропали.

— Сейчас найдутся, — сказал ротмистр. — Позвать сюда стражу!

— Что вы хотите делать?

— Морды бить!

— Я протестую!

— Тогда сидите без весёл.

Идёт Матиуш домой, голову повесил, сгорбил, а навстречу Филипп.

— Ваше величество, одно весло нашлось: в кустах валялось.

— А второе?

— Второго пока нет. Но я спрошу у ребят, может, найдётся.

— Послушай, Филипп, а не ты ли взял вёсла?

— Я?! — Филипп сделал удивлённое лицо. —

Чтоб мне с места не сойти, чтоб у меня руки-ноги отсохли! Клянусь здоровьем, я тут не при чём.

Но чем больше он клялся, тем меньше Матиуш верил ему.

Филипп стал бегать, суесться, расспрашивать. Словом, изображал усердие. А вечером Матиуш услышал за стеной его грубый голос.

— Это ты, Стефан, вёсла стащил? Ты будешь воровать, а я за тебя отвечать должен? Погоди у меня, ворюга!

Матиуш напряг слух: ждал, что скажет Стефан. А он ничего, промолчал.

На другой день пропала и лодка. Оборвалась цепь, и её унесло в море. Разве найдёшь утлую лодчонку в безбрежном море? Ало и Ала ждут не дождутся Матиуша, а он не придет ни сегодня, ни завтра — никогда.

Воротился Матиуш домой, сложил вещи в рюкзак. «Схожу в последний раз на утёс, а ночью в путь. Чему быть, того не миновать».

Взбирается Матиуш на гору, а на душе неспокойно. Неужто опять какая-то беда стряслась? Матиуш прибавил шагу, словно спеша предотвратить несчастье или спасти кого-то. Так и есть! Матиуш поймал на месте преступления Филиппа: он топтал его кладбище.

И тут произошло нечто такое, чего Матиуш не ожидал от себя. В голове у него помутилось, в глазах зарябило, руки сами сжались в кулаки. Филипп схватил его за руку, но Матиуш вырвался. Он был очень сильный. И потом, разве удержишь человека, если он разозлится? Филипп несколько раз увернулся от удара. Матиуш — цап его за куртку и давай лупить, даже запыхался. Филипп изловчился и опять поймал Матиуша за руку, но через минуту Матиуш опять замолотил кулаками. Тогда Филипп раз-

махнулся, и — трах! — Матиуш получил первый удар. Это как бы уравнило их. Теперь Матиуш получил право драться по-настоящему, потому что до сих пор Филипп только увёртывался, а сам кулаки в ход не пускал. С удвоенной силой накиннулся Матиуш на противника, но тот отскочил. Тогда Матиуш отступил на шаг, прыгнул, подмял его под себя и давай бить по лицу, по голове... Но Филипп тоже не остался в долгу: на Матиуша обрушился град ударов. Матиуш обхватил его за шею и стал лягаться, бодаться. Потом опять вlepил ему оплеуху, одну, другую, и в ответ получил два удара кулаком в грудь. Тогда он размахнулся и... промазал. Размахнулся ещё раз — и как даст ему в нос!

Хлынула кровь.

— На! — Матиуш протянул Филиппу носовой платок.

Распухшая физиономия Филиппа расплылась в улыбке.

— Вот не думал, что короли умеют так молотить кулаками, — сказал он, покачивая головой.

Матиуш почувствовал: лёд тронулся, и стал терпеливо ждать, что будет дальше.

— Коли так, выложу всё начистоту! Чего таиться? Дым в замочную скважину я пускал. Часы тоже я испортил. Я горстями бросал мух в суп, я украл вёсла и лодку. Я нарочно делал назло, пакостил, мстил, потому что меня самого всю жизнь обижали.

И Матиуш узнал, что Филиппа, когда ему было десять лет, отдали за воровство в исправительный дом. Там ему жилось очень плохо. Он голодал, его били все, кому не лень: надзиратель, сторож, мастер, ребята постарше. Слабые прислуживали сильным. Кто посильней, набедакурит, а вину свалит на слабого. Сильные от-

нимали у слабых хлеб, сахар. Там научился он играть в карты, курить, сквернословить. Там привык делать исподтишка гадости, врать, выкручиваться, жульничать.

— А что я сделал тебе плохого? Почему ты меня обижал?

— Сам не знаю. Просто зло брало, что на свете есть короли и воры. И потом захотелось проверить, правда ли короли добрые, или это враки. Вот, думаю, наябедничает король ротмистру, и нам всыпят.

— Но, значит, и тебе тоже?

— Подумаешь, дело какое! Это только с непривычки неприятно.

— Филипп, ты на меня не сердись за то, что я тебя избил?

— Да разве это битьё? Только в нос бить не полагается.

— Я не знал.

— Понятно. Драка — тоже искусство. Бить надо больно, но так, чтобы следов не было.

— Послушай, Филипп, у меня к тебе просьба: не приставай к Стефану.

— А почему он такой рохля? К нему пристають, он не защищается. Это кого хочешь из себя выведет.

— Он болен.

— Ну и что? Язык-то у него есть? А то выходит, будто он нос задирает, ни во что меня не ставит.

— А если он не умеет защищаться?

— Пусть научится.

— А если он не захочет?

— Пусть не упрямится.

— Значит, не можешь мне пообещать, что оставишь его в покое?

— Ну ладно! Чёрт с ним!

Мальчики пожали друг другу руки.

— Смотри не забудь,— сказал Матиуш на прощание.

Матиуш оставил ротмистру записку и просил не искать его. Он не пленник, не узник и волен сам распоряжаться своей судьбой. А для Совета Пяти это даже выгодней: не придётся деньги тратить. Ротмистр сможет вернуться домой. Пусть считают, что Матиуша нет в живых.

Написал Матиуш записку и отправился в путь. Ночь, темень, а он идёт куда глаза глядят.

С собой он взял только самое необходимое и направление выбрал такое, чтобы, в случае погони, его не нашли. Он пошёл вдоль реки, но не по берегу, а лесом. Слишком удаляться от реки тоже нельзя, потому что без воды не обойдёшься.

Лес густой. В такой чащобе не легко обнаружить беглеца. Нырнёшь в кусты, погоня в пяти шагах пройдёт и, если не отзовёшься, ни за что тебя не заметит.

Много ли, мало он прошёл, Матиуш сам не знал. Там, где приходилось продираться сквозь чащу, он продвигался медленнее. А где лес был реже, шёл побыстрее. Спешить было некуда. Он свободен, и бояться ему нечего. Похоже, на острове нет ни диких зверей, ни ядовитых змей. И голод ему не страшен. Он знает из книжек, какие плоды съедобны, у каких растений сок сладкий — не отличишь от сахара, какие грибы можно есть, какие корешки по вкусу напоминают морковь и салат.

И спать на деревьях очень удобно — даже лучше, чем на кровати. Густые лианы, оплетая деревья, образуют уютные люльки — зелёные и душистые. Они упругие, как пружинные матрацы. И не упадёшь, даже если во сне перевернёшься с боку на бок. Правда, один раз он всё-таки упал на мягкий кустарник, но только слегка руку оцарапал.

Сначала Матиуш задался целью найти башню отшельника. Но потом раздумал: «Зачем? Ясно, как дважды два — четыре, что отшельник не пожелал с ним иметь дело: выпроводил, не промолвив ни слова».

И он идёт себе не торопясь. Как-то целый день провёл на одном месте. Несколько раз со стороны реки до него доносились звуки погони. А то казалось, он слышит звук трубы. «Ну что ж, если вам нравится, поиграйте со мной в прятки. Надоест — вернётесь».

Первую неделю Матиуш записывал, сколько дней он в пути. А потом бросил. К чему это? Пусть день проходит за днём. Если ждёшь чего-то от будущего, тогда это не безразлично, а Матиуш уже ничего не ждал.

Но маленький смыслёный крысёнок-почтальон всё-таки разыскал беглеца. Матиуш очень обрадовался. Смешно, у маленькой зверюшки больше ума в носу, чем у людей в голове.

На отважного почтальона в пути совершили нападение — отгрызли лапку, и он хромал. Матиуш промыл и перевязал рану.

Дорогой Матиуш! — писала Клу-Клу. — Я послала тебе уже сто почтовых орехов, а ответа всё нет. Если ты не очень далеко, то должен был получить по крайней мере десять писем. По подсчётам наших жрецов, из десяти крысят девять гибнут в пути. В море их пожирают рыбы, на суше — звери. И только один из десяти добирается до цели. Напиши, где ты и нужна ли тебе помощь. Не посылай крысёнка в обратный путь, пока не убедишься, что он отдохнул.

Твоя навеки К л у - К л у.

Матиуш лечит маленького почтальона и ждёт, когда он даст знать, что готов в путь. Промывать рану больно, а зверёк лижет Матиу-

шу руку и моргает глазками, словно благодарит. Жалко Матиушу расставаться с маленьким другом — с ним не так одиноко в дремучем лесу.

Суп из мелко нарезанных листьев, кореньев, плодов, заправленный сладким соком, напоминает по вкусу компот из яблок и груш. Матиуш стряпает, а крысёнок сидит, как белка, на задних лапках, смотрит и ждёт. Ночью он забирается к Матиушу в рукав, а нос выставляет наружу. И всю ночь дёрг-дёрг носиком, будто телеграфирует Клу-Клу.

С Матиушем он ничего не боится: ковыляет за ним на трёх лапках или на плече у него сидит. А когда остаётся один, при малейшем шорохе забивается под лист и только кончик носа высовывает, словно проверяет, нет ли опасности.

Наконец рана у крысёнка зажила. Матиуш написал Клу-Клу письмо, вложил в ореховую скорлупу, заклеил и для пробы повесил крысёнку на шею. Но тот запищал и так жалобно посмотрел на Матиуша, что он поспешил снять цепочку с шеи. Значит, нет ещё сил для путешествия или он чувствует опасность. Пищал ли крысёнок в прошлый раз или нет, Матиуш не помнил. Он тогда не дорожил маленькой зверюшкой, поэтому не обратил на это внимания.

Если к маленьким и беззащитным относиться бережно, с любовью, они тебе всё расскажут, даже камень и ракушки заговорят. Недаром Матиуш разговаривает с ракушкой, которую подарил ему Ало, и с камешком Алы. Наверно, крысёнок тоже хочет что-то сказать, потому так забавно и поддёргивает носиком. «А что, если сначала послать его на маяк?» — подумал Матиуш.

Между тем маленький почтальон стал выражать беспокойство: ночью вертится в рукаве, вздыхает, днём ему тоже не сидится на месте —

скачет на трёх лапках и отказывается от еды. Наверно, даёт понять, что отдохнул и пора уже в путь. Матиуш написал детям, что у него украли лодку, и он больше не приедет. И в тот же день к вечеру получил ответ, но бумага намочена (видно, орех был плохо заклеен), и Матиуш с трудом разобрал всего несколько слов.

«Жалко... занимаюсь сам... искали... ждём...»

Матиуш поцеловал письмецо и спрятал в карман, где лежали фотография мамы, засохший листик салата — последний, который клевала канарейка, со следами её клюва, — ракушка и камешек.

Но маленький почтальон не успокоился. Разве несколько миль для него расстояние? По-прежнему он вертится под ногами, пищит, ищет орех. Значит, пора ему в путь-дорогу. Без маленького друга Матиуш сильнее ощутил своё одиночество. И чтобы заглушить тоску, он ускоренным маршем двинулся вверх по течению реки. Шёл он, шёл — и вдруг видит озеро; посреди озера — островок, а на нём три туземца черпают воду кокосовой скорлупой.

Матиуш ничуть не испугался, наоборот, даже обрадовался. И стал махать белым платком в знак мира, а туземцы смотрят и ничего не понимают.

Только на третий день один туземец сел верхом на бревно и, отталкиваясь шестом, подплыл к берегу. Это был парламентёр. Он привёз Матиушу металлическую пуговицу, обгоревшую спичку, обрывок чёрной нитки и пробку. Матиуш понял: они предлагают ему выкуп, чтобы он их не трогал.

Так состоялось его первое знакомство с туземцами. Скоро Матиуш подружился с ними и перебрался на остров. Туземцы полюбили его,

окружили почётом и не позволяли ничего делать. У Матиуша была пропасть свободного времени, и, лёжа на берегу, он думал о всякой всячине. Вот чудно! Искал уединения на необитаемом острове и не нашёл. И только на островке посреди этого острова обрёл покой. Будто за высокой крепостной стеной укрылся.

Теперь он без помех размышлял о ротмистре, Стефане, Филиппе. Хорошо бы записать кое-что в дневник, но осталась только одна тетрадка и полкарандаша. Поэтому писать обо всякой ерунде нельзя. Надо экономить бумагу. Не то что в школе: накалякают на целой странице или вырвут листок и сделают голубя.

«Амарий — добрый или злой? Может ли Филипп исправиться? Почему у туземцев, среди которых я живу, нет никакого оружия — ни стрел, ни луков?»

И он записал в дневнике:

Люди бывают спокойные и беспокойные.

Спокойные — это Дормеско, мама, мальчик, которого Матиуш видел в хате во время войны. Туземцы, церемониймейстер, канарейка, Кампанелла — тоже спокойные.

А Фелек, ротмистр, Ала, Филипп, Молодой король, Клу-Клу и сам Матиуш — беспокойные. Беспокойные люди затевают войны, а спокойные подчиняются им. Поэтому Печальный король, вопреки своей воле, вынужден был воевать. И маленький почтальон-крысёнок тоже беспокойный, но по-другому, чем, например, лев. Он приносит пользу. И Матиуш тоже.

Беспокойные люди, — писал дальше Матиуш, — бывают добрые и злые. Если на свете будет много беспокойных и добрых, это хорошо. А если много беспокойных и злых, это плохо.

А если бы на свете были только спокойные люди, что тогда? Матиуш послунявил карандаш. На коленях у него лежит раскрытая тетрадь, но как на это ответить, он не знает. А вокруг на корточках сидят его друзья-туземцы и не сводят с него глаз, словно понимают: он занят важным делом.

Матиуш любит их и жалеет.

Чем кончились переговоры на Фуфайке, Бум-Друм не знал. Но до него дошли слухи, что Матиуша сослали на необитаемый остров. Ему было невдомёк, что Матиуш поехал туда добровольно. И он страшно рассердился на белых королей за предательство. Какое свинство! Притворились, будто не сердятся, а сами тайком вызвали корабли! Ну ладно, негры провинились, но Матиуш-то при чём? Он спас им жизнь, а они вот как его отблагодарили!

И Бум-Друм объявил войну всем белым королям. Объединились племена с севера и юга, с запада и востока и пошли войной на белых во спасение Матиуша.

У диких племён нет ни книг, ни газет. Вести передаются из уст в уста, каждый прибавит что-нибудь от себя, и так рождается легенда.

На этот раз сочинили вот что: белые похитили с неба молнию, поэтому они такие сильные. А Матиуш решил отдать молнию неграм. Белые короли проведали об этом, испугались и бросили Матиуша в тюрьму. Но убить его они не могут: он могущественней их. И будто бы Матиуш обещал неграм в награду за освобождение власть над молнией. И тогда негры станут сильные-сильные, сильнее белых. Кто говорил, война будет страшная, кто — не очень.

Другая легенда гласила: негры один раз победили белых королей и те лежали связанные по

пять человек в куче. Всё было бы хорошо, если бы не злодей из племени Тха-Гро, который съел королеву Кампанеллу. Матиуш страшно рассердился, призвал молнию и помог белым королям расправиться с неграми. И теперь, чтобы искупить свою вину, они должны освободить Матиуша.

Из края в край мчатся гонцы. Мчатся через леса, реки, пустыни и горы. Из края в край несётся боевой клич:

— Братья, к оружию! Поднимайтесь против белых!

В селении остались женщины, дети да немощные старики. Мужчины ушли на войну.

Белые короли узнали о войне раньше, чем все негры. Сначала они струсили, но, поразмыслив, пришли к выводу, что это даже к лучшему: по крайней мере раз и навсегда разделяются с чернокожими. И белые короли договорились между собой, кто сколько даст солдат и кораблей. Кто посильней, выставил пятнадцать тысяч, а кто послабей — по пять или по десять.

Корабли подплыли к Африке, солдаты вырыли окопы и ждут. А надо сказать, что белое войско состояло из самых отъявленных негодяев, пьяниц и воров. «Проиграем войну, тоже не беда, избавимся от бездельников и хулиганов. А неграм до Европы всё равно без кораблей не добраться», — рассуждали белые короли.

И закипел страшный, кровопролитный бой. Перед битвой обманщики-жрецы объявили: в кого попадёт пуля, тот не умрёт, а просто упадёт на землю и на другой день проснётся сильным и великаном и одним пальцем одолеет белых. Будто это сам Матиуш сказал.

Бедные негры поверили. И что тут началось, невозможно передать. Раненых не было. Все стремились быть поскорее убитыми. В регулярной армии солдатам запрещается бесцельно рисковать жизнью. Нет приказа идти в атаку —

ложись на землю или прячься в окопы. А негры лезли прямо под пули.

Белые видят, что негры не оказывают сопротивления, и идут в атаку. Одних только вождей погибло в этом бою около пятидесяти, и среди них Бум-Друм.

Но этим дело не ограничилось. Вслед за мужьями пошли воевать жёны. И опять закипел бой. Эта битва вошла в историю под названием «Битвы чёрных женщин».

Белые короли испугались: этак всех негров можно истребить, а без них туго придётся. Где тогда взять какао, финики, инжир, бильярдные шары из слоновой кости, галоши, страусовые перья, касторку... Не будет корицы, ванили, попугаев, красивых раковин, черепаховых гребней. Белые получают от негров большую выгоду. Касторка, правда, очень невкусная, зато приятно играть в бильярд, и шляпы со страусовыми перьями любят носить модницы, и пироги с ванилью намного вкусней. И вот белые короли решили прикинуться этакими благородными рыцарями: вы, мол, съели Кампанеллу, а мы ваших дам обижать не станем.

И тогда произошло самое страшное: Клу-Клу повела в бой детей. Да, это было ужасно! Половина детей, не дойдя до моря, погибла в пути.

Бедный Матиуш! У него сердце чуть не разорвалось от горя, когда он увидел голодных, больных, несчастных детей, потерявших всякую надежду на спасение.

Но откуда же там взялся Матиуш?

А вот послушайте. Ещё перед битвой женщин Клу-Клу получила от него почтовый орех и тотчас послала четырёх гонцов, приказав им выкрасть Матиуша с необитаемого острова. Почтовая крыса привела их прямо к Матиушу. Двоих гонцов по пути съели акулы, но двое

благополучно добрались до острова. В пяти милях от него они оставили лодки и добрались до берега вплавь. Причём плыли они под водой, дыша через тростинки. Клу-Клу опасалась, как бы их не заметила стража. Она ведь думала, что Матиуш узник.

Бедный Матиуш! Как ему не хотелось покинуть тихое убежище и расставаться с гостеприимными туземцами! Но ничего не поделаешь, случилась беда: из-за него, во имя его и ради него гибнут люди. И Клу-Клу призывает его на помощь. Бум-Друму не сможешь: он убит, но нужно спасти Клу-Клу и чернокожих друзей.

Две недели ушло на приготовление к побегу. Пришлось испортить маяк, чтобы было совсем темно, сделать вёсла и спрятать на берегу моря. Когда всё было готово, они отправились в путь.

Туземцы очень огорчились, но Матиуш подарил им жестяную коробочку, кружку, четыре картинки, колечко, пряжку от пояса и увеличительное стекло. «Как, столько сокровищ за даром?!» — недоумевали они.

Ночь выдалась тёмная.

— Как вам удалось испортить маяк? — спросил Матиуш.

— Очень просто. Акул около острова нет. Мы подплыли к берегу, выставили из воды тростинки и прождали так часа два. Когда смотритель маяка пошёл с детьми ловить рыбу, мы перерезали провода там, где ты велел. А на столе оставили письмо.

Матиуш заранее написал его, боясь, как бы старый моряк не заподозрил, что это проделки Ало.

Темень. Море спокойное. Матиуш сел на руль, негры налегли на вёсла. Если будет сопутствовать удача, через два дня они доберутся до берега, а там пересядут на царских слонов.

Темень. Тишина. Лодка быстро скользит по волнам. И в памяти Матиуша всплывают проведённые на острове дни. Он понимает: пережитые радости и горести безвозвратно канули в прошлое. Больше не будет времени наблюдать за муравьями, швырять камешки в море и рассказывать сказки маленькой Але.

Впереди его ждут тяжкий труд и невзгоды.

Как только Матиуш прибыл, его отвели к Клу-Клу в королевский шатёр. И хотя от усталости он еле держался на ногах, Клу-Клу в ту же ночь поведала ему о том, что произошло. Да ему и так всё было ясно.

Лагерь несчастных детей представлял собой ужасающее зрелище. Есть нечего, отовсюду несутся плач и стоны больных. Идти дальше нет сил, а оставаться на месте — верная гибель. Кто мог, давно убежал, а остальные уповают на Матиуша.

— Помнишь, Клу-Клу, как ты гонялась за белкой по деревьям? А как Антеку зубы выбила, помнишь?

— Помню, — безучастно ответила девочка и даже не улыбнулась.

Когда весёлый человек грустит, это особенно тяжело.

Они долго сидели молча.

— Сколько в лагере детей?

— Не знаю. Часть погибла в пути, часть разбежалась.

— Как по-твоему, продержитесь вы ещё неделю?

— Должны продержаться.

— Надо действовать. Нечего терять даром время. Скорей в город, где есть телеграф! И вызывать на помощь белых.

— А они согласятся?

— Другого выхода нет. Если они проявили великодушные в битве с чёрными женщинами, значит, пожалеют и детей.

— Поступай, как знаешь. Я ничего не могу придумать.

Негритята увидели, что Матиуш уходит, — и в слёзы.

— Помоги! Не покидай нас! — кричали они.

Матиуш влез на дерево, чтобы всем было видно.

— Не бойтесь, я вас не оставлю, — сказал он. — Я еду за помощью и через недельку, а может, дня через три вернусь. Чем скорей я отправлюсь в путь, тем раньше придёт помощь.

Негритята поверили. И, успокоившись, затянули песню, но пели они совсем тихо: голод обессилил их.

А Матиушу от их слепой веры стало ещё страшней. Хуже всего, когда даёшь обещание и нет уверенности, что выполнишь его.

Дети расположились лагерем на берегу большой африканской реки. Из учебника географии Матиуш знал, что в устье её находится порт, а рядом — город, где, конечно, имеется телеграф.

Лодка быстро плывёт вниз по течению. Вот и пригодились поездки на маяк. Теперь Матиуш видит, как он окреп. Недаром одолел он Филиппа. Голод, бессонница, усталость — не в счёт. Он летит как на крыльях. Его подгоняет мысль о страданиях детей и обещание помочь им. И лодка летит стрелой.

На рассвете он причалил к берегу, сорвал несколько плодов, утолил голод — и снова в путь. Мешкать нельзя: дети ждут.

В пути не обошлось без приключений. Один раз он задремал, и течением отнесло лодку к берегу. Ещё немного, и он угодил бы в пасть к гипнопотаму. В другой раз лодка чуть не перевернулась, наскочив на огромного крокодила.

Упади Матиуш в воду, негритята напрасно ждали бы помощи.

Сначала Матиуш составил план действий. Но потом все мысли улетучились из головы, словно он стал машиной, которая погружает в воду вёсла, или корабельным винтом, который он видел во время первой поездки к Бум-Друму.

Увидев на берегу город, Матиуш не испытал ни радости, ни облегчения.

Вот белые люди. Почта. Телеграф. На берегу реки, в садике, домик телеграфиста. Подумать только, там от голода и болезней умирают дети, а тут люди живут спокойно, ни о чём не подозревая. Телеграфист поливает цветы на клумбе, а весёлая девочка в белом платьице, такая же маленькая, как Ала, ест хлеб с мёдом.

— Вы телеграфист?

— Да. А что?

— Мне надо срочно дать телеграмму.

— Подождите, молодой человек, ещё нет девяти. Пока солнце не начало припекать, надо полить цветы.

— Я не могу ждать.

Матиуш чувствует, что сейчас упадёт и заснёт. И проспит сто лет. А там ждут дети.

— Я — король Матиуш.

— Король Матиуш?!

— Я две ночи не спал... Там умирают дети. Срочно требуется помощь.

Телеграфист поставил на землю лейку. Матиуш схватил её и вылил воду себе на голову, чтобы прогнать сон.

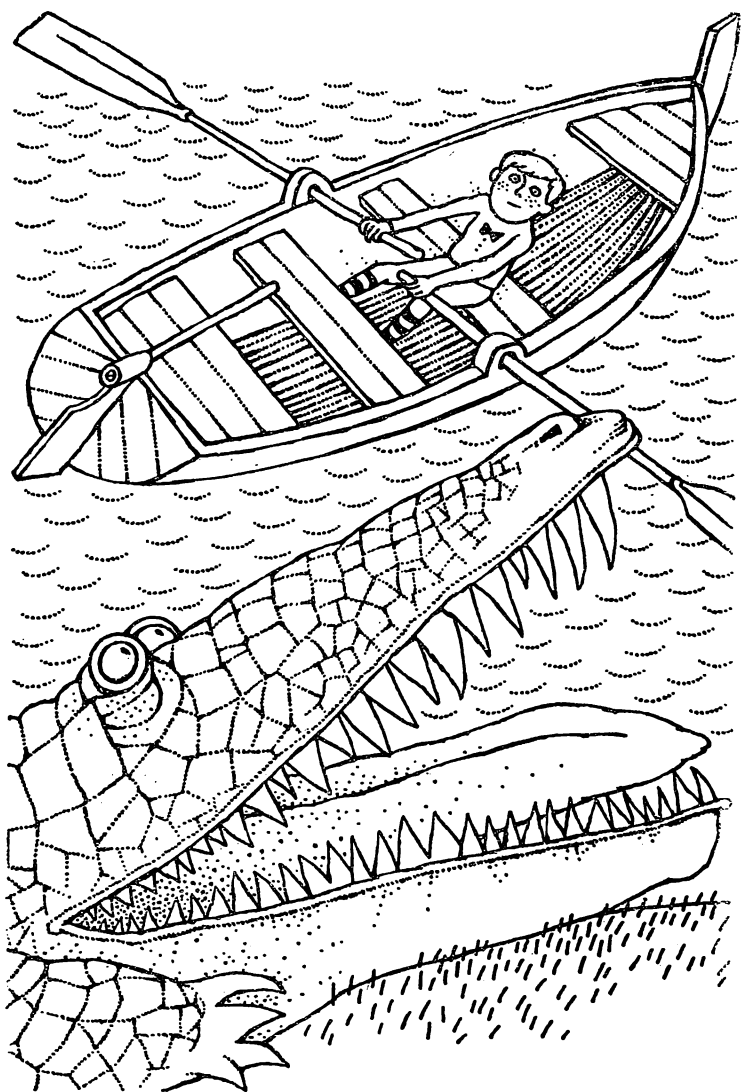
— Скорей, а то я засну.

— Ну хорошо, пойдёмте!

— Михась, ты ведь ещё не завтракал, — слышался женский голос.

— Я сейчас вернусь.

— Выпей хоть молока.

Но Матиуш вцепился в телеграфиста и не отпускает.

— Скорей!

— Иду-иду!

А сам повязывает галстук.

Наконец они у телеграфного аппарата.

— Ну, что передать?

— Не знаю...— простонал Матиуш жалобно.— Как получите ответ, немедленно разбудите меня.

Телеграфист обернулся, а Матиуш уже спит.

Вот так история! Телеграфист позвонил полицмейстеру. Но тот ещё спал: вчера поздно вернулся с бала у губернатора.

«Если так,— думает телеграфист,— пошлём телеграмму начальнику порта».

Сегодня восемь утра,— застучал аппарат,— явился неизвестный мальчик, грязный, оборванный, худой. Назвался королем Матиушем. Говорит, где-то умирают дети. Срочно нужна помощь. Заснул, сидя на лавке. Приказал разбудить, когда будет ответ.

Ответ пришёл через полчаса:

Немедленно произвести расследование. Вызвать губернатора. Выставить часовых. С мальчишки не спускать глаз. Жду донесений.

Через пять минут аппарат застучал снова:

Жду известий. Король Матиуш убежал с необитаемого острова. Правда ли, что Клу-Клу возглавила поход чёрных детей? Сообщите местонахождение их лагеря.

Секретарь Совета Пяти.

Ещё через пять минут — новая телеграмма:

Где Матиуш? Срочно телеграфируйте координаты детского лагеря. Количество детей. Необходимую помощь.

Секретарь Красного Креста.

А спустя минуту:

Немедленно сообщите состояние здоровья Матиуша.

Печальный король.

«На части мне, что ли, разорваться?» — разозлился телеграфист, когда раздался телефонный звонок. Это звонил полицмейстер.

— Что делает мальчик?

— Спит.

— Где?

— На скамейке.

— А он дышит?

— Дышит.

Только положил трубку, опять звонок: губернатор.

«Совсем взбесились! — ворчит телеграфист. — То за целый день ни одной телеграммы, а то от аппарата не отойдёшь, будто конец света настал. Десять рук у меня, что ли?»

— Эй, король Матиуш, или как тебя, смотри у меня дыши! Сам полицмейстер распорядился, чтобы ты дышал, — проговорил телеграфист и со всех ног кинулся к аппарату.

А под окнами уже стоят солдаты с винтовками.

Влетает испуганная жена телеграфиста, за ней — дочка.

— Беги отсюда, сейчас стрелять будут! — кричит в панике жена.

Дочка телеграфиста плачет.

А Матиуш спит как убитый.

Явился губернатор. В руках держит фотографию Матиуша и сравнивает с лицом спящего.

— Пожалуй, он. Фотография, правда, сделана год назад. А мальчишки в этом возрасте быстро растут. Но зачем ему врать? Дайте телеграмму, что это Матиуш.

В далёкий мир передали по проводам:

По всем признакам это Матиуш. Разбудить его невозможно. Откроет на минуту глаза, закроет и опять спит. Послал за доктором, чтобы привести его в чувство.

Губернатор.

Доктору удалось разбудить Матиуша. Очнувшись, он прочёл телеграмму Красного Креста, очень обрадовался и продиктовал ответ.

Нужны провизия и лекарства. Дети больные и голодные. Главное, не мешкать. Малейшее промедление грозит им гибелью. Детей — много. Сколько, не знаю. Считать было некогда. Провёл в лагере несколько часов ночью. Умоляю оказать помощь несчастным детям. Делайте со мной что хотите, только помогите детям.

Король Матиуш.

Доктор осмотрел Матиуша и сказал:

— Оставьте его в покое. Пускай спит. Не то у него начнётся воспаление мозга, и он понесёт окоlesiцу.

Матиушу дали стакан молока, раздели и уложили в постель. Он проспал целый день и проснулся в одиннадцать часов вечера.

Вести были благоприятные. Четыре корабля, гружённые продовольствием, уже в пути. Хотя плыть против течения трудно, через два дня они прибудут в город, где остановился Матиуш. Выехала больница в полном составе: два врача и четырнадцать медицинских сестёр. С больницей выслали беспроволочный телеграф, чтобы

передавать известия прямо из лагеря. И ещё сказали: если Матиуш даст честное слово, что это не ловушка для белых, под его командование отдадут двести солдат и работников. Губернатор уже получил соответствующие указания.

«Хорошо бы написать воззвания к белым детям, чтобы они собрали игрушки, деньги, сладости, книжки с картинками», — подумал Матиуш. И в тот же день написал:

*Дорогие братья и сестры, белые дети!
Докажите на деле, что вы добрые. Кто
хочет пользоваться правами наравне со
взрослыми, должен доказать, что у него
есть ум и отзывчивое сердце. Негритята
гибнут от голода и болезней, помогите им!
У вас есть красивые платья, конфеты,
игрушки, вы ходите в школу, поливаете
цветы и даже едите хлеб с мёдом.
А у несчастных негритят ничего нет.
Честное слово, не вру. Я побывал в разных
странах, участвовал в разных войнах и
повидал немало горя. Но такой беды не
видел. По сравнению с ней меркнут все
человеческие несчастья.
Поспешите на помощь маленьким
слабым негритятам!
Король Матиуш Первый.
М*

То-то ликовали негритята, когда вернулся Матиуш. Солдаты в два счёта разгрузили корабль, и они без промедления отправились в обратный рейс за новыми припасами.

Матиуш предложил в первую очередь накормить самых маленьких, но Клу-Клу сказала: «Сначала дадим поесть старшим, и они нам помогут». Так и сделали.

На приготовление завтрака не понадобилось

много времени: молоко и другие продукты были консервированные. Вскипятили воду, развели молоко — и завтрак готов. У детей болели животы, поэтому вместо чёрных сухарей прислали сладкое печенье. Негритята никогда в жизни не ели ничего подобного. Но как ни странно, они ничему не удивлялись — ни кораблям, которые видели впервые в жизни, ни ящикам и мешкам с разными вкусами. Всё это казалось им чудом, волшебством, как в сказке.

Ребят было много, и завтрак продолжался до самого вечера. Но порядок был образцовый: никто не дрался, не ругался, не лез без очереди. К вечеру установили телеграф, и Матиуш отправил первую телеграмму: «Негритята благодарят за вкусный завтрак». Ночью на одном аэроплане прилетел врач, а на другом доставили самые необходимые лекарства.

Прошло две недели. И когда приехали важные господа из Красного Креста, они подумали, что их надули, так непохожи были дети на умирающих от истощения и болезней. Но длинный ряд могил позади лагеря убедил их, что всё это правда.

Белые дети прочли воззвание Матиуша и сразу стали собирать вещи для негритят. А на следующий день в газетах напечатали телеграмму, что негритята благодарят за вкусный завтрак. И дети подумали: вот как быстро дошли их подарки, и ещё с большим рвением и пылом принялись за дело. И как уж водится, одни давали действительно нужные и полезные вещи, а другие — всякий хлам, от которого хотели избавиться.

Присылали кукол без голов, поломанные губные гармоники, исписанные тетради, старые зубные щётки, лото с недостающими фишками, абажуры из тонкой розовой бумаги, закладки,

ремешки для коньков, карманные фонарики с перегоревшими батарейками, проколотые мячи, крокетные молотки, старые, рваные вуалетки, коробки из-под папирос.

Одна девочка прислала цветок в горшке, но он по дороге засох. Какой-то ленивый мальчик, воспользовавшись случаем, сбыл все свои школьные учебники. И ещё спрашивал в письме, любят ли негритята учиться, потому что лично он — не очень.

В лагере была уже не одна больница, а три. Но крепкие, здоровые негритята быстро поправились и не нуждались больше в медицинской помощи. Поэтому в одной больнице устроили баню, в другой стали учить, как чистить зубы и вытирать носы, а в третьей, хирургической, прокалывать девочкам уши для серёг.

Учитель гимнастики организовал духовой оркестр, школу бальных танцев и футбольную команду. У негритят обнаружили необычайные способности к футболу, и через месяц состоялся первый матч.

Еды теперь было вдоволь. Наконец прибыл корабль с одеждой. Но, увы, вместо долгожданных штанов и платьев он привёз салфетки, перчатки, покрывала на кровати, тюлевые занавески и совсем мало рубашек.

Появилась новая забота: раз есть покрывала, надо делать кровати. И под ударами топора рухнула не одна вековая пальма. Из салфеток получились отличные фартучки для девочек. А тюлем и кисеёй завешивали на ночь кровати малышей от комаров и moskitov.

Между тем матери стали забирать детей домой, а дети, набравшись знаний, весело отправлялись в путь с этим багажом.

Чем меньше оставалось в лагере детей, тем больше благодетелей и спасителей приезжало из Европы.

— Твоя мечта сбылась, Клу-Клу. Скоро в Африке откроется кино, появятся граммофоны. Если только обезьяны не помешают,— шутил Матиуш.

Всем известно, что обезьяны любят передразнивать людей, недаром есть такое слово — «обезьянничать». И вот обезьяны, спустившись с деревьев, стали бесстрашно расхаживать по лагерю и подсматривать за людьми.

Зубной врач клялся и божился, будто своими глазами видел во рту у орангутанга две золотые коронки.

— А у меня обезьяна украла бритву. Наверно, побриться захотела,— сообщил парикмахер.

Но шутки шутками, а за короткий срок удалось сделать действительно немало.

— Ну, ты довольна, Клу-Клу?

— А ты, Матиуш?

Тот вместо ответа вздохнул. Конечно, он доволен, что удалось помочь негритятам. Но его тянуло на необитаемый остров, а ещё больше — на родину к товарищам.

Матиуш получал много писем. «Как мы рады, что ты нашёлся и снова помогаешь детям», — писали ребята. И каждое письмо кончалось вопросом: «Когда ты вернёшься на родину?»

Иренка сообщала, что её большая кукла разбилась. Антек писал о своих мытарствах. Стасик жаловался на учителя математики, который влепил ему двойку и оставил на второй год. А Еленка приписала внизу: «Помнишь, как мы с тобой поссорились из-за грибов?»

Как говорится, в гостях хорошо, а дома лучше. Негритята славные ребята, Матиуш очень к ним привязался, но теперь Клу-Клу сама сумеет продолжить начатое дело, а ему пора домой.

Хоть бы на денёк попасть в столицу, взглянуть на дворец, на королевский парк! Ведь он так давно там не был!

И вот он отправился в Европу: посоветоваться с белыми королями, как сделать, чтобы больше никогда не было войн.

Едва Матиуш ступил на палубу корабля, грянул оркестр. Дети на берегу запели и закричали: «Да здравствует Матиуш!»

Он едет с комфортом: в отдельной каюте, спит на мягком матрасе. Счастье снова улыбнулось ему.

Прибыли в порт, и в ожидании корабля, который должен доставить его в Европу, Матиуш поселился в гостинице.

«Что-то ждёт меня в будущем?» — думал он, словно предчувствуя, что злоключения его не кончились.

И в самом деле, ночью в номер ворвались двое в масках, заткнули сонному Матиушу рот платком, завязали полотенцем глаза, набросили плащ и, не дав даже обуться, босиком повели куда-то.

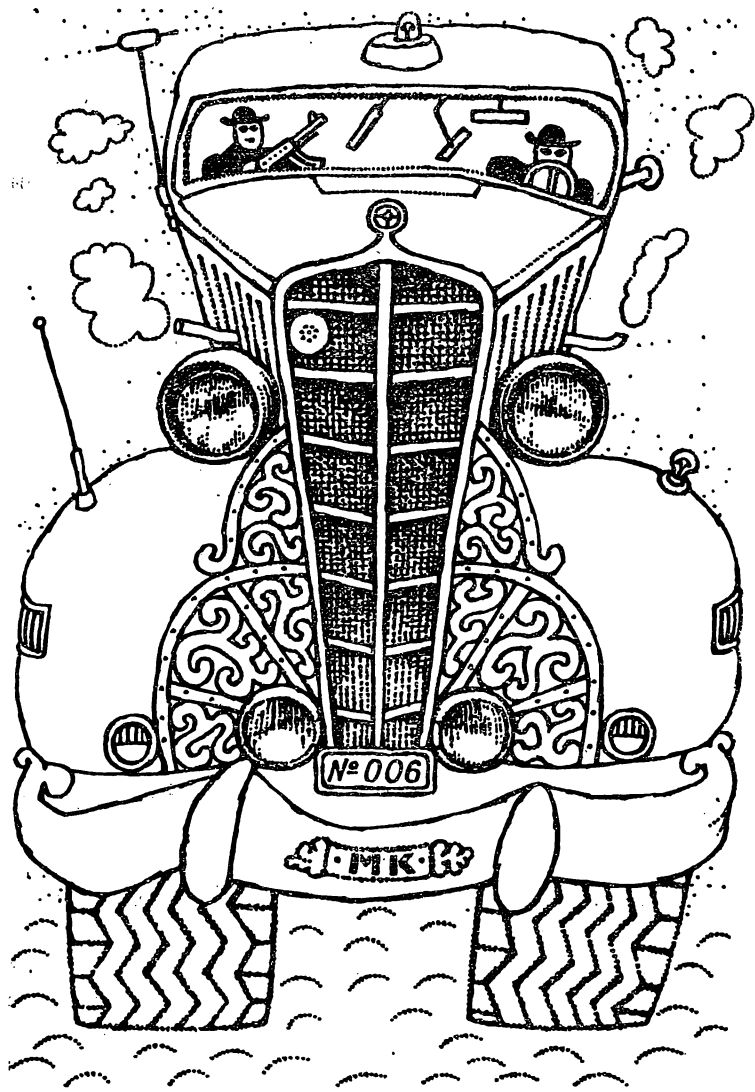
Быстро мчится автомобиль, увозя Матиуша в неизвестном направлении.

«Это проделки Молодого короля!» — промелькнуло у него в голове.

И он не ошибся.

Да, Матиуша похитили по приказу Молодого короля. Произошло это так. Молодого короля заставили вернуть Матиушу захваченные земли. Даже порт и тот оставили Матиушу. Это раз. А два — его свергли с престола, и королём снова провозгласили старика отца. Это последнее, конечно, самое пренеприятное.

Злой, но сильный человек, желая добиться своего, пускает в ход кулаки. А слабый, ради достижения преступных целей, строит козни,

идёт на предательство. В каждой школе есть ябедники и пакостники. Но про короля ведь не скажешь: пакостник, поэтому придумали слово — интриган.

Так вот Молодой король был самым настоящим интриганом. Сначала он задумал объявить Матиуша сумасшедшим. Но эта затея провалилась. Весь мир убедился, какой Матиуш молодец, как поумнел и повзрослел он на необитаемом острове. Не каждый на его месте сумел бы так быстро организовать помощь негритянским детям. И какой образцовый порядок навёл! Это даже в кино показывали. Разве сумасшедший на такое способен?

В результате взрослые начали поговаривать, а не предоставить ли детям кое-какие права. И в некоторых школах ввели самоуправление, стали выпускать стенные газеты. Во многих городах открыли детские клубы. Учителя собирались на совещания и обсуждали, как без тычков, шлепков и затрещин добиться в классе тишины и порядка. Опять разрешили продавать портреты Матиуша. За Зелёное Знамя перестали сажать в карцер, только для вида поругивали немного. Конечно, не все это одобряли, но кое-кто даже высказывался за то, чтобы у детей был свой король.

В городе Кикикор собрался первый съезд школьников, где от каждой школы присутствовало по одному депутату. Чем не парламент?

Молодой король рвал и метал. Ещё бы! С престола его свергли, власти лишили, а старик отец — доверчивый, покладистый, всем верит, на всё соглашается. И вот тогда Молодой король собрал тайный совет таких же, как сам, интриганов и мошенников, и стали они судить да рядить, как избавиться от ненавистного Матиуша. Шайка Молодого короля состояла из

одного шпиона, одного генерала, одного полковника, одного начальника тюрьмы, двух адвокатов, жены министра и нескольких шалопаев. И вот этим-то шалопаям поручили похитить Матиуша и под чужой фамилией заточить в тюрьму.

Тюрьма, куда его заточили, помещалась в старинной полуразрушенной крепости и предназначалась для самых опасных преступников. Здесь только два раза в год давали по кружке кофе, а в остальные дни — воду да чёрный хлеб. И никаких прогулок. Целыми днями изнурительная работа в шахте под землёй. Разговаривать запрещалось, за каждое слово провинившийся получал удар плетью, за десять слов — десять ударов, за сто — сто.

Под землёй — длинные штольни, как в шахтах, где добывают уголь. Но никакого угля здесь не добывали: одна бригада выносила его в корзинах на поверхность, а вторая через другой вход вносила обратно. А бесполезный труд, как известно, особенно тяжёлый. И заключённые работали неохотно. Никакие плети не помогали.

Так Матиуш столкнулся с самыми страшными преступниками. За что они сидят в тюрьме, он не знал — разговаривать запрещалось. Но достаточно было взглянуть на их свирепые физиономии, чтобы понять: на совести у них не одно злодеяние. Любой другой на его месте умер бы от страха, но Матиуш, испытавший столько опасностей на своём веку, бесстрашно спускался с ними под землю.

Вот куда из страны зелёных пальм и чудесных разнопёрых птиц занесла его судьба. Кругом — чёрная угольная пыль и ни единого листочка. Привыкнув к чистому морскому и лесному воздуху, он задышался в душном подземелье и в каменной норе, где спал на ослизлых

кирпичах. Он, который не хуже Клу-Клу лазал по деревьям, еле волочил здесь ноги в тяжёлых кандалах. Вместо шелеста листьев — свист плётки, вместо пения птиц — отборнейшая ругань. Вместо сладких бананов и сочных южных плодов — чёрствый хлеб и вонючая вода.

Заключенные очень удивились, увидев его. А один не выдержал и спросил:

— Сколько же человек отправил ты на тот свет, коли тебя сюда уpekли?

Матиуш открыл было рот, но другой заключённый закричал:

— Не отвечай, малыш, за каждое слово удар плетью!

— А ты не в своё дело не лезь! Авось не околеет от нескольких ударов!

Слово за слово — вспыхнула ссора, и они кинулись друг на друга с кулаками. А надзиратель стоит и записывает, кто сколько слов сказал. Но точно сосчитать невозможно, и он каждому прибавил по нескольку слов. И Матиуша записал, хотя он молчал как рыба.

Тащит Матиуш корзину, и — странно! — ему совсем не тяжело. Оказывается, заключённые вместо угля кладут в его корзинку куски лёгкого торфа и сверху присыпают угольной пылью. А то и вовсе отберут корзину и сами волокут вверх. Вечером один заключённый сунул ему в руку маленький чёрный предмет и прошептал:

— Спрячь получше, чтобы не нашли.

— Что это? — тоже шёпотом спросил Матиуш.

— Сахар, — таинственно сказал арестант. Сахар был чёрный, как уголь. Матиуш не стал его есть и спрятал на память.

Вечером, когда Матиуш стоял возле канцелярии, ожидая порки, проходивший мимо заключённый незаметно протянул ему засохшую

веточку. Долго разглядывал её Матиуш, пока догадался, что это клевер. Узники жалели Матиуша и отдавали ему всё, что у них было самого дорогого.

Из канцелярии доносились крики избиваемых.

Наконец подошла очередь Матиуша.

— Иди сюда, сукин сын! — грозно заорал надзиратель и, схватив одной рукой Матиуша за шиворот, приподнял его над землёй, а в другой сжимал ремённую плётку. Но, захлопнув дверь, тихо сказал: — Когда я скажу «кричи», ты ори во всю глотку: «Ой, больно!» Понял? Я бить тебя не буду. Только смотри не выдавай меня. Ну, живо снимай куртку! А теперь кричи!

— Ой, больно! — заорал Матиуш.

А надзиратель — хлоп плетью по скамье.

— Как тебя зовут, бедняга? — и опять хлоп по скамье.

— Ой, больно! — кричит Матиуш. — Меня зовут Матиушем! Ой, больно, больно!..

Надзиратель стукнет плетью по лавке, окунёт кисть в красную краску и мазнёт Матиуша по спине.

— Хватит, больше не кричи, будто у тебя сил нет. А потом притворись, что потерял сознание. Тебе повезло — начальника тюрьмы сегодня нет, а то бы этот номер не прошёл. Ну, теперь молчок, закрой глаза.

Он взял Матиуша на руки и отнёс в камеру-одиночку. А на ночь приставил к нему вместо сиделки заключённого.

— А здесь кто? — спросил во время вечернего обхода начальник тюрьмы.

— Тот маленький заключённый.

— Почему он не один?

— Сознание потерял, когда я его бил.

— А ну покажи.

Приподняли куртку и при тусклом свете фонаря увидели исполосованную спину.

— Ничего, привыкнет. Кандалы можешь с него снять, никуда он не денется! — Начальник тюрьмы зловеще засмеялся и вышел.

— Эй, малый, не притворяйся! Я знаю, тебе не больно, — сказал Матиушу сосед по камере.

— Ой, больно! — застонал Матиуш. Он боялся подвоха.

— Не дури, я ведь знаю, что тебе спину размалевали красной краской. Надзиратель велел тебе молчать, чтобы начальник тюрьмы не пронюхал. Если делать всё, что они велют, тут и года не протянешь. Вот мы разные хитрости и изобретаем. Для слабосильных и больных у нас корзины полегче, а вместо плетей — красная краска. Но мы по голосу узнаём, кто от боли кричит, а кто — для вида. Поживёшь тут — тоже много чего узнаешь. А за что тебя посадили в тюрьму?

— За страшное преступление. Я хотел дать детям свободу, и из-за этого погибло много народу.

— Сколько? Трое, четверо?

— Больше тысячи.

— Да, сынок, в жизни так часто бывает. Человек хочет одно, а выходит другое. И я когда-то был маленьким мальчиком, ходил в школу, с товарищами играл, а по вечерам отец, возвращаясь с работы, приносил мне конфеты. В цепях человек человека заковывает.

И зазвенел цепью, словно в подтверждение своих слов.

«Как странно он это сказал. И Печальный король говорил что-то похожее», — подумал Матиуш, засыпая.

Матиуш — мальчик очень любознательный. «Не беда, что плохо, зато узнаю и увижу что-то новое», — утешал он себя в любой передрыге. И хотя тюрьма была страшная, неделя пролетела незаметно. Надзиратель по-прежнему орал на него «Сукин сын!», размахивал плетью, но ни разу не ударил. Ходить без кандалов одно наслаждение, и Матиушу даже немного стыдно, что для него сделали исключение. И арестанты уже не кажутся такими свирепыми. Выругается кто-нибудь, его тут же пристыдят: «Заткнись, чего при ребёнке ругаешься, как извозчик!» Они лепили для Матиуша из хлебного мякиша разные игрушки.

А делается это так. Хлеб хорошенько разжёвывается, чтобы не было комочков, а потом лепи что угодно. Чаще всего заключенные лепили цветы. А Матиуш взамен отдавал им по воскресеньям папиросы. И всё тайком, без единого слова, но Матиуш чувствовал: они его любили.

«Бедняги, — думал Матиуш, — живут хуже дикарей».

И дерутся как-то странно: сцепятся, разобьют друг другу физиономию в кровь, но всё это беззлобно: словно от тоски и безделья.

— От судьбы никуда не денешься, — однажды услышал Матиуш и, лёжа на нарах, долго думал, что такое судьба.

Через неделю Матиуша перевели в камеру с печкой. Её, правда, никогда не топили, но всё-таки, когда в углу печка, есть надежда, а вдруг затопят? Некоторые заключённые каждый день воровали по уголёчку, а когда наберётся горстка — иногда на это уходило месяца два, — растапливали печь. Спички выдавали по воскресеньям: семь спичек и десять папирос.

В воскресенье разрешалось двадцать минут

разговаривать. Чаще всего разговор вертелся вокруг заветной кружки кофе.

— Говорят, в этом году по три куска сахара дадут.

— Я это уже десять лет слышу. Может, нам и положено по три куска, да они, черти, сами его лопают.

— Ты чего чертыхаешься в воскресенье?

— Забыл.

— То-то, чёрт тебя побери.

И всё в таком роде.

Между тем начальник тюрьмы уехал на неделю по делам в столицу. И хотя как будто ничего не изменилось, все с облегчением вздохнули.

— Начальник уехал! Начальник уехал! — радостно перешёптывались заключённые.

Ну и что с того? По-прежнему от зари до зари таскают, бедняги, корзины с углём, по-прежнему звенят цепи, по-прежнему щёлкает плеть и нельзя словом перемолвиться. И в канцелярию по-прежнему вызывают для порки. И всё-таки, несмотря ни на что, дышится легче. Матиуш тоже приободрился.

А под вечер на него ни с того ни с сего налетел надзиратель:

— Ишь вообразил, будто он лучше других! Думаешь, раз ты ребёнок, тебя по головке будут гладить? Заруби себе на носу: здесь нет детей, здесь только преступники. Сняли с чертёнка кандалы, так он возомнил о себе невесть что! Марш в канцелярию!

Снова Матиуш вопил: «Ой, больно! Больно! Больше не буду! Больно! Больно!» Снова плеть с треском обрушивалась на скамейку. Снова надзиратель велел Матиушу притвориться, будто он без сознания, и, взяв его на руки, понёс, но не в камеру, а к себе домой.

— Скажи-ка, пацан, только не брешь,— это правда, что ты король?

— Правда.

— Мне безразлично, кто ты. Только на моего покойного сыночка ты больно похож. Одна была у меня радость в жизни и той лишился. А потом вот до чего докатился... Так вот послушай, что я тебе скажу: удирай отсюда, покуда не поздно...— и по привычке щёлкнул плетью.— Имей в виду, через год здесь все заболевают чахоткой, а через два — протягивают ноги. Редко кто лет пять проживёт. И только шестеро выдержали десять лет. Но это мужики крепкие, как дубы, не чета тебе, цыплёнку. Как отец родной советую: удирай. А вырвешься на свободу, помани меня добрым словом.

Сказав это, он вынул из сундучка одежду покойного сына и, пока Матиуш переодевался, три раза поцеловал его.

— Глазёнки у тебя точь-в-точь как у моего сыночка и мордашка такая же смазливая...— И он расплакался.

Матиуш растерялся: не знает, что сделать, что сказать. И к неожиданной радости примешалась щемящая грусть: только привык немного, как опять надо уходить, опять скитаться одному по белу свету.

— Пошёл вон! — оттолкнув его, закричал вдруг надзиратель — и хлоп плетью по скамейке.

Но убежать из камеры куда легче, чем из крепости, окружённой высокой стеной, рвом и тройной цепью часовых. Целую неделю прятал его надзиратель в сарайчике за досками возле заброшенного плаца для учений. И ещё четыре дня просидел Матиуш в сторожевой башне. Как назло, светила луна, и о побеге не могло быть речи.

Как всё устроилось, рассказал ему потом надзиратель.

А дело было так. Надзиратель написал рапорт, будто Матиуш умер во время экзекуции, то есть от побоев.

— А зачем было бить так щенка? — скорчил недовольную гримасу тюремный фельдшер. — Вот вмешается суд, тогда что?

— Почём я знал, что он такой дохлый.

— А почему со мной не посоветовался? Ты небось санитарию и гигиену не проходил, вот и не знаешь, как с детьми обращаться. А меня здесь для того и держат, чтобы было с кем консультироваться.

— Никогда не приходилось иметь дело с пацаном.

— Вот то-то и оно! У меня надо было спросить, как полагается детей бить.

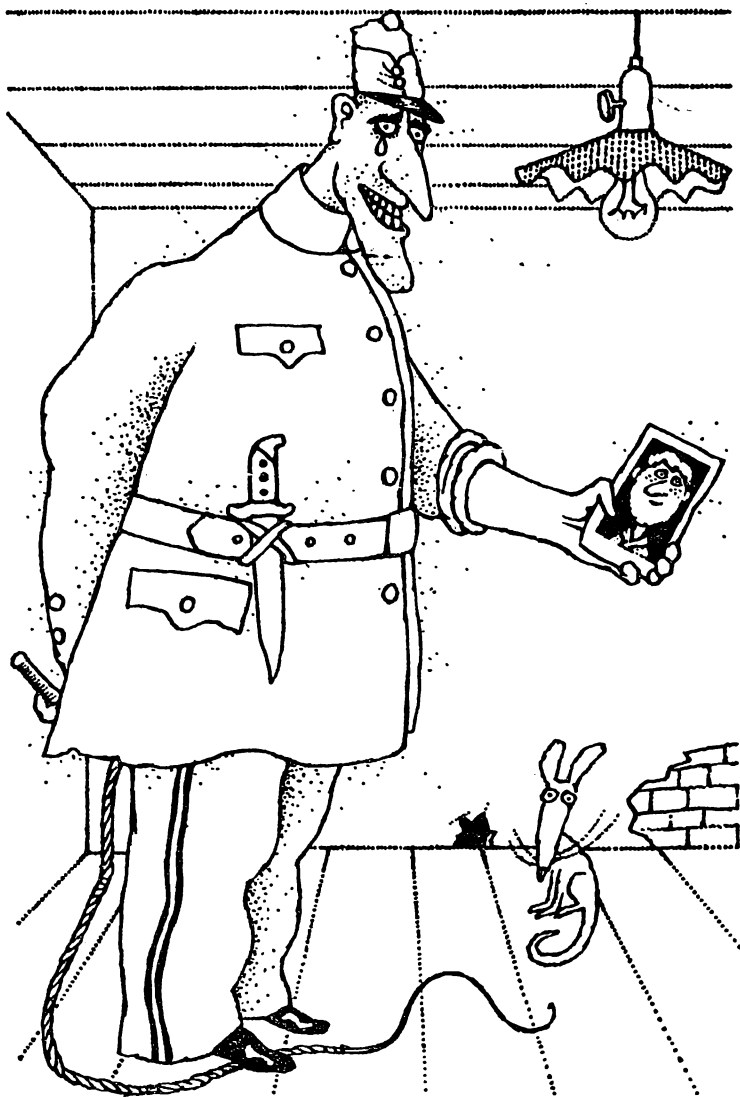
— Начальник видел на спине рубцы и ничего не сказал.

— Начальник медицинскую академию не кончал. Его дело за порядком следить, а моё — о здоровье узников печься, перед королём и учёными коллегами ответ держать. Да знаешь ли ты, что я у самого профессора Капусты учился? У него лысина — во какая, потому что все науки превзошёл. Мои коллеги теперь в чести, не то что я... Никто со мной не считается, не советуются даже, как по-научному ребят лупцевать. А голову ломать, чтобы всё шито-крыто было, я должен.

Тут фельдшер опрокинул в глотку стакан спирта, крикнул и застрочил:

Акт: такого-то числа, такого-то месяца обследован труп заключенного по имени...

— Как его звали-то?

Надзиратель назвал имя, под которым Матиуш значился в тюрьме.

Рост: 1 м 30 см. Возраст: лет одиннадцать. Следов побоев на теле не обнаружено. Упитанность выше средней, что свидетельствует о хорошем довольствии, которое получают заключенные в тюрьме. При вскрытии в легких обнаружен табачный дым, сердце расширено, как у алкоголика. Причина смерти: отравление организма с младенческих лет спиртным и табаком.

Покойному трижды делали прививку против оспы, давали лекарства из тюремной аптеки, но спасти его не удалось.

Выпив ещё полстакана спирта, фельдшер поставил свою подпись и приложил две печати: больничную и тюремную.

— На, держи. Но смотри, в другой раз не посоветуешься со мной, так и знай, напишу: умер от побоев. И выкручивайся как знаешь. Понял?

— Понял, господин профессор.

— Выпей, так уж и быть.

— Покорно благодарю, господин профессор.

— Фельдшер я, а не профессор. Хотя у разных знаменитостей учился. И две пятёрки в дипломе имею: по химии и анатомии. Воду и воздух под микроскопом изучал! Экзамен самому профессору Капусте сдавал. А лысына у него — во какая, потому что все науки превзошёл!

Матиуш сам читал свидетельство о своей смерти.

— Читай, Матиуш! — говорил надзиратель. — Может, снова будешь королём, а королям надо знать, как истязают их подданных. Хоть и сидят здесь отпетые люди, но даже злодеи нуждаются в справедливости.

Четыре дня просидел Матиуш в своём убежище. Забившись в угол, слушал, как завывает ветер в бойницах, и от нечего делать вспомнил башню отшельника на необитаемом острове.

На пятый день приехал начальник тюрьмы и велел собрать всех заключённых.

— Эй вы, мошенники! — громовым голосом закричал он. — Слушайте внимательно. Если нагрянет комиссия и станут спрашивать, был ли здесь маленький арестант-мальчишка, говорите — нет. Понятно? Двести ударов плетью тому, кто проболтается. А будете вести себя как надо, на пасху по четыре куска сахара получите. Понятно? Не стану врать, мальчишка попал сюда по недоразумению. Его перевели в другую тюрьму. Итак, зарубите себе на носу: никакого мальчишки здесь не было. Понятно? Выбирайте: двести ударов плетью либо четыре куска сахара.

— Как не понять, господин начальник. Только лучше запоминается, когда стаканчик пропустишь, — сказал самый старый заключённый.

— Так и быть, по стопке получите.

Матиуш узнал об этом и порадовался: такое не часто случается в их однообразной жизни.

Когда стало известно о похищении Матиуша, поднялся страшный переполох.

— Ясно как день, — единодушно решили короли, — это дело рук Молодого короля.

Молодой король ударился в амбицию, то есть оскорбился:

— Ищите, раз вы в этом уверены. Конечно, было бы ложью утверждать, будто я души в нём не чаял. Но разве, кроме меня, у него нет врагов? А негры? Сколько их погибло по его вине? И белые короли относятся к нему неодинаково. Орест тоже его не любит. А царь Пафнутий не может ему простить той истории

на Фуфайке, после которой его бессонница мучает и головные боли.

Но Молодой король неспокоен; понимает: если начнутся розыски, Матиуша могут найти в тюрьме. Поэтому известие о смерти Матиуша его очень обрадовало. Словно гора с плеч.

Но расследование продолжалось. Удалось установить направление, в каком ехал автомобиль с Матиушем. Допросили хозяина гостиницы, рыбаков, портовых рабочих, матросов. Одна женщина видела, как автомобиль свернул направо, потом остановился: кажется, шина лопнула. Когда автомобиль стоял возле ресторана, какой-то мальчик из любопытства заглянул внутрь, но не успел ничего разглядеть: его прогнали. Обнаружили даже место, где Матиуша из автомобиля перенесли в лодку. Но до конца раскрылось всё благодаря чистой случайности.

Так часто бывает. Ищешь, ищешь пропавшую вещь, всё вверх дном перевернёшь, а она словно сквозь землю провалилась. И вдруг, когда совсем потеряешь надежду, пропажа сама находитя.

Нечто подобное произошло и тут. Жил-был на свете один старичок-учёный, большой чудак, который задался целью написать научный труд про все тюрьмы на свете. Лет десять разъезжал старичок по всем странам и изучал разные документы. И наконец оказался в столице Молодого короля.

Старичок был тихий, вежливый, кстати и некстати извинялся, благодарил и ничего не трогал без спроса. Одежда у него вся в пыли от старых бумаг, которые он целыми днями читал. Примостившись на краешке стула, листал он документы, делал выписки, подсчитывал что-то. Бедняга совсем ослеп, и хотя на носу у него было две пары очков, это мало помо-

гало. Знакомых он не узнавал. Лакею говорил «господин директор», а важного директора департамента принимал за лакея и давал ему на чай. По рассеянности вместо чернильницы окупал перо в стакан с чаем, который сердобольный человек ставил перед ним, видя, что он с утра ничего не ел. Чиновники насмеялись над стариком и проделывали с ним разные шутки...

— Вот чудак! Разве из бумаг правду узнаешь. Там всё шито-крыто.

А наивный учёный, ни о чём не подозревая, работал в поте лица.

— Простите, мне бы ещё медицинские свидетельства посмотреть, если, конечно, вас это не затруднит. Но если вы заняты или устали, я подожду, пожалуйста, не беспокойтесь. Извините, простите, покорно благодарю, премного вам обязан.

— Ничего. Эй, рассыльный! Подай господину учёному два пуда бумаг из четырнадцатого шкафа. Тех, что попыльней.

— Благодарю, премного вам благодарен. Пыль — это сущие пустяки.

Рассыльному надоело рыться в шкафах, и он как шмякнет на стол перед старичком целую кипу пожелтелых бумаг — аж пыль столбом поднялась!

Старичок чихнул два раза и уткнулся в бумаги как ни в чём не бывало.

Но в канцелярии работала чиновница, которая накануне купила себе новую кофточку и боялась её запачкать.

— Прочтите лучше вот эти бумаги. Во-первых, они чистые, а во-вторых, узнаете последние данные, а не столетней давности.

— Благодарю. Для меня старое и новое одинаково важно. Большое спасибо. Очень вам признателен. Извините.

А сверху как раз лежало свидетельство о смерти Матиуша.

«Рост: 1 м 30 см. Возраст: лет одиннадцать... — читает учёный. — Причина смерти: отравление организма с младенческих лет спиртным и табаком...»

У старика был сын-адвокат, и вот он решил поделиться с ним радостью по поводу такой редкой находки.

«Дорогой сын, — писал учёный, — я счастлив, что мой научный труд обогатят столь интересные сведения...»

Сын прочёл письмо, и его словно осенило: «Уж не Матиуш ли это?» Как быть? Тащиться в такую даль неохота, но, с другой стороны, если догадка подтвердится, его ждёт всемирная слава.

Старик слово в слово переписал свидетельство о смерти Матиуша, а сын опубликовал его в газетах. Книга выйдет через десять лет, а газета — на следующий день.

Что тут началось, описать невозможно. Молодой король защищался как мог. «Документы, — заявил он, — пожалуйста, читайте, но в тюрьму никого не пущу!» Но распоряжениям его грош цена, ведь он теперь не король, а наследник престола. А Старый король разрешил посетить тюрьму.

Началось следствие. Фельдшер увиливает от ответа, хитрит — словом, тень на ясный день наводит. От заключённых тоже не добьёшься толку: мычат, как будто говорить разучились. Начальник тюрьмы выкручивается: то одно говорит, то другое. Сразу видно — дело нечистое.

Между тем известие о смерти Матиуша облетело весь мир.

Из уважения к Старому королю сообщили, будто сын его к этому делу не причастен, а во

всём виноват генерал. И что Матиуш уже на острове был болен, потом переутомился в лагере негритянских детей и даже заразился там какой-то неизлечимой болезнью. И умер он не в тюрьме, а в больнице неподалёку от тюрьмы. А мальчик, которого видели в тюрьме, — сын плотника, который ремонтировал дом начальника.

Генерал понесёт заслуженное наказание, сообщалось в газетах, хотя он тоже не очень виноват. Произошло недоразумение. Молодой король послал телеграмму, в которой говорилось: «Устранить препятствие». А телеграфист, неизвестно почему, вместо слова «препятствие» написал «Матиуша». Вот генерал и решил, что надо его похитить.

Газеты опровергали друг друга, и каждая освещала печальное событие по-своему.

«Преступление или несчастье? — писала самая популярная газета в мире. — Перед человечеством — трагическая загадка. Хочется верить, что Матиуш умер своей смертью. Этот коронованный мальчик, борец за справедливость, первый король детей, храбрый защитник негров, увы, оказался смертен. Бурная жизнь подорвала его здоровье. Как яркая звезда засиял он над миром и угас. Непоправимая утрата, льются потоки слёз, грудь разрывается от рыданий. Но отчаяние было бы во сто крат ужасней, погибни он от руки убийц».

«Не всё ли равно, от чего он умер? — писала другая газета. — Главное, его нет в живых. Пока в этом не было уверенности, можно ещё было надеяться, сомневаться...»

«Мир праху его. Отважный воин, рыцарь без страха и упрёка, горный орёл и лев пустыни, покинул сей негостеприимный мир», — писала третья газета.

«Король-сирота! Нельзя забывать, что золо-

тая корона венчала голову мальчика-сироты. Нельзя забывать, что под пурпурной мантией тревожно билось сердечко сиротки!» — писала четвёртая.

Матиушу всё простили. И когда какая-то газета заметила вскользь, что Матиуш совершал иногда ошибки, редактора чуть не растерзали. Он целую неделю боялся нос высунуть на улицу, перестал бывать в театре из страха, что его изобьют.

В школах решили собирать деньги на памятник Матиушу.

В столицу Матиуша поступило семнадцать тысяч телеграмм.

Выражаем глубокое соболезнование по поводу тяжёлой утраты, постигшей всю страну.

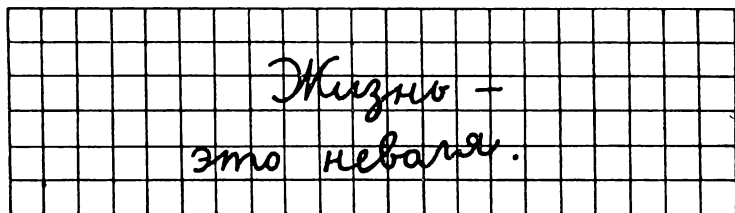
Чувство гордости за своего короля должно служить вам утешением в несчастье.

Ваш король одержал величайшую победу: он покорил сердца людей всего мира.

Хорошо бы, высказался кто-то, для увековечения памяти Матиуша осуществить хотя бы одну из его реформ. Предоставить, например, тям свободу, за которую юный король боролся на протяжении всей своей короткой жизни. «Вздор и нелепость! — возразили ему. — Если детям дать свободу, они будут от радости на головах ходить, и получится, будто они в восторге от смерти Матиуша. А куда же это годится!»

Шагает Матиуш по шоссе, держит путь в родную сторонку. Но на душе у него невесело. Была над головой крыша, был кусок хлеба, а теперь он опять один на белом свете. В тюрьме тяжело, слов нет, но разве мысли о будущем не тяжелей корзины с углём? А работать всё

равно надо, задаром есть хлеб не годится, даже если дадут. И скрываться придётся, чтобы не было больше из-за него войн. Остановился Матиуш и записал в своём дневнике:

Но как бы опровергая его слова, запел соловей. Прислонился Матиуш к плетню и заслушался.

«Почему люди не похожи на птиц?»

Зашёл Матиуш в придорожную харчевню, подкрепился и двинулся дальше. «Пойду пешком», — решил он. Денег на еду хватит, если тратить экономно. Ехать на поезде не хотелось. Ему казалось, король-изгнанник должен возвращаться в своё отечество пешком и босым. И думается в дороге хорошо. Наверно, пчёлки-мысли от ходьбы колышутся и быстрее порхают.

Проходя через маленькое городишко, Матиуш прочёл в газете сообщение о своей смерти. «Вот и прекрасно. По крайней мере искать не будут».

Попутчики, как водится, заговаривают с ним и иной подвезёт немного, коли по пути. Всякий видит: нездешний. Но Матиуш отвечал на вопросы неохотно:

— Сирота. В родные края иду.

Врать он не любит и от любопытных отделяется так:

— Это долгая история...

Вот наконец и родная сторона. Опустился король-изгнанник на колени и поцеловал землю: то ли приветствовал её, то ли прощения просил.

— Откуда идёшь? — остановил его пограничник.

— Издалека!

— Куда путь держишь?

— Домой.

— А где твой дом?

— Где дом? Не знаю.

— Документы есть?

Матиуш вспомнил, что надзиратель снабдил его на всякий случай фальшивой бумажонкой, и показал пограничнику.

— Сын тюремного надзирателя?

— Нет,— улыбнувшись, сказал Матиуш,— сын короля.

— Ого! Знатного ты рода! Ну ступай!

Пограничник, конечно, не поверил. Но Матиушу это безразлично. Он смертельно устал. Мысли-пчёлки молчат, не подсказывают, как быть, куда идти. А ноги сами несут его к столице. Матиуша терзает голод, силы на исходе.

Поблёкшая, мятая фотография королевы (кроме него, пожалуй, никто и не догадается, что это королева), ракушка, камешек, чёрный как уголь кусочек сахара, огрызок карандаша да тетрадка, куда он записывает заветные мысли,— вот и всё его богатство.

Чтобы не умереть с голоду, пришлось наняться в пастухи.

Назвался он Марцинеком и стал пасти двух коров. Коровы привыкли к нему. И люди тоже привыкли и полюбили его.

Мальчик тихий, послушный, вежливый. И личико печальное, а печальнее всего, когда он улыбается. Посмотришь и плакать хочется.

— По глазам видно, хлебнул мальчонка горя.

Заморозки, дождь, град, жара, а ему всё ни-почём: пасёт своих коровушек. И ни разу не побежал с ребятами в лес за земляникой, ежевикой, черникой. Ни разу его корова не зашла в чужое поле, не потравила чужие посевы.

Но по-настоящему оценили его крестьяне, когда на деревню напала какая-то странная хворь. Что за болезнь, не поймёшь: два дня озноб трясёт, кости ломит, хоть криком кричи, в голове шумит, грудь разрывается от кашля. А потом — слабость, ноги подкашиваются.

Кто неделю в лёжку лежит, кто и больше. Во всей деревне один Матиуш на ногах. Всем поможет, никому не откажет, и любое дело в руках у него спорится.

Крестьяне уважают людей сильных, выносливых: «На вид заморыш, а оказывается, во какой двужильный!»

Хозяева, у которых Матиуш коров пас, полюбили его и уговорили остаться на зиму. Он согласился.

Со сверстниками Матиуш мало разговаривал. Мальчишки, известно, народ любопытный, им хочется знать, кто он да откуда.

— Воображала, отвечать не желает!

— Нос дерёт.

Попробовали втянуть его в свою компанию:

— Айда за грушами! Садовник уехал.

— Не пойду.

— Трусись?

— Нет, просто не хочу.

Мальчишки убежали, оставив коров на его попечение. Знают, бессовестные, что он безропотный, не откажет. Воротились, протягивают в награду груши:

— Бери.

— Спасибо.

— Спасибо скажешь, когда отведаешь. Не хочешь? Почему?

— Потому что краденые.

«Раз сам не берёт,— думают мальчишки,— значит, наябедничает». Но он не наябедничал.

— Ты груши воровал, сорванец? — грозно спрашивает его садовник.

— Нет.

— А кто воровал, знаешь?

— Знаю, но не скажу.

— Ишь фрукт какой!.. Мой вам совет: не спускайте глаз с этого бродяжки. В тихом омуте черти водятся.

Садовник в сердцах хлопнул дверью и ушёл.

— Мне уйти? — робко спрашивает Матиуш, а у самого сердце ёкнуло: вдруг прогонят.

— Разве тебе у нас плохо?

— Хорошо, но садовник на меня рассердился. Как бы у вас неприятностей не было из-за меня.

— А ты не упрямясь. Коли видел, кто воровал, скажи.

Матиуш печально улыбнулся: разве расскажешь всё, что он видел.

Наступила зима.

— Можно мне в школу ходить?

— Иди, если примут. Зимой работы мало.

И Матиуш пошёл в школу.

— Приблуда в школу идёт!.. Бродяга идёт в школу!.. Нищий учиться захотел!.. — с криком бегут за ним мальчишки.

Матиуш не знает школьных порядков: входит со всеми в класс, садится за парту.

— Это моё место, я всегда здесь сижу.

И за какую бы парту Матиуш ни сел, отовсюду его гонят и смеются. Потеху устроили.

— А учительница тебя записала?

— Нет.

Матиуш стоит у стены, а мальчишки вокруг столпились.

— Вот дурак! Ну и стой столбом. Посмотрим, что учительница скажет.

Прозвенел звонок. Все сели за парты и ждут.

Входит учительница:

— А ты кто?

— Марцинек.

— Зачем пришёл?

— Учиться.

Ребята покатались со смеху, а учительница нахмурилась.

— Кто его сюда привёл?

— Никто. Сам пришёл. Летом коров на выгоне пас.

— И груши воровал.

— Он найдёныш.

— Приблуда.

А Матиуш молчит, будто его это не касается. Верно, что бродяга: полсвета исходил и изъездил.

Ребята перебивают друг друга, кричат, а учительница смотрит пристально на Матиуша, словно вспоминает, на кого он похож.

— Марцинек, ты видел меня когда-нибудь?

— Нет, первый раз вижу.

— А мне кажется, я где-то видела тебя.

— Он приблуда!

— Оборотень!

И опять все хохочут. Тут распахнулась дверь, и в класс влетел директор школы.

— Это что за безобразие?! — заорал он и за уши выволок двух мальчишек с первой парты в коридор. — Вы что, не знаете, как себя в школе вести? — Погрозил линейкой и ушёл.

Учительница смутилась, вот-вот заплачет.

— Садись, Марцин, на первую парту. Дайте ему книжку. Ты читать умеешь?

— Умею.

А мальчишки из озорства суют ему книжку вверх ногами.

Матиуш прочёл без запинки.

— Теперь расскажи.

Матиуш рассказал своими словами, но ничего не пропустил.

— А историю знаешь?

— Немножко.

— Расскажи про Павла Завоевателя.

Матиуш рассказал подробней, чем в учебнике.

— Иди к доске. Пиши задачу.

Но задачу Матиуш решить не сумел.

— Иностранные языки знаешь?

Мальчишки перестали смеяться, смотрят разинув рты и молчат.

А когда учительница спросила Матиуша о животном и растительном мире тропических стран и он заговорил, в классе воцарилась мёртвая тишина.

Матиуш смотрит в окошко и говорит, будто всё это перед собой видит. Пальмы выглядят так, а лианы — вот так. Бананы сладкие. У фиников косточки продолговатые и гладкие. Кокосовые орехи — во какие! У носорога пасть огромная, и сам он с полкомнаты. Детёныши у них поменьше. А бывают носороги ещё больше...

Матиуш рассказал про львов, тигров, гиен, леопардов, слонов, крокодилов, обезьян, канареек.

— Не иначе, своими глазами всё видел. По книжке так не расскажешь, — перешёптываются ребята.

Матиуш остался пока в младшем классе, а подгонит арифметику, перейдёт в старший, к учителю.

Учительница полюбила его, а ребята относятся к нему насторожённо, недоверчиво. И так и этак пробуют подъехать. То пошутят и ждут, рассмеётся он или нет. То толкнут и ждут, даст ли сдачу. В друзья набиваются, чтобы выведать, кто он такой. И выжидают, когда же он покажет себя.

— Да ты не бойся! — подбадривают они его.— Учительница добрая, не то что учитель.

Слово «добрая» они произносят снисходительным тоном, будто это недостаток, а не достоинство.

Когда очередная попытка привлечь Матиуша на свою сторону не удаётся, ребята, потеряв терпение, цедят сквозь зубы:

— У, приبلуда!

Матиуш слышит, как они бормочут себе под нос: «тихоня», «святоша», «подлиза», «девчонка», и вспоминает канарейку и её собратьев — вольных птиц.

«Они тоже её не понимали».

Учительница замечает: в классе происходит неладное, но надеется, что в конце концов ребята привыкнут к новичку. Однажды кто-то нарочно забрызгал чернилами тетрадку Матиуша. Это переполнило чашу её терпения.

— Ах вы негодники! — закричала она, покраснев от гнева.— Чего вы к нему пристаёте? Из зависти, что он больше вас знает?

— Есть чему завидовать — дырявым сапогам! — нагло сказал сын деревенского богатея. Ему купили новую шапку, вот он и важничал.

В классе не любили этого задавалу и лентяя, но связываться не хотели: боялись его здоровенных кулачищ.

— Вы за него заступаетесь, будто он ваш жених...— заявил грубиян молоденькой учи-

тельнице.— А ты чего на меня уставился? — прикрикнул он на Матиуша.

— Глаза есть, вот и смотрю,— ответил Матиуш и слегка покраснел.

— А я не желаю, чтобы ты таращился на меня, слышишь? — грозно сказал оболтус и шагнул к Матиушу.

Матиуш прищурился. Стоит в выжидающей позе.

— Ишь сощурился, бродяга!

Матиуш вспомнил драку на необитаемом острове. Как тогда, что-то необъяснимое произошло с сердцем, с головой, с руками.

— Ну, чего уставился?

— А ты мне что, смотреть запретишь? — невозмутимо ответил Матиуш и положил на всякий случай руку на парту, поближе к чернильнице.

— Подраться захотел?

— Нет.

— По морде получить хочешь?

— Нет.

— Смотри, дожدهшься!

— Не дождусь.

Учительница спешит на помощь, но поздно. Силач схватил Матиуша за вихры и изо всех сил саданул кулаком в грудь. А потом — раз головой об парту!

— Дерутся! Дерутся! — завопили ребята, повскакав с мест, и тесным кольцом окружили дерущихся.

— Безобразие! Что здесь происходит! — В класс с перекошенной от злости физиономией ворвался директор.— Вот до чего вы их распустили! Ученики уже дерутся у вас на уроках! У меня и без ваших сорванцов хватает хлопот!

Матиуш сдвинул брови, заложил руки за спину, и внимательно слушает. «Надо помочь

учительнице», — решил он.

Порядок был восстановлен, и урок продолжался. После звонка Матиуш приоткрыл дверь в учительскую и спросил:

— Можно войти?

— Тебе чего, Марцинек?

— Разрешите мне, пожалуйста, сделать одну вещь, не то я перестану ходить в школу. Не хочу, чтобы у вас из-за меня неприятности были.

— Что же ты хочешь сделать?

— Это секрет.

Вошёл директор и накинулся на Матиуша:

— Ты чего здесь делаешь? Разве тебе не известно, что ученикам сюда вход запрещён?

— Это незаурядный мальчик, — робко сказала учительница, когда за Матиушем закрылась дверь.

— У вас все незаурядные. — Директор издевательски засмеялся. — Один — талантливый художник, другой — выдающийся математик. А все, вместе взятые, они самые заурядные сорванцы. В этом году уже два окна разбили.

От школы до дому две версты. Матиуш шагает по дороге, заложив, по своему обыкновению, руки за спину, и размышляет о случившемся. Вдруг его догоняет тот самый мальчик, которого учительница считала талантливым художником.

— Не расстраивайся. Они скоро от тебя отстанут. Мне сначала тоже прохода не давали.

— Почему?

— Не любят тех, кто лучше их умеет что-либо делать.

— Почему?

— Наверно, от зависти. Не все такие, но есть несколько заводил, которых все слушаются. Хочешь, я тебе картинку нарисую? А что тебе

нарисовать? Ты тогда здорово про жаркие страны рассказывал. Повтори ещё раз, и я тебе нарисую Матиуша на необитаемом острове.

— Но ведь Матиуш умер.

— Ну и что? Если умер, значит, рисовать нельзя? Твои хозяева разрешат, чтобы я пришёл к тебе вечером?

— Спрошу. Думаю, разрешат. Они хорошие люди. Книжки мне купили, тетрадки. И сапоги обещали купить.

— Вот свинья, рваными сапогами попрекает! Подумаешь, новую шапку заимел и нос дерёт! Хорошо, что ты с ним связываться не стал. У него отец — богатея, дружбу с самим директором школы водит. Поэтому он и распоясался. Но ничего, мы ему покажем! Поймаем подальше от школы и тёмную устроим. Не забудь про картинку!

— Спасибо.

Идёт Матиуш дальше. Повалил густой снег. Снежинки кружатся, танцуют в воздухе, и мысли-пчёлки проворнее снуют в голове.

«Вот чудно! Раньше управлял целым государством, а теперь с одним классом справиться не могу. Речи произносил в парламенте, а теперь с мальчишками стыжусь говорить. Теперь мне понятно, почему Стефан не хотел связываться с ними. Как начнут приставать, дразнить, высмеивать, не знаешь, куда деваться. Хотя что они мне скажут нового? Приблуда? Сапоги каши просят? Ну и пусть. Так всегда: один начнёт, а другие повторяют, как попугай».

На другой день Матиуш на первом же уроке поднял руку.

— Я знаю, вы называете меня чужаком, бродягой, приблудой. Да, у меня рваные сапоги. Если вы не хотите, я не буду ходить в школу. Почему ваша учительница должна страдать из-

за меня? Давайте устроим голосование. Если большинство «против», я уйду из школы. Но если только один «против», а остальные «за», я останусь. Не думайте, что я боюсь вас. Я готов драться с каждым, но только не в школе. Назначим место и будем биться при свидетелях. Вот вы слушаетесь учителя, потому что боитесь побоев. А по-моему, наоборот, надо слушаться того, кто не бьёт. Пока дети не перестанут драться между собой, они не имеют права требовать от взрослых, чтобы те их не били. Пока ребята не перестанут драться и швырять друг в друга камнями, на земле не прекратятся войны, а значит, будут и сироты, потому что на войне убивают отцов. Конечно, без ссор не обойдёшься, но надо собраться всем и рассудить, кто прав, кто виноват, а не пускать сразу в ход кулаки.

Пока Матиуш говорил, то в одном, то в другом конце класса слышались приглушённые голоса:

— Во даёт!

— Лекцию читает.

— Новый учитель объявился — приبلуда!

— Совсем рехнулся!

— Проваливай отсюда!

Под конец Матиуш сказал:

— Кто «против», поднимите руку. Думаете, я не слышу, что вы бормочете? Но я считаю ниже своего достоинства обращать на это внимание. Я встал и открыто, во всеуслышание высказываю свои мысли. А вы знаете, что вы не правы, вот и ворчите себе под нос. Так поступают только трусы. Итак, кто за то, чтобы я не ходил в школу, поднимите руки!

Поднялся целый лес рук. Учительница хотела вмешаться, но Матиуш быстро собрал книги и тетрадки и покинул класс.

По дороге его догнал мальчик из класса и

сказал, чтобы он вернулся. Произошла ошибка. Ребята не поняли. Он сам поднял руку, — подумал, так надо, чтобы Марцинек остался в школе.

— Вот увидишь, они больше не будут к тебе приставать. Теперь мы знаем, кто на тебя натравливал ребят. Ну что тебе стоит попробовать. Воротись, Марцин! Не будь таким гордым! Говорю тебе, ребята ошиблись. Воротись!

Матиуш как будто внимательно слушает товарища, но слова не доходят до его сознания. Жалко, конечно, расставаться с учительницей, со школой. Но ничего не поделаешь. Значит, не судьба. Отовсюду его прогоняют, всюду он лишний. И в самом деле, ведь Матиуш умер, чего же он скитается, как тень, по свету? Чего ждёт от людей? Как славно жилось ему на необитаемом острове! А разве плохо было бы у Кампанеллы разгуливать по апельсиновой роще? Преступники — и те были к нему добры. А теперь ему так горько, так горько, хоть плачь...

Воротился Матиуш домой, а в голове молотком стучит: «Из школы прогнали! Из школы прогнали!»

Достал он из потайного местечка дневник и записал:

*„Жизнь —
тяжёлая штука“, говорил Валентий.
Раньше я не понимал, что это значит.
А теперь понимаю.*

Опять скандал, да ещё какой! Везде, где бы

Матиуш ни появлялся, начиналась кутерьма. Что получилось, когда он был королём, известно. И так всегда: среди негров, белых королей, взрослых, детей он всё вверх дном перевернёт, какое-нибудь новшество придумает, старые порядки изменит, и люди прозревают, словно до тех пор были слепые.

Тихая деревушка уподобилась растревоженному улью. Ребята разделились на две партии: на сторонников и противников Матиуша.

— Этот бродяга заявил, что учителя нечего слушаться, раз он дерётся. И ещё грозился избить всех, у кого новые шапки и целые сапоги. А учительница сказала: надо, мол, уговорить его, чтобы он ходил в школу. Подумаешь, важная птица! У нас вон ручка пропала в классе. Небось он украл, а теперь боится, как бы его не уличили, и обиженного из себя корчит.

За ребятами — взрослые: одни хвалят учителя, другие — учительницу.

Хозяева, у которых жил Матиуш, горой стоят за своего пастушонка:

— Мальчик тихий, послушный, работающий, а рассуждать начнёт, заслушаешься — ни дать ни взять, мудрец. Марцинек прав!

— Ишь благодетели нашлись! Вместо того чтобы языком трепать, вы бы лучше сапоги ему новые справили! Как ему, голодранцу, новой шапке не позавидовать!

Началось с Матиуша, а потом пошла настоящая свара: стали соседи друг с другом счёты сводить да старые обиды припоминать. Этот — известный лодырь, тот — пьяница, а тот фальшивые показания на суде давал.

— Яблоко от яблони недалеко падает. Какой отец, таков и сын!

Нашлись даже противники школ. Они считали, что без них было лучше.

— Раньше читать не умели, зато грешили меньше.

— От учёнья ребята совсем от рук отбились, работать их не заставишь.

— Стариков не уважают и зажиточных, солидных хозяев ни во что не ставят...

Целую неделю в деревне бурлило, как в кипящем котле.

«Пойду-ка я в школу», — подумал Матиуш.

Для вида он прилежно занимается арифметикой, но в старший класс, к учителю, переходить не торопится. Ведёт себя, как раньше: нос не задирает, но и не робеет. Домой теперь возвращается не один, а с тем мальчиком, который хорошо рисует. И с ним сидит на одной парте. Матиуш по-прежнему не выносит лжи. Набедокурят, например, в классе, Матиуш — ничего, сидит и ждёт. Если учительница не спросит, кто это сделал, смолчит. Но если спросит, а виновник не признается, Матиуш показывает на него и смело говорит:

— Это он!

После уроков мальчишки грозятся:

— погоди, доносчик проклятый, мы тебе покажем!

— Доносчик всё делает исподтишка. А ты трус, коли у тебя смелости на хватает самому признаться.

Так ни разу он ни с кем и не подрался. Мальчишки чувствовали: лучше с ним не связываться.

У Матиуша что-то есть во взгляде, как у лорда Пакса: посмотрит пристально, и озорники присмиреют.

Каково же было удивление ребят, когда Матиуш согласился играть в снежки.

— В кого три раза угодят снежком, тот убит. Кто упадёт, тот в плен попал, — говорит Матиуш,

припоминая сражения в королевском парке.

Матиуш не командир, но признанный полководец. И все беспрекословно ему подчиняются. Но он не зазнаётся, и никто не слышал, чтобы он кому-нибудь сказал: «Э, много ты понимаешь, болван!» Каждого внимательно выслушает и, если совет дельный, согласится, а если так себе, изменит немножко, и получается как надо, но никому не обидно. А если совет никудышный, объяснит почему.

— Надо генералов выбрать,— предложил кто-то.

— Зачем? — возразил Матиуш. — Давайте лучше сделаем так: пусть каждый пять раз бросит в цель, и самых метких стрелков распределим поровну между двумя отрядами

Мальчишки норовят схитрить. Кто нарочно плохо целится, кто промахнётся и спорит, что попал. Но Матиуша не проведёшь: он зорко следит за состязанием.

— Давайте условимся: не обижаться и не спорить.

Генеральное сражение всё откладывалось: то оттепель, то снег слишком сухой — снежки рассыпаются. Но Матиуш советует не торопиться.

Поспешешь — людей насмешишь.

Старшеклассники напрашивались играть с ними.

— Нет,— сказал Матиуш,— сначала мы сами попробуем.

Три дня длилась подготовка к битве: строили крепости, насыпали снежные валы.

Матиуша больше не считают гордецом. Ребята полюбили его. Кто столько интересных сказок знает? Только Матиуш. Чтобы ребята не догадались, что сказки негритянские, Матиуш изменял имена.

С каждым днём растёт его слава. А вместе с ней любопытство: кто он и откуда? Известно, что его отец тюремный надзиратель, и всё.

— Марцинек, ты видел преступников?

— Это правда, что их по глазам можно узнать?

— А ты много стран повидал?

Матиуш старается перевести разговор на другую тему. Но мальчишки — народ упорный.

— Не увиливай, расскажи нам всю правду.

— Что? — переспрашивает Матиуш, будто не понимает, о чём идёт речь.

— Дай честное слово, что расскажешь всё, как было.

— Честное слово, расскажу, когда придёт время.

Но, откровенно говоря, Матиушу очень не хочется, чтобы это время наступило. Опять он обжился здесь, привык, и его все полюбили. В школе — хорошо, и с ребятами он ладит. Есть среди них, правда, несколько шалопаев, но они стараются исправиться. Ведь сразу это никогда не получается.

— Думаешь, я сам не знаю, что я задира и драчун? Ну, говорю я себе, с понедельника исправлюсь. Проходит понедельник, вторник, а я всё такой же, — жаловался Матиушу один.

— Не пойму, почему мне так нравится злить других. Это я ещё себя сдерживаю, а то бы со мной никто и водиться не стал, — признавался другой.

— Теперь я смирный, а знал бы ты меня раньше! Мне, бывало, всё равно: собака ли, курица, старик, лошадь, ребёнок. У меня будто руки чешутся. Схвачу камень или палку, размахнусь, и — раз! Вот погляди, — и показывает на голове, на руках, на ногах большие и маленькие шрамы. — Вот это след конского копыта.

А здесь топором по пальцу тяпнул. А это стеклом от разбитой бутылки порезался — кровь хлестала, еле остановили. Тут вот собака укусила, когда я санки ей к хвосту привязывал. Постарше стал, за ум взялся, а то страх что вытворял! — рассказывал третий.

Матиуш всех выслушивал и одному советовал одно, другому — другое. Но каждому говорил: не падай духом. Не опускай рук. Старайся.

— Главное — сильная воля. Но с неба она не свалится, её надо воспитывать в себе, тренировать. Захотелось, например, тебе доплыть до маяка, но без тренировки ты только из сил выбьешься, а цели не достигнешь. Или, представь себе, что ты дикарь...

И, увлѣкшись, Матиуш начинает рассказывать про негров, как человек, который сам их видел.

Ребята часто вспоминают в разговорах короля Матиуша.

— Был бы жив король Матиуш, учитель не посмел бы нас за уши драть.

— Вот тут по распоряжению короля Матиуша начали строить карусель.

— А шоколадки — помните? Только три раза выдали, и то не всем досталось.

— В столице, говорят, взрослые в школу ходили, а ребята их по рукам били и в угол ставили. Вот потеха!

И ребята весело смеялись, будто вспоминая забавную историю. А Матиушу становилось не по себе. Он умолкал и тяжело вздыхал.

Он словно предчувствовал, что скоро кончатся тихие, безмятежные дни. И впереди ждут его борьба и заботы.

Отчасти предчувствовал, а отчасти знал от людей, которые читали газеты.

В газетах сообщили о смерти Старого короля

и что на престол снова вступил его сын. Молодой король дорвался до власти и сразу же заключил военный союз с царём Пафнутием. В армии вспыхнул мятеж (солдаты и офицеры его не любили), но он расстрелял бунтовщиков и объявил, что впредь будет поступать так с каждым, кто пойдёт против него. А королям заявил, что они обманным путём отняли у него порт. С Печальным королём он окончательно рассорился.

— Ты ведь сам подписал договор,— урезонивали его короли.— А договор королей отменить нельзя.

— Подписывал, во-первых, не я, а отец, а во-вторых, Матиуш на Фуфайке целых два договора подписал, ну и что?

— Верно, но Матиуш был пьяный.

— А кто ему велел напиваться? Потом, одно дело, будь он жив, а другое — когда он умер.

«Война спит»,— пришли Матиушу на память слова смотрителя маяка.

Спит, но в любой день может проснуться.

И Матиуш сидел на уроках с отсутствующим видом, не слушая вопросов учительницы. Но кто знает, какие важные проблемы решал он в эти минуты.

— Марцинек, на уроках надо быть внимательным,— пожурела его учительница.

— Я постараюсь.

Беспокойство Матиуша росло с каждым днём. Он забросил игры с ребятами, по ночам лежал с открытыми глазами и вздыхал. «Видно, сглазили парнишку»,— решил хозяин и собрался везти Матиуша к доктору.

И вот война проснулась. Матиуш в последний раз отправился на уроки.

— Я больше не буду ходить в школу,— сказал он.— Спасибо вам и товарищам за всё.

— Что случилось? Почему? — посыпались со всех сторон удивлённые вопросы.

— Я еду в столицу, — с трудом выговорил он. Слова застревали в горле, а в уголках глаз блеснули две большие слезы и медленно покатались по щекам.

Наступила гнетущая тишина. А Матиуш стоял и сосредоточенно тёр кулаком лоб.

— Это неправда, что король Матиуш умер. Я — Матиуш Реформатор, но я должен был скрываться.

Известие было ошеломляющим. словно гром грянул среди ясного неба. Так бывает только в сказках, но все почему-то сразу поверили. Как это им самим не пришло в голову? Как же они сразу не догадались, что Марцинек — это король Матиуш?

Ночь. Тишина. Только в королевском кабинете тикают часы. Матиуш сидит за письменным столом и ещё раз перечитывает воззвание к королям.

Только что закончилось заседание министров, на котором одобрили воззвание к королям всего мира.

«Давайте заключим мир, пока не поздно! Молодой король немедленно должен отозвать свои войска. Довольно проливать кровь! Если бы не угроза новой войны, я бы ни за что не вернулся в столицу. Мне так хорошо жилось среди добрых, простых людей. Когда мир будет восстановлен, я опять отрекусь от престола. Народ выберет себе президента и будет вместе с ним управлять страной. Я не хочу быть королём.

На Молодого короля я не сержусь, хотя он причинил мне много зла. Зато я многому научился и многое понял. Я самый юный король на земле, но, не хвляясь, могу сказать, что знаю

больше взрослых. Дети вообще не глупей взрослых. Просто им не хватает жизненного опыта. Благодаря Молодому королю я приобрёл жизненный опыт и закалил волю. Молодой король имеет дело только с генералами, а я — с солдатами тоже; он знаком только с так называемыми порядочными людьми, а я познакомился с преступниками. Молодой король знает взрослых, а я — детей. Молодой король видит народ, когда он рукоплещет и кричит «ура», а я знаю, как он живёт, трудится, ссорится, мучается. Я на себе испытал, как в народе относятся к сиротам».

Матиуш зачеркнул что-то, добавил, чтобы было понятней. Завтра он покажет свои поправки министрам, и письма разошлют во все страны.

Министры были теперь новые. Из старых остались военный министр, министр просвещения и министр юстиции. Но за это время они подобрали и поумнели.

— Теперь я знаю, — попивая чай в перерыве между заседаниями, говорил министр просвещения, — почему мальчишки хулиганят. Одни могут сидеть тихо на уроках, а другие — нет, такой уж у них беспокойный характер. Надо устраивать побольше экскурсий, игр на свежем воздухе. Ребятам хочется побегать, попрыгать. Поэтому они удирают с уроков, а некоторые совсем бросают школу, нанимаются газеты продавать, носятся по улицам, катаются на подножках трамваев.

Министр юстиции, столкнувшись с жизнью, меньше значения стал придавать разным параграфам, кодексам и прочим формальностям.

— Когда я работал кондуктором, — вспоминал он, — я безошибочно определял по лицу, кто с билетом едет, а кто норовит зайцем прокатиться.

Матиуш взглянул на часы и протянул руку к стопке писем. Телеграмма от Клу-Клу.

Очень хочется приехать, но

некогда. В Африке начали

строить каменные дома.

Построили шестьсот сорок камен-

ных школ. Ох как я рада, что ты жив!

Письмо от Печального короля.

Хватит, не позволю больше водить себя за нос, — писал он между прочим.

Матиуш прикинул в уме, сколько у него будет союзников, если всё-таки придётся воевать. И на всякий случай обдумал, с каким воззванием обратится он к солдатам.

«А может, пригласить лорда Пакса? Он всё знает, и никто лучше не умеет справляться с королями».

Пчёлки-мысли порхают, теснятся в голове, и в памяти всплывают картины недавнего прошлого. Надо написать письмо учительнице и смотрителю маяка, пусть не думают, что он зазнался и забыл о них.

— Бррр! — Матиуша передёрнуло, когда он вспомнил о большущих мешках с письмами, которые ему приходилось читать.

Он вышел в парк. Светила луна. Ослепительно сверкал снег. До чего красиво! Ему знаком здесь каждый кустик, каждая тропинка. Тут он катался с отцом на пони. Вон в том малиннике

познакомился с Фелеком. Интересно, где он?.. Здесь устраивали фейерверк, а в том пруду искали его, когда он убежал на войну.

Всё вроде по-старому и в то же время не похоже.

«То ли действительно что-то изменилось, то ли я сам изменился? Наверно, дело во мне. Ведь я воротился словно с того света».

И вдруг ему захотелось покататься на коньках. Он вбежал во дворец и нашёл коньки на прежнем месте.

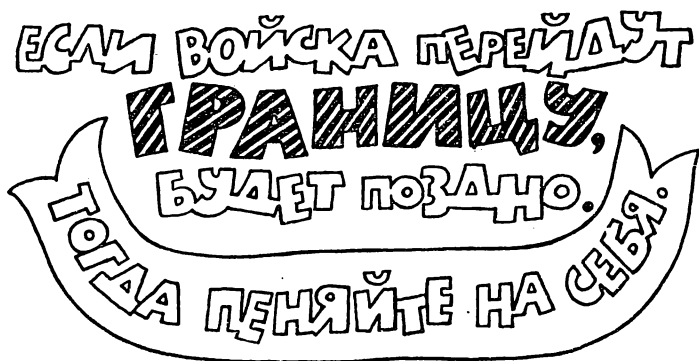
«Вот здорово! Я полсвета исколесил, а они лежат себе преспокойненько на месте».

Светит луна. В королевском парке — ни души. А Матиуш скользит на коньках по зеркальной поверхности пруда. Министр прав: хорошо побегать после целого дня работы.

На следующее утро Матиуш проснулся поздно. Сладко спалось ему на королевской постели. А когда открыл глаза, первой мыслью было: сон это или явь?

Короли во всём мире уже знали из газет, что Матиуш жив. Одни искренне радовались, другие боялись, как бы он опять не выкинул чего-нибудь. Однако воззвание всех успокоило.

На имя Молодого короля посыпались телеграммы с требованием немедленно отвести войска:

Молодой король, прочтя газету, позеленел от злости. А он-то рассчитывал ознаменовать своё вступление на трон победоносным походом в страну Матиуша. Тогда его пошатнувшийся авторитет, несомненно, укрепился бы. Кабы не Старый король, которого все любили и уважали, народ давно бы установил республику. «Поцарствовали, и хватит! — роптал рабочий люд. — Чем мы хуже других народов, которые прекрасно обходятся без королей!»

— Бояться нам нечего. Царь Пафнутий за нас, — хорохорился Молодой король на военном совете. — Если я приостановлю наступление, вспыхнет бунт. Итак, вперёд!..

«Надо покончить с Матиушем, пока не подросли его союзники, — рассуждал Молодой король. — Сначала одержать победу, а потом вести переговоры и диктовать свои условия».

Генералов этот план не вдохновил. Но ничего более дельного они придумать не смогли. И главное, боялись брать на себя ответственность. «Итак плохо, и эдак нехорошо», — сокрушались они. Итак, вся надежда на Пафнутия. А он, не будь дурак, увидел, что все за Матиуша, — и на попятный.

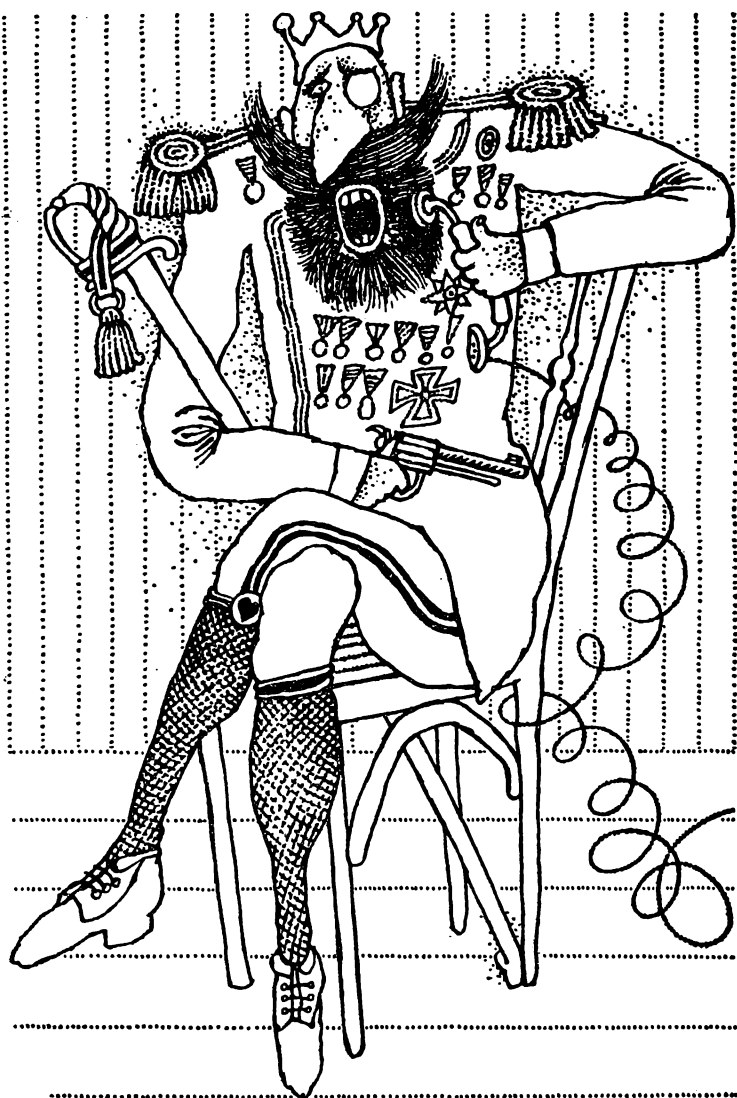
— Ах вот ты какой! Слова не держишь! Погоди, я тебе покажу!

— Подумаешь, напугал! А что ты мне делаешь? Войну объявишь? Против тебя весь мир, потому что ты известный интриган и мошенник! Даже собственное войско ненавидит тебя. Берись измены!

Но разве поможет осторожность, когда к человеку пылает ненавистью весь народ?

Между тем весь мир готовился к войне с Молодым королём.

Генералы видят, дело дрянь, и втайне от короля собрались на военный совет.

— Допустим, Матиуша мы победим, но против нас двинут свои войска другие короли. Весь мир не одолеешь.

— Нет, господа, нечего обольщаться, с Матиушем нам не совладать. Солдаты боготворят его, а нашего короля ненавидят. Кроме того, они защищают свою страну, а мы на них нападаем, значит, мы агрессоры. И потом, мы у них в печёнках уже, они ведь не забыли, как мы хозяйничали после той победы. Поэтому давайте лучше обсудим, что делать в случае поражения.

Тут, пыхтя и сопя, встал самый толстый генерал.

— Если у вас не хватает смелости сказать прямо, для чего мы здесь собрались, я скажу за всех,— отрезал он.— Мы собрались не для того, чтобы втирать друг другу очки. И не обсуждать ход военных действий. Об этом мы могли бы поговорить и в присутствии короля.— Тут толстяк засопел, как паровоз, выпучил глаза, лицо у него налилось кровью — казалось, его вот-вот хватит удар.— Так вот, мы собрались на тайный совет, чтобы предать короля! — выкрикнул он.— И давайте не терять времени даром, не то это плохо кончится: нас всех арестуют.

Генералы были шокированы прямолинейностью толстяка.

— Вам никто не давал права говорить от имени всех присутствующих! — запротестовали они.— То, что вы называете изменой, другие считают единственным спасением для короля.

— Ха-ха-ха! — У толстяка затрясся живот от смеха.— А он что, просил вас спасти его? Нет, господа, нечего лицемерить! Надо называть вещи своими именами. Наш тайный совет — совет изменников!

— Что же делать?

— Есть две возможности: либо схватить Молодого короля и выдать Матиушу, либо махнуть на него рукой и удирать самим, пока не поздно.

Молодому королю стало известно о заговоре раньше, чем генералы разошлись по домам. Но что он мог сделать, когда против него был весь народ, все генералы, весь мир!

Он оседлал коня и галопом поскакал к Матиушу.

Осадив взмыленного коня перед окопами противника, Молодой король поднял руки вверх и стал размахивать белым платком. Всё ясно без слов: человек сдаётся. Солдаты взяли его в плен, отвели в штаб полка, оттуда — в штаб дивизии. Только в штабе армии узнали Молодого короля и тотчас сообщили в ставку.

Ставкой, или штаб-квартирой, называется помещение, где живёт полководец или король. В мирное время короли живут во дворцах, а во время войны в обыкновенных хатах, но для важности их называют штаб-квартирами.

Матиуш приказал всем выйти и остался наедине с Молодым королём.

— Ваше величество, в обращении к королям говорится, что благодаря мне вы узнали жизнь и закалили волю и что вы не сердитесь на меня. Ну вот...

И не договорив — бух на колени. Матиушу стало стыдно за него. До чего может трусость довести человека!

— Встаньте, ваше величество! Всё, что я написал, — сущая правда. Вам нечего бояться. Мечь не входила в мои расчёты, я должен был защищать свою родину.

Срочно созвали министров посоветоваться, как быть. И постановили: войска Молодого короля немедленно покинут чужую территорию,

а Молодой король временно поселится во дворце Матиуша. И будет ждать, что решит его народ.

Но армия и народ не стали дожидаться распоряжений Молодого короля. Солдаты разошлись по домам, а народ провозгласил в стране республику. Молодому королю назначили пожизненную пенсию, чтобы не умер с голоду. Ни для кого не секрет, что он умел работать только языком. Пусть делает что хочет, живёт где хочет, но при одном условии: не пакостить и не интриговать.

Воротился Матиуш в столицу, но не радуют его ни развевающиеся знамёна, ни нарядные толпы, ни приветственные клики, ни пушечная пальба в его честь.

«Конечно, когда человеку хорошо, друзей хоть отбавляй. Но истинные друзья познаются в беде», — думал Матиуш.

Одно его порадовало: дети впервые вышли на улицы с зелёными знамёнами и полиция их не разгоняла.

Прямо с вокзала Матиуш поехал в парламент.

— Миссия моя окончена, — заявил он. — У вас есть министры, управляйте страной сами. Только помогите мне найти работу на фабрике. Я хочу сам зарабатывать себе на хлеб. Сниму каморку, буду работать и ходить в школу.

Депутаты просят Матиуша отказаться от этой затеи. Предлагают ежемесячно выплачивать ему деньги, чтобы он по-прежнему жил в королевском дворце. Но Матиуш ни в какую.

Ну, ладно, пусть тогда напишет книжку о своих приключениях. Её напечатают, и он получит много денег. Народ обожает книжки про королей, про необыкновенные приключения и про бандитов. Матиуш и на это не согласен.

— Хочу работать на фабрике, учиться в школе и жить как все.

Видят депутаты: просить бесполезно. И кое-кто решил извлечь из этого выгоду для себя.

И вот владелец папиросной фабрики предложил Матиушу работать у него. «Весть об этом моментально разнесётся по стране, и все будут курить только мои папиросы», — смекнул хитрый делец. Это называется рекламой.

Другой сказал:

— На моей фабрике изготавливаются духи, и там очень приятно пахнет.

Фабриканты и торговцы вошли в такой раж, что позабыли о приличии. Они форменным образом вырывали Матиуша друг у друга из рук.

— Ах ты обманщик! У тебя на фабрике грязь непролазная!

— А у тебя темно и тесно, как в норе.

— А твои рабочие от голода еле ноги таскают.

— А у тебя станки допотопные. Их давно на свалку пора!

Тут встал депутат-рабочий и спокойно сказал:

— Господа, прекратите торговаться! Вы не на базаре, а в парламенте. Давайте лучше сделаем так: пусть каждый приведёт свою фабрику в порядок. Потом выберем комиссию, и она решит. Где чище, светлей и воздуха больше, там и будет работать Матиуш. Прошу поставить моё предложение на голосование.

— Привести фабрику в порядок — это хорошо. Но голосовать не стоит, я сам найду себе место.

Закипела работа. Любо-дорого смотреть! Красят, убирают, перекладывают печи, чтобы грели лучше, устанавливают электрическую вентиляцию, строят новые туалеты и душевые для рабочих. А мастера вежливые, будто в пан-

сионе для благородных девиц учились. Через месяц фабрик не узнать. Все, как одна, сияют чистотой. Ещё бы! Каждому фабриканту выгодно заполучить Матиуша.

Комиссия осмотрела фабрики, а какую выбрать, не знает — все хороши. Из затруднительного положения вывел их сам Матиуш.

— Спасибо за хлопоты. Но я говорил, что сам подыщу себе место. Я буду работать у одного небогатого фабриканта. Он всегда больше заботился о нуждах своих рабочих, чем о прибыли. Поэтому у него не оказалось денег на ремонт. Но фабрика его пользуется доброй славой среди рабочих.

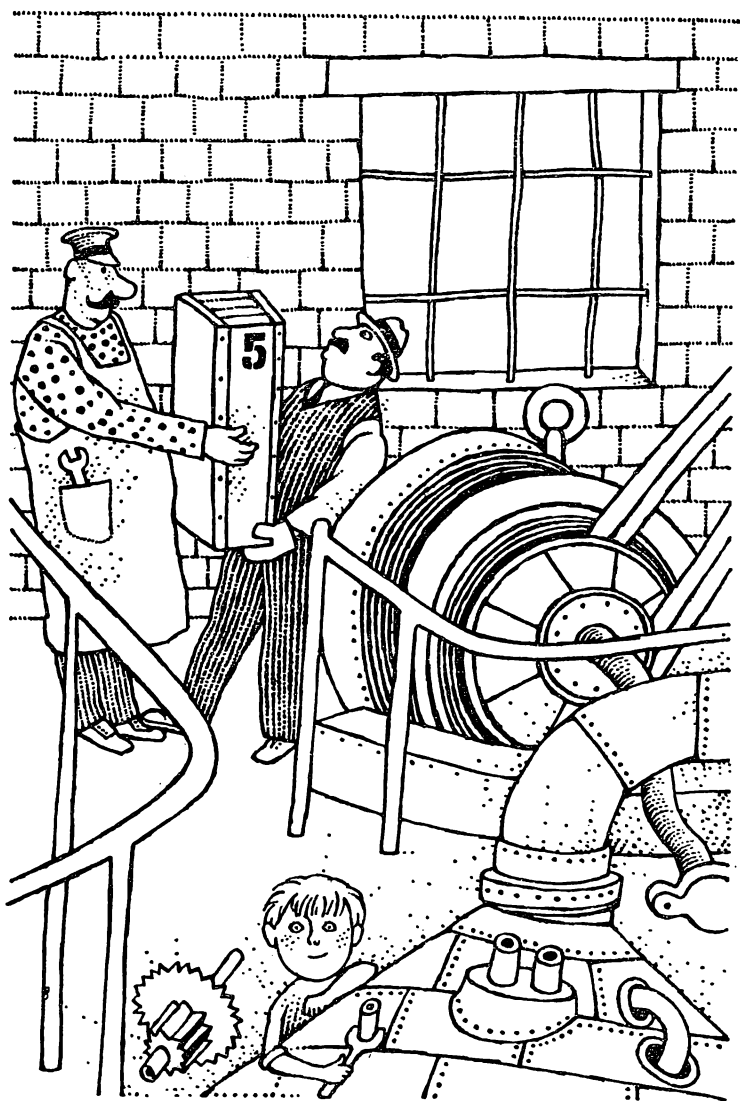
Фабрика, которую выбрал Матиуш, была небольшая и находилась на окраине.

Оказалось, учиться в школе и работать на фабрике невозможно: времени не хватает. Но Матиуш об этом не знал. Поэтому уговорились так: пока не овладеет ремеслом, он будет работать целый день наравне с остальными, а потом постарается делать всё побыстрее и уходить пораньше. Никто не возражал. Честность и принципиальность Матиуша были известны всем и каждому.

Матиуш снял комнатёнку в мансарде, с железной печуркой. На печке он разогревал завтрак.

Хлопот с хозяйством оказалось очень много. То щётки нет, то кастрюли, то ведра — и так без конца. Каждую вещь надо купить, а где денег взять?

Встаёт Матиуш чуть свет. Застилает кровать, чистит ботинки и брюки, растапливает печурку, кипятит чайник, подметает пол. Потом завтракает сам и кормит воробьёв: высыпает им хлебные крошки на подоконник. С собой берёт фляжку с кофе. А там, глядь, и выходить пора — скоро фабричный гудок!

Приятно каждый день встречать по дороге одних и тех же прохожих, наблюдать те же картины.

На лестнице здороваётся он с Янеком, который торопится по утрам в школу. Во дворе извозчик моет пролётку. Дворник подметает тротуар перед домом. Из лавочки напротив выбегает пёс и виляет хвостом, словно говорит Матиушу: «Здравствуй!»

Поначалу Матиушу не давали прохода зеваки: стоят, таращатся, показывают пальцами.

— Матиуш идёт!

— Глянь-ка, король Матиуш!

Но все зеваки в мире на один образец: ничто долго не занимает их внимания. Им всё время подавай что-нибудь новенькое, диковинное, как говорится, сенсационное — неважно, если это ерунда и пустяковина.

Матиуш скоро потерял для них интерес, и они перестали его замечать. Подумаешь, невидаль! Тысячи точно таких же парнишек ходят на фабрики, а вечером, чумазые, возвращаются домой.

Зато хорошие, серьёзные люди с каждым днем все больше уважали Матиуша. Старые рабочие первыми здоровались с ним. Девочка, которую он встречал по утрам, приветливо улыбалась ему и ласковым голосом говорила:

— Добрый день!

Кто она и как её зовут, Матиуш не знал. Но ему казалось, будто они давным-давно знакомы.

Каждый день встречал Матиуш одну старушку с кошёлкой. Старушка семенит мелкими шажками, останавливается то и дело, чтобы дух перевести, кашляет и добрыми глазами поглядывает на Матиуша, словно благодарит за что-то. На фабрике попытались подсунуть Матиушу работу полегче, но он запротестовал:

— Если вы считаете, что мне это не под силу, я поищу себе другое место. А поблажки мне не нужны.

Но на фабрике дорожат Матиушем. И работник он добросовестный, и честь для фабрики большая, да и дело лучше спорится, когда рядом у станка стоит мальчик, который королевской короне и роскоши предпочёл тяжёлый труд и лишения.

Как-то само собой получилось, что жильцы дома, где поселился Матиуш, рабочие на фабрике, даже население улицы — одним словом, все стараются сделать Матиушу приятное.

Раньше эта захолустная окраинная улочка славилась скандалами, драками, кражами, так что полиции здесь всегда хватало дела. А теперь смутьяны и забулдыги притихли, присмирели. Кто-то из ребят выставил на подоконник горшок с цветком, и на другой день цветы появились во всех окнах. Пусть Матиуш радуется, глядя на зелень. Даже дворники стали чище мести мостовую. Словом, улица преобразилась. И полицейские с непривычки даже заскучали.

Однажды Матиуш нашёл под дверью письмо

☀ Дорогой ^{король} Матиуш!

С тех пор как ты поселился на нашей улице, моего отца не узнать — он перестал пить, не бьёт маму, не ругается.

«Матиуш подал мне пример, как надо жить,» — говорит он.

Спасибо тебе. Зоя.

Матиуш догадался: наверно, это та самая девочка, которую он ежедневно встречает по дороге на фабрику. Потом он не видел её целую неделю. Значит, ходит другой дорогой — стесняется.

Однажды к Матиушу заявился Фелек. В грязном, худом, несчастном оборванце Матиуш с трудом узнал своего весёлого, озорного товарища. У Матиуша сжалось сердце. Когда беда стрясётся с человеком тихим, печальным, перемена не так заметна.

— Фелек, что с тобой?

Тот молчит, только слёзы катятся по грязным щекам.

— Фелек, скажи, что случилось?

Фелек пожал в ответ плечами. Не хочет говорить, значит, стыдится. Надо помочь товарищу.

— Где ты живёшь?

— Под мостом.

— Ты голодный?

Молчание.

— Ты где-нибудь работаешь?

— Я ничего не умею делать.

— Сначала и я не умел. Но кто хочет, тот научится.

— А я не умею хотеть.

— Захочешь — научисься.

Фелек остался у Матиуша, и они зажили вдвоём.

Матиуш встаёт чуть свет, а Фелек спит.

«Устал, бедняга, пускай отдохнёт», — думает Матиуш.

День за днём проходит, Фелек отдыхает, а Матиуш работает за двоих. Пришлось продать отцовские часы. Когда Матиуш отрёкся от престола, казначей выдал ему из королев-

ской сокровищницы бриллиантовый перстень отца, мамины серьги и вот эти часы. Если бы не Фелек, он ни за что не расстался бы с этими вещами, которые напоминали ему о родителях. Но нужно было купить Фелеку койку, одежду, и денег на еду уходило теперь вдвое больше.

Фелек сидит дома и курит папиросы. Накупил каких-то дурацких книжек, но даже читать ему лень.

Поэтому Матиуш очень обрадовался, когда Фелек изъявил желание пойти на фабрику.

— А меня примут? — с сомнением спросил он.

Матиуш заранее переговорил с мастером, но Фелеку ничего об этом не сказал. Ещё подумает, что он для Матиуша обуза и ему хочется от него избавиться.

— Может, отдохнёшь ещё?

— Нет, хватит!

Теперь по утрам они вдвоём шагают на фабрику. Дорогой болтают о всякой всячине. С товарищем идти веселей.

А о том, что было, Фелек так и не обмолвился ни словом. Если стыдится, значит, нечем похвастаться.

— Вот тут приводной ремень, зазеваешься — и прощай рука! — предостерёг его Матиуш. — Два года назад одному парнишке руку оторвало. А тут тоже гляди в оба, не то шестернями затянет.

— Ладно, ладно, — говорит Фелек.

Прошёл месяц, и Фелека не узнать. Он освоился на новом месте, повеселел: поёт, насвистывает, шутит. Одним словом, другим человеком стал.

Друзья работают рядом и всю неделю проводят вместе. Только по воскресеньям рас-

стаются: Матиуш остаётся дома, а Фелек куда-то уходит.

Когда он возвращается, Матиуш точно не знает: он оставляет дверь открытой, а сам ложится. Но, видно, поздно, потому что в понедельник с трудом продирает глаза.

Матиуш не спрашивает его, где тот пропадает по воскресеньям: не хочет, чтобы Фелек расспрашивал, чем он занимается дома.

А Матиуш, оставшись один, пишет книгу. Это немножко сказка, немножко быль. Ему не хочется, чтобы об этом знали, пока он не кончит, и он прячет написанное в ящик комода под бельё.

Однажды между друзьями чуть не вспыхнула ссора. Матиуш проснулся утром и видит: по полу ошмётки грязи, окурки, на столе опрокинутая чернильница. Матиушу стало обидно: он в субботу всё вымыл, выскреб, навёл порядок.

— Опять ноги не вытер?

— Не вытер, ну и что? Я не такой чистюля, как ты. Чай, не во дворце рос. Коли надоел — прогони. Хозяин здесь ты, я из милости у тебя живу.

— Ты мой гость.

— Хорош гость — пол заляпал грязью, чернила разлил.

Матиуш не стал спорить: испугался, как бы Фелек в самом деле не ушёл.

Но Фелек не успокоился. Как будто бес в него вселился. И дома, и на фабрике из-за любого пустяка привязывается. Сразу видно, предлог ищет для ссоры.

Неделю человек как человек — весёлый, уживчивый, а потом два-три дня его не узнать, словно подменили. Ворчит, ругается из-за всякой ерунды: из-за молотка, табуретки, крючка на вешалке.

— Здесь я всегда пальто вешаю! Какая скотина посмела занять мой крючок?

А сам отлично знает: это пальто мастера. Нарочно говорит, чтобы разозлить его.

Рабочие спускают ему всё из уважения к Матиушу. Но Фелек совсем потерял чувство меры, зарвался. Ясно, работу хочет бросить, но прямо этого не говорит, а ждёт, когда его выгонят.

По Матиушу не поймёшь, замечает он, что с Фелеком творится, или нет. Стоит за своим станком и прилежно работает, иногда лишь поднимет на минутку голову и скажет:

— Брось, Фелек! Перестань! Как тебе не стыдно!

Однако Матиуш всё видит, всё замечает. «Фелек не находит себе места, нервничает, как почтовая крыса, когда ей пора в путь», — думает он.

И вот наступил последний, роковой понедельник. Уже по дороге с Фелеком творилось что-то неладное. И фабрика не по нём: паршивая душегубка, где из человека выжимают последние соки. И у мастеров — солома в голове. И станки давно на свалку пора. А инструменты хозяину бы в физиономию швырнуть.

— Ну и фабрику ты себе выбрал!

— Я ведь тебя насильно не тащил на эту фабрику. Не нравится — поищи себе другую работу.

— Обойдусь без твоих советов. Сам знаю, что делать.

На этом разговор оборвался, и они молча пошли к фабричным воротам.

Начался обычный трудовой день.

Матиуш стоит за станком и думает о своей сказке, которую вчера кончил.

«Надо Фелеку прочесть, может, он успокоится».

Когда он писал свою сказку, то вспоминал о дикарях, о Молодом короле, о товарищах по тюрьме, и ему казалось, она должна смягчить сердце самых чёрствых людей.

Задумался Матиуш, а руки сами выполняют нужные движения. Он так погрузился в свои мысли, что не замечает ничего вокруг. И вдруг слышит крик:

— Пусть мастер сам это делает! Тоже нашёл дурака! Я его не боюсь!

Дальше — больше.

— Дурак! Старый осёл! Идиот!

Дошло до того, что Фелек замахнулся на мастера.

Матиуш подскочил — хватить Фелека за руку.

— Фелек, что ты? Опомнись!

А Фелек как толкнёт Матиуша.

— Остановить мотор!

— Снимай ремень!

— На помощь!..

Всё произошло в мгновение ока. Мотор остановили. Матиуш лежал в луже крови.

— Дышит...

— За доктором скорей!

Фелек стоит рядом, смотрит не мигая, словно глазам своим не верит. А вокруг него образовалась пустота — все отпрянули, отодвинулись от виновника несчастья. Воцарилась мёртвая тишина. Все замерли в ожидании.

Был среди собравшихся старый рабочий. За тридцать лет многое повидал. И он первый произнёс вслух то, о чём думали все.

— Конец...

Матиуш лежит в больнице, в отдельной палате. Операция прошла удачно. К нему вернулось сознание, и в благодарность за то, что он

ещё жив, он пожал доктору руку. Нехорошо умереть внезапно, ничего не сказав напоследок. Матиуш закрыл глаза, словно вспоминает, что ему нужно сказать. Но он очень ослабел, и его сморил сон.

— Принесите, пожалуйста, мою шкатулку, — сказал он, проснувшись.

Автомобиль мчится к дому Матиуша.

И весть о том, что Матиуш пришёл в сознание, что появилась надежда, облетела весь город.

— Он будет жить, мы его спасём, — говорят доктора.

В шкатулке, переложённые тоненькой зелёной бумагой, лежали: ракушки, камешек, засохший листок салата, чёрный как уголь кусочек сахара, фотография матери, бриллиантовый перстень и серьги королевы.

Здоровой левой рукой вынимает Матиуш из шкатулки по очереди свои сокровища, осматривает и кладёт обратно. И вдруг лицо его осветила улыбка.

«Матиуш улыбается», — моментально разнеслось по городу.

«Матиуш спит».

«Матиуш выпил молоко».

Радуются дети, радуются доктора — весь город ликует.

«У Матиуша снова жар».

И город погружается в печаль.

«Матиуш велел позвать Фелека».

Думали, Матиуш забыл о нём. Матиушу необходим покой. Доктора опасаются, как бы он не разволновался при виде Фелека. Решили держать его поблизости, но к Матиушу не пускать. Может, он больше не вспомнит о нём.

Матиуш снова заснул. А когда проснулся и поднял ресницы, по глазам видно: ждёт кого-то.

— Клу-Клу приехала?

Ах вот кого он ждал! Да, Клу-Клу приехала вчера. Как только телеграф принёс страшное известие, она, бросив всё, на аэроплане, на пароходе, на поезде, без остановки, без передышки примчалась в столицу.

— Позовите ко мне Клу-Клу и Фелека,— чуть громче сказал Матиуш.

Они вошли и остановились возле постели.

— Фелек, ты не огорчайся... Клу-Клу, это моя последняя просьба...— Голос оборвался, продолжать не было сил.— Фелек, возьми этот перстень, а серьги — тебе, Клу-Клу... Фелек, тебе трудно будет здесь жить. Поезжай с Клу-Клу... А когда вы станете большие...

Матиуш закашлялся. На его улыбающихся губах показалась кровь. Он опустил веки и больше уже не поднял.

По городу пронеслась весть: «Матиуш умер».

Печальная весть облетела всю страну.

И весь мир.

Матиуша похоронили на необитаемом острове, на вершине скалы. Ало и Ала украсили могилу цветами, и канарейки поют над ней свои нескончаемые песни.

ЯНУШ КОРЧАК И ЕГО КНИГА «КОРОЛЬ МАТИУШ ПЕРВЫЙ»*

Кто прочёл эту книгу, тот, наверное, захочет узнать что-нибудь про того, кто её написал. Ведь книга эта так непохожа на всё, что мы читали раньше,— очевидно, и автор был незаурядным человеком. И это правда: Януш Корчак был человек необыкновенный. Он прожил удивительную жизнь, достойную уважения, и умер как герой. Он оставил по себе благодарную память у тех, кто его знал и слышал о нём, а нам остались в наследство его книги.

Януш Корчак, польский писатель, родился и жил в Варшаве. Он соединил в себе три благороднейших призвания, три профессии, необходимые людям, в особенности детям: он был врач, педагог и писатель-сказочник. Талантливый и опытный врач, он был почитаем среди варшавской бедноты — лечил бесплатно тех, у кого не было денег, чтобы лечиться, и всегда был готов, днём и ночью, прийти на помощь больному. Особенно ласков был Януш Корчак с детьми. Он не только лечил их, когда они заболели, он заботился о том, чтобы они росли крепкими, добрыми и весёлыми. Ещё совсем молодым он собирал детей бедняков, которые не имели возможности выехать на лето за город, и устраивал общую детскую «дачу», где дети могли отдохнуть летом, гулять по лесу, купаться в речке, загорать на солнышке, дышать чистым свежим воздухом, собирать ягоды, грибы, орехи, питаться простой и здоровой пищей — и привыкали жить дружно, подчиняясь общему порядку и выполняя

*Печатается по изданию: Януш Корчак. Король Матиуш Первый. М., «Детская литература», 1972.

несложные обязанности по обслуживанию самих себя. Корчак сам жил с детьми в этой маленькой «колонии», был их воспитателем, совершал с ними прогулки по окрестностям, придумывал весёлые игры, полезные для здоровья и для развития ума и смекалки. А чтобы ребята приучались жить дружно, по-товарищески, не мешая друг другу, заботясь об общей пользе, Корчак научил их придумывать забавные и твёрдые правила, которые всеми должны были исполняться беспрекословно. Например: нельзя опаздывать к обеду, завтраку, ужину, потому что нехорошо заставлять всех ждать одного, когда кушанье уже готово и пора садиться за стол. И вот когда двое мальчиков, отправившись за цветами в дальний лес, заблудились и не пришли ни к обеду, ни к ужину, заставив всех волноваться, их, когда они наконец нашлись, ребята дружно решили отправить обратно в город. Конечно, потом их простили, потому что они раскаялись, да и причина была признана уважительной — ведь в городе у них никогда не было цветов...

Пожив с детьми в этой маленькой детской колонии, Януш Корчак открыл в своей душе такой огромный и неиссякаемый запас любви и нежности к этим маленьким человечкам, что уже не мог не думать о них постоянно. Он сам испытал на себе, что значат ранние невзгоды и лишения в детстве, — он рос сначала в семье обеспеченной, но после смерти отца семья бедствовала, и мальчику рано пришлось зарабатывать, чтобы поддерживать мать и родных. Жизнь его сложилась так, что своей семьи, своих детей у него не было, и он все свои силы, все заботы, всю любовь отдал чужим детям — сиротам. Он задумал нелегкое по тем временам дело: устроить в Варшаве Дом сирот, где могли бы жить, воспитываться, учиться дети, потерявшие родителей, и ему пришлось приложить немало усилий, чтобы выполнить свой замысел. Но Януша Корчака к этому времени уже хорошо знали в Варшаве — ему удалось затронуть сердца многих людей, удалось собрать деньги на постройку целого дома по своему плану. В этом доме были и мастерские, где дети учились разным ремёслам, целый этаж был отведён под классы, где дети учились, как в обычной школе; на другом этаже были спальни и комнаты, где дети могли собираться — играть в разные игры или на собраниях решать общие дела. Ведь в Доме сирот всё управление было в руках самих ребят, которые выбирали для этого совет. Был и суд, который разбирал

все проступки ребят и устанавливал наказания. Был придуман длиннейший и подробнейший «Кодекс», которым руководствовались ребята,— в нём было 1000 параграфов, на все случаи жизни. Всякий новичок, поступивший в Дом, должен был пройти «испытательный срок» под руководством выделенного ему старшего воспитанника и, только поняв весь распорядок Дома и привыкнув к нему, получал такие же права, как остальные. А на самом вершине Дома, на чердаке, была комната Старого Доктора. Его самого редко можно было застать там, но комната никогда не пустовала: в ней либо отлеживался какой-нибудь заболевший ребёнок, либо сюда прибегали решить какой-то спор, либо приносили птицу со сломанным крылом, либо тут отогревался какой-то заблудший котёнок или щенок... Об этом Доме можно без конца рассказывать — столько смешных и весёлых историй там было, столько озорства и выдумок, столько хороших и честных людей выросло там и вышло оттуда в жизнь.

Когда фашистская Германия напала на Польшу и гитлеровцы заняли Варшаву, фашисты стали преследовать население, особенно евреев. Многих людей тогда выселяли из города и отправляли в фашистские лагеря: Трельлинку, Майданек, Освенцим — и там убивали тяжёлой работой, голодом, сжигали в крематориях. Очередь дошла и до Дома сирот. Фашистские начальники объявили, что дети из Дома сирот должны покинуть Варшаву и отправиться в лагерь. Дети, конечно, не понимали, что это значит, но Януш Корчак знал. И вот в Доме сирот последний завтрак. Дети одеваются, им сказали, что их повезут за город. Корчак ласково помогает детям одеваться, устанавливает их парами... И вот по Варшаве идёт печальное шествие. Корчак ведёт за руки малышей, а когда они устают, несёт их на руках. Украдкой, сквозь спущенные занавески окон варшавяне со слезами следят за уходящими — запрещено выражать сочувствие, запрещено вмешиваться. Детей приводят на вокзал, высаживают в вагоне. Один из офицеров СС подходит к Корчаку — он свободен, может уйти, говорят ему. Но Старый Доктор смотрит гневно: разве он может оставить своих детей?! Поезд трогается, и всю дорогу Корчак рассказывает ребятам сказку, показывает им в окно зелень деревьев, высокое синее небо, ласкает малышей, успокаивает. Вместе с ними, со своими детьми, он вошёл в ворота фашистского лагеря и погиб в огне крематория.

Януш Корчак — врач и педагог — был в то же время и замечательным писателем. Им написаны и медицинские сочинения, и книги о воспитании детей, но больше всего запомнились людям его повести-сказки; две из них переведены на русский язык — «Когда я снова стану маленьким» и «Король Матиуш Первый».

«Когда я снова стану маленьким» — это повесть о том, как дети, вырастая, теряют детство, как потом взрослым хочется вернуть его, но оно невозвратимо, и потому надо беречь его, любить и ценить. Детям не надо спешить стать взрослыми, взрослым надо помнить своё детство и не мешать детям расти и радоваться жизни. Особенно это должны помнить родители и учителя, тогда и в семье и в школе будет дружно и весело. «Король Матиуш Первый» — самое большое и значительное произведение Корчака, в него он вложил так много своих дум о жизни, о детях, о человеческом счастье.

Есть книги, которые мы прочитываем с интересом и удовольствием и надеемся сохранить надолго впечатление от них; но приходит время, и в один прекрасный день, взяв с полки эту книгу и перелистав её, мы начинаем удивляться и спрашиваем себя: «Почему это так нравилось нам раньше? Чем мы так восхищались когда-то?» И мы даже сердимся, словно книга нас обманула. Но не надо сердиться: это мы выросли, а книга осталась та же, мы ушли от неё — вот и всё.

Но есть другие книги: чем старше мы становимся, тем больше нового и интересного открываем мы в книге, которую прочли когда-то. Словно заколдованное сокровище в сказке, книга заманивает нас в свою глубину, удивляет и радует всё новыми и новыми красотами — мыслями, образами, игрой фантазии, — мы находим в ней вопросы, которые сами себе задавали, и ответы на них, которые кажутся нам подозрительными. Мы следим за течением мыслей автора, соглашаемся с ним или спорим, мы даже вскакиваем порой с места и восклицаем: «Вот здорово!» Нашему воображению дан толчок, голова наша работает живей, сердце бьётся сильнее, всё вокруг преобразается, приобретает другой смысл, в нас закипают желания, хочется что-то сделать, что-то изменить в мире, кому-то помочь... Вот такая книга — «Король Матиуш Первый» Януша Корчака. Она вызывает множество самых разнообразных чувств и мыслей — читать её то смешно, то весело, то страшно и очень грустно. Не правда ли?..

Вы, наверное, читали увлекательную книгу Марка Твена «Принц и нищий»? Вы помните, как, поменявшись платьем, маленький принц и нищий оборвыш Том Кенти оказались: Том — в королевском дворце, принц — в жалком убежище бедноты, и как трудно пришлось обоим осваивать новое своё положение. Сколько побоев и насмешек пришлось испытать принцу, а поведение Тома, его незнание придворного этикета и мальчишеское простодушие внушило даже подозрение, что он ненормален. Кончилась эта история благополучно. Но обоим было полезно узнать на себе тяготы и человеческого бесправия, и королевской власти.

Я не случайно вспомнила эту книгу, которой издавна зачитываются школьники. Мне думается, что есть какая-то связь между «Принцем и нищим» и «Королём Матиушем Первым». В литературе часто бывает так, что одно произведение вызывает на спор и на продолжение и развитие темы в другом: такую преемственность мы наблюдаем часто, и это естественно, ведь литература, как и вся жизнь, как история земли и человечества, связана крепкими нитями с прошедшим, настоящим и будущим. Конечно, это только догадка, — не книга ли Твена натолкнула Корчака на то, чтобы написать «Короля Матиуша Первого», и уже не у кого спросить, так ли это: ведь Корчака нет в живых. Но я постараюсь объяснить, почему я так думаю.

Ведь и Твен, и Януш Корчак в своих книгах несомненно думали о власти, о неравенстве людей, о том, кто имеет право управлять людьми. Но думали они очень по-разному. Несмотря на сочувствие лондонской бедноте, несмотря на то, что Твен разоблачал жестокость неограниченной королевской власти, лицемерие и праздность придворного быта, всё же в «Принце и нищем» утверждается непререкаемое право наследственной королевской власти, и маленькому принцу придан некий ореол превосходства над другими людьми (даже Том, когда он вынужден играть роль короля, начинает чувствовать себя возвышенным над другими любовью народа и общим поклонением). А сам принц преисполнен сознания своего превосходства над людьми, своей «особенности», он не сомневается в своём праве властвовать над толпой. У Корчака же всё по-другому. Маленький Матиуш — просто одинокий, заброшенный, несчастный ребёнок, чужой в своём королевском дворце. Он рано лишился матери, а в начале повести теряет

и отца, остаётся, как говорят, круглым сиротой. Королевское звание не только не даёт ему преимущества перед другими детьми, а наоборот — всё время ограничивает его простые детские желания: он не может, как всякий другой мальчик, пойти играть на улицу с детьми, не может покататься на коньках с ними или побиться в снежки. И сын простого сержанта Фелек, которому доступно всё это, кажется Матиушу таким свободным и счастливым. В королевском дворце пусто и холодно, там господствует Порядок, заведённый сотни лет назад, который никто не решается менять. Матиуш своим детским живым умом видит, как много нелепостей вокруг, как много несправедливости, и, став королём и узнав, что его «королевская воля» может многого добиться, он мечтает изменить и улучшить жизнь. Сначала он, как всякий мальчишка, заводит себе друга — Фелека, и с ним он, как всякий мальчишка, стремится совершить подвиг на войне — и бежит на фронт. Но война оказывается совсем не такой, какой воображают её себе мальчишки; хорошо, что они встречают добрых и смелых людей, которые им помогают. И хорошо, что война кончается скоро и — победой. Матиуш возвращается в столицу весёлый и гордый и на радостях начинает управлять страной «по-своему». Вы помните, какая началась суматоха и сколько бед произошло от его «реформ»? Как он «избавил» детей от скучных занятий в школах, засадил за парты взрослых (что было не так плохо), а детей послал на фабрики и заводы, торговать в магазинах, следить за порядком на улицах, печь хлеб и булки (чего они не умели делать и что тотчас привело к печальным последствиям)...

Бедный Матиуш! Он чувствовал свою ответственность перед людьми и изо всех сил старался что-то сделать для них, но он ведь не знал, что именно надо делать. Он думал прежде всего о детях, потому что ему казалось, он знает, что им нужно. Он подарил Иренке куклу ростом до потолка, приказал выдать всем-всем детям в стране шоколад, он велел строить карусели и качели, загородные санатории для ребят. Чтобы добыть средства для этого, он съездил в Африку, подружился там с королём Бум-Друммом, который подарил ему много золота, и его дочкой Клу-Клу. Он выписал из Африки диких зверей для городского зверинца — ведь дети так любят смотреть на них и удивляться им. Но все эти добрые намерения Матиуша оборачивались дурными последствиями: не все дети получили шоколад (его утаили

для себя те, кто должен был раздавать), в загородных санаториях ребят плохо кормили (взрослые воспитатели брали продукты для себя), а клетку с дикими зверями забили запереть, и звери вышли на улицу, произведя панику среди населения... Чтобы узнать, что же нужно детям, Матиуш приказал устроить отдельный детский парламент, где маленькие депутаты высказывали бы свои нужды. Но ребята-депутаты думали каждый только о себе и требовали кто часы, кто велосипед, мальчишки бранили девчонок, девчонки — мальчишек, детский парламент стал местом драк и потасовок, и его пришлось закрыть. К тому же старый друг Матиуша, Фелек, вдруг потребовал, чтобы его сделали бароном и назначили ему высокое жалованье, стал надменным и захотел распоряжаться. А этого Матиуш терпеть не мог. Отношения со взрослыми тоже не принесли Матиушу радости.

С какой великолепной насмешкой изобразил Корчак бесконечные споры и распри между королями, собравшимися на съезде, который был устроен, чтобы помирить их. Вообще книга Корчака — замечательная пародия на весь капиталистический строй и уклад жизни.

Но сам Матиуш никогда не вызывает у автора насмешки — напротив, Корчак явно сочувствует своему маленькому герою, любит его. Чем же он мил и ему и нам? Да прежде всего именно этим ранним чувством ответственности за всё и всех, бескорытием — ведь Матиуш ничего не хочет для самого себя, удивительной правдивостью и честностью, а больше всего добротой, которой щедро — от своего доброго сердца — наградил его Корчак.

Разочаровавшись в своих напрасных усилиях устроить счастливую и привольную жизнь в своей стране, Матиуш решает добровольно отправиться на необитаемый остров, отказавшись от королевского звания. Эта часть книги — «Матиуш на необитаемом острове» — написана Корчаком совсем в другом ключе: она лирична, полна раздумья и тихой грусти, и юмор, никогда не покидающий автора, здесь мягкий и добродушный, как добрая усмешка взрослого, незаметно наблюдающего за ребёнком. И в самом деле, Матиуш здесь более, чем когда-либо, предстаёт перед нами просто ребёнком, подростком, одиноким, словно перенёвшим тяжёлую болезнь разочарования в жизни и в себе самом. Теперь это уже не король, из своего королевского детства он взял только портрет матери да клетку с канарейкой. Здесь, на

острове, наедине с природой, Матиуш переживает тот удивительный период перехода от детства к отрочеству, какой переживают все подростки, одарённые способностью наблюдать и размышлять. Тысячи вопросов встают перед Матиушем. И на все он должен ответить сам. Не у кого спросить, не с кем поспорить. Иногда Матиушу кажется, что в голове у него ведут спор, а иногда настоящий бой самые разные мысли — маленькие человечки.

И вот Матиуш, как почти всякий подросток, живущий летом на природе, в одиночестве, заводит дневник. «Мои мысли и поступки» — озаглавливает он этот дневник. На первой странице он пишет, какие книги хотел бы прочесть. Вы, конечно, запомнили это, потому что сами мечтали или мечтаете прочесть, например, «книгу, в которой рассказывается про все науки,— чтобы выбрать самую интересную и с неё начать». Я уверена, любой из вас с интересом прочёл бы книги, о каких мечтал Матиуш, только, к сожалению, далеко не все они написаны.

В дневнике Матиуш записывал:

«Сегодня я думал: что такое вода? То она жидкость, то пар, то лёд. Какая же она взаправдашняя: лёд, пар или вода?

Человек тоже бывает разный.

...Сегодня день моего рождения...

Понятно, я расту, но как-то не верится, что я когда-нибудь буду большим и старым. Чудно!

...Сеть лучше удочки, потому что рыбам не больно и можно их выпустить обратно в море.

...В старину для освещения служила лучина, потом свечи, потом керосиновая лампа, потом газ, а теперь электричество. Интересно, что придумают ещё?

...Как делаются открытия?»

Признаемся; у кого из нас не было таких мыслей, таких вопросов — в дневнике или просто в голове? Матиуш, как зеркало, отражает нас самих, когда нам было 12 — 13 лет. Но судьба приготовила ему новые необычные и тяжкие испытания: его похищают с острова, бросают в каторжную тюрьму, где му приходится добывать из-под земли уголь и где никто не знает, кто он такой и в чём виноват. Однако везде, даже среди закоренелых преступников, находят люди, которые жалеют ребёнка. Матиушу помогают бежать. А когда вновь начинается война, он направляется в свой город, надеясь спасти его от захвата солдатами Молодого короля. Правда, сол-

даты Молодого короля не любят его, не хотят воевать для него, дезертируют и даже покушаются на жизнь своих командиров. И Молодой король в страхе перед своими солдатами сдаётся в плен Матиушу. Матиуш великодушно прощает его. Он не помнит зла и рад, что война так быстро кончилась, слава и почести ничуть не радуют его, и Матиуш окончательно покидает королевский дворец. Он не хочет никаких поблажек и привилегий, поступает простым рабочим на фабрику на окраине города и начинает жить самостоятельно, на свой заработок и своим трудом. Тут он снова встречается со своим прежним товарищем, Фелеком, который однажды является к нему оборванный, голодный, злой. Матиуш приютил его, устроил работать на фабрику. Но Фелеку не по душе такая жизнь, он плохо работает, прогуливает, ссорится с рабочими, даже с самим Матиушем. И вот какой печальный конец у Матиуша: он погибает от руки своего старого друга.

Неизвестно, как сложилась бы жизнь Матиуша дальше, может быть, он нашёл бы единственно верный путь к переустройству жизни — путь к новому строю, несущему подлинное равенство и братство людей и их свободу. Но когда Януш Корчак писал своего «Короля Матиуша Первого», он и сам, наверное, ещё не знал этого пути.

Но он, как никто другой, прекрасно знал детей — всяких: и дурных и хороших, и добрых и злых, и послушных и озорников, — знал, как трудно было ребёнку расти и становиться человеком в старом мире, где столько соблазнов, несправедливости, обманов и разочарований. И он создал своего Матиуша, вложив в него многое из своего детства, из своих переживаний, и дал его вам — в товарищи, как пример и как предостережение. Матиуш не научит вас плохому: он, может быть, по-детски, наивно откроет вам тайны того старого мира, который вы знаете только понаслышке, но который существует за морями и океанами и просто за земными рубежами вашей родины. Он расскажет вам и про главных шпионов королевства и про хитрого журналиста, который уверен, что в газетах надо писать неправду, и про многое, многое другое. И он будет напоминать вам о том, что тревожит всех добрых и честных людей на свете: «Война спит, но в любой момент может проснуться». Так говорит нам Януш Корчак устами своего Матиуша.

В е р а С м и р н о в а

Корчак Януш
К70 **Король Матиуш Первый. Король Матиуш на необитаемом острове: Повести-сказки. Для мл. школ. возраста/Сокр. пер. с польск. Н. Подольской; Послесл. В. Смирновой; Худож. В. Змеев.— Кишинев: Лит. артистикэ, 1986.— 543 с., ил.**

В книгу входят две сказочные повести замечательного польского писателя, врача и педагога, погибшего вместе со своими воспитанниками в газовой камере фашистского концлагеря. В повести о Матиуше Я. Корчак вложил свои раздумья, мысли о воспитании детей, о войне и мире, о человеческом счастье.

К $\frac{4803020000-165}{M756(12)-86}$ 2—20—86 («Издательские новинки»)

84.8.4П

Для младшего школьного возраста
Литературно-художественное издание
Януш Корчак

Король Матиуш Первый
Король Матиуш
на необитаемом острове

ПОВЕСТИ-СКАЗКИ
Художник Владимир Павлович Змеев

Редакторы А. Столова, Е. Рывкина
Художественный редактор С. Букур
Технический редактор М. Струнгарь
Корректоры Н. Чеботарь, А. Сосновская

ИБ № 2959

Сдано в набор 4.02.86. Подписано к печати 02.07.86.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2.
Гарнитура школьная. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 28,56. Уч.-изд. л. 23,50. Усл. кр.-отт. 29,19.
Тираж 150 000 (1-й завод 1—75 000). Заказ 145. Цена 1 руб.
Издательство «Литература артистикэ»,
277004, Кишинев, пр. Ленина, 180.

Центральная типография, 277035, ул. Флорилор, 1.
Государственный комитет Молдавской ССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.

1 руб.